

Виктор Александрович Потиевский

ОДНО ДЫХАНИЕ У ВСЕХ...

Вступительная статья к
сборнику “Полосатый Эргени”

Зверь сидел на земле, спиной к тропке, и со вкусом, чавкая и причмокивая, ел малину. Загребал передними лапами кусты и длинными чувствительными губами выбирал пахучие и сладкие ягоды. Огромный медведь, килограммов триста — триста пятьдесят весом, расселся у самой тропы, а на тропе, в метре от зверя, позади него, стоял, замерев от ужаса, человек...

Этот случай произошел однажды в августе в одном из районов Карелии. По лесной дороге двигался лесовоз. Водитель, остановив машину, стал спускаться к ручью, чтобы набрать ведро воды для радиатора, и наткнулся на лесного хозяина. Человек оказался с подветренной стороны, и увлеченный лакомством медведь не услышал и не заметил его. Зверю было хорошо и сладко.

А человеку в отличие от медведя вовсе сладко не было. Он стоял, боясь пошевелиться, и лихорадочно вспоминал, что же надо сделать, чтобы избежать беды, как поступить. Но он этого не знал. Такая ситуация в его жизни была впервые. Наконец он вспомнил, что когда-то слышал: если медведя сильно испугать, он убежит. И ошарашил зверя пустым ведром по голове. Оригинально, не правда ли? Если посмотреть со стороны, то даже непонятно, кто в этой ситуации более разумное существо.

А если поставить себя на место медведя? Сидит он дома, в лесу, лакомится лесными ягодами, никого не трогает. А тут такое дело... В данном случае медведь поступил, как поступил бы на его месте всякий нормальный человек. Взревел, встал и отвесил обидчику ответную оплеуху. И ушел ворча. Аппетит и настроение испорчены.

С тем человеком не случилось большой беды. Просто наука на всю жизнь. И страху, конечно, натерпелся, когда огромный медведь вопреки его ожиданиям не испугался и не убежал, а решил наказать его за невоспитанность.

А все почему? Потому, что со школьной скамьи нам вдалбливают очень примитивное толкование и объяснение всей жизни животных; их образа существования: инстинкты, рефлексy. И все. Никакой психологии, никакой, даже самой элементарной, рассудочной деятельности. А ведь на самом деле это вовсе не так.

Нужно ли всем знать: мыслят животные или не мыслят? Думает ли волк и медведь? И о чем? Могут ли понять дикие звери те или иные действия человека? Могут ли они верно

отреагировать на помощь человека в их трудной лесной жизни? Достаточно ли разумно ведет себя человек при неожиданных встречах с диким зверем? А таких встреч в нашей стране ежегодно случаются тысячи.

Науке уже давно известно, что рассудочная деятельность на элементарном уровне присуща и зверям, и птицам. К примеру, работы профессора Л. В. Крушинского о рассудочной деятельности волков были опубликованы еще в начале семидесятых годов (Москва, Изд-во МГУ). “Перенятие традиций, обучение щенков, коллективный, семейный, достаточно хорошо организованный образ жизни волков ничем иным, кроме рассудочной деятельности, объяснить быть не может”, — доказывают интереснейшие труды Л. В. Крушинского, написанные на основании многолетних исследований.

Ежегодно собирается в Москве всесоюзная рабочая комиссия по крупным хищникам (прежде она называлась “Комиссией по волку”) под председательством профессора Д. И. Бибикова, на которой анализируют исследования специалистов, положение дел в стране с волками, тиграми, медведями, леопардами. А главное — идет разговор о взаимоотношениях этих животных и человека.

К сожалению, все эти исследования и обсуждения, а также выводы комиссии остаются известными очень узкому кругу. Так уж сложилось, что в популярной, широкодоступной форме информация о жизни и психологии диких зверей доходит до широких читателей нечасто. Разве что появится в газете небольшой репортаж о том или ином неожиданном событии с тигром или медведем. А художественных книг о жизни диких зверей и того меньше. Но ведь книги такие необходимы читателям, которые должны познавать удивительный, но скрытый от них мир дикой природы. И познавать достоверно. Поэтому я глубоко убежден, что даже приключенческие книги о диких животных должны быть биологически достоверны.

Думается мне, что немалую отрицательную роль в дезинформации читателей сыграло и такое явление. В двадцатые — тридцатые годы выявился целый ряд писателей-анималистов. Книги их правдивые и увлекательные. Но официальной идеологической установкой было категорическое отрицание мышления у животных. Полное отсутствие даже элементов рассудочной деятельности. А если у какого-то писателя животные думают, то, значит, его книга пронизана идеологией “не нашей”. Буржуазной идеологией. Враждебной.

И все же в тех книгах животные были умными. Такими, какими они живут и по сей день на страницах знаменитых произведений Джека Лондона и Эрнеста Сетона-Томпсона. Такими, какими их и создала мать-природа.

И как-то незаметно книги тех авторов двадцатых — тридцатых годов перестали издаваться. А потом и фамилии их исчезли из справочников, из печати.

Но и судьба книги так же полна всяких поворотов, так же сложна, а порою и трагична, как и судьба человека. И потому может быть немало причин, по которым книга исчезает и забывается людьми.

В этой книге представлены многие из них: Ф. Марз, Н. Ловцов, А. Чеглок и др. Кроме того, без малоизвестных произведений таких авторов, как В. Гаршин, Н. Лесков, А. Толстой, книга тоже была бы неполноценной.

В сборник, например, включена повесть В. М. Гаршина “Медведи”, того самого Гаршина, чью сказку “Лягушка-путешественница” знают все. Звери показаны писателем правдиво, выразительно, впечатляюще. Один из мемуаристов свидетельствует, что для Гаршина содержание “Медведей” заключало в себе острый политический смысл. “Мне не позволяют писать о том, как вешают людей, я буду им писать, как расстреливают медведей” — так энергично, патетически воскликнул В. М. Гаршин при матушке, когда рассказ был принят к печатанию” (Соколов В. П. Гаршина // Исторический вестник, 1916. Кн. IV. С. 150). Рассказ был впервые напечатан в 1883 году. Писатель сумел обойтись без антропоморфизма, без очеловечивания зверей. Но тем не менее они у него привязаны к людям, к своим хозяевам — цыганам, и понимают всю трагедию происходящего. А раз они думают, соображают, значит, такая повесть тоже подходила под опасную категорию. И она издавалась только в полном собрании сочинений писателя.

Сергей Викторович Покровский — ученый и писатель. Все его произведения о животных достоверны биологически. Он много путешествовал, написал ряд произведений о насекомых,

птицах. Одна из главных его работ, на мой взгляд, — повесть “Охотники на мамонтов”, включенная в сборник. Действие происходит много тысяч лет назад. Уже тогда взаимоотношения человека и диких животных были сложны и остры, и уже тогда начинала возникать проблема конфликта между “царем природы” и его “младшими братьями”. Увлекательно и ярко автор раскрывает перед нами древние страницы жизни зверей и людей.

Нет возможности рассказать обо всех авторах, чьи произведения включены в сборник. Но сегодня, мне думается, важен подход к теме, к проблеме взаимоотношений человека и дикого животного. А он, этот подход, у каждого автора особенный. Но все они едины в своем добром понимании животного мира, в безграничной любви ко всему живому на земле, любви, которую они, эти авторы, передают как эстафету нам, дожившим до экологической катастрофы нашей планеты.

Для чего же все-таки нужно широкому читателю знать хотя бы в общих чертах о жизни диких наших соседей по планете! Только ли для того, чтобы уметь с ними обращаться? Находить с ними точки соприкосновения? Для этого, конечно, тоже. Чтобы сохранить нашу природу, чтобы она не отомстила людям за их безразличие и жестокость к ней? Конечно, и для этого. Но еще и для того, чтобы воспитывать человечность в наших детях. Потому что внимательное отношение к этим животным, беззащитным перед людьми существам, делает самого человека другим.

Подросток, помогающий егерю подкармливать лосей и кабанов, постепенно становится добрее и к животным, и к людям. А это, мне думается, — самое главное. Именно острый дефицит доброты у подрастающего поколения создает социальные взрывы, обнажающие оголенные и больные нервы общества. Преступность, наркомания, узость интересов, жестокость, безразличие. А в корне зла — острый дефицит доброты.

Может быть, я и не прав, но я глубоко убежден, что отдаление человека от “братьев наших меньших” тоже одна из составляющих “дефицита доброты”.

Работая над книгами о диких зверях, я наблюдаю, собираю материал. В том числе в заповедниках, в дикой тайге. И иногда поражает, как гармонично и целесообразно строят свою жизнь звериные сообщества, семьи. Какие сложные взаимоотношения между особями, членами семьи. Будь то волки или обезьяны. Как горд и выдержан вождь сообщества диких обезьян, живущих на вольном поселении в Дедеркойском ущелье под Туапсе. Его зовут Махмуд. У него высокая и густая грива. С сединой. Триста шестьдесят гамадрилов живут семьями. Каждая семья живет своей жизнью. Но рядом с другими. И все почитают вождя. Они не совсем дикие. Признают людей, относятся к ним спокойно.

С удовольствием принимают корм от егеря. Но живут свободно. И могут быть весьма агрессивными. Если их задеть или обидеть. У каждого свои привычки, свой характер. Сложные и тонкие отношения и в семье и во всем сообществе, разделенном на четыре стада. Они умеют постоять за себя. Даже волки опасаются, боятся обезьян, далеко обходят стороной Дедеркойское ущелье. Но перед человеком эти обезьяны совершенно беззащитны. Как, впрочем, и все другие животные.

Не менее сложные отношения и в сообществах диких кабанов или волков, в барсучьих семьях. Они так же многообразны и полны различных тонкостей и нюансов.

Если ученый-исследователь наблюдает, например, за семейством бобров, то животные понимают, что человек изучает их жизнь, и даже, бывает, как бы демонстрируют перед ним свое умение, искусство строить плотины.

Конечно, волк ничего показывать не будет. Но и он хорошо понимает, кто из людей его враг, а кто нет. И его волчья сверхосторожность, случается, уступает место любопытству, даже некоторой доверчивости, что ли. Хотя для волка это, конечно, редкость. Очень осторожный и недоверчивый зверь. Но ведь звери, как и люди, далеко не одинаковы. Каждый — это индивидуальность со своими привычками, привязанностями, слабостями, недостатками и достоинствами. Бывают звери туповатые, бывают талантливые. А бывают и коварные. Все как у людей.

Мне думается, в предисловии к такой книге будет уместным и мнение ученого, посвятившего всю свою жизнь исследованию ряда видов диких зверей, доктора биологических наук, профессора Д. И. Бибикова. “Судьба живой природы вызывает нарастающую тревогу. В

СССР уже существуют сотни участков и зон экологического бедствия. Еще непонятна величайшая ценность нетронутой природы, которая еще сохраняется кое-где в виде уникальных ландшафтов. На рубеже третьего тысячелетия именно эти сбереженные участки составят бесценное состояние для всего мира... Книги о животных помогают понять и оценить состояние и перспективу состояния, сохранения и выживания не только этих ландшафтов, но и самого человека. Огромное воспитательное значение — развитие у читателя интереса к живой природе. А это невозможно без раскрытия интимной жизни животных, их поведения, взаимоотношения. В таких рассказах и повестях читатель приобретает необходимые знания, у него возникают вопросы и тяга к дальнейшему познанию...

Многие годы советская философия, общественные и биологические науки не признавали элементов рассудочной деятельности у животных вопреки бесспорным фактам и экспериментам в природе, полученным натуралистами. Само понятие общественной жизни допускалось совсем недавно только для человеческого общества. В действительности же классические работы таких известных натуралистов, как К. Лоренс, Д. Даррелл, Э. Сетон-Томпсон, А. Формозов, Л. Крушинский, убедительно доказывают наличие сложной жизни, сложнейших взаимоотношений в сообществах животных, исследование которых сформировалось в самостоятельную науку (в середине нашего столетия), в этологию”.

Д. И. Бибиков считает, что выжить в нынешних нелегких условиях помогает животным “адаптация к изменению среды. У волков, например, при частом их преследовании, при интенсивных облавах наблюдается, что они раньше срока покидают гнездовья, логова, уводя щенков от повышенной опасности, раньше обычного переходят к кочевому образу жизни, тем самым как бы стимулируя акселерацию щенков. Продолжая о волках, интересно заметить еще такие любопытные особенности. Бывалые волки проходят облаву, флаги. И волчица, бывает, не раз возвращается в оклад, пытаясь увлечь за собой через флажки робких и нерешительных волчат”.

“На вершине трофической пищевой цепи находятся крупные хищники. Они, видимо, находятся и на вершине рассудочной пирамиды (во всяком случае, среди млекопитающих). И, как известно, именно эти звери уже многие тысячелетия конкурируют с человеком из-за пищи, что определило борьбу человека с этими животными и как следствие, исчезновение ряда видов. Мы потеряли туранского тигра, гепарда. На грани исчезновения в нашей стране барс (леопард)”.

Ученый видит один из путей к сохранению природы в сбережении целостности участков природного ландшафта — заповедников. И мне думается, что очень нужно сохранить в человеческих душах созданное в нас природой и неразвращенное жестокостью и безразличием, желанием разрушать, а не создавать. Именно это и остается жить в наших душах, когда мы приобщаемся к природе. Мудрой и древней. И когда начинаем заботиться о ней, понимать ее, чувствовать ее всем своим существом.

Многие тысячелетия складывались отношения между человеком и животными. Эти отношения шлифовались и оттачивались временем. И если сегодня лошадь и собака — домашние животные, то когда-то они были дикими. И, приманиваемые человеком и собственным любопытством, они добровольно пошли на службу к человеку. Добровольно. А человек сейчас уже рассматривает их зачастую вообще как неодушевленные предметы. Лошадь состарилась — на колбасу. Собака службу не может нести по возрасту — усыпить. Даже диких зверей человек рассматривает с крайне безнравственных позиций: если мясо годится в пищу или шкура — на шубу, на шапку, значит, полезное. Но в природе все прочно взаимосвязано. И сам человек, являясь частью природы, вряд ли имеет право уничтожать других жителей Земли для своих благ и тем более из-за прихоти. Но ведь совсем недавно люди стали признавать наиболее разумным доброе отношение к природе. Совсем недавно... Дай-то Бог, чтобы это признание не оказалось слишком поздним.

Мне хочется напомнить еще об одном свойстве, присущем диким животным. В трудные времена, когда им очень плохо, они нередко приходят за помощью к человеку. Я описал в одной из своих книг, как дикий кабан пришел к дому охотника, давнего своего врага. У зверя был нарыв, вызванный воткнувшейся в тело колючкой боярышника. И человек в этом случае спас его. Мне известен случай, когда медведь, одолеваемый тяжелой болезнью, пришел за помощью к человеческому жилью, известны подобные события, связанные с лосями и даже с волком.

Правда, это, как правило, происходит там, где человек живет на небольшом хуторе из одной-двух изб или в тайге.

Так что история, знакомая нам с детства, о том, как человек вытащил занозу из лапы льва, вовсе не сказка. Мы призваны помогать животным, потому что сильный должен помогать слабому. Но не все об этом помнят. И это беспамятство не только ожесточает людей, в том числе и по отношению друг к другу. Но еще и опустошает нашу Землю. А что будет делать человек на опустошенной Земле?

Хочется надеяться, что этот сборник малоизвестных произведений о диких животных найдет еще тысячи тех, у кого откроются глаза на мир природы, мир диких зверей. Глаза добрые и внимательные.

В великой книге времен — Библии сказано:

“... Потому что участь сынов человеческих и участь животных одна; как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества пред скотом; потому что все — суeta!” (Екклесиаст, гл. 3, стих 19).

Помните, люди, что у нас у всех одно дыхание. Одно у всех. Не остановите его.

Виктор Потиевский

А. К. Толстой

ВОЛЧИЙ ПРИЕМЫШ

1839 года, весною, был я свидетелем такого странного случая, какому в летописях охоты едва ли отыщется подобный. В Черниговской губернии, Мглинского уезда, в селе Красном Рогу лесничие донесли мне, что нашли убитую волчицу. Охотиться без ведома моего у меня запрещено, и я тотчас отправился в означенное лесничими урочище удостовериться, не чужими ли охотниками убита волчица.

При осмотре оказалось, что она не застрелена, но зарублена топором или другим каким-нибудь острым орудием; сосцы ее наполнены были молоком, и по всему было видно, что она недавно издохла. Я упоминаю об этих подробностях не потому, что считаю их важными, но чтобы не пропустить ни одного из обстоятельств, сопровождавших необыкновенное явление, которое мне случилось видеть.

Переворачивая волчицу с боку на бок, услышал я недалеко от себя сильный писк и вскоре заметил, что он выходит из волчьей норы или (по тамошнему местному выражению) язвы. Бывшие со мной охотники, по приказанию моему, раскопали язву и вытащили из нее, одного за другим, шесть маленьких, едва прозревших волчат. Я уже хотел удалиться с этой добычей, как услышал в той же язве еще другой, совсем особенный писк. Мы продолжали копать и, к величайшему удивлению своему, нашли в самой глубине маленькую лисичку, которая казалась немного старше волчат и была почти одного с ними роста. Я пустил всех семерых на землю, возле убитой волчицы, и они все семеро стали по ней ползать.

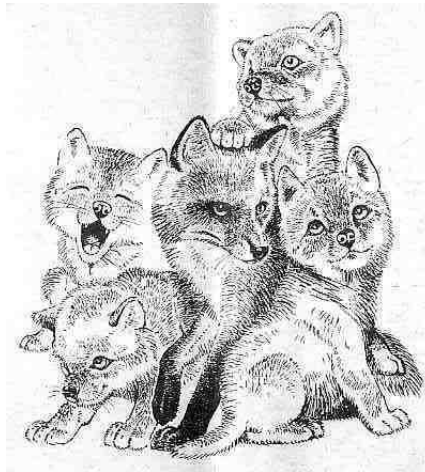
Волчата и лисичка жили у меня довольно долго в большой дружбе; они ели и спали вместе. Иногда только лисичка, будучи старше и проворнее, обижала волчат.

Сколько я ни старался узнать, каким образом она очутилась в волчьей норе, я не мог придумать для сего удовлетворительного истолкования. Ясные признаки показывали, что нора

была первоначально лисья. Известно, что волки часто выгоняют лисиц из их жилищ и сами селятся на их месте.

Может быть, волчица из всех маленьких лисичек, бывших в завоеванной норе, выбрала одну и вскормила ее со своими детьми; может быть, она пощадила ее по ошибке; может быть еще, она нарочно оставила всех найденных ею лисичек, вскармливала их собственным молоком и сама понемногу ими питалась. Предоставляю естествоиспытателям и старым опытным охотникам решение этого вопроса.

Кем и как была убита волчица, осталось мне также неизвестным.

Всеволод Михайлович Гаршин.

Медведи

На степной речке Рохле приютился город Бельск. В этом месте она делает несколько крутых излучин, соединенных протоками; все сплетение, если смотреть в ясный летний день с высокого правого берега долины реки, кажется целым бантом из голубых лент. Этот высокий берег подымается над уровнем Рохли сажен на пятьдесят и точно срезан огромным ножом так круто, что взобраться от воды наверх, туда, где начинается бесконечная степь, можно, только хватаясь за кусты бересклета, дерезы и орешника, густо покрывающих склон. Оттуда, сверху, открывается вид верст на сорок кругом. Направо к югу и налево на север тянутся холмы правого берега Рохли, круто спускающиеся в долину, как тот, с которого мы смотрим, или отлогие; некоторые из них белеют своими обнаженными от почвы меловыми вершинами и скатами; другие покрыты по большей части чахлой и низкой травой. Прямо на восток тянется безграничная, слегка поднимающаяся степь, то желтая от сенокосов, на которых густо разросся негодный молочай, то зеленеющая хлебами, то лилово-черная от поднятой недавно целины, то серебристо-серая от ковыля. Отсюда она кажется ровною, и только привычный глаз рассмотрит на ней едва уловимые линии отлогих, невидимых, глубоких лощин и оврагов, да кое-где виднеется небольшим возвышением старый, распаханый и вросший в землю курган, уже без каменной бабы, которая, может быть, украшает в качестве скифского памятника двор Харьковского университета, а может быть увезена каким-нибудь мужиком и заложена в стенку загона для скотины.

Внизу река, изгибаясь голубой лентой, тянется с севера на юг, то отходя от высокого берега в степь, то приближаясь и протекая под самую кручею. Она окаймлена кустами лозняка, кое-где сосною, а около города выгонами и

садами. В некотором расстоянии от берега, в сторону степи, тянутся сплошной полосой почти по всему течению Рохли сыпучие пески, едва сдерживаемые красною и черною лозою и густым ковром душистого лилового чабреца. В этих песках, верстах в двух от города, приютилось и городское кладбище; с высоты оно кажется маленьким оазисом с возвышающеюся над ним деревянной колоколенкой кладбищенской церкви. Сам город не представляет собою ничего особенно выдающегося и очень похож на все уездные города; впрочем, он выгодно отличается от своих собратий удивительною чистотою улиц, происходящею не столько от заботливости городского управления, сколько от песчаной почвы, на которой выстроен город; почва эта всасывает решительно всякое количество влаги, какое может произвести разгневанное небо, и тем приводит в большое затруднение городских свиней, которые должны отыскивать себе удобное помещение по крайней мере за две версты от города, в грязных, илистых берегах реки.

В сентябре 1875 года Бельск был необыкновенно взволнован. Обычная тишина жизни нарушилась; повсюду: в клубе, на улицах, на скамейках у ворот, в домах, происходили шумные разговоры. Можно было бы подумать, что происходившее в это время земское собрание с выборами заставило так волноваться жителей, но бывали и прежде земские собрания - и с выборами и со скандалами - и не производили никакого особенного впечатления на бельчан. Иногда только встретившиеся на улице граждане обмениваются короткими фразами:

- Были? - спросит один, указывая взорами на дом, где помещалась земская управа.

- Был! - ответит другой и при этом махнет рукою. А привыкший к способу выражения мыслей собеседник поймет без слов, в чем дело, и промолвит:

- Кто?

- Иван Петрович!

- Кого?

- Ивана Парфеныча.

Посмеются и разойдутся.

Но теперь было не то. Город шумел, как во время ярмарки. Толпы мальчишек бегали по направлению к городскому выгону и назад; солидные люди в широких летних парусинных и сырцовых шелковых костюмах направлялись туда же. Городские барышни с зонтиками, в разноцветных "панье" (тогда их носили), занимали собою всю ширину улицы, так что катавшийся в кабриолете на сером в яблоках не коне, а звере молодой купец Рогачов должен был натягивать вожжи и почти прижиматься к мазаным стенам домов. Барышень сопровождали местные кавалеры в сереньких пальто, с черными бархатными воротниками, с тросточками, в соломенных шляпах и - у кого были - в фуражках с кокардами. Братья Изотовы, коноводы всех общественных увеселений, умевшие во время кадрили кричать: "гранрон!" и "оребур!", неизменно присутствовали здесь, если не бегали по городу, сообщая знакомым дамам свежие новости.

- Из Валуйского уезда пришли! Полвыгона заняли, до самой реки, - говорил старший, Леонид.

- Я обозревал вид с вершины пристена, - прибавил младший, Константин, любивший выражаться изысканно. - Картина замечательная!

Пристенком назывался тот самый холм, откуда открывается вид на город и окрестности.

- Ах, какая мысль! Представьте! Знаете что: прикажем заложить линейку и поедем на пристен. Это будет вроде пикника. И посмотрим оттуда.

Это предложение первой дамы Бельска, жены брата казначея (почти весь город звал ее мужа, Павла Ивановича, братом казначея), дамы, приехавшей лет восемь тому назад из Петербурга и потому владычицы мод и хорошего тона, встретило общее сочувствие. Заложили толстого гнедого в экипаж, который попадает только в уездных городах и состоит из длинных дрог с двумя длинными подножками, так что едущие помещаются в два ряда, по шести-семи человек в каждом, и сидят друг к другу спиной; компания человек в двенадцать уселась на него и поехала по городу, обгоняя отряды мальчишек, ряды барышень и толпы всякого иного народа, подвигавшиеся к выгону. Линейка, проехав по песчаным улицам города, переехала через мост и направилась к высокому правому берегу реки. Гнедой упорным шагом, морща лоснившуюся шкуру своих ляжек, взобрался на двухверстный подъем, и через полчаса путешественники сидели на краю заросшего кустами пятидесятисаженного крутого склона и смотрели на знакомый вид. Внизу, под их ногами, под самой стеной, тихо текла подошедшая в этом месте река, а за нею расстилался выгон, на который и было устремлено общее внимание.

Он пестрел, как огромный ковер из лоскутьев. Видны были грязно-белые палатки, множество повозок, толпа пестрого народа: темные фигуры мужчин в кафтанах, серые грязные рубахи, яркие желтые и красные одежды женщин; толпа народа окружала все собравшиеся таборы цыган. Был чудный, немного жаркий и совершенно тихий день, на высоту, где сидели зрители, доносился говор тысячной толпы, тяжелые удары молота о мягкое железо, конское ржанье и рев десятков приведенных из нескольких уездов цыганских поильцев и кормильцев - ручных медведей.

Ольга Павловна смотрела на эту пестроту в бинокль и восхищалась.

- Ах, как это интересно! Какой большой! Посмотрите, Леонид, какой большой медведь, там, направо. И рядом с ним молодой цыган - совершенный Адонис.

Она передала бинокль молодому человеку, и он увидел фигуру стройного и очень грязного юноши, который стоял около зверя, переваливавшегося с лапы на лапу, и ласкал его.

- Позвольте и мне, - сказал толстый бритый господин в парусине и соломенной шляпе. Он внимательно смотрел несколько времени и, обернувшись к Ольге Павловне, сказал с тяжелым вздохом:

- Да-с, Ольга Павловна, Адонис. Но какой, я вам доложу, из этого Адониса конокрад выйдет - первый сорт.

- Mon Dieu! [*Боже мой!* - *фр.*] Вы непременно стараетесь перевести на прозу всякую поэзию. Почему конокрад? Я не хочу этому верить. Он так хорош.

- Хорошо-то хорошо... но как ему прикажете поддерживать свое прекрасное тело без этого медведя? Вот перебьют их завтра, и из этой тысячи цыган половина пойдет по миру.

- Они могут ковать, предсказывать...

- Предсказывать! Был у меня вчера Илья-коновал: вот поговорите с ним. "Хороши, говорит, у вас, Фома Фомич, серые, да только берегите от нашего

брата". - "А что, говорю, не ты ли стащишь?" Ухмыляется каналья! Предсказывать! Вот у него прорицания какие!

От линейки отвязали большую корзину, из которой появились яства и пития, и общество начало насыщаться, весело болтая и почти не обращая внимания на расстилавшуюся у их ног картину. Солнце садилось, огромная тень от холма быстро бежала на выгон, на город, на степь; очертания сглаживались, и, как это бывает на юге, день быстро сменился ночью. Далекие извивы реки заблестели холодным лунным светом; в городе показались огоньки; в цыганском таборе зажгли костры, красневшие сквозь туман, подымавшийся с уснувшей реки под пристеном. А наверху Константин и Леонид наперерыв рассказывали смешные анекдоты; Ольга Павловна изредка снисходительно улыбалась; барышни громко хихикали и иногда __ прыскали. Зажгли свечи в стеклянных колпаках; кучер и горничная раздували в кустах самовар, причем последняя по временам отчего-то взвизгивала, впрочем, весьма осторожно. Толстый Фома Фомич долго молчал и, наконец, перебил анекдот Леонида на самом интересном месте.

- Когда же, наконец, назначена эта медвежья казнь? - спросил он.

- В среду утром, - разом ответили братья Изотовы.

* * *

С четырех уездов сошлись несчастные цыгане со всем своим скарбом, с лошадьми и медведями. Больше сотни косолапых зверей, от маленьких медвежат до огромных стариков в поседевших и выцветших шкурах, было собрано на городском выгоне. Цыгане с ужасом ждали решительного дня. Многие, пришедшие первыми, жили на городском выгоне уже недели две; начальство ждало прихода всех переписанных к тому времени цыган, чтобы устроить разом большую казнь. Им было дано пять лет льготы после выхода закона, прекратившего промысел ручными медведями, и теперь срок этой льготы истек: цыгане должны были явиться в назначенные для сбора пункты и сами перебить своих кормильцев.

Они в последний раз совершали свой поход по деревням с знаменитою козою и ее барабанщиком, непременно спутниками медведей. В последний раз, завидев, как они спускаются со степи в яр, где обыкновенно расположены украинские слободы, толпа мальчишек и девчонок бежала к ним за версту навстречу и с ликованием возвращалась вместе с их нестройной толпой вниз, в слободу, где начиналось самое торжество.

Да, это было торжество! Они останавливались у кабака или у какой-нибудь хаты побогаче, а где была помещичья усадьба, то перед панским домом, и начиналось представление, лечение, торговля и мена, гаданье, ковка лошадей и починка телег; и чего-чего тут не было в долгий летний день до самого вечера, когда цыгане уходили за слободу, на толоку, растягивали там свои палатки или просто натягивали холстину на оглобли, зажигали костры и готовили себе ужин. И до поздней ночи вокруг табора стояла любопытная толпа.

- Ну, пора, пора, - говорит мне, маленькому мальчику, отец.

- Еще немножечко, еще немножечко!..

И отцу самому не хотелось уезжать. Мы сидели с ним на беговых дрожках; старый мерин Васька, повернув голову к огням и насторожив уши на медведей, стоял смирно, изредка фыркая; огни табора бросали дрожащий красный свет и

неопределенные колеблющиеся тени; легкий туман поднимался из лощины сбоку нас, а за табором расстилалась степь. Темные крылья ветряной мельницы рисовались на небе; за нею уходило безграничное таинственное пространство, окутанное серебристо-серым сумраком. Шум табора не заглушал тихих и чистых звуков степной ночи: то донесется из далекого пруда торжественный, звонкий хор лягушек, то звенящим треском раздастся мерный и торопливый крик дергача, то перепелы начнут кричать свое "пить пойдем! пить пойдем!", то откуда-то долетят непонятные, неведомые звуки, слабые и гармоничные; что это? звук ли далекого колокола, принесенный легким ветерком, или голос природы, языка которой мы не понимаем?..

Но в лагере все успокаивается; понемногу тушат ненужные огни; медведи, ворочаясь, звякают своими цепями и изредка глухо урчат под телегами, к которым прикованы; цыгане укладываются спать. Один из них отошел в сторону и горловым тенором запел странную песню на родном языке, не похожую на песни московских цыган и опереточных певиц, своеобразную, дику, заунывную, чуждую для уха, донесшуюся откуда-то из неизвестной темноты... Никто не знает, когда сложена она, какие степи, леса и горы породили ее; она осталась живым свидетелем старины, забытой и тем, кто поет ее теперь под чужим, горящим звездами небом, в чужих степях...

- Поедем, - говорит отец. Застоявшийся Васька бодро трогается с места, и дрожки катятся по извилистой дороге вниз, в лощину; легкая пыль слабо взвивается из-под колес и тут же, будто сонная, падает на слегка росистую траву.

- Папа, знает ли кто-нибудь по-цыгански?

- Сами они, конечно, знают, а из других я не видел никого, кто умел бы творить с ними.

- Я хотел бы научиться. Я хотел бы знать, что он пел... Папа, они язычники? Может быть, он пел про своих богов: как они жили, как воевали...

Мы возвратились домой, и я лежу под одеялом, а воображение все еще работает и создает странные образы в маленькой голове, уже склонившейся на подушку.

Теперь по деревням уже не водят медведей. Да и цыгане стали редко бродить: большей частью они живут в тех местах, где приписаны, и только иногда, отдавая дань своей вековой привычке, выбираются куда-нибудь на выгон, натягивают закопченное полотно и живут целыми семьями, занимаясь ковкою лошадей, коновальством и барышничеством. Мне случалось видеть даже, что шатры уступали место на скорую руку сколоченным дощатым балаганам. Это было в губернском городе: недалеко от больницы и базарной площади, на клочке еще не застроенной земли, рядом с почтовой дорогой, цыгане устроили целый маленький городок. Только смуглые глазастые лица, курчавые волосы, грязная одежда мужчин, грязные яркие тряпки женщин и нагие бронзовые ребятишки напоминали мне былую картину вольного цыганского табора. Из балаганов слышался лязг железа; я заглянул в один из них: какой-то старик ковал подковы. Я посмотрел на его работу и увидел, что это уже не прежний цыган-кузнец, а простой мастеровой, взявший заказ и работающий, чтобы поскорее кончить его и навалить на себя новый. Он ковал подкову за подковой, отбрасывая их одну за другой в кучу в углу балагана; он работал с мрачным, сосредоточенным видом, сильно торопясь; это было днем; проходя уже

довольно поздно вечером, я подошел к балагану и увидел старика за тем же делом. Это был уже фабричный. И странно было видеть цыганский табор почти внутри города, между земской больницей, базаром, острогом и каким-то плацем, где учились солдаты и поминутно раздавалось "на плечо! на караул!" - рядом с дорогой, с которой ветер поднимал тучи пыли, заноса ею и дощатые балаганы, и костры с котелками, в которых закутанные пестрыми платками цыганки варили какую-то кашу, и самих цыган, и их голых ребятишек.

Они шли по деревням, давая в последний раз свои представления. В последний раз медведи показывали свое артистическое искусство: плясали, боролись, показывали, как мальчишки горох воруют, как ходит молодница и как старая баба; в последний раз они получали угощение в виде стаканчика водки, который медведь, стоя на задних лапах, брал обеими подошвами передних, прикладывал к своему мохнатому рылу и, опрокинув голову назад, выливал в пасть, после чего облизывался и выражал свое удовольствие тихим ревом, полным каких-то странных вздохов. В последний раз к цыганам приходили старики и старухи, чтобы полечиться верным, испытанным средством, состоявшим в том, чтобы лечь на землю под медведя, который ложился на пациента брюхом, широко растопырив во все стороны по земле свои четыре лапы, и лежал, пока цыган не считал сеанса уже достаточно продолжительным. В последний раз их вводили в хаты, причем, если медведь добровольно соглашался войти, его вели в передний угол и сажали там, и радовались его согласию, как доброму знаку; а если он, несмотря на все уговоры и ласки, не переступал порога, то хозяева печалились, а соседи говорили:

- Шось такэ е! Бо вин зна!

Большая часть цыган пришла из западных уездов, так что им приходилось спускаться к Бельску двухверстным спуском, и, завидев издали место своего несчастья, этот городок с его соломенными и железными крышами и двумя-тремя колокольнями, женщины принимались выть, дети плакать, а медведи из сочувствия, а может быть, - кто знает? - поняв из людских толков свою горькую участь, так реветь, что встречавшиеся обозы сворачивали с дороги в сторону, чтобы не слишком перепугать волов и лошадей, а сопровождавшие их собаки с визгом и трепетом забивались под самые возы, туда, где хохлы привязывают дегтярную *мазницю с квачем*.

У ворот бельского исправника собралось несколько стариков цыган. Они приоделись, чтобы представиться начальству в приличном виде. На всех были черные или синие суконные бешметы с наборными серебряными с чернью поясами, шелковые рубахи с узеньким галуном по воротнику, плисовые шаровары, большие сапоги, у некоторых с расшитыми и прорезанными узором голенищами, и большей частью барашковые шапки. Это убранство надевалось только в самых торжественных случаях.

- Спит? - спросил высокий, прямой, пожелтевший от старости цыган выходившего из двора городского, одного из одиннадцати, обязанных охранять порядок в городе Бельске.

- Встает, одевается. Сейчас позовут вас, - отвечал городской.

Старики, до тех пор неподвижно сидевшие и стоявшие, зашевелились и начали тихо разговаривать между собою. Старший вынул что-то из кармана шаровар; все окружили его и смотрели на предмет, находившийся в его руках.

- Ничего не будет, - сказал он наконец. - Разве он что может? Разве это от него? Это из Петербурга, сам министр приказал. По всем местам медведей бьют.

- Попробуем, Иван, может, как-нибудь... - ответил другой старик.

- Попробовать можно, - отвечал уныло Иван. - Только и денежки он наши возьмет и ничем не поможет.

Их позвали к исправнику. Они вошли толпою в переднюю, и когда к ним вышел уса́тый человек в расстегнутом полицейском мундире, из-под которого была видна красная канаусовая рубашка, старики упали ему в ноги. Они просили его, предлагая ему деньги. Многие плакали.

- Ваше высокоблагородие, - говорил Иван, - сами посудите, куда мы теперь подадимся? Были у нас медведи - жили мы смирно, никого не обижали... Есть у нас молодцы, что и лихим делом промышляют; да, ваше высокоблагородие, разве конокрадов и русских мало? Никому от наших зверей обиды не было, всем утеха. Теперь же что будет? По миру должны мы идти, а не то ворами, бродягами быть. Отцы наши и деды медведей водили; земли мы пахать не умеем; кузнецы мы все, да ведь хорошо было кузнецами быть, за работой по всей земле ходя, а теперь работа к нам сама не пойдет. И будут наши молодцы ворами-конокрадами: некуда больше податься, ваше высокоблагородие. Как перед богом говорю, не скрываюсь: большое зло сделали и нам и всем добрым людям, медведей у нас отнявши. Может, вы нам поможете; бог вам за это пошлет, господин добрый!

Старик упал на колени и в ноги поклонился исправнику. Остальные сделали то же. Майор стоял с мрачным видом, поглаживая длинные усы и засунув другую руку в карман синих рейтуз. Старик достал довольно толстый кожаный бумажник и подал его.

- Не возьму, - мрачно сказал исправник. - Ничего не могу сделать.

- Да вы бы взяли, ваше высокоблагородие, - раздалось в толпе. - Может, что-нибудь... Вы бы написали.

- Не возьму, - громче прежнего сказал исправник. - Не за что. Ничего нельзя. Это закон... Вам пять лет льготы было дано... Что уж тут делать?..

И он развел руками.

Старики молчали. Исправник продолжал:

- Я сам знаю, какая это беда и вам и нам, - теперь только смотри за лошадьми; да что ж я могу поделаться? Ты, дед спрячь деньги: я даром денег не беру. Вот попадутся мне ваши ребята с конями - не прогневайтесь, но брать даром не в моих правилах. Спрячь, спрячь, старик: вам деньги пригодятся.

- Ваше высокоблагородие, - сказал Иван, все держа бумажник в руках, - дозвольте еще слово выговорить. Позвольте завтра... (его голос задрожал) - позвольте завтра покончить. Истомились мы, измучились. Две недели я вот пришел со своими, прожились вовсе...

- Еще одной партии, старик, нет; надо подождать. У меня с вами тут и так весь город с ума сошел. Надо разом.

- Да пришли уже, ваше высокоблагородие: как мы к вам пошли - с горы спускались. Сделай такую милость, господин! Не томи ты нас.

- Ну, если пришли, так завтра, часов в десять, я к вам приеду. Ружья у вас есть?

- Есть ружья, да не у всех.

- Хорошо, я попрошу полковника дать из команды. С богом! Жаль мне вас, очень жаль.

Старики пошли к двери, но исправник окликнул их:

- Пойдите, эй, вы! Вот я вам что скажу: вы пойдите к аптекарю, Фоме Фомичу, - знаете аптеку, подле собора? - пойдите, скажите, что я вас послал. Он у вас все сало медвежье скупит: ему оно в мазь пойдет. И шкуры, может быть. Хорошую цену даст; не пропадать же им так, в самом деле.

Цыгане поблагодарили и толпою отправились в аптеку. Разрывались их сердца; почти без торга продали они смертные останки своих друзей. Фома Фомич скупил все сало по четырнадцати копеек, а о шкурах обещал поговорить после. Случившийся тут же купец Рогачов, надеясь сделать хорошую аферу, сторговал все медвежьи окорока по пятаку за фунт.

Вечером того же дня братья Изотовы прибежали запыхавшись к казначееву брату.

- Ольга Павловна, Ольга Павловна, назначили на завтра! Все пришли! Уже и ружья полковник дал, - говорили они наперерыв. - Фома Фомич купил все сало по четырнадцати копеек фунт. Рогачов окорока...

- Пойдите, стойте, Леонид, - перебила Ольга Павловна, - зачем Фоме Фомичу медвежье сало?

- Для мазей; превосходная помада для рощения волос.

И при этом Константин рассказал интересный анекдот о том, как некоторый лысый господин, намазывая себе голову медвежьим жиром, вырастил себе волосы на руках.

- И должен был брить их каждые два дня, - заключил Леонид, причем оба брата разразились хохотом.

Ольга Павловна улыбнулась и задумалась. Она уже давно носила шиньон, и сведения о медвежьем сале пришлось ей по сердцу; и когда вечером аптекарь Фома Фомич пришел сыграть пульку с ее мужем и казначеем, она издалека завела разговор и ловко вынудила у него обещание прислать ей медвежьей помады.

- Непременно-с, непременно-с, Ольга Павловна. Даже с духами. Вы что предпочитаете - пачули или иланг-иланг?

Настало пасмурное, холодное, настоящее сентябрьское утро. Изредка накрапывал мелкий дождь, но, несмотря на него, множество зрителей обоего пола и всех возрастов пришли на луг посмотреть интересное зрелище. Город почти опустел. Все наличные экипажи: одна имевшаяся в городе карета, несколько фаэтонов, дрожек и линеек - были заняты перевозкой любопытных; они доставляли их к табору и возвращались в город за новыми партиями. К десяти часам все уже собрались.

Цыгане потеряли всякую надежду. В лагере не было большого шума: женщины забились в шатры вместе с малыми ребятами, чтобы не видеть казни, и только изредка из которого-нибудь из них вырывался отчаянный вопль; мужчины лихорадочно делали последние приготовления. Они откатывали к краю становища телеги и привязывали к ним зверей.

Исправник с Фомой Фомичом прошли вдоль ряда осужденных. Медведи были не совсем спокойны: необыкновенная обстановка, странные приготовления, огромная толпа, большое скопление их самих в одном месте - все приводило их в возбужденное состояние; они порывисто метались на своих

цепях или грызли их, глухо рыча. Старый Иван стоял возле своего огромного кривого медведя. Его сын, пожилой цыган, уже с серебристой проседью в черных волосах, и внук, тот самый юноша - Адонис, на которого обратила свое внимание Ольга Павловна, с помертвевшими лицами и горящими глазами торопливо привязывали медведя. Исправник поравнялся с ними.

- Ну, старик, - сказал он, - прикажи ребятам, чтоб начинали.

Толпа зрителей заволновалась, поднялся говор, крики, но скоро все стихло, и среди мертвой тишины раздался негромкий, но важный голос. Это говорил старик Иван.

- Дозволь, господин добрый, сказать мне слово. Прошу вас, братья, дайте мне первому покончить. Старше я всех вас: девяносто лет через год мне стукнет, а медведей вожу я сызмала. И во всем таборе нету зверя старше моего.

Он опустил седую курчавую голову на грудь, горько покачал ею и вытер кулаком глаза. Потом он выпрямился, поднял голову и продолжал громче и тверже прежнего:

- Потому и хочу я первый покончить. Думал я, что не доживу до такого горя, думал, и медведь мой любимый не доживет, да, видно, не судьба: своей рукой должен я убить его, кормильца своего и благодетеля. Отвяжите его, пустите на волю. Никуда не пойдет он: нам с ним, старикам, от смерти не бегать. Отвяжи его, Вася: не хочу убивать его, как скота на привязи. Не бойтесь, - сказал он зашумевшей толпе, - не тронет он никого.

Юноша отвязал огромного зверя и отвел немного от телеги. Медведь уселся на задние лапы, спустив передние вниз, и раскачивался из стороны в сторону, тяжело вздыхая и хрипя. Он был действительно очень стар; его зубы были желты, шкура порыжела и вылезла; он дружелюбно и печально смотрел на своего старого хозяина единственным маленьким глазом. Кругом была мертвая тишина. Слышно было только, как звякали о стволы и тупо стучали о пыжи шомполы заряжаемых винтовок.

- Дайте ружье, - твердо сказал старик.

Сын подал ему винтовку. Он взял ее и, прижимая к груди, начал говорить снова, обращаясь к медведю:

- Убью я тебя сейчас, Потап. Дай боже, чтоб старая рука моя не дрожала, чтобы попала тебе пуля в самое сердце. Не хочу я мучить тебя, не того ты заслужил, медведь мой старый, товарищ мой добрый. Взял я тебя маленьким медвежонком, глаз у тебя был выколот, нос от кольца гнил, болел ты и чах; я за тобой, как за сыном, ходил и жалел тебя, и вырос ты большим и сильным медведем; нет другого такого во всех таборах, что здесь собрались. И вырос ты и не забыл добра моего: между людьми у меня друга такого, как ты, не было. Ты добр и смирен был, и понятлив, и всему выучился, и не видел я зверя добрее и понятливее. Что я был без тебя? Твоею работою вся семья моя жива. Ты справил мне две тройки коней, ты мне хату на зиму выстроил. Больше еще сделал ты: сына моего от солдатчины избавил. Большая наша семья, и всех, от старого до малого младенца, ты в ней до сих пор кормил и берег. И любил я тебя крепко и не бил больно, а если виноват в чем перед тобою, прости меня, в ноги тебе кланяюсь.

Он повалился медведю в ноги. Зверь тихо и жалобно зарычал. Старик рыдал, вздрагивая всем телом.

- Бей, батюшка! - сказал ему сын. - Не рви нам сердце.

Иван поднялся. Слезы больше не текли из его глаз. Он отвел со лба упавшую на него свою седую гриву и продолжал твердым и звонким голосом:

- И вот теперь я убить тебя должен... Приказали мне, старик, застрелить тебя своей рукой; нельзя тебе больше жить на свете. Что же? Пусть бог на небе рассудит нас с ними.

Он взвел курок и твердой еще рукой прицелился в зверя, в грудь под левую лапу. И медведь понял. Из его пасти вырвался жалобный отчаянный рев; он встал на дыбы, подняв передние лапы и как будто закрывая ими себе глаза, чтобы не видеть страшного ружья. Вопль раздался между цыганами; в толпе многие плакали; старик с рыданием бросил ружье о землю и бессильно повалился на него. Сын бросился подымать его, а внук схватил ружье.

- Будет! - закричал он диким, иступленным голосом, сверкая глазами. - Довольно! Бей, братцы, один конец!

И подбежав к зверю, он приложил дуло в упор к его уху и выстрелил. Медведь рухнул безжизненной массой; только лапы его судорожно вздрогнули, и пасть раскрылась, как будто зевая. По всему табору затрещали выстрелы, заглушаемые отчаянным воем женщин и детей. Легкий ветер относил дым к реке.

- Сорвался! сорвался! - раздалось в толпе. Как стадо испуганных овец, все кинулись врассыпную. Исправник, толстый Фома Фомич, мальчишки, Леонид и Константин, барышни - все бежало в паническом страхе, натываясь на шатры, на повозки, падая друг на друга и крича. Ольга Павловна едва не упала в обморок, но страх придал ей сил, и она, подняв платье, бежала по луку, не думая о беспорядке в костюме, причиненном поспешным бегством. Лошади, запряженные в ожидавшие господ экипажи, начали беситься и понеслись в разные стороны. Но опасность была вовсе не так велика. Обезумевший от ужаса зверь, не старый еще темно-бурый медведь, с обрывком цепи на шее, бежал с удивительной легкостью; перед ним все расступалось, и он мчался, как ветер, прямо к городу. Несколько цыган с ружьями бежали за ним. Попадавшие на улице немногие пешеходы прижимались к стенам, если не успевали спрятаться в ворота. Ставни запирались; все живое попряталось; исчезли даже собаки.

Медведь несся мимо собора, по главной улице, иногда кидаясь в сторону, как бы отыскивая себе место, куда бы спрятаться, но все было заперто. Он промчался мимо лавок, встреченный неистовым криком приказчиков, которые хотели его испугать, пролетел мимо банка, прогимназии, казармы уездной команды, на другой конец города, выбежал на дорогу на берег реки и остановился. Преследователи отстали, но скоро из улицы показалась толпа уже не одних цыган. Исправник и полковник ехали на дрожках, с ружьями в руках; цыгане и взвод солдат поспевали за ними бегом. У самых дрожжек бежали Леонид и Константин.

- Вот он, вот он! - закричал исправник. - Жарь катать его!

Раздались выстрелы. Одна из пуль задела зверя; в смертельном страхе он побежал быстрее прежнего. За версту от города, вверх по Рохле, куда бежал он, находится большая водяная мельница, со всех сторон окруженная небольшим, но густым лесом; зверь направлялся туда. Но, запутавшись в рукавах реки и плотинах, он сбился с дороги; широкое пространство воды отделяло его от густой дубовой заросли, где он, может быть, мог бы найти если не спасение, то

отсрочку. Но он не решился плыть. На этой стороне густо разросся странный кустарник, растущий только в южной России, так называемый люциум. Его длинные, гибкие, неветвистые стебли растут так густо, что человеку почти невозможно пройти сквозь заросль; но у корней есть щели и прогалины, в которые могут пролезать собаки, а так как они часто ходят туда спасаться от жары и понемногу расширяют проход своими боками, то в густой заросли образуется со временем целый лабиринт ходов. Туда и кинулся медведь. Мукосеи, смотревшие на него из верхнего этажа мельницы, видели это, и когда прибежала запыхавшаяся и измученная погоня, исправник приказал оцепить место, где скрылся зверь.

Несчастный забился в самую глубину кустов; рана его от пули, сидевшей у него в ляжке, сильно болела; он свернулся в комок, уткнув морду в лапы, и лежал неподвижно, оглушенный, обезумевший от страха, лишавшего его возможности защищаться. Солдаты стреляли в кусты, думая задеть его и заставить зареветь, но попасть наугад было трудно.

Его убили уже поздно вечером, выгнав из убежища огнем. Всякий, у кого было ружье, считал долгом всадить пулю в издыхающего зверя, и когда с него сняли шкуру, она никуда не годилась.

Недавно мне случилось побывать в Бельске. Город почти не изменился: только банк лопнул, да прогимназия превратилась в гимназию. Исправника сменили, дав ему за распорядительность место частного пристава в губернском городе; братья Изотовы по-прежнему кричат "гранрон" и "оребур" и бегают по городу с рассказами о самых свежих новостях; аптекарь Фома Фомич потолстел еще больше и, несмотря на то, что сделал выгодное дело, скупив медвежье сало по четырнадцати копеек, а продав его по восьми гривен фунт, что дало в целом немалую сумму, до сих пор с большим неудовольствием говорит об избиении медведей.

- Говорил я вот тогда Ольге Павловне, какой из этого Адониса конокрад выйдет... Ну, и что же? Недели не прошло - свел мою пару серых, мерзавец.

- А вы знаете, что это он? - спросил я.

- Как же не он? Ведь его судили в прошлом году за конокрадство и разбой. На каторгу пошел.

- Ах, как мне было его жаль! - грустно сказала Ольга Павловна.

Бедная дама порядочно постарела за эти годы и, несмотря на то, что, по словам Фомы Фомича (который сказал мне это по секрету), она вымазала на свою голову фунта четыре медвежьей помады, волосы ее не только не стали гуще, но даже поредели. Впрочем, шиньон так хорошо закрывает их, что решительно ничего не заметно.

Н. Лесков

ЗВЕРЬ

И звери внимаху святое слово
Житие старца Серафима

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Отец мой был известный в свое время следователь. Ему поручали много важных дел, и потому он часто отлучался от семейства, а дома оставались мать, я и прислуга.

Матушка моя тогда была еще очень молода, а я — маленький мальчик.

При том случае, о котором я теперь хочу рассказать, — мне было всего только пять лет.

Была зима, и очень жестокая. Стояли такие холода, что в хлевах замерзали ночами овцы, а воробьи и галки падали на мерзлую землю окоченелые. Отец мой находился об эту пору по служебным обязанностям в Ельце и не обещал приехать домой даже к рождеству Христову, а потому матушка собралась сама к нему съездить, чтобы не оставить его одиноким в этот прекрасный и радостный праздник. Меня, по случаю ужасных холодов, мать не взяла с собою в дальнюю дорогу, а оставила у своей сестры, а моей тетки, которая была замужем за одним орловским помещиком, про которого ходила невеселая слава. Он был очень богат, стар и жесток. В характере у него преобладали злобность и неумолимость, и он об этом нисколько не сожалел, а напротив, даже щеголял этими качествами, которые, по его мнению, служили будто бы выражением мужественной силы и непреклонной твердости духа.

Такое же мужество и твердость он стремился развить в своих детях, из которых один сын был мне ровесник.

Дядю боялись все, а я всех более, потому что он и во мне хотел “развить мужество”, и один раз, когда мне было три года и случилась ужасная гроза, которой я боялся, он выставил меня одного на балкон и запер дверь, чтобы таким уроком отучить меня от страха во время грозы.

Понятно, что я в доме такого хозяина гостил неохотно и с немалым страхом, но мне, повторяю, тогда было пять лет, и мои желания не принимались в расчет при соображении обстоятельств, которым приходилось подчиняться.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В имении дяди был огромный каменный дом, похожий на замок. Это было претенциозное, но некрасивое и далее уродливое двухэтажное здание с круглым куполом и с башней, о которой рассказывали страшные ужасы. Там когда-то жил сумасшедший отец нынешнего помещика, потом в его комнатах учредили аптеку. Это также почему-то считалось страшным; но всего ужаснее было то, что наверху этой башни, в пустом, изогнутом окне были натянуты струны, то есть была устроена так называемая “Эолова арфа”. Когда ветер пробегал по

струнам этого своевольного инструмента, струны эти издавали сколько неожиданные, столько же часто странные звуки, переходившие от тихого густого рокота в беспокойные нестройные стоны и неистовый гул, как будто сквозь них пролетал целый сонм, пораженный страхом, гонимых духов. В доме все не любили эту арфу и думали, что она говорит что-то такое здешнему грозному господину и он не смеет ей возражать, но оттого становится еще немилосерднее и жесточе... Было несомненно примечено, что если ночью срывается буря и арфа на башне гудит так, что звуки долетают через пруды и парки в деревню, то барин в ту ночь не спит и наутро встает мрачный и суровый и отдает какое-нибудь жестокое приказание, приводившее в трепет сердца всех его многочисленных рабов.

В обычаях дома было, что там никогда и никому никакая вина не прощалась. Это было правило, которое никогда не изменялось, не только для человека, но даже и для зверя или какого-нибудь мелкого животного. Дядя не хотел знать милосердия и не любил его, ибо почитал его за слабость. Неуклонная строгость казалась ему выше всякого снисхождения. Оттого в доме и во всех обширных деревнях, принадлежащих этому богатому помещику, всегда царила безотрадная унылость, которую с людьми разделяли и звери.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Покойный дядя был страстный любитель псовой охоты. Он ездил с борзыми и травил волков, зайцев и лисиц. Кроме того, в его охоте были особенные собаки, которые брали медведей. Этих собак называли “пьявками”. Они впивались в зверя так, что их нельзя было от него оторвать. Случалось, что медведь, в которого впивалась зубами пьявка, убивал ее ударом своей ужасной лапы или разрывал ее пополам, но никогда не бывало, чтобы пьявка отпала от зверя живая.

Теперь, когда на медведей охотятся только облавами или с рогатиной, порода собак-пьявок, кажется, совсем уже перевелась в России; но в то время, о котором я рассказываю, они были почти при всякой хорошо собранной, большой охоте. Медведей в нашей местности тогда тоже было очень много, и охота за ними составляла большое удовольствие.

Когда случилось овладевать целым медвежьим гнездом, то из берлоги брали и привозили маленьких медвежат. Их обыкновенно держали в большом каменном сарае с маленькими окнами, сделанными под самой крышей. Окна эти были без стекол, с одними толстыми, железными решетками. Медвежата, бывало, до них вскарабкивались друг по дружке и висели, держась за железо своими цепкими, когтистыми лапами. Только таким образом они и могли выглядывать из своего заключения на вольный свет божий.

Когда нас выводили гулять перед обедом, мы больше всего любили ходить к этому сараю и смотреть на выставившиеся из-за решеток смешные мордочки медвежат. Немецкий гувернер Кольберг умел подавать им на конце палки кусочки хлеба, которые мы припасали для этой цели за своим завтраком.

За медведями смотрел и кормил их молодой доезжачий, по имени Ферапонт; но, как это имя было трудно для простонародного выговора, то его произносили “Храпон”, или еще чаще “Храпошка”. Я его очень хорошо помню: Храпошка был среднего роста, очень ловкий, сильный и смелый парень лет двадцати пяти. Храпон считался красавцем — он был бел, румян, с черными кудрями и с черными же большими глазами навывкате. К тому же он был необычайно смел. У него была сестра Аннушка, которая состояла в поднянях, и она рассказывала нам презанимательные вещи про смелость своего удалого брата и про его необыкновенную дружбу с медведями, с которыми он зимою и летом спал вместе в их сарае, так что они окружали его со всех сторон и клали на него свои головы, как на подушку.

Перед домом дяди, за широким круглым цветником, окруженным расписною решеткою, были широкие ворота, а против ворот посреди куртины было вкопано высокое, прямое, гладко выглаженное дерево, которое называли “мачта”. На вершине этой мачты был прилажен маленький помостик, или, как его называли, “беседочка”.

Из числа пленных медвежат всегда отбирали одного “умного”, который представлялся наиболее смышленным и благонадежным по характеру. Такого отделяли от прочих собратий, и он жил на воле, то есть ему дозволялось ходить по двору и по парку, но главным образом он

должен был содержать караульный пост у столба перед воротами. Тут он и проводил большую часть своего времени, или лежа на соломе у самой мачты, или же взбирался по ней вверх до “беседки” и здесь сидел или тоже спал, чтобы к нему не приставали ни докучные люди, ни собаки.

Жить такою привольною жизнью могли не все медведи, а только некоторые, особенно умные и кроткие, и то не во всю их жизнь, а пока они не начинали обнаруживать своих зверских, неудобных в общежитии наклонностей, то есть пока они вели себя смирно и не трогали ни кур, ни гусей, ни телят, ни человека.

Медведь, который нарушал спокойствие жителей, немедленно же был осуждаем на смерть, и от этого приговора его ничто не могло избавить.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Отбирать “смышленного медведя” должен был Храпон. Так как он больше всех обращался с медвежатами и почитался большим знатоком их натуры, то понятно, что он один и мог это делать. Храпон же и отвечал за то, если сделает неудачный выбор, — но он с первого же раза выбрал для этой роли удивительно способного и умного медведя, которому было дано необыкновенное имя: медведей в России вообще зовут “мишками”, а этот носил испанскую кличку “Сганарель”. Он уже пять лет прожил на свободе и не сделал еще ни одной “шалости”. Когда о медведе говорили, что “он шалит”, это значило, что он уже обнаружил свою зверскую натуру каким-нибудь нападением.

Тогда “шалуна” сажали на некоторое время в “яму”, которая была устроена на широкой поляне между гумном и лесом, а через некоторое время его выпускали (он сам вылезал _по бревну_) на поляну, и тут его травили “молодыми пьавками” (то есть подростками щенками медвежьих собак). Если же щенки не умели его взять и была опасность, что зверь уйдет в лес, то тогда стоявшие в запасном “секрете” два лучших охотника бросались на него с отборными опытными сворами, и тут делу наставал конец.

Если же эти собаки были так неловки, что медведь мог прорваться “к острову” (то есть к лесу), который соединялся с обширным брянским полесьем, то выдвигался особый стрелок, с длинным и тяжелым кухенрейтеровским штуцером, и, прицелясь “с сошки”, посылал медведю смертельную пулю.

Чтобы медведь когда-либо ушел от всех этих опасностей, такого случая еще никогда не было, да страшно было и подумать, если бы это могло случиться: тогда всех в том виноватых ждали бы смертоносные наказания.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ум и солидность Сганареля сделали то, что описанной потехи или медвежьей казни не было уже целые пять лет. В это время Сганарель успел вырасти и сделался большим, _матерым_ медведем, необыкновенной силы, красоты и ловкости. Он отличался круглою, короткою мордою и довольно стройным сложением, благодаря которому напоминал более колоссального грифона или пуделя, чем медведя. Зад у него был суховат и покрыт невысокою лоснящеюся шерстью, но плечи и загорбок были сильно развиты и покрыты длинною и мохнатою растительностью. Умен Сганарель был тоже как пудель и знал некоторые замечательные для зверя его породы приемы: он, например, отлично и легко ходил на двух задних лапах, подвигаясь вперед передом и задом, умел бить в барабан, маршировал с большою палкою, раскрашенною в виде ружья, а также охотно и даже с большим удовольствием таскал с мужиками самые тяжелые кули на мельницу и с своеобразным шиком пресмешно надевал себе на голову высокую мужичью островерхую шляпу с павлиньим пером или с соломенным пучком вроде султана.

Но пришла роковая пора — звериная натура взяла свое и над Сганарелем. Незадолго перед моим прибытием в дом дяди тихий Сганарель вдруг провинился сразу несколькими винами, из которых притом одна была другой тяжче.

Программа преступных действий у Сганареля была та же самая, как и у всех прочих: для

первоученки он взял и оторвал крыло гусю; потом положил лапу на спину бежавшему за маткою жеребенку и переломил ему спину; а наконец: ему не понравились слепой старик и его поводырь, и Сганарель принялся катать их по снегу, причем пооттоптал им руки и ноги.

Слепца с его поводырем взяли в больницу, а Сганареля велели Храпону отвести и посадить в яму, откуда был только один выход — на казнь...

Анна, раздевая вечером меня и такого же маленького в то время моего двоюродного брата, рассказала нам, что при отводе Сганареля в яму, в которой он должен был ожидать смертной казни, произошли очень большие трогательности. Храпон не продергивал в губу Сганареля “больнички”, или кольца, и не употреблял против него ни малейшего насилия, а только сказал:

— Пойдем, зверь, со мною.

Медведь встал и пошел, да еще что было смешно — взял свою шляпу с соломенным султаном и всю дорогу до ямы шел с Храпоном обнявшись, точно два друга.

Они таки и были друзья.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Храпону было очень жаль Сганареля, но он ему ничем пособить не мог. Напоминаю, что там, где это происходило, никому никогда никакая провинность не прощалась, а скомпрометировавший себя Сганарель непременно должен был заплатить за свои увлечения лютой смертью.

Травля его назначалась как послеобеденное развлечение для гостей, которые обыкновенно съезжались к дяде на Рождество. Приказ об этом был уже отдан на охоте в то же самое время, когда Храпону было велено отвести виновного Сганареля и посадить его в яму.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В яму медведей сажали довольно просто. Люк, или творило ямы, обыкновенно закрывали легким хворостом, накиданным на хрупкие жерди, и посыпали эту крышку снегом. Это было маскировано так, что медведь не мог заметить устроенной ему предательской ловушки. Покорного зверя подводили к этому месту и заставляли идти вперед. Он делал шаг или два и неожиданно проваливался в глубокую яму, из которой не было никакой возможности выйти. Медведь сидел здесь до тех пор, пока наступало время его травить. Тогда в яму опускали в наклонном положении длинное, аршин семи, бревно, и медведь вылезал по этому бревну наружу. Затем начиналась травля. Если же случалось, что сметливый зверь, предчувствуя беду, не хотел выходить, то его понуждали выходить, беспокоя длинными шестами, на конце которых были острые железные наконечники, бросали зажженную солому или стреляли в него холостыми зарядами из ружей и пистолетов.

Храпон отвел Сганареля и заключил его под арест по этому же самому способу, но сам вернулся домой очень расстроенный и опечаленный. На свое несчастье, он рассказал своей сестре, как зверь шел с ним “ласково” и как он, провалившись сквозь хворост в яму, сел там на днище и, сложив передние лапы, как руки, застонал, точно заплакал.

Храпон открыл Анне, что он бежал от этой ямы бегом, чтобы не слышать жалостных стонов Сганареля, потому что стоны эти были мучительны и невыносимы для его сердца.

— Слава богу, — добавил он, — что не мне, а другим людям велено в него стрелять, если он уходить станет. А если бы мне то было приказано, то я лучше бы сам всяческие муки принял, но в него ни за что бы не выстрелил.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Анна рассказала это нам, а мы рассказали гувернеру Кольбергу, а Кольберг, желая чем-нибудь позанять дядю, передал ему. Тот это выслушал и сказал: “Молодец Храпошка”, а потом хлопнул три раза в ладоши.

Это значило, что дядя требует к себе своего камердинера Устина Петровича, старичка из

пленных французов двенадцатого года.

Устин Петрович, иначе Жюстин, явился в своем чистеньком лиловом фрачке с серебряными пуговицами, и дядя отдал ему приказание, чтобы к завтрашней “садке”, или охоте на Сганареля, стрелками в секретах были посажены Флегонт — известнейший стрелок, который всегда бил без промаха, а другой Храпошка. Дядя, очевидно, хотел позабавиться над затруднительною борьбою чувств бедного парня. Если же он не выстрелит в Сганареля или нарочно промахнется, то ему, конечно, тяжело достанется, а Сганареля убьет вторым выстрелом Флегонт, который никогда не дает промаха.

Устин поклонился и ушел передавать приказание, а мы, дети, сообразили, что мы наделали беды и что во всем этом есть что-то ужасно тяжелое, так что бог знает, как это и кончится. После этого нас не занимали по достоинству ни вкусный рождественский ужин, который справлялся “при звезде”, за один раз с обедом, ни приехавшие на ночь гости, из коих с некоторыми были и дети.

Нам было жаль Сганареля, жаль и Ферापонта, и мы даже не могли себе решить, кого из них двух мы больше жалеем.

Оба мы, то есть я и мой ровесник — двоюродный брат, долго ворочались в своих кроватках. Оба мы заснули поздно, спали дурно и вскрикивали, потому что нам обоим представлялся медведь. А когда няня нас успокаивала, что медведя бояться уже нечего, потому что он теперь сидит в яме, а завтра его убьют, то мною овладевала еще большая тревога.

Я даже просил у няни вразумления: нельзя ли мне помолиться за Сганареля? Но такой вопрос был выше религиозных соображений старушки, и она, позевывая и крестя рот рукою, отвечала, что наверно она об этом ничего не знает, так как ни разу о том у священника не спрашивала, но что, однако, медведь — тоже божие создание, и он плавал с Ноем в ковчеге.

Мне показалось, что напоминание о плаванье в ковчеге вело как будто к тому, что беспредельное милосердие божие может быть распространено не на одних людей, а также и на прочие божьи создания, и я с детскою верою стал в моей кровати на колени и, припав лицом к подушке, просил величие божие не оскорбиться моею жаркою просьбою и пощадить Сганареля.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Наступил день Рождества. Все мы были одеты в праздничном и вышли с гувернерами и боннами к чаю. В зале, кроме множества родных и гостей, стояло духовенство: священник, дьякон и два дьячка.

Когда вошел дядя, причт запел “Христос рождается”. Потом был чай, потом вскоре же маленький

завтрак и в два часа ранний праздничный обед. Тотчас же после обеда назначено было отправляться травить Сганареля. Медлить было нельзя, потому что в эту пору рано темнеет, а в темноте травля невозможна и медведь легко может скрыться из вида.

Исполнилось все так, как было назначено. Нас прямо из-за стола повели одевать, чтобы везти на травлю Сганареля. Надели наши заячьи шубки и лохматые, с круглыми подошвами, сапоги, вязанные из козьей шерсти, и повели усаживать в сани. А у подъездов с той и с другой стороны дома уже стояло множество длинных больших троечных саней, покрытых узорчатыми коврами, и тут же два стремennых держали под уздцы дядину верховую английскую рыжую лошадь, по имени Щеголиху.

Дядя вышел в лисьем архалуке и в лисьей остроконечной шапке, и как только он сел на седло, покрытое черною медвежьего шкурою с пахвами и паперсями, украшенными бирюзой и “змеиными головками”, весь наш огромный поезд тронулся, а через десять или пятнадцать минут мы уже приехали на место травли и выстроились полукругом. Все сани были расположены полуоборотом к обширному, ровному, покрытому снегом полю, которое было окружено цепью верховых охотников и вдали замыкалось лесом.

У самого леса были сделаны секреты или тайники за кустами, и там должны были находиться Флегонт и Храпошка.

Тайников этих не было видно, и некоторые указывали только на едва заметные “сошки”, с которых один из стрелков должен был прицелиться и выстрелить в Сганареля.

Яма, где сидел медведь, тоже была незаметна, и мы поневоле рассматривали красивых вершников, у которых за плечом было разнообразное, но красивое вооружение: были шведские Штрабусы, немецкие Моргенраты, английские Мортимеры и варшавские Колеты.

Дядя стоял верхом впереди цепи. Ему подали в руки свору от двух сомкнутых злейших “пьявок”, а перед ним положили у орчака на вальтрап белый платок.

Молодые собаки, для практики которых осужден был умереть провинившийся Сганарель, были в огромном числе и все вели себя крайне самонадеянно, обнаруживая пылкое нетерпение и недостаток выдержки. Они визжали, лаяли, прыгали и путались на сворах вокруг коней, на которых сидели одетые в форменное платье доезжачие, а те беспрестанно хлопали арапниками, чтобы привести молодых, не помнивших себя от нетерпения псов к повиновению. Все это кипело желанием броситься на зверя, близкое присутствие которого собаки, конечно, открыли своим острым природным чутьем.

Настало время вынуть Сганареля из ямы и пустить его на растерзание!

Дядя махнул положенным на его вальтрап белым платком и сказал: “Делай!”

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Из кучки охотников, составлявших главный штаб дяди, выделилось человек десять и пошли вперед через поле.

Отойдя шагов двести, они остановились и начали поднимать из снега длинное, не очень толстое бревно, которое до сей поры нам издали нельзя было видеть.

Это происходило как раз у самой ямы, где сидел Сганарель, но она тоже с нашей далекой позиции была незаметна.

Дерево подняли и сейчас же спустили одним концом в яму. Оно было спущено с таким пологим уклоном, что зверь без затруднения мог выйти по нем, как по лестнице.

Другой конец бревна опирался на край ямы и торчал из нее на аршин.

Все глаза были устремлены на эту предварительную операцию, которая приближала к самому любопытному моменту. Ожидали, что Сганарель сейчас же должен был показаться наружу; но он, очевидно, понимал в чем дело и ни за что не шел.

Началось гонянье его в яме снежными комьями и шестами с острыми наконечниками, послышался рев, но зверь не шел из ямы. Раздалось несколько холостых выстрелов, направленных прямо в яму, но Сганарель только сердитее зарычал, а все-таки по-прежнему не показывался.

Тогда откуда-то из-за цепи вскачь подлетели запряженные в одну лошадь простые навозные дровни, на которых лежала куча сухой ржаной соломы.

Лошадь была высокая, худая, из тех, которых употребляли на ворке для подвоза корма с гуменника, но, несмотря на свою старость и худобу, она летела, поднявши хвост и натопорщив гриву. Трудно, однако, было определить: была ли ее теперешняя бодрость остатком прежней молодой удалости или это скорее было порождение страха и отчаяния, внушаемых старому коню близким присутствием медведя? По-видимому, последнее имело более вероятия, потому что лошадь была взнуздана, кроме железных удили, еще острою бечевкою, которою и были уже в кровь истерзаны ее посеревшие губы. Она и неслась и металась в стороны так отчаянно, что управлявший ею конюх в одно и то же время драл ей кверху голову бечевой, а другою рукою немилосердно стегал ее толстою нагайкою.

Но, как бы там ни было, солома была разделена на три кучи, разом зажжена и разом же с трех сторон скинута, зажженная, в яму. Вне пламени остался только один тот край, к которому было приставлено бревно.

Раздался оглушительный, бешеный рев, как бы смешанный вместе со стоном, но... медведь опять-таки не показывался...

До нашей цепи долетел слух, что Сганарель весь “опалился” и что он закрыл глаза лапами и лег вплотную в угол к земле, так что “его не стронуть”.

Ворковая лошадь с разрезанными губами понеслась опять вскачь назад... Все думали, что это была посылка за новым привозом соломы. Между зрителями послышался укоризненный говор: зачем распорядители охоты не подумали ранее припасти столько соломы, чтобы она была

здесь с излишком. Дядя сердился и кричал что-то такое, чего я не мог разобрать за всюю поднявшеюся в это время у людей суетою и еще более усилившимся визгом собак и хлопаньем арапников.

Но во всем этом виднелось нестроение и был, однако, свой лад, и ворковал лошадь уже опять, метаясь и храпя, неслась назад к яме, где залег Сганарель, но не с соломою: на дровнях теперь сидел Ферапонт.

Гневное распоряжение дяди заключалось в том, чтобы Храпошку спустили в яму и чтобы он сам вывел оттуда своего друга на травлю...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

И вот Ферапонт был на месте. Он казался очень взволнованным, но действовал твердо и решительно. Нимало не сопротивляясь барскому приказу, он взял с дровней веревку, которою была прихвачена привезенная минуто тому назад солома, и привязал эту веревку одним концом около зарубки верхней части бревна. Остальную веревку Ферапонт взял в руки и, держась за нее, стал спускаться по бревну, на ногах, в яму...

Страшный рев Сганареля утих и заменился глухим ворчанием.

Зверь как бы жаловался своему другу на жестокое обхождение с ним со стороны людей; но вот и это ворчание сменилось совершенной тишиной.

— Обнимает и лижет Храпошку, — крикнул один из людей, стоявших над ямой.

Из публики, размещавшейся в саях, несколько человек вздохнули, другие поморщились.

Многим становилось жалко медведя, и травля его, очевидно, не обещала им большого удовольствия. Но описанные мимолетные впечатления внезапно были прерваны новым событием, которое было еще неожиданнее и заключало в себе новую трогательность.

Из творила ямы как бы из преисподней показалась курчавая голова Храпошки в охотничьей круглой шапке. Он взбирался наверх опять тем же самым способом, как и спускался, то есть Ферапонт шел на ногах по бревну, притягивая себя кверху крепко завязанной концом наруже веревки. Но Ферапонт выходил не один: рядом с ним, крепко с ним обнявшись и положив ему на плечо большую косматую лапу, выходил и Сганарель... Медведь был не в духе и не в аванжном виде. Пострадавший и изнуренный, по-видимому не столько от телесного страдания, сколько от тяжкого морального потрясения, он сильно напоминал короля Лира. Он сверкал исподлобья налитыми кровью и полными гнева и негодования глазами. Так же, как Лир, он был и взъерошен, и местами опален, а местами к нему пристали будылья соломы. Вдобавок же, как тот несчастный венценосец, Сганарель, по удивительному случаю сберег себе и нечто вроде венца. Может быть любя Ферапонта, а может быть случайно, он зажал у себя под мышкой шляпу, которою Храпошка его снабдил и с которою он же поневоле столкнул Сганареля в яму. Медведь сберег этот дружеский дар, и... теперь, когда сердце его нашло мгновенное успокоение в объятиях друга, он как только стал на землю, сейчас же вынул из-под мышки жестоко измятую шляпу и положил ее себе на макушку...

Эта выходка многих насмешила, а другим зато мучительно было ее видеть. Иные даже поспешили отвернуться от зверя, которому сейчас же должна была последовать злая кончина.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Тем временем, как все это происходило, псы взвыли и взметались до потери всякого повиновения. Даже арапник не оказывал на них более своего внушающего действия. Щенки и старые пьавки, увидя Сганареля, поднялись на задние лапы и, сипло воя и храпя, задыхались в своих сыромятных ошейниках: а в это же самое время Храпошка уже опять мчался на ворковом одре к своему секрету под лесом. Сганарель опять остался один и нетерпеливо дергал лапу, за которую случайно захлестнулась брошенная Храпошкой веревка, прикрепленная к бревну. Зверь, очевидно, хотел скорее ее распутать или оборвать и догнать своего друга, но у медведя, хоть и очень смышленного, ловкость все-таки была медвежья, и Сганарель не распускал, а только сильнее затягивал петлю на лапе.

Видя, что дело не идет так, как ему хотелось, Сганарель дернул веревку, чтобы ее

оборвать, но веревка была крепка и не оборвалась, а лишь бревно вспрыгнуло и стало стоймя в яме. Он на это оглянулся; а в то самое мгновение две пущенных из стаи со своры пъявки достигли его, и одна из них со всего налета впилась ему острыми зубами в загорбок.

Сганарель был так занят с веревкой, что не ожидал этого и в первое мгновение как будто не столько рассердился, сколько удивился такой наглости; но потом, через полсекунды, когда пъявка хотела перехватить зубами, чтобы впитаться еще глубже, он рванул ее лапою и бросил от себя очень далеко и с разорванным брюхом. На окровавленный снег тут же выпали ее внутренности, а другая собака была в то же мгновение раздавлена под его задней лапой... Но что было всего страшнее и всего неожиданнее, это то, что случилось с бревном. Когда Сганарель сделал усиленное движение лапою, чтобы отбросить от себя впившуюся в него пъявку, он тем же самым движением вырвал из ямы крепко привязанное к веревке бревно, и оно полетело пластом в воздухе. Натянув веревку, оно закружило вокруг Сганареля, как около своей оси, и, чертя одним концом по снегу, на первом же обороте размозжило и положило на месте не двух и не трех, а целую стаю поспевавших собак. Одни из них взвизгнули и копошились из снега лапками, а другие как кувырнулись, так и вытянулись.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Зверь или был слишком понятлив, чтобы не сообразить, какое хорошее оказалось в его обладании оружие, или веревка, охватившая его лапу, больно ее резала, но он только взревел и, сразу перехватив веревку в самую лапу, еще так наподдал бревно, что оно поднялось и вытянулось в одну горизонтальную линию с направлением лапы, державшей веревку, и загудело, как мог гудеть сильно пущенный колоссальный волчок. Все, что могло попасть под него, непременно должно было сокрушиться вдребезги. Если же веревка где-нибудь, в каком-нибудь пункте своего протяжения оказалась бы недостаточно прочною и лопнула, то разлетевшееся в центробежном направлении бревно, оторвавшись, полетело бы вдаль, бог весть до каких далеких пределов, и на этом полете непременно сокрушит все живое, что оно может встретить.

Все мы, люди, все лошади и собаки, на всей линии и цепи, были в страшной опасности, и всякий, конечно, желал, чтобы для сохранения его жизни веревка, на которой вертел свою колоссальную пращу Сганарель, была крепка. Но какой, однако, все это могло иметь конец? Этого, впрочем, не пожелал дожидаться никто, кроме нескольких охотников и двух стрелков, посаженных в секретных ямах у самого леса. Вся остальная публика, то есть все гости и семейные дяди, приехавшие на эту потеху в качестве зрителей, не находили более в случившемся ни малейшей потехи. Все в перепуге велели кучерам как можно скорее скакать далее от опасного места и в страшном беспорядке, тесня и перегоняя друг друга, помчались к дому.

В спешном и беспорядочном бегстве по дороге было несколько столкновений, несколько падений, немного смеха и немало перепугов. Выпавшим из саней казалось, что бревно оторвалось от веревки и свистит, пролетая над их головами, а за ними гонится расвишавшийся зверь.

Но гости, достигши дома, могли прийти в покой и оправиться, а те немногие, которые остались на месте травли, видели нечто гораздо более страшное.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Никаких собак нельзя было пускать на Сганареля. Ясно было, что при его страшном вооружении бревном он мог победить все великое множество псов без малейшего для себя вреда. А медведь, вертя свое бревно и сам за ним поворачиваясь, прямо подавался к лесу, и смерть его ожидала только здесь, у секрета, в котором сидели Ферапонт и без промаха стрелявший Флегонт.

Меткая пуля все могла кончить смело и верно.

Но рок удивительно покровительствовал Сганарелю и, раз вмешавшись в дело зверя, как будто хотел спасти его во что бы то ни стало.

В ту самую минуту, когда Сганарель сравнялся с привалами, из-за которых торчали на сошках наведенные на него дула кухонрейтеровских штуцеров Храпошки и Флегонта, веревка, на которой летало бревно, неожиданно лопнула и... как пущенная из лука стрела, стрекнуло в одну сторону, а медведь, потеряв равновесие, упал и покатился кубарем в другую.

Перед оставшимися на поле вдруг сформировалась новая живая и страшная картина: бревно сшибло сошки и весь замет, за которым скрывался в секрете Флегонт, а потом, перескочив через него, оно ткнулось и закопалось другим концом в дальнем сугробе; Сганарель тоже не терял времени. Перекувыркнувшись три или четыре раза, он прямо попал за снежный валик Храпошки...

Сганарель его моментально узнал, дохнул на него своей горячей пастью, хотел лизнуть языком, но вдруг с другой стороны, от Флегонта, крякнул выстрел, и... медведь убежал в лес, а Храпошка... упал без чувств.

Его подняли и осмотрели: он был ранен пулею в руку навывлет, но в ране его было также несколько медвежьей шерсти.

Флегонт не потерял звания первого стрелка, но он стрелял впопыхах из тяжелого штуцера и без сошек, с которых мог бы прицелиться. Притом же на дворе уже было серо, и медведь с Храпошкой были слишком тесно скучены...

При таких условиях и этот выстрел с промахом на одну линию должно было считать в своем роде замечательным.

Тем не менее — Сганарель ушел. Погоня за ним по лесу в этот же самый вечер была невозможна; а до следующего утра в уме того, чья воля была здесь для всех законом, просияло совсем иное настроение.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Дядя вернулся после окончания описанной неудачной охоты. Он был гневен и суров более, чем обыкновенно. Перед тем как сойти у крыльца с лошади, он отдал приказ — завтра чем свет искать следов зверя и обложить его так, чтобы он не мог скрыться.

Правильно поведенная охота, конечно, должна была дать совсем другие результаты.

Затем ждали распоряжения о раненом Храпошке. По мнению всех, его должно было постигнуть нечто страшное. Он по меньшей мере был виноват в той оплошности, что не всадил охотничьего ножа в грудь Сганареля, когда тот очутился с ним вместе и оставил его нисколько не поврежденным в его объятиях. Но, кроме того, были сильные и, кажется, вполне основательные подозрения, что Храпошка схитрил, что он в роковую минуту умышленно не хотел поднять своей руки на своего косматого друга и пустил его на волю.

Всем известная взаимная дружба Храпошки с Сганарелем давала этому предположению много вероятности.

Так думали не только все участвовавшие в охоте, но так же точно толковали теперь и все гости.

Прислушиваясь к разговорам взрослых, которые собрались к вечеру в большой зале, где в это время для нас зажигали богато убранную елку, мы разделяли и общие подозрения, и общий страх перед тем, что может ждать Ферапонта.

На первый раз, однако, из передней, через которую дядя прошел с крыльца к себе “на половину”, до залы достиг слух, что о Храпошке не было никакого приказания.

— К лучшему это, однако, или нет? — прошептал кто-то, и шепот этот среди общей тяжелой унылости толкнулся в каждое сердце.

Его услышал и отец Алексей, старый сельский священник с бронзовым крестом двенадцатого года. Старик тоже вздохнул и таким же шепотом сказал:

— Молитесь рожденному Христу.

С этим он сам и все, сколько здесь было взрослых и детей, бар и холопей, все мы сразу перекрестились. И тому было время. Не успели мы опустить наши руки, как широко растворились двери и вошел, с палочкой в руке, дядя. Его сопровождали две его любимые борзые собаки и камердинер Жюстин. Последний нес за ним на серебряной тарелке его белый фуляр и круглую табакерку с портретом Павла Первого.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Вольтеровское кресло для дяди было поставлено на небольшом персидском ковре перед елкою, посреди комнаты. Он молча сел в это кресло и молча же взял у Жюстина свой фуляр и свою табакерку. У ног его тотчас легли и вытянули свои длинные морды обе собаки.

Дядя был в синем шелковом архалуке с вышитыми гладью застёжками, богато украшенными белыми филограневыми пряжками с крупной бирюзой.

В руках у него была его тонкая, но крепкая палка из натуральной кавказской черешни.

Палочка теперь ему была очень нужна, потому что во время суматохи, происшедшей на садке, отменно выезженная Щеголиха тоже не сохранила бесстрашия — она метнулась в сторону и больно прижала к дереву ногу своего всадника.

Дядя чувствовал сильную боль в этой ноге и даже немножко похрамывал.

Это новое обстоятельство, разумеется, тоже не могло прибавить ничего доброго в его раздраженное и гневливое сердце. Притом было дурно и то, что при появлении дяди мы все замолчали. Как большинство подозрительных людей, он терпеть не мог этого; и хорошо его знавший отец Алексей поторопился, как умел, поправить дело, чтобы только нарушить эту зловещую тишину.

Имея наш детский круг близ себя, священник задал нам вопрос: понимаем ли мы смысл песни “Христос рождается”? Оказалось, что не только мы, но и старшие плохо ее разумели. Священник стал нам разъяснять слова: “славите”, “рящите” и “возноситея”, и, дойдя до значения этого последнего слова, сам тихо “вознесся” и умом и сердцем. Он заговорил о _даре_, который и нынче, как и “во время оно”, всякий бедняк может поднести к яслям “рожденного отроча”, смелее и достойнее, чем поднесли злато, смирну и ливан волхвы древности. Дар наш — наше сердце, исправленное по его учению. Старик говорил о любви, о прощении, о долге каждого утешить друга и недруга “во имя Христово”... И думается мне, что слово его в тот час было убедительно... Все мы понимали, к чему оно клонит, все его слушали с особенным чувством, как бы моляся, чтобы это слово достигло до цели, и у многих из нас на ресницах дрожали хорошие слезы...

Вдруг что-то упало... Это была дядина палка... Ее ему подали, но он до нее не коснулся: он сидел, склонясь набок, с опущенною с кресла рукою, в которой, как позабытая, лежала большая бирюза от застёжки... Но вот он уронил и ее, и... ее никто не спешил поднимать.

Все глаза были устремлены на его лицо. Происходило удивительное: _он плакал_!

Священник тихо раздвинул детей и, подойдя к дяде, молча благословил его рукою.

Тот поднял лицо, взял старика за руку и неожиданно поцеловал ее перед всеми и тихо молвил:

— Спасибо.

В ту же минуту он взглянул на Жюстина и велел позвать сюда Ферапонта.

Тот предстал бледный, с подвязанной рукою.

— Стань здесь! — велел ему дядя и показал рукою на ковер.

Храпошка подошел и упал на колени.

— Встань... поднимись! — сказал дядя. — Я тебя прощаю.

Храпошка опять бросился ему в ноги. Дядя заговорил нервным, взволнованным голосом:

— Ты любил зверя, как не всякий умеет любить человека. Ты меня этим тронул и превзошел меня в великодушии. Объявляю тебе от меня милость: даю вольную и сто рублей на дорогу. Иди куда хочешь.

— Благодарю и никуда не пойду, — воскликнул Храпошка.

— Что?

— Никуда не пойду, — повторил Ферапонт.

— Чего же ты хочешь?

— За вашу милость я хочу вам вольной волей служить честней, чем за страх поневоле.

Дядя моргнул глазами, приложил к ним одною рукою свой белый фуляр, а другою, нагнувшись, обнял Ферапонта, и... все мы поняли, что нам надо встать с мест, и тоже закрыли глаза... Довольно было чувствовать, что здесь совершилась слава вышнему богу и заблагоухал

мир во имя Христово, на месте сурового страха.

Это отразилось и на деревне, куда были посланы котлы браги. Зажглись веселые костры, и было веселье во всех, и шутя говорили друг другу:

— У нас ноне так случилось, что и зверь пошел во святой тишине Христа славить.

Станареля не отыскивали. Ферапонт, как ему сказано было, сделался вольным, скоро заменил при дяде Жюстина и был не только верным его слугою, но и верным его другом до самой его смерти. Он закрыл своими руками глаза дяди, и он же схоронил его в Москве на Ваганьковском кладбище, где и по сию пору цел его памятник. Там же, в ногах у него, лежит и Ферапонт.

Цветов им теперь приносить уже некому, но в московских норах и трюцобах есть люди, которые помнят белоголового длинного старика, который словно чудом умел узнавать, где есть истинное горе, и умел попевать туда вовремя сам или посылал не с пустыми руками своего доброго пучеглазого слугу.

Эти два добряка, о которых много бы можно сказать, были — мой дядя и его Ферапонт, которого старик в шутку называл: “_укротитель зверя_”.

Сергей Викторович ПОКРОВСКИЙ

ОХОТНИКИ НА МАМОНТОВ

Повесть

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Следы лесных великанов
Преследование
Чего боялись хуммы
Куда пошли хуммы
Куолу
Неожиданная встреча
Утро в поселке Черно-бурых
В землянке Уаммы
Художник Фао
Колдовская пляска
Загон оленей
Пир
Приглашение на праздник
Опять Куолу

Вурр
Игры победителей
Что снилось Ао
Лесные свадьбы
Испытание Уа
Месть Куолу
В мастерской Тупу-Тупу
На чем порешили в мастерской Тупу-Тупу
Тот, кто убивает носом
С оборотнем надо покончить
Тундра и криволесье
Трещина
Сердце хуммы
Аммуны
Обратный путь
Тревога
Неожиданные гости
Что случилось за это время в поселке
Встреча гостей
Гнездо колдуна
Облава
История ловушки
Конец Уллы
Пир победителей
Переселение

Следы лесных великанов

Шевельнулись ветки кустов. Лохматая голова показалась, спряталась и опять показалась в просвете.

Человек это или зверь?

Об этом не сразу можно было догадаться.

Рыжая львиная грива спускалась с этой головы и падала по плечам. На груди она сливалась с огромной бородой и совершенно скрывала шею. Из-под низкого лба остро глядели узкие щели-глаза. А над ними мохнатой щеткой нависали брови.

И все-таки это был человек.

Когда он раздвинул гущу ветвей на краю берегового обрыва, можно было разглядеть его сутулую, коренастую фигуру. На нем было надето что-то вроде короткого мехового мешка, подпоясанного лыком. В прорезы высывались жилистые руки, обмотанные широкими меховыми браслетами. Левая рука сжимала копье с каменным наконечником. Человек втягивал носом воздух, подставляя под ветер широкие ноздри.

Потом он вылез из кустов, сделал несколько шагов вдоль края обрыва и нагнулся.

Здесь трава и кусты орешника были поломаны и помяты.

Рыжий стал на колени, оперся ладонями о землю, пригнул лицо к притоптанной траве и принялся нюхать ее.

Он нашел след какой-то огромной ступни:

— Хумма, хумма, хумма!

Он трижды прошептал это странное слово, поднялся и поманил кого-то к

себе волосатой рукой. Потом приложил к носу указательный палец и сделал рукой плавный жест, как будто закручивал в воздухе невидимую спираль. Затем высоко поднял ладонь и два раза помахал ею.

Кому делал он эти знаки?

Не прошло и четверти минуты, как из чащи показались еще два человека.

По наружности они резко отличались от первого. Оба были много выше. Они были молоды и стройны.

На их лицах не было ни усов, ни бороды. Прямые черные волосы, перевязанные на макушке, торчали пучком. В середину такого пучка было воткнуто перо, а у пояса назади болталось по лисьему хвосту. Горбатые тонкие носы, широко раскрытые глаза и соболиные брови придавали им смелый и воинственный вид.

Рыжий еще раз прошептал: «Хумма!» — и показал рукой на север. Молодые ответили ему выразительными движениями: они радостно подпрыгнули на месте и взмахнули копьями.

Все трое выбрались на край речного обрыва. Внизу перед ними расстилалась долина Большой реки. На другой стороне зеленела мокрая пойма. На заливных лугах блестели узенькие озера и лужи: их оставило здесь половодье. Люди осмотрелись и стали спускаться вниз, цепляясь руками за длинные корни деревьев. Ниже обрыва начиналась пологая и мягкая осыпь; по ней тянулись звериные тропы. Одна, самая нижняя, была и самой широкой. На ней среди давних оленьих следов виднелись огромные свежие следы какого-то гигантского зверя.

— Хумма! Хумма! — радостно шептали охотники.

— Хо, хо! Волчья Ноздря! — выкрикивал, смеясь, самый младший из них — Ао.

Это был горячий восторг перед необыкновенным чутьем охотника.

Волчья Ноздря опустил на колени и стал обнюхивать след огромной ступни:

— Хумма прошел, когда солнце проснулось и роса высохла.

Рыжий разбирал следы, как грамотей читает книгу. Он внимательно гляделся в них и прибавил:

— Прошла молодая самка, а тут старая. Здесь детеныш и еще детеныш.

Ао так же пристально изучал следы на краю берега и вдруг хлопнул себя ладонью по коленке:

— По воде шли! Много... много...

Волчья Ноздря засмеялся. Глаза его совсем спрятались в морщинках. Рот растянулся почти до ушей.

Третий охотник, Улла, стал искать что-то в глубине мешочка, сшитого из беличьих шкур. Он вытащил оттуда белый предмет длиною в ладонь. Это была женская статуэтка, вырезанная из мамонтовой кости. Статуэтка была сделана очень искусно. Она изображала пожилую женщину с тонкими, прижатыми к груди руками. Голова ее была опущена. На голове можно было различить что-то вроде шапочки, покрывающей прическу. Или, быть может, это были изображены завернутые венцом косы.

Лица охотников стали сразу же серьезными. Волчья Ноздря посмотрел кругом и выбрал место, где отвесная стена обрыва ближе всего подступала к реке. Со статуэткой в руках он направился туда.

Снизу белели известковые пласты, почти закрытые рыхлой осыпью. Над ними лежала толща плотной глины.

Взбравшись на мягкую площадку осыпи, Волчья Ноздря прежде всего наскреб руками кучу земли и воткнул в нее до колен белую статуэтку.

Ао подошел к обрыву и уверенными взмахами копья начертил на гладком откосе очертания зверя. Это был горбатый слон на толстых ногах. Он был

покрыт прядями длинных волос и высоко поднимал концы могучих клыков. Фигура слона была сделана немногими скупыми линиями, но так искусно, что с первого взгляда можно было узнать, кого изображает рисунок. Это искусство настоящего художника, у которого был глаз охотника, привыкшего подмечать все особенности и повадки зверя.

Едва только Ао закончил рисунок, как все трое быстро отпрянули прочь. Глаза их были широко открыты; челюсти плотно стиснуты; пальцы судорожно, с силой сжимали короткие копыта; мускулы ног и всего тела натянуты, как струны.

Они медленно пятились назад, чтобы быть подальше от обрыва: там перед ними стоял хумма — живой, мохнатый, страшный.

Охотники опустили на колени: Ао и Улла — по бокам, Волчья Ноздря — посередине, позади статуэтки. Здесь они были в полной безопасности: их охраняла колдовская власть Матери матерей, покровительницы их поселка, могучей заклинательницы вражеских сил и невидимой спутницы во всех их опасных охотах.

Все трое воткнули в землю острием вверх свои копыта и ничком припали к земле; потом вскочили на ноги и затянули протяжную песню. Под монотонный мотив начался охотничий танец. Они ходили вокруг копий друг за другом, сгибая через каждые три шага то одно, то другое колено.

И песня и танец не были для них развлечением. Это было заклинание. Заклинание должно было принести им, как они думали, охотничье счастье. Слов в песне было немного. Говорились они как бы от имени статуэтки, от имени самой Ло — Матери матерей рода Красных Лисиц:

Я Ло, Мать матерей рода Красных Лисиц!
Я заклинаю горбатого хумму.
Заклинаю его бивни, и уши, и все четыре ноги:
Хумма, хумма, пей воду!
Хумма, хумма, иди в гору!
Хумма, хумма, падай в яму!
Хумма, отдай нам твоё мясо!
Отдай нам твои бивни и твои кости!
Заклинает тебя Ло, Мать матерей рода Красных Лисиц.

Охотники хлопнули в ладоши и схватились за копыта. Хумма стоял перед ними живой, косматый и поднимал к небу свой ужасный хобот. Но теперь он был уже им не страшен. Мать матерей укротила его. Она околдовала его своими чарами. Она связала его силу. Теперь он не мог сделать ни шагу от той стены, на которой был нарисован. Охотники набрали горсти песка и стали с силой бросать в чудовище. Они метили в то место, где Ао изобразил глаза — оба на одной стороне.

Зачем они делали это?

Нужно было ослепить хумму, чтобы он не мог видеть охотников.

После этого Ао подкрался к хумме и быстро обвел тупым концом копыта черту вокруг ослепленного зверя. Круговая черта означала ловушку или, может быть, колдовскую силу, которая смыкается вокруг зверя. Как только круг замкнулся, охотники опять запели свое заклинание. Они долго-долго кружились, приседали и подпрыгивали.

Наконец заклинательный танец кончился. Охотники поочередно вонзали копыта в побежденного хумму. Одно из них пробило глаз, другое — сердце, третье — живот. Этим все колдовство завершилось. Оно отдавало хумму в полную власть охотников. Они верили, что теперь хумме от них не уйти. Кто может отнять у них ту добычу, которую уже опутало их заклинание? Разве

только какое-нибудь чужое, еще более сильное слово станет на их пути и разрушит волшебную власть Матери матерей.

Преследование

Самое важное для успеха было сделано. Теперь можно было идти дальше. Но раньше охотники сели отдохнуть. Песни, пляски и заклинания их утомили. Пот градом катился по их лицам. Сердце билось, руки и ноги тряслись. Они только что пережили такие чувства, как будто и в самом деле выдержали борьбу с чудовищем и одолели его. Все трое тяжело дышали и отирали ладонями мокрые лбы. Потом они вынули из-за пазухи запасы пищи и стали есть. Это были большие куски мяса молодой сайги.

Каждый держал большой кусок мяса в левой руке, а в правой — тонкую кремневую пластинку с острым, режущим краем; они вцеплялись крепкими зубами в край мяса, а потом кремневым лезвием отрезали кусочек перед самыми зубами.

Иногда им удавалось сразу отгрызть кусок, чаще же они довольно долго перепиливали волокна мускулов и сухожилий своими осколками кремня. Ели много. Нужно было утолить голод, успокоиться и собраться с силами, чтобы продолжать путь в поисках добычи.

Тропа мамонтов привела их к самой реке. Вдруг Волчья Ноздря остановился. Против устья оврага протянулась песчаная отмель. Вся она была покрыта свежими следами целого стада мамонтов. Здесь хуммы пили, купались, обливали друг друга водой, посыпали себе спины песком, а слонихи кормили тяжеловесных и неуклюжих слонят. Там и сям по отмели раскиданы были кучи помета.

— Хуммы пили воду, — сказал Ао и хлопнул по плечу Волчью Ноздю. Ноздря засмеялся. Он вспомнил слова заклинания:

Хумма, хумма, пей воду!
Хумма, хумма, иди в гору!

Свежие следы вели к оврагу, и скоро тропа со следами животных пошла наискось вверх, на правый берег оврага.

Ноздря опять засмеялся,

— Хумма, хумма, иди в гору! — бормотал он.

На высоком берегу оврага стеной стоял осиновый лес. Мамонты проложили тропу по самому краю обрыва. Тропа была вытоптана крепко. Видно, стадо было большое и звери уже не раз спускались здесь на водопой.

Охотники шли гуськом, друг за другом, пока чаща не стала светлеть. Перед ними открылась выжженная широкая поляна, покрытая низким кустарником. Кое-где на ней торчали черные стволы горелого леса.

Несколько лет тому назад в жаркую погоду разыгралась гроза. Молния ударила в сухую ель. Дерево вспыхнуло, как свеча; от него загорелись кучи валежника. Ветер раздул лесной пожар. Выгорел большой участок. Среди черных пней выросли высокие травы и ягодные кустарники. Летом густыми чащами поднимались целые полчища алых кипреев и густо кустилась земляника.

Охотники успели сделать только несколько шагов, как из-за кустов показалось стадо мамонтов. Здесь были и старые и молодые. Совсем маленькие — приплод этого лета — жались к волосатым животам матерей. Хуммы мирно паслись под охраной огромных самцов. Они угрюмо стояли по краям, как коричнево-бурые холмы, медленно шевеля мохнатыми ушами. Огромные хоботы их качались, как маятники гигантских часов.

Толстые самки держались в середине со своими слонятами-сосунками и заботливо подзывали их, когда те пробовали отойти в сторону. Матери попискивали при этом тоненькими, скрипучими голосами, похожими на слабый поросячий визг. И странно было слышать, что такие звуки исходили от этих колоссальных и неповоротливых животных. На обильных летних кормах мамонты сильно жирели, спинные горбы их превращались в мешки, туго набитые салом. Теперь же горбы не были так высоки, как осенью.

Охотники жадно смотрели на мохнатых великанов. У Волчьей Ноздри глаза сверкали, как у голодного волка. Он облизывался и часто глотал набегавшую слюну.

Вдоволь насмотревшись, он толкнул тихонько локтем сначала одного, потом другого соседа и знаками показал, чтобы они шли за ним. Осторожно, низко пригибаясь, они почти доползли до края оврага и спустились вниз, к реке.

Охотники решили гнать мамонтов к селению Красных Лисиц, где для них давно приготовлена ловушка — ямы.

Погнать мамонтов! Три человека, одетые в меховые мешки, говорили об этом так просто, как будто это было стадо косуль.

Большерогие олени в ужасе шарахались в чащу, когда на лесной тропе показывалась гигантская фигура вожака мамонтов. Могучие зубры уступали им дорогу. Огромный серый пещерный и бурый лесной медведи не решались вступать в бой со взрослым мамонтом. Даже свирепый северный носорог, при всей злобности своего характера, предпочитал не встречаться с чудовищными бивнями хуммов.

Откуда же эта непомерная дерзость? Неужели эти голые двуногие, которые выучились таскать с собой палки с каменными наконечниками, сильнее медведей, зубров и злобных шерстистых носорогов?

Охотники направились вверх по оврагу, чтобы оттуда пробраться в тыл мохнатому стаду. Но прежде чем начать действовать, нужно было призвать на помощь силу Матери матерей. Правда, заклинание покровительницы племени уже произнесено, но сейчас предстояло выполнить самую трудную задачу: надо было заставить мамонтов идти туда, куда было нужно.

Белую статуэтку снова вытащили из беличьего мешка. Все три охотника тихо шептали ей в уши ласковые слова и деловито рассказывали все обстоятельства охоты. Времени терять нельзя: нужно было только объяснить поскорее, куда должна быть направлена неодолимая сила заклинания. Пошептав, охотники вскочили на ноги. Ао взял в руки статуэтку, быстро поднялся по крутому склону и осторожно высунул голову из-за края оврага.

Хуммы по-прежнему мирно паслись среди кустов на том же месте. Ао поднял белую фигурку Матери матерей. Она должна была сама хорошенько осмотреть и стадо и поляну, чтобы не вышло ошибки.

Через несколько мгновений Ао сбежал вниз. Надо было спешить. Дел впереди еще много. Охотники быстро зашагали в обход спокойно пасущихся мамонтов.

Чего боялись хуммы

Солнце уже спускалось, тени от кустов и деревьев росли.

Мамонты все еще продолжали неторопливо набивать пищей свои необъятные желудки. Лесная поляна, богатая кормами, была для них настоящим раздольем. Густая трава, пестреющая весенними цветами, сочные лозы ивняка и жимолости, вяжущие язык, ветки молодых осин и берез — все это было для них лакомым блюдом. Взрослые хуммы держались ближе к опушке, и можно было

видеть, как они с треском ломали древесные сучья. Их чудовищные коренные зубы, тяжелые, как жернова, растирали не только траву и листья, но и крепкую кору и древесину. Мамонты так были заняты едой, что, казалось, ни на что не обращали внимания. Вдруг один из вожаков тревожно насторожил уши. Как два огромных кожаных лоскута, они поднялись и оттопырились по сторонам головы. Хобот вытянулся вперед, хумма шумно вдохнул в себя свежую струю холодеющего воздуха.

С запада тянул ветерок. Вместе с ним доносился ни с чем не сравнимый запах, который наводил страх даже на сильнейшего из зверей. Это был едкий, горьковатый запах лесного дыма. К нему примешивался тот особенный дух двуногих существ, которого боятся и звери и птицы.

Маленькие глаза хуммы беспокойно осматривали край поляны, и вот голубоватая струйка дыма зазмеилась с той стороны, откуда восходит солнце. Ветер доносил потрескивание сухих ветвей, душистый запах горящего можжевельника и еловой смолы.

Вожак поднял хобот и протрубил сигнал тревоги. Все стадо разом зашевелилось. Головы гигантов повернулись к востоку, и слониhi беспокойным визгом начали подзывать рассыпавшихся по кустам детенышей.

На несколько мгновений взрослые мамонты застыли в немом ожидании. В это самое время от опушки леса отделились три странные фигуры, не похожие ни на одного из жителей леса. Они были густо обвязаны сухими ветками елок. Каждая из них держала в руках по огромному пылающему, как факел, смолистому суку.

Странные существа размахивали огнем и медленно приближались к стаду.

Все горбатые самцы подняли свои огромные хоботы, и отрывистые звуки раздались на лесной поляне. Слониhi первые начали отступление. Слонята рысью затрусили за ними. Сзади замыкали шествие, тяжело ступая, самцы, растопырив, как крылья, необъятные уши. Самый старый и самый крупный из них все еще стоял на месте и глядел на приближающуюся опасность. Хобот его был грозно поднят к небу, а белые бивни, как толстые кривые стволы, торчали вперед. Они загибались в стороны и назад, как белые края гигантской лиры. Он стоял один и был похож на темное бронзовое изваяние. Казалось, он готовился встретить таинственных врагов и уничтожить их. Вид его был страшен. Но люди продолжали наступать. В другое время мохнатая фигура чудовища испугала бы их. Но сейчас они чувствовали за собой непобедимую силу, которая все покоряет на своем пути. Мамонты боялись огня, но наивные люди думали, что силу им придало заклинание Матери матерей.

Ао шел впереди. От его факела брызгами разлетались искры. И клубы едкого дыма доносились до ноздрей старого вожака хуммов.

В это время до ушей мамонта долетел призывный зов самок. Великан тяжело повернулся и стал догонять удаляющееся стадо. Он шел не спеша, но огромные шаги его были так широки, что человеку пришлось бы бежать, чтобы не отставать.

Мамонты пересекли поляну. Кусты трещали под их тяжестью. Охотники почти бежали, однако на порядочном расстоянии — близко подходить было опасно.

Хуммы возвращались той же тропой, какой пришли сюда. Самцы иногда останавливались и оглядывались на преследователей. Охотники продолжали размахивать дымящимися ветвями и двигались вслед за ними.

Мамонты дошли до берегового обрыва. Здесь слоновья тропа разделялась: одна шла вдоль обрыва на юг, другая — на север.

На минуту слониhi задержались. Они оглядывались на отставших слонов, как будто приглашая их поскорее следовать за собой.

Когда самцы стали подходить, огромная слониха, самая старая и большая во всем стаде, повернула на северную тропинку, и остальные послушно двинулись вслед за ней.

Охотники очень удивились, когда увидели, что стадо повернуло на север. Как же так: ведь они просили свою Ло, чтобы она помогла подогнать стадо к селению Красных Лисиц, а Красные Лисицы жили к югу, а не к северу от поляны хуммов. Неужели заклинаний было недостаточно?

Они поделились сомнениями с Волчьей Ноздрей.

— Не бойтесь, — сказал Ноздря, — они ищут другого спуска. Этот слишком крутой. По нему хуммам трудно спускаться.

Охотники успокоились.

Между тем хуммы продолжали шагать все дальше и дальше. Эта тропа была и в самом деле более широкой, идти по ней было просторнее.

Слонихи шагали осторожно и, почти не переставая, взвизгивали, подзывая детенышей, которые по-ребячьи легкомысленно отбивались то влево, то вправо. Им нравилось забираться в кусты и ломать свежие ветки. Иногда они принимались гоняться друг за другом, обгоняя передовых, ломаясь через кусты.

Шалунам нравилось также, разбежавшись, неожиданно ткнуть лбом идущего впереди прямо в хвост и заставить пуститься резвее вперед, чтобы избежать повторного удара. Один из забияк проделал такую рискованную шалость даже у самого края обрыва.

Получивший удар метнулся в сторону, и вдруг земля поехала под его ногами, комки и камни запрыгали вниз, кружась в облаке пыли. Бедный слоненок сорвался с кручи и покатился вместе с оползнем и глиной с головокружительной высоты прямо на прибрежные валуны.

Это случилось так быстро, что никто из взрослых хуммов не понял, что именно тут произошло, тем более что высокая заросль жимолости не давала возможности ясно видеть обоих шалунов в густой зелени кустарников.

Стадо продолжало шагать дальше. Шаги хуммов как будто ускорились. Казалось, они решили отделаться во что бы то ни стало от своих надоедливых преследователей, продолжавших пугать их огнем и дымом.

Наконец они подошли к тому месту, где начинались большой береговой оползень и осыпь, которые образовались здесь, как видно, очень давно, судя по тому, что обваленные части берега заросли не только густой травой, но и молодыми осинками и кустарниками. Тропа мамонтов спускалась здесь наискось и более полого.

Один за другим животные шли к спуску, притаптывая подростую траву и обламывая по пути зеленые ветки осинки. Охотники внимательно следили за ними сверху, спрятавшись в зеленой чаще, нависшей над береговым обрывом.

Мамонтов было много. Их длинная вереница отлично была видна с высокого берега. Всех хуммов было бы легко сосчитать. Беда только в том, что охотники считали очень плохо и могли только сказать, что пальцев на руках и на ногах далеко не хватает, чтобы пересчитать всех слоних, слонят и самцов.

С радостью заметили они, что, как только стадо спустилось на верхнюю береговую террасу, звериная тропа повернула на юг и хуммы по ней двинулись как раз в ту сторону, куда было нужно.

Вздых облегчения вырвался у всех троих, когда они убедились, что заклинание не обмануло их и длинное шествие хуммов направилось в сторону поселка Красных Лисиц.

О добрая старая Ло, славная покровительница рода! Твое колдовство не обмануло. Твоя волшебная фигурка из слоновой кости не даром была взята охотниками из рук самой родоначальницы. Ведь это самый верный залог их

охотничьего успеха.

Куда пошли хуммы

Мамонты и люди жили в одной стране многие тысячи лет. Когда люди научились охотиться сообща, они стали побеждать самых крупных зверей. Волки, медведи, пещерные гиены с их страшными зубами отступали перед натиском людей с их каменными орудиями.

Мамонты долгое время были непобедимы, но и они в конце концов сделались предметом охоты. Люди научились добывать огонь. Они зажигали сухую траву в конце лета, устраивали лесные пожары, которые ужасали всех зверей и даже мамонтов. Люди научились подстерегать и отгонять от стада новорожденных слонят, чтобы потом захватывать их. Они выучились делать ловушки и загоны, куда попадали и взрослые хуммы.

Вот почему большое стадо мамонтов, несмотря на свою силу, не стало дожидаться нападения этих пахнущих дымом двуногих и предпочло уклониться от неприятной встречи. Пройдя несколько десятков шагов по верхней террасе, оно нашло пологий спуск и стало медленно спускаться вниз, к самой воде, на влажную полоску прибрежного сырого песка и отшлифованных камешков.

Ао, Улла и Волчья Ноздря спустились по слоновьей тропе вслед за стадом к берегу Большой реки. Они торжествовали. Волшебная сила Матери матерей, казалось, продолжала действовать неодолимо. Они твердо верили, что им удастся загнать мамонтов в окрестности селения Красных Лисиц.

А тогда...

Вдруг Улла громко ахнул и протянул руки вперед. Отсюда можно было хорошо видеть, как передовая слониха повернула не к югу, а к северу. Хуммы собирались идти не к поселку Красных Лисиц, а совсем в другую сторону.

Что же это значит? Где же помощь Матери матерей? Где ее могущество? Как остановить их? Как заставить повернуть обратно?

Ао торопливо выхватил из мешка и поднял над головой волшебную статуэтку. Волчья Ноздря зашептал заклинательные слова. Все трое начали кружиться вокруг Матери матерей.

Но ничто не помогало. Хуммы упрямо шли своей дорогой. Ни один из них не послушался заклинаний.

Охотники с недоумением смотрели друг на друга и на костяную фигурку. Куда же девалась ее сила?

Вдруг Улла схватил Волчью Ноздю за плечо.

— Гляди! — зашептал он со страхом и показал на лесные верхушки деревьев.

Осины качались и трепетали листьями. Слабый ветерок, который так недавно гнал дым от костра на мамонтов, теперь сменился другим. Вместо него по лесу шумел северяк, от которого шатались древесные стволы.

— Пущено по ветру, — многозначительно шепнул Улла и тревожно огляделся вокруг.

Волчья Ноздря переменялся в лице, а всегда смелый Ао побледнел; руки у него дрожали.

— Пущено по ветру! — повторил он, как эхо.

— По ветру! По ветру! — зашептал и Волчья Ноздря, и было видно, как волосы на его голове стали топорщиться. Так встает шерсть на загривке у волка, когда он чувствует опасность.

Все трое стали пристально вглядываться в кусты. Ветки их подозрительно качались. Не понимая причин перемены ветра, они решили, что кто-то более сильный в этих местах стал у них на дороге. Это он уничтожил

силу заклęcia, которое помогало им до сих пор. Чья-то чужая колдовская власть вмешалась в их охоту и повернула все по-своему. Хотя бы один из хуммов пошел к поселку Красных Лисиц!

— Это Куолу! — сказал Волчья Ноздря.

В тревоге охотники спустились к самой воде. Здесь против устья оврага находилась та самая длинная отмель, которую топтали мамонты. Долина реки уходила прямо на север. Там, где-то далеко, по рассказам стариков, скрывалось озеро. Из него рождалось начало Большой реки, а еще дальше лежал Великий лед. Оттуда неслись холодные ветры и приползали туманы.

Охотникам было видно, как вереница темно-коричневых мамонтов тянулась гуськом у самой воды по мягкой песчаной береговой полосе. Над береговой террасой поднимались почти отвесные обрывы высокого, правого берега, поросшего лиственным лесом. Люди стояли в растерянности. Теперь они не старались догонять зверей, но и упускать их из виду им тоже не хотелось.

Расстояние между ними увеличивалось, хотя стадо было еще хорошо видно.

Ао оглянулся и зашептал:

— Смотрите, смотрите!..

Он указывал пальцем на береговую кручу, под которой они стояли. Там в густом буреломе свалившихся с вершины берегового карниза сухих деревьев шевелилось что-то темное. Скоро острые глаза охотников рассмотрели фигуру молоденького хуммы, застрявшего головой среди толстых стволов. Он угодил туда, когда упал вниз с высокого берега. Это был тот самый слоненок, который так неосторожно расшалился, когда стадо хуммов проходило по краю обрыва.

Слоненок упал головой в груды бурелома и переломил себе спинной хребет. Он еще двигал ушами и хоботом, но это были уже последние, предсмертные движения.

Быстрыми прыжками охотники добрались до слоненка, перелезая со ствола на ствол и расчищая себе дорогу среди чащи засохших, изуродованных ветвей.

Один бок маленького хуммы был сильно ободран, и обломок сучка глубоко вонзился ему между ребрами.

Оглушив слоненка крепкими ударами по голове камнем с острыми краями, Ноздря принялся острием своего копья расширять его рану.

Из раны тонкой струйкой побежала темная кровь. Ноздря подставил сделанную из бересты черпалку и набрал теплой мамонтовой крови. Выпил до дна, не отрываясь, и передал черпалку Улле. Молодые охотники последовали примеру Ноздри.

По поверью, жизнь молодого хуммы вошла в них вместе с кровью. Теперь они все трое вооружились кремневыми ножами и собирались уже вырезать себе по куску еще теплого мяса, как вдруг чей-то сердитый окрик заставил их содрогнуться.

Высоко над собой, на самом краю обрыва, они увидели дородную фигуру полууголого человека. Одна только волчья шкура охватывала его стан. Длинные волосы прядями рассыпались по плечам.

Волосатый человек махал сучковатой дубиной.

— Наши хуммы! — кричал он, размахивая руками. — Наши хуммы! Чужое мясо! Плохо гоняться за чужой едой!

Волосатый орал и визжал изо всех сил и яростно грозил дубиной.

— Это Куолу. Это он пустил ветер на хуммов, — зашептал испуганно Волчья Ноздря.

Охотники отпрянули прочь и быстро сбежали вниз, на песчаную террасу. Зубы у них стучали от страха. Куолу нагнулся, поднял с земли камень и швырнул с высоты в охотников. Волчья Ноздря бросился ничком на песок и

обеими ладонями закрыл голову. Ао и Улла сделали то же. Так лежали они неподвижно, откинув в сторону оружие и уткнувшись лицом в землю.

Куолу еще продолжал кричать. Он швырял камнями, грозил, что не даст им изловить ни одного зверя, что испортит им всякую охоту.

Охотники отошли в сторону и знаками показывали рассерженному Куолу, что отказываются от своей неожиданной добычи.

— Смотрите, смотрите! Не видать вам больше хуммов, ни старых, ни молодых...

Он выразительно махал руками в ту сторону, куда уходили хуммы, и злорадно смеялся, показывая на север. Охотники оглянулись, и теперь им стало ясно, чему смеялся Куолу. Мамонты уже вошли в воду и начали переходить реку. На той стороне развернулась обширная пойма. Река в этом месте была широка, но мелка. Вода слонятам доходила только до брюха. Они смело шагали за матерями, и все стадо спокойно переходило вброд. По временам хуммы останавливались, чтобы попить в свое удовольствие и побрызгать из хоботов на спины себе или другим. Напившись и пополоскавшись, стадо начало вылезать на противоположный берег. Охотники следили, как хуммы ленивой походкой удалялись в глубь заливных лугов. Они осторожно пробирались между озерами и топкими болотцами, покрытыми зеленой осокой.

За широким простором лугов, далеко на севере, виднелась узкая полоска синего леса. Хуммы тянулись туда. С каждым шагом их темные туши становились все меньше и меньше, пока из огромных животных они не превратились в вереницу ползущих букашек.

Куолу надоело смотреть на удаляющееся стадо. Он перестал смеяться, нагнулся и опять швырнул камень.

— Сердитый, — сказал Улла и робко поглядел на Куолу.

— Лучше пойдем домой, — сказал Ао. — Ничего нет.

— Матерям есть надо. Старикам, детям кто принесет еду?

— Матери матерей надо еду, — прибавил Ноздря.

Надо было сговориться с Куолу, чтобы еще больше не рассердить его. Если они пойдут запрещенной дорогой, он может испортить всякую другую охоту. Нельзя было и думать о доме, пока не будет поймана какая-нибудь крупная добыча. Охотники решили идти вперед по новым местам, и притом против ветра. Звери чутки, и, если до них доносится запах человека, они прячутся и убегают.

Чтобы задобрить страшного Куолу, Улла приложил к губам рупором руки и закричал:

— Куолу! Куолу! Хуммы ушли, не надо нам хуммов. Бери себе слоненка. Возьми добычу. Мы пойдем. Будет счастье — принесем жирный кусок и Куолу.

Куолу улыбнулся, молча махнул рукой, и охотники двинулись дальше.

Куолу

Почему же так страшен охотникам был Куолу? Откуда этот страх, это трусливое желание его задобрить?

Куолу стали бояться с тех пор, как он здесь поселился. Он был рода Вурров, то есть медведей. Становище находилось на расстоянии нескольких дней пути, на берегу притока Большой реки. Вурры жили в курных землянках, похожих на глубокие норы, на склонах речных берегов. В каждом становище ютился отдельный род. Основой рода были женщины-матери. Они были хозяйки землянок. Все они занимались колдовством. Они знали множество заговоров и заклинаний: от зубной боли, от разных болезней, от нападения зверей.

Во главе каждого рода стояла самая старшая, искусная и почтенная из колдуний. Она считалась самой могущественной из всех. Все другие получали колдовскую силу только от нее. Она считалась прабабушкой всего детского и юного населения.

Женщины со своими детьми, подростками и девушками составляли полуоседлое население становища. Мужчины-охотники вели полубродячую жизнь. Они то появлялись, то вновь исчезали. По целым дням, иногда по неделям бродили они за добычей и при удаче приносили ее для всех. Все матери считались сестрами. Их дети, то есть все девушки и юноши, также считались братьями и сестрами. Юноши уходили в соседние родственные становища и там искали себе невест. Они оставались надолго жить в поселке своих жен, проводя там теплое время года.

С наступлением холодов, а то и раньше возвращались они в становище матерей, чтобы охотиться и добывать пищу для родного поселка. Жили они отдельно от незамужних сестер и младших братьев, в особой большой землянке, куда имели доступ только охотники и старики.

Сурова была зима в долине Большой реки. Она была очень длинная и снежная. Метели и вьюги бушевали тут по целым месяцам. Глубокие сугробы нередко совсем погребали под собой землянки людей. Особенно много снега наносили западные ветры. Иной раз после сильных буранов жители с трудом прокладывали себе выход из своих засыпанных нор.

Но как ни долга была зимняя пора, весна, хоть и поздно, брала свое. Она разрушала белые бастионы зимы. На освобожденной от снега земле зацветали весенние цветы. Поселки Большой реки встречали победу солнца песнями, плясками и хороводами. Бывало, правда, что жены уходили с мужьями в поселок их матерей и оставались в нем навсегда.

Случилось, что молодой Куолу стал мужем своей ровесницы Изы, девушки того же рода Вурров.

Они были детьми разных матерей, но, как члены одного рода, они, по понятиям Вурров, должны были называться братом и сестрой.

Их брак был нарушением обычаев и привычных понятий племени. В глазах родичей они совершили преступление, и притом непростительное.

Проступок этот сделал их отщепенцами в своем собственном поселке. Никто не хотел жить с ними под одной крышей.

Охотники изгнали Куолу из мужского дома. Женщины не пускали Изу к себе. Куолу и Изе пришлось наскоро вырыть маленькую землянку на краю поселка и отдельно добывать себе пищу.

Вскоре произошло событие, которое окончательно сделало невозможным совместную жизнь их со своими родичами.

В их поселке особенно строго соблюдалось почитание Родового огня. Неуважение к нему каралось как величайшее из преступлений.

Родовой огонь горел в особой пещере, выкопанной в известковом обрыве. В пещеру имели право входить только Мать матерей племени да еще четыре старухи, на которых лежала обязанность поддерживать пламя, подкладывать сучья и валежник.

Каждый вечер все население поселка приносило к пещере свежие вороха валежника и сухих сучьев. Четыре старухи перетаскивали их в пещеру, Мать матерей подкидывала сучья в костер, а толпа молча сидела перед входом, зачарованная блеском огня. Если в поселке гасли все домашние очаги, можно было взять от Родового огня горящую головню. Но сделать это могла лишь сама Мать матерей после усиленных просьб своих детей и внуков. С особыми церемониями и ворожкой выносила она горящую ветку и отдавала одной из старух, а та, в свою очередь, передавала ее тем, кто почтительно дожидался у входа.

И вот один раз в летнем шалаше молодого Куолу погас костер. Иза побежала за огнем к соседям. Но никто не давал ей огня, потому что она считалась теперь как бы чужой. Тогда она вошла потихоньку в пещеру Родового огня, в которой, как ей показалось, не было никого, и похитила горящее полено.

Но уже к вечеру об этом узнало все становище. Все стали говорить о том, что Иза и Куолу похитили огонь из священной пещеры. Куолу и Иза упорно отрицали свое преступление. Но следопыты рода доказывали, что след маленьких женских ног ведет от пещеры к летнему шалашу Изы и Куолу.

Мать матерей назначила на следующее утро суд над виновниками страшной, кощунственной кражи. Суд должен был начаться гаданием, которое откроет преступников. Виновных ожидало испытание огнем, и в случае их осуждения им грозила немедленная и мучительная смерть.

Своевольная пара знала, что ее ожидает. Куолу и Иза в ту же ночь бежали из своей землянки, захватив с собой оружие и два мешка, набитых звериными шкурками. Они вырыли себе землянку на полпути между стойбищами одноплеменных с Медведями родов Красных и Черно-бурых Лисиц. Долго и искусно они скрывались, потому что боялись жестокой расправы. Но родные выследили их. Лучшие охотники поселка Медведей отправились, чтобы захватить их. Однако облава потерпела полную неудачу: найденная землянка оказалась пустой.

На другой день преследователи рассыпались широкой цепью и стали обыскивать соседний лес. Они уже напали на след беглецов. Гибель их казалась неизбежной, как вдруг огромный носорог неожиданно бросился на преследователей. Двух из них он убил своим рогом, одного затоптал насмерть ногами. Остальные разбежались и вернулись домой, пораженные ужасом.

Охотники Вурры решили, что это Куолу превратился в носорога. Его стали бояться как огня. Его считали могущественным колдуном, который может сделать какое угодно зло. Всякую беду, всякую болезнь, смерть или неудачу приписывали колдовским чарам Куолу.

Если охота была неудачной и жители поселка начинали голодать, снаряжалось посольство на поклон Куолу. Его задабривали подарками или обещаниями, просили не мешать охоте и после удачной охоты лучший кусок относили к землянке колдуна. Куолу выгодно было поддерживать о себе страшные небылицы. При этом сам он начинал верить в свои рассказы и в свои колдовские способности.

И всякий раз, когда людям приходилось держать путь мимо землянки Куолу, они старались сделать это как-нибудь незаметно: обойти ее стороной, проскользнуть ночью или на утренней заре.

Вот почему угрозы Куолу так напугали наших охотников. Какое облегчение почувствовали они, когда толстая фигура Куолу скрылась за выступом берега! Как хорошо, что его уже больше не видно и он не может послать им вслед враждебное заклинание!

Неожиданная встреча

Охотники под кручами лесных берегов осторожно пробирались на север.

Солнце уже начинало садиться. Тень от высокого берега перекинулась через реку. Надо было подумать о ночлеге. Все трое стали взбираться на высокий берег в том месте, где он был не так крут. Но только что они вступили в лес, как из кустов показалось с десяток вооруженных людей. Охотники приготовились защищаться, но услышали смех и веселые голоса:

— Черно-бурые Лисы не грызут Красных Лисиц!

Это была встреча соплеменников, друзей из стойбищ двух родов.

— Что видели хорошего?

— Все хорошо!

— Что видели злого?

— Ничего не видели!

Охотники из рода Черно-бурых Лисиц повели соседей к своему лагерю. Неподалеку от берега горел костер. Около него тоже сидели люди. Двое из них поджаривали на вертеле бедро убитой косули. Более голодные лакомились сырой печенкой и кусками парного мяса. Старшие разбивали камнями очищенные от сухожилий трубчатые кости, чтобы добраться до костного мозга.

Черно-бурые стали угощать гостей. За едой обменивались новостями. Встреча с мамонтами всех заинтересовала. Сговаривались проследить их для совместной охоты.

— Нет! — сказал самый старший из Черно-бурых. — Хуммы уйдут далеко. Пойдут к Великому льду. Хуммы знают: прилетит мошка Зиа-Зиа и будет забиваться в ноздри. Мошек боятся и хуммы. Теперь они худые, осенью будут жирные. Пожелтеют березы, упадут листья, умрет мошка, подует холодный ветер, приползут туманы с Великого льда. Тогда вернутся хуммы, и горбы их будут еще выше, чем теперь. Черно-бурые будут тогда их сторожить. Они расскажут обо всем Красным Лисицам и станут вместе ловить горбатых хуммов.

Черно-бурые рассказали, как они выследили стадо оленей. Они ходят за ними уже много дней. Когда удастся погнать их к загону, Красные Лисицы помогут им окружить рогатых зверей.

За едой и разговорами незаметно спустился сумрак. Вверху зажигались звезды. Лагерь начал готовиться к ночлегу. На всякий случай зажгли костры. Люди расположились на земле, и огонь охранял их сон от зверей и от злых взглядов, которые приносит ветер.

Усталые люди крепко уснули, подложив под голову по охапке мягкой травы. Только двое сторожевых остались сидеть у костра. Чтобы не уснуть, они тихонько переговаривались между собой. По временам они подкидывали в огонь заготовленные пучки валежника. Долго не спал также Ао. Он сидел, охватив руками колени и откинув назад свою красивую голову. Ао прислушивался к затаенным шорохам ночи.

После всех приключений и испытаний этого дня ему не спалось, и он думал о том, что такое эти небесные огоньки. Ао привык слепо верить тому, что ему рассказывали старшие родичи. Но про небесные огоньки говорили по-разному.

Мать объясняла ему, что там, на небе, живут такие же светляки, как и те, что сияют теплой летней ночью под кустами в густой траве на опушке леса.

А вот Тупу-Тупу говорит по-иному. По его рассказам, это далекие костры небесных охотников. Они зажигают их на ночь, когда садятся отдыхать после долгой охоты в широких лугах высокого неба.

И Ао не знал, чему же надо верить.

Утро в поселке Черно-бурых

Летняя ночь накрыла темным пологом и поселок Черно-бурых, и соседний лес, и всю долину Каменного оврага, где мирно спали люди в своих землянках. Землянки были вырыты недалеко от края оврага и глядели в него темными дырами входов. Ниже выступали каменные глыбы известняков.

Еще темнее было в лесу, который поднимался за поляной.

Но коротка летняя ночь.

Не успели люди отдохнуть, как с востока показались слабые отсветы новой зари. Свет перекинулся и на правый, высокий берег, где у воды по осыпи тянулись низкие кусты ивняка.

Две серые тени выползли из-под кустов и замерли на месте. Пока они были неподвижны, их трудно было заметить. Вдруг они двинулись вперед и темными комочками скользнули к самой реке.

Теперь их можно было разглядеть более ясно. Это были два пушистых зверька ростом с небольшую собачку. Дымчатая шерстка летних шкурок как нельзя лучше скрывала их в сумерках ночи. Осмотревшись хорошенько, они припали к воде и начали жадно лакать горячими узенькими язычками.

Это были песцы, или полярные лисицы. Они водились тогда там, где теперь расстилаются черноземные степи. А северные олени попадались у склонов Крымских и Кавказских гор.

Лисички напились, подняли мордочки, наострили ушки и потянули ноздрями воздух.

Ветер качнул тонкие лозинки и донес им отдаленный, но терпкий запах человеческих нор. Пахло дымом костров, жженой костью.

Песцы жадно проглотили набежавшую слюну и, осмотревшись еще раз, помчались туда, куда призывал их заманчивый запах. Они неслись по берегу плавными скачками, словно пара серых ночных птиц, скользящих бесшумно над самой землей. Возле устья Каменного оврага песцы остановились и прислушались к журчанию холодного ручейка под сводами еще не растаявших в овраге снежных сугробов.

Наконец они очутились у пологого спуска и стали взбираться на высокий берег, прямо к землянкам Черно-бурых.

Песцы осторожно подкрадывались к поселку. Люди еще спали. Но тем сильнее манили к себе песцов вкусные запахи.

На ровной площадке перед входом в землянки было разбросано немало отличной еды. Везде валялись кости. Мясо на них было обглодано, но на многих можно еще было найти присохшие сухожилия и свежие хрящи. Губчатые части костей, пропитанные костным жиром, были вполне съедобны. Попадались и куски мяса, брошенные в дни изобилия. Возле одной из землянок валялись рыбы внутренности, головы шук и налимов.

Зверьки с удовольствием доедали отбросы человеческой кухни. В предутренней тишине отчетливо слышались чавканье и хруст костей.

Заря разгоралась.

В кустах уже заливались птицы. Над болотом потянулись туманные полосы. Близилось утро, и прохладный воздух становился почти морозным.

Вдруг затрещала и отодвинулась заслонка у входа одной из землянок.

Из темного отверстия душного жилища высунулась кудрявая голова. За ней показалась тонкая фигура полуголого юноши, почти мальчика, с широким меховым поясом.

Это был Уа, старший сын рыжей Уаммы и самый бойкий из ее детей. Уа выполз на четвереньках из черной дыры и осмотрелся.

— Фью! — свистнул он на песцов.

Они отбежали на несколько шагов и с любопытством уставились на человека. Он свистнул еще раз, но песцы остались на месте и продолжали его разглядывать. Тогда ему сделалось страшно.

«Может быть, это оборотни? Может быть, это колдуньи из враждебного племени Лесных Сов? Отчего они так пристально смотрят? Может быть, они хотят послать несчастье недобрым вражеским глазом?»

Уа глядел на них со страхом. Лицо его вытянулось. Он уже начал пятиться назад к землянке, как вдруг взгляд его упал на кучку белых камней, аккуратно уложенных направо от входа. Уа вспомнил, что это

наговорные камни: над ними долго шептала сама седая Каху, Мать матерей Черно-бурых. Каждый из них был помечен черным углем.

Теперь Уа знал, что надо делать. Если кинуть в оборотня наговорным камнем, от оборотня пойдет дым.

Уа схватил один из волшебных камней и метко швырнул им в лисичек. Песцы взвизгнули и опрометью бросились в кусты.

В землянке Уаммы

Уа был высок и строен.

Если бы его спросили, сколько ему лет, он даже не понял бы вопроса. Во-первых, он почти не умел считать. Если он хотел рассказать, что видел четырех зайцев, он загибал на руке четыре пальца. Всякое число больше пяти называл просто «хао», то есть много. Да и во всем поселке Черно-бурых никому и в голову не приходило считать года. Важнее было вот что: на верхней губе у него уже показался рыжий пушок, а голос начал грубеть и ломаться. В последний год он сильно вырос.

Отрочество Уа подходило к концу. Уже давно с нетерпением дожидался он того дня, когда взрослые дадут ему в руки боевое копье, примут в число охотников. Его станут брать с собой на поиски оленей, на охоту за зубрами, носорогами, а может быть, и за дикими лошадьми. Правда, ему придется немного пострадать. Он еще должен выдержать трудное испытание. Но этого он не боялся. Он сам готовился к этому «экзамену зрелости». И не раз он, уйдя в лес, хлестал себя гибкой лозой по голой спине, чтобы уметь, не моргнув, переносить самую острую боль.

Он готов хоть сейчас на какие угодно муки, только бы получить право называться настоящим взрослым охотником.

А пока он еще мальчик. Он должен жить с сестрами и младшими братьями в материнской землянке. Там было и душно и жарко. Хижина битком набита женщинами и детьми. Здесь ютятся четыре семьи: семья его матери и трех ее сестер.

Возле матерей копошится целая куча больших и малых ребят, от длинных подростков до грудных младенцев. Только у самой молоденькой тетki один ребенок.

Под утро воздух в землянке настолько спертый, что трудно дышать.

Люди начинают один за другим выползать наружу, чтобы глотнуть свежего воздуха, освежиться холодной водой.

...Уа вприпрыжку сбежал в овраг и горстью стал черпать ледяную воду, которая, журча, выбегала из-под снега. Несмотря на июньские дни, было почти морозно. С севера тянуло сырым и холодным ветром.

«Старики говорят, — вспомнил он, — в той стороне Великий лед. Летом из-под него течет вода. Там родится много ручьев и потоков. И Большая река вытекает из ледяных ворот. Только это далеко, очень далеко. Ноги заболят, пока дойдешь до Великого льда».

Уа остановился возле ручья и задумчиво стал глядеть в ту сторону, откуда мчался сырой и холодный ветер.

— Брppp!..

Уа озяб и, дрожа от холода, прыжками понесся в гору. Он проворно нырнул в дыру землянки. Воздух проникал в жилье не только через вход, но и через небольшое оконце над дверью. На ночь его обыкновенно затыкали заячьей шкуркой, но утром торопились открыть, чтобы избавиться от духоты.

В землянке царил утренний полумрак. Даже привычный глаз с трудом различал в нем фигуры людей и звериные шкуры, развешанные по стенам. На

полу лежали толстые оленьи меха, они служили постелями. Жилище внутри походило на внутренность большого шалаша или чума. Коническая крыша посередине была подперта крепким столбом. К земляным стенам жилища прислонен изнутри частокол из еловых жердей. Для прочности их связывали лыками или гибкими прутьями ив.

Все уже проснулись. Матери кормили грудью ребят. Кормили не только рожденных в этом году, но часто двух- и трехгодовалых. Кормилицам приходилось сейчас очень трудно: уже два дня все люди поселка жили впроголодь. Запасов пищи не было, дети хныкали и просили есть.

Матери удивлялись, куда пропали охотники-мужчины. Вот уже несколько дней, как они отправились за добычей, и никто еще не возвращался. Верно, забыли, что их ждут, или охота была неудачной.

Начало лета было тяжелым временем. Ягод, орехов и грибов еще не было. Птичьих яиц стало гораздо меньше. Большая часть чикчоков — северных оленей — уже откочевала в тундру. Если охотникам не удавалось овладеть какой-нибудь дичью, приходилось питаться кое-как. Женщины собирали поблизости съедобные травы и корешки. Подростки и девушки в поисках пищи уходили далеко от селений. Ходили гурьбой, чтобы не было страшно.

Уамма только что кончила кормить своего младшего, пятого по счету сына, Лаллу. Она завернула его в мех, сшитый из нескольких шкурок зайца-беляка, и всунула в меховой мешок. Только головка его торчала наружу. Розовый блинчик лица с пуговкой посередине и узкими щелками зажмуренных глаз казался матери краше всего на свете. Уамма подвесила мешок на ремнях к потолку, у самой стены. Нехорошо, когда ребенок на полу. На него недолго и наступить в тесном и темном жилье.

Лаллу не протестовал. Он привык к своему мешку. Он был сыт и потому закрыл веки и спокойно уснул в висячей люльке.

Уамма забросила руки за голову и стала закручивать пучком свои длинные золотистые волосы. На вид ей было около тридцати лет. Она была сильная, красивая и статная женщина.

Как и все матери, она в землянке ходила почти без одежды. Только длинная бахрома из лисьих, песцовых и волчьих хвостов, подвешенных к меховому поясу, составляла что-то вроде короткой юбки вокруг ее стана. Другая такая же бахрома из хвостиков полевок, водяных крыс и мышей охватывала ее шею.

Грудь ее прикрывал меховой нагрудник, сшитый из пушистых шкур и беличьих волосатых хвостов.

Покончив с прической, она подошла к старшему сыну. Уа лежал, закутавшись в меха, и отогревал озябшие руки и ноги.

— Вставай, Уа! — крикнула она. — Рыба в реке! Птицы на яйцах!

Она шлепнула его ладонью по спине и громко засмеялась.

Мальчик вскочил на ноги, и по всему дому раскатился его громкий голос:

— Рыба в реке! Птицы на яйцах! Хо, хо!

С десятков голосов откликнулось ему со всех концов. И скоро целая куча ребят, наскоро натянув на себя меховое платье, стала собираться на охоту. На поляне к ним присоединились дети из домов других матерей. Здесь детвора разделилась на две партии. Девочки-подростки отправились на опушку леса собирать съедобные травы, рыть корешки и искать в гнездах птичьих яйца. Несколько мальчиков, завязанных любителей отыскивать яйца, отправились с ними. Другая ватага двинулась на берег реки. Это были самые старшие из подростков. Рыбная ловля требовала не только искусства, но и силы.

Рыбу добывали руками или рыболовным копьем. Острие такого копья делали из кости. Копьем можно было ловить только крупную рыбу, добыть

которую было не так-то просто.

Старая Каху, Мать матерей Черно-бурых Лисиц, сама вышла, чтобы проводить рыболовов.

К полудню вернулись девочки. Они принесли ворох корешков и съедобных лишайников. В особом мешке были сложены молоденькие птенцы, найденные в птичьих гнездах. Яиц принесли мало, да и те были насиженные. Время кладки уже проходило. Всех запасов пищи было собрано немало, но накормить все население поселка ими было невозможно.

Найденные яйца отнесли прежде всего Каху и другим старухам, которые жили вместе с ней в землянке Родового огня.

Птенцами накормили маленьких детей.

К вечеру вернулись рыболовы. Они притащили довольно много крупной рыбы. Но беда была в том, что старики Черно-бурых вовсе не ели рыбы. Это был пережиток седой старины: предки племени не знали рыболовства. Только недавно Черно-бурые научились печь ее на горячих углях.

Но и до сих пор старики, а особенно старухи, не ели рыбьего мяса — оно внушало им отвращение. Только более молодые решались есть печеную рыбу, но и то лишь тогда, когда не было никакой другой пищи.

На широкой площадке был разведен костер. Около огня собралось все население поселка. Матери кидали рыбу прямо в чешуе на уголья, которые они выгребали палками из костра. Там она, шипя, запекалась, пока кожа ее не обугливалась от жара. Печеную рыбу раздавали желающим. Не давали ее только маленьким детям: они могут подавиться костями.

Обычай требовал всякую пищу предлагать сперва старшим. Лучшие куски рыбы матери отнесли в землянку Родового огня. Там жила сама Каху, Мать матерей поселка Черно-бурых. Там жили старухи — хранительницы огня. Целыми днями сидели они вокруг костра, подкидывая туда еловые сучья. Старики по очереди ходили в лес за охапками валежника.

Когда женщины принесли рыбу, старухи отвернулись и сердито зашамкали беззубыми ртами.

Некоторые плевались.

Фао, самый старый из дедов, сгорбленный, но высокий, поднялся во весь рост и свирепо замахал кулаками. Серые глаза грозно сверкнули из-под мохнатых бровей. Он вдруг рывкнул на всю землянку, словно большой медведь. Женщины с визгом выбрались наружу и начали торопливо жевать отвергнутую пищу.

Художник Фао

На другой день солнце встало золотое и яркое. Его лучи разогнали холодную дымку тумана над оврагом и кочковатым болотом. Но в землянках матерей долго не открывались входные заслонки. Вчерашняя еда только ненадолго утолила голод. В жилье стоял полумрак. Людям не хотелось подниматься со своих теплых лож.

Потом начали плакать дети. Они были голодны. Матери сердились и шлепали малышей. Лучше всего было грудным: они были сыты материнским молоком.

Всех голоднее были старики и старухи. Они по очереди выползали наружу и долго вглядывались в даль, прикрывая глаза костлявыми ладонями.

Сама Каху вышла на площадку и пристально глядела через овраг. Потом она вернулась к очагу и поманила рукой Фао.

Когда он присел возле нее на корточки, она тихонько прошептала ему на ухо несколько слов и показала рукой на землянку Уаммы.

* * *

В жилище Уаммы дети особенно раскричались. Вдруг кто-то сильно толкнул снаружи дверную заслонку, и она упала на пол. Через вход ворвались ветер и холодный воздух. Дети замолкли. Все испуганно оглянулись.

В дверь просунулась белая голова, и вслед за ней в землянку на четвереньках прополз дед Фао. Он огляделся вокруг своими красными и слезящимися от едкого дыма глазами и подошел к шкуре, на которой сидела рыжая Уамма. Фао похлопал ее ладонью по плечу, молча ткнул пальцем назад, к выходу, и молча выполз обратно.

Уамма быстро набросила на себя меховое платье и вышла за ним следом.

В землянке Каху ярко горел огонь. Еловые сучья трещали и кидали вверх целые снопы искр. Это был не простой костер. Это был неугасимый огонь, покровитель всего племени, податель тепла и света, защитник от тайных врагов и «дурного глаза». Серый дым струей поднимался вверх и уходил через крышу в дымовую дыру. Она была открыта настежь. Дым клубился под стропилами потолка и висел над головами. Когда Уамма поднялась на ноги, едкая гарь начала щипать ее зеленоватые глаза. Она нагнулась и ползком приблизилась к очагу. Вокруг сидели старухи. Одни из них были очень толстые, другие — тонкие, костлявые и горбатые, все в морщинах и складках, с дряблой, обвислой кожей.

Мать матерей Каху сидела посередине, на краю разостланного меха бурого медведя. Она молча показала рукой на медвежью шкуру.

— Плясать будешь! Оленем! — сказала она.

Уамма засмеялась и сбросила с себя одежду. Она улеглась ничком на шкуру и положила голову на колени Каху.

Подошел Фао. В руках он держал меховую сумку, из которой вытряхнул какие-то разноцветные комочки. Здесь была желтая и красная охра, белые осколки мела и черные куски пережженной коры. Все это были краски первобытного художника-колдуна.

Фао взял уголек и несколькими штрихами набросал на смуглой спине Уаммы фигуру важенки — самки северного оленя с вытянутыми в воздухе линиями ног. Готовый контур был подкрашен мелом и углем, и стало ясно, что художник изображает весеннюю окраску оленя, когда белая зимняя шерсть клочьями начинает выпадать и заменяется пятнами коротких и темных летних волос. В передней части тела важенки Фао нарисовал продолговатое кольцо, закрашенное внутри красным. Это было сердце оленя, полное горячей крови. Копыта покрыты желтой краской, рога — бурой.

По знаку Каху Уамма поднялась. Старухи отвели ее за костер, так что рисунок был отчетливо виден всем, кто сидел в землянке.

— Тала! — сказала Каху.

— Тала, тала! — повторили за ней хором все остальные.

Этим словом обозначали жители поселка важенку — оленью самку. Теперь Уамма была не Уамма, она стала духом самки оленя.

В зверя ее превратили колдовское искусство Фао и заклинание Каху. Как маленькому ребенку, Уамме можно было внушить все. Она верила словам больше, чем глазам, и воображение, пылкая фантазия подчиняли ее себе целиком.

С той минуты, как Уамма услышала слова Каху: «Ты тала! Ты самка оленя!» — она стала сама чувствовать себя оленьей важенкой. Она стала немой — ведь олени не говорят. Она больше не улыбалась — ведь олени не смеются. Она чувствовала, как на ногах у нее выросли твердые двойные

копыта.

— Ложись! — сказала Каху. — Спи!

Уамма послушно улеглась ничком и зажмурилась. Два старика принесли оленью шкуру и накрыли ее, а впереди положили голову молодой важенки с шерстью и короткими рогами. Через полминуты Уамма уже спала и видела себя во сне оленем.

Каху назвала еще два имени: Балла и Огга.

Это были две другие матери, которые должны были плясать танец оленей.

Огга была маленькая и толстая женщина, Балла — стройная и худая. Огга была самая многодетная из матерей. Балла была молодая и веселая. У нее был один только грудной ребенок. Два года тому назад ее привел из рода Вурров охотник Калли, и она осталась жить с Черно-бурыми.

Фао расписал обеих женщин. Они были раскрашены так же, как и Уамма, и так же укутаны в оленьи шкуры. Всем троим надели на шею по священному ожерелью из оленьих зубов, а на талию — тонкий ремешок, к которому сзади привязали по короткому оленьему хвосту.

Колдовская пляска

Главной заклинательницей племени была Каху. Три матери только исполняли ее волю.

По знаку Матери матерей четыре старика вынесли на лужайку горящие сучья. На них извивались золотые змеи — дети Родового огня. Старики подожгли с четырех концов большую кучу валежника, сложенного посреди поляны.

А кругом уже давно собралось все население поселка. Люди уселись двумя кругами. Внутри сидели дети, кругом — матери, девушки и подростки. Из землянки вышла сутулая Каху. Она опиралась на толстую клюку. Белые космы волос падали на плечи. Голова и руки тряслись. Крючковатый нос нависал над губами.

Старики постлали перед костром три мохнатые шкуры. Каху уселась на средней, опустила голову и тихо забормотала непонятные слова.

Толпа затаила дыхание.

Фао и другие старики вернулись в землянку. Скоро они вывели оттуда трех матерей, окутанных оленьими мехами. Головы их украшали пустые черепа с маленькими рогами молодых важенок. Фао подвел женщин к костру. Каху бросила в огонь связку сухого можжевельника. Пахучий дымок вместе с тучей блестящих искр взлетел в воздух.

Каху и вслед за нею все остальные хлопнули в ладоши. Протяжный мотив заклинательной песни тихо поплыл над замороженной толпой.

Три матери, взявшись за руки, ходили кругом костра. Через каждые три шага они сгибались, опускали руки до земли и срывали зеленые травинки. Так изображали они, как олени пасутся.

Когда плясуньи оборачивались спиной, зрители видели нарисованные там фигуры. И все знали, что перед ними талы — рогатые важенки оленя.

Но вот Каху перестала бормотать. Фао помог ей подняться. Мать матерей провела по воздуху пальцем: это она окружила себя волшебным кругом. Все вскочили на ноги. Старики и старухи, матери и девушки, подростки и маленькие дети сцепились в один хоровод.

Вне хоровода остались только три талы и сама Каху. Губы старухи продолжали шевелиться. В то же время она внимательно искала кого-то глазами. Из взрослых мужчин в хороводе участвовал только один. Это был Тупу-Тупу, искусник в обработке кремня и лучший мастер-оружейник. Его

копья были высшими образцами оружейного искусства. Но Тупу-Тупу был хромой. Искалеченная нога делала его негодным для охоты.

Вдруг Каху протянула свою клюку и дотронулась до проходившего мимо Уа. Он был самый рослый из подростков. Руки и ноги его были стройны, а стан гибок, как молодая березка. Глаза его сияли; на верхней губе слегка пробивался рыжий пушок.

Все остановились. Уа, густо краснея, вышел из круга. Каху подала ему палку с обугленным концом — волшебное копьё в обряде заклинаний зверей. Теперь началась самая важная часть колдовства.

Хоровод снова задвигался. Женщины и девушки пели. Напев их был однообразен, дик. Они пели про то, как всходило солнце из-за синего леса, как вышли на болото три белые важенки — талы — пощипать зеленой травы и сладкой морошки. Выходил тут из леса молодой Уа-охотник. В руках у него острое копьё, во лбу меткий глаз, в сердце у молодца горячая кровь.

В это время Уа опустил на землю. Разрисованные матери ходили вокруг костра и рвали руками траву. А мальчик, сжимая в руке воображаемое копьё, подползал к ним все ближе и ближе. Он изображал, как подкрадывается охотник, как высматривает добычу и рассчитывает свое нападение.

Вдруг он вскочил и с криком взмахнул обугленной палкой. Женщины, девушки и дети пронзительно завизжали, а татуированные матери бросились убежать. Лица их побелели от страха, глаза широко раскрылись. Они бегали вокруг хоровода сколько хватало сил.

Всего трудней было толстой Огге. Она задыхалась, ноги ее подгибались от усталости. Уа быстро настиг ее и ткнул обугленной палкой в спину. Новый пронзительный визг огласил воздух, и Огга, добежав до медвежьей шкуры, рухнула ничком в густую пушистую шерсть.

Фао подошел к ней со своими красками. Он провел угольком черную линию от красного кружочкаверху, а охрой — красную полосу вниз. Это означало, что копьё охотника пронзило сердце и из него побежала красная струйка крови.

Одна самка оленя была убита, но игра продолжалась. Теперь Уа гонялся за Уаммой. Это были не сын и мать: это был страстный охотник, который гнался за испуганной добычей. Уамма бегала лучше Огги, но и она недолго спасалась от своего быстрого преследователя. Он ударил ее, и довольно больно. Фао снова подошел к упавшей на шкуру женщине и проделал над ней ту же церемонию, что и над Оггой.

Теперь настала очередь сразить молодую Баллу. Балла — высокая и стройная женщина. Когда она убегала от мальчика, ветер свистел в ее ушах, и сама она была похожа на резвую девочку-подростка. Уже три круга пробежали они вокруг хоровода, а расстояние между ними почти не уменьшалось.

Вдруг Балла споткнулась о кочку и шлепнулась в траву. Еще мгновение — и охотник был уже над ней. Уа, забывшись, так ткнул ее палкой, что у нее на правой лопатке появилась большая ссадина.

Когда Фао закончил разрисовку поверженной жертвы, у нее на спине можно было заметить две красные полосы. Одна из них была сделана рукою художника, а другая — настоящая кровь, вытекавшая из царапины.

Каху велела всем трем женщинам подняться. Они стали рядом: Уамма — посередине, Огга, с рогом в левой руке, — налево, Балла — направо. Балла держала рог в правой руке и с улыбкой посматривала на Уа, который так больно ее ударил. Но почему-то ей было смешно и вовсе не хотелось сердиться.

Охотник стоял неподвижно с поднятым копьём, как будто прицеливался в добычу. А девушки и женщины пели про оленьих важенек, про то, как они

вышли на болото пощипать зеленой травы и как вонзил им в сердце копьё молодой Уа-охотник.

Загон оленей

Заклинательный танец кончился, но никто еще не расходился. Только Уамма, Балла и Огга побежали проводить своих малышей. Балла мчалась впереди, подсакивая по-детски на одной ноге.

Рыжая Уамма старалась не отставать, но это ей плохо удавалось. Она завистливо любовалась легким бегом Баллы. Сзади трусила Огга. Она тяжело переставляла короткие ноги, пыхтела и задыхалась.

Кашляя и прихрамывая, поплелась в землянку к Родовому огню старая Каху. Она с трудом опиралась на корявую клюку. Губы ее все еще шевелились, как будто она никак не могла кончить свое бормотание.

И вдруг случилось то, что навсегда утвердило за ней славу великой заклинательницы. Из лесу выбежал высокий охотник.

Все обернулись. Дети закричали:

— Калли вернулся! Калли!

Калли показал копьем в сторону болота.

— Чикчоки! — кричал он. — Много оленей, как комаров! Много!

Все радостно засуетились:

— Где чикчоки?

— На болоте! Охотники гонят. Помогать надо! В загон загнать!

Олений загон был по ту сторону оврага. Там на кочковатом болоте были воткнуты два ряда высоких жердей. Между собой они соединялись также длинными жердями, привязанными пучками ивовых прутьев.

Это были две высокие изгороди. Через них не могли перепрыгнуть ни олень, ни дикая лошадь. Изгороди в сторону болота расходились широким раструбом. К береговому обрыву они суживались, как воронка. Здесь оставался проход шагов в семь шириной. Он вел на небольшую площадку — род террасы, сплетенной из древесных ветвей и замаскированной елями. Террасу снизу поддерживали тонкие жерди. Сооружение было очень шатко. Даже человеку ступить на него было опасно.

Все население поселка, кроме старух и больных, приняло участие в облаве. Матери, девушки, подростки и дети лет от семи и старше перебрались на другой берег оврага. Там залегли они длинной цепью, спрятавшись среди низких кустов ивняка. Несколько дозорных во главе с охотником Калли проползли вперед, чтобы лучше видеть все болото.

Ждать пришлось недолго. Скоро из-за низкорослой ивовой поросли показался живой кустарник. Он качался и двигался. Это были рога, одни рога — много десятков ветвистых рогов, еще обросших бурой шерстью, хрящеватых, полных горячей крови.

Но вот показались и сами олени. Словно стадо больших овец, спускались они от леса к болоту. Впереди шли самки с оленями, сзади — крупные самцы с огромными рогами.

Животные шли и оглядывались. Они почуяли беду. О ней говорило их тончайшее чутье. По ветру они узнавали человека за много тысяч шагов. Но ветер относил запах поселка в другую сторону. Зато с тыла он нес им страшную весть: двуногие близко. Это пугало оленей, заставляло идти все вперед и вперед.

Стадо приближалось. Уже слышался глухой храп маток. Явственно можно было различить и хрустящее щелканье их широких копыт: то самое щелканье, которое составляет особенность северного оленя. Оно происходит оттого, что

во время ходьбы при нажиме на землю двойные копыта их сильно раздвигаются.

Это облегчает ходьбу по болоту, по топким местам. При подъеме копыт раздаётся хрустящий звук, от которого и пошло звукоподражательное название «чикчок».

Олени матки то и дело окликали своих сосунков, оглядывались на лес и мордой подталкивали их. Ведь останавливаться было нельзя. Надо было идти во что бы то ни стало, потому что сзади за ними крались неведомые, но страшные запахи. Последние ряды рогачей уже вышли из кустарников, и теперь стало видно все стадо.

В передних рядах их нарастала смутная тревога. Откуда-то с самой земли, с протоптанных между кочками тропинок начинал врываться в их ноздри этот ненавистный и жуткий запах. Опасность была везде. Она надвигалась и от оврага, и от берега реки, и сзади, от опушки леса.

Олени остановились. Одни зорко смотрели кругом, другие поворачивали назад. Их голоса превратились в отрывистый рык, сливавшийся в глухой, басистый гул. И вдруг сзади прорезал воздух громкий охотничий крик, и человек двадцать загонщиков выскочили из-за кустов. Стадо разом рванулось вперед и понеслось наискось к оврагу.

Волчья Ноздря галопом летел впереди всех. С ним рядом весело прыгал через кочки высокий и стройный Ао. Он пронзительно выкрикивал свое собственное имя:

— Ао! Ао!

Волчья Ноздря визжал и рявкал, как дикий зверь. Зрачки его горели.

В это время по знаку Тупу-Тупу женщины и дети выскочили из оврага и с визгом бросились наперерез. Матки шарахнулись в сторону, и все стадо стало вливаться в широкую воронку загона.

Охотники были уже близко и с криком замыкали кольцо облавы.

Олени помчались между двумя заборами. Путь становился теснее. Оленята и матки смыкались к густую кучу. Самцы как сумасшедшие напирали сзади. Свирепый рев мужчин, визг женщин и детей очень испугали оленей. В диком ужасе прыгали они друг на друга, давили маток и оленят. Передние ряды уже ринулись через узкий проход на плетеную площадку.

Площадка покачнулась и с треском рухнула вниз. Но стадо уже не могло остановиться. Задние продолжали напирать. Матки и оленята кучами валились с обрыва. На самом краю олени вскакивали на дыбы и пытались повернуть назад, но напиравшие сзади сбивали их вниз и сами валились за ними. Под обрывом лежали известковые глыбы. Олени падали на них, разбивались насмерть или калечили ноги. Самцы, остановленные давкой, вдруг повернули назад и в отчаянии ринулись обратно. Охотничьи копья не задержали их. Они опрокидывали людей, перепрыгивали через них и мчались дальше. Уцелевшие матки и оленята бросились за ними. В несколько мгновений загон опустел. Вырвавшись из него, рогачи летели по кустам и кочкам. Ушибленные и опрокинутые люди со стоном поднимались с земли.

Старый Фао охал, плевал и растирал ладонями синяки и ссадины от оленьих копыт. Тупу-Тупу скакал на одной ноге и грозил копьём убежавшему стаду. Большой олень ударил его по больной коленке, и теперь он почти не мог ступить на правую ногу.

Пир

Большая часть стада вырвалась из загона. Но и без того добыча была чрезмерно велика. Несколько задавленных и искалеченных оленят остались наверху, в узкой части загона. Колли и Волчья Ноздря приканчивали их.

Добивали оленя палицей из мамонтовой кости и приговаривали ласковые слова:

— Милый! Да кто ж это тебя так ударил? Это не наши! Это чужие! Это люди из поселка Ежей!

Так поступали со всяким сильным зверем. Люди думали, что у каждого зверя, как и у человека, своя тень. Тень ходит с ним рядом. В ненастье и ночь тень уходит одна и бродит невидимкой. Она может являться во сне. После смерти тень остается и живет недалеко от мертвого тела. Если человек убит рукой врага, тень убитого преследует убийцу и может жестоко ему отомстить. То же делает тень медведя, кабана, оленя, хуммы и всякого большого зверя. Убивший прежде всего старался «заговорить» и задобрить тень своей жертвы. Лучше всего ее обмануть: уверить, что убийцей был кто-то другой, пришелец из дальней страны, охотник из враждебного племени.

К счастью, тень довольно простовата. Видит она плохо, а может быть, и вовсе слепая. Ведь глаз-то у нее нет.

Весь поселок торопился спуститься вниз, к месту кровавой бойни. Первыми примчались подростки. Следом явились охотники. За ними прибежали девушки. Молодые женщины пришли с маленькими детьми и грудными младенцами, запрятанными за пазухи меховых рубах. Позднее приплелись старики и старухи. Но никто не думал приступать к пиру до прихода Матери матерей.

Каху осмотрела кровавое побоище и пристально стала вглядываться в заросли ивняка и ольшаника, которые были у самой воды. Тени убитых оленей прячутся, конечно, в этой густой чаще. Каху стала шептать. Она подняла сухую травинку и бросила ее в воздух. Ветер подхватил ее и понес прямо на север. Каху стала лицом против ветра и опять зашептала заклинания. Надо было заговорить недобрые взгляды и отогнать злые слова. Ведь их приносит ветер. Наконец Каху махнула рукой — знак, что можно приступать к еде.

Охотники оттащили более крупных оленей на ровное место. Олени были отданы многодетным матерям. К ним присоединились охотники — их мужья, холостые ловцы, дети, подростки и бездетные или имевшие только одного младенца женщины. Старики и старухи присаживались туда, где было меньше едоков.

Мужчины повернули туши оленей ногами вверх и начали вспарывать кожу зверей острыми осколками кремней. Они делали это быстро и ловко, как заправские мясники. Сдирая кожу, охотники продолжали бормотать свои причитания.

Тупу-Тупу вместе с огромным Калли выбрали хорошего оленя. Охотники освежевали тушу и вынули внутренности — все, кроме сердца.

Острым кремнем Калли перерезал шейную артерию. Ярко-красная струя брызнула из толстой жилы и стала заливать опустевшую полость тела.

Первая проба должна принадлежать Матери матерей. Тупу-Тупу вынул из-за пазухи толстый кривой рог зубра и протянул его Каху. Каху зачерпнула им из живота оленя и с наслаждением выпила до дна.

Потом она возвратила рог Тупу-Тупу и перешла к другому оленю. Ведь там также первые глотки будут отданы ей. Пили по очереди все.

В это время Уамма, жена Тупу-Тупу, заметила трех охотников из селения Красных Лисиц.

Они нерешительно стояли в стороне и голодными глазами поглядывали на пир едоков. Это были Ао, Улла и Волчья Ноздря. Чужие охотники еще не присоединились ни к кому из пирующих. Уамма поманила их рукой. Калли зачерпнул рогом остатки крови и попотчевал сначала одного, а потом и других. Ао успел оглядеть всю группу. Кроме взрослых, здесь были несколько малышей, высокий Уа и его старшая сестра — Канда.

Еще с прошлой весны Канда перешла жить в отдельную землянку, где жили другие девушки.

Канда была хороша. Ао не мог оторвать от нее глаз, пока она не отвернулась, заслонив лицо руками.

— Пей! — крикнул ему Калли. Он поднес Ао полный рог, и улыбка оскалила его крепкие зубы. — С нами гонял — с нами пей! Будешь сильным, как олень.

Ао засмеялся. Когда он кончил пить, ему опять захотелось взглянуть на красивую Канду. Но ее уже не было. Закутав голову меховой накидкой, она торопливо уходила прочь. Кто-то засмеялся, и Канда пустилась бежать.

Теперь победители принялись за мясо. Калли и Тупу-Тупу каменными ножами вырезали мякоть вместе с ребрами и раздавали участникам пира. Женщины получили по куску мяса величиной с голову ребенка. Каждая из них захватывала его сперва зубами, потом острым кремнем отпиливала порцию перед самым носом. Так же делали подростки и дети. Некоторые поджаривали кусочки мяса на раскаленных в костре камнях.

Мужчины-охотники прежде всего набросились на кости с мозгом внутри. Раньше всего они сгрызли с них мясо, а потом крепкими ударами камня разбили костяные трубки. Там внутри скрывалась нежная масса теплого жирного мозга.

Мозг для них был больше, чем простое лакомство. Победитель недаром поедает мозг. Люди думали, что тот, кто съедает мозг, овладевает крепостью ног оленя, быстротой его бега, умением ходить по болотам, его неутомимостью, искусством издали узнавать врага и находить верную дорогу и днем и ночью.

Удивительно, сколько мог съесть человек каменного века в один присест! Он мог голодать по несколько суток, но зато, когда мяса было вдоволь, он пожирал его целые горы.

Жители поселка Черно-бурых и их гости из селения Красных Лисиц пировали до заката солнца. Они глотали сырое теплое мясо оленей, пока веки их не начали тяжелеть.

Пирующие разбредались по землянкам. Некоторые остались отдыхать на том же месте.

Приглашение на праздник

Еще в самый разгар пира к Ао и Улле подошла Каху. Каху была весела. Глаза ее улыбались. Несколько раз она пошевелила толстыми губами, как бы силясь что-то сказать и не находя слов. Вдруг она ткнула в грудь сперва Уллу, потом Ао, беззвучно засмеялась и пошла дальше. Потом вернулась и оскалила кривые передние зубы.

— Зови Красных Лисиц! — сказала она. — Еды много, зверям достанется — песцам и тому, кто любит мед. Зови своих. Вместе гоняли — вместе и есть будем!

Она опять осклабилась, смеясь, замахнулась на Ао клюкой и заковыляла дальше.

Через минуту оба приятеля, захватив в дорогу по доброму куску мяса, пустились в путь. Пробираясь среди пирующих, им пришлось проходить мимо девушек. Когда Ао и Улла поравнялись с ними, девичий разговор сразу умолк. Девушки смотрели на молодых людей, подталкивали друг друга локтями и смеялись.

Одна только Канда не смеялась. Как только Ао встретился с ней глазами, она сейчас же повернулась к нему боком и прикрыла лицо ладонью, как при первой встрече.

Сделав несколько шагов, Ао оглянулся, чтобы еще раз взглянуть на

Канду. Среди всех он видел только ее; он видел, как она приподняла ладонь и следила за ним глазами.

— Вот девушка! — сказал Ао, хватая Уллу за плечо.

Оба приятеля еще раз оглянулись. И только у самого поворота закинули они за спину мешки с мясом и весело зашагали по тропинке вдоль берега Большой реки. Легкие, как лани, длинноногие и сухие, они шли молодым, упругим шагом. Таким шагом могли они двигаться с изумительной быстротой круглые сутки.

Солнце начинало склоняться к западу. Они завернули за мыс возле брода хуммов. Здесь они заметно убавили прыть и озабоченно вглядывались туда, где за кустами скрывалось страшное жилье. И вот, когда они со страхом поглядывали вверх, тихий шорох за спиной заставил их вздрогнуть.

В чаще кустов стоял лохматый толстяк с накинутой на плечи рысьей шкурой. Это был сам Куолу.

— Ха! — сказал он. — Красные Лисицы!

Оба охотника со страхом попятились назад. Потом они вытащили из мешков по большому куску оленины и положили на кучу камней — обещанный дар.

— Вот! — прошептал Ао. — Сказали — принесем, вот и принесли. Это тебе!

— Где достали?

— С Черно-бурыми загнали много оленей! Очень много.

— Ха, — засмеялся Куолу. — Скажи им, что это Куолу послал оленей!

Левый глаз его хитро прищурился, а правый смотрел гордо и как будто поверх собеседников.

Охотники тревожно глядели на могущественного колдуна.

Вот человек! Кто может сделать то, что Куолу!

Улла раскрыл даже рот от страха перед знахарем.

— Идите! — сказал Куолу. — Всегда надо дарить Куолу. Куолу возьмет мясо — Куолу пошлет охоту.

Охотники закинули за спины пустые мешки и бодро зашагали дальше.

Колдун долго смотрел им вслед прищуренным глазом. Когда они скрылись, он приложил ладони к губам и громко свистнул. Из землянки показалась женская голова. Куолу поманил ее рукой. Женщина вылезла наружу и стала торопливо спускаться, толстая маленькая женщина в меховой безрукавке, босая и простоволосая. На шее у нее бряцало костяное ожерелье, а подол короткого платья был обшит бахромой из беличьих хвостов и птичьих перьев.

Это была Иза.

Когда-то она была первой красавицей в поселке Вурров, теперь она постарела и обрюзгла. На ходу она качалась, как утка, но это не мешало ей ловко одолевать все трудные повороты и крутые спуски.

— Возьми! — скомандовал ей Куолу, указывая на мясо.

Иза послушно взяла куски и засеменила назад к землянке.

Опять Куолу

Три дня продолжался пир победителей. После долгого поста люди с жадностью поедали мясо. Ели с утра и до вечера. На другой день начали прибывать люди из племени Красных Лисиц.

Первыми явились охотники и старшие мальчики-подростки. Девушки и дети пришли позднее. После всех доплелись матери с грудными ребятами под охраной стариков. Старухи и слабые старики остались дома и ждали, когда им принесут остатки еды.

За ночь трупы оленей остыли, и холодного сырого мяса уже никто не ел. На берегу горели костры. Женщины раскладывали на углях нарезанные ломти или вертели над огнем большие куски, надетые на палки. К вечеру второго дня Черно-бурые настолько были сыты, что ели уже лениво. Больше лежали около костров, черпали воду из реки берестяными черпалками и пили медленными глотками. Зато Красные Лисицы торопились наверстать упущенное.

Гонцы Ао и Улла не стали есть со своими. Они направились прямо к оленю Уаммы и Баллы. Их встретили веселыми криками приветия. Глаза Ао прежде всего искали Канду. Она сидела на этот раз не с матерью, а недалеко, вместе с другими девушками, возле тушки маленького олененка. Канда улыбнулась при виде молодых охотников. Глаза ее блестели, а на лице пылал яркий румянец.

От солнца с южной стороны побежала по реке золотая дорожка. Был полдень, когда из-за кустов вдруг появился рядом с крайним костром Уаммы волосатый человек. Он был в меховой безрукавке, в меховых штанах, с сумкой и коротким копьём в руке.

Тупу-Тупу первый узнал его.

— Куолу!

Все заволновались. Что ему нужно?

Куолу боялись, его никто не любил. Да и за что было любить? Он был юсора — недобрый колдун. На что ни взглянет — все ему надо, что захочет — то и сделает! Захочет — пошлет удачу, захочет — огненную болезнь.

В долине Большой реки все колдовали. Колдовал каждый охотник. Каждый заклинал словами и танцами дичь, которой он хотел овладеть. Колдовала Мать матерей, заговаривала жизнь и благополучие своего поселка. Колдовала каждая мать для здоровья своих детей. Но их не называли юсорами. Своими заговорами они хотели вызвать благо для семьи или своего поселка. Матери бормотали заговоры у порога своих землянок, чтобы прогнать врагов видимых и невидимых. И это было хорошо. Без этого где искать спасения?

Другое дело — юсора. Он был отщепенец. Он жил вне общины. Его колдовство было корыстно. До общины ему не было дела. Он хотел одного: запугать, отуманить, навести страх, чтобы заставить себе служить. Даже если он жил в поселке, он был один против всех и сам по себе... Колдовские действия его устрашали темную мысль людей и подчиняли их волю. Детское их доверие помогало ему, и он цепко держал их в руках, чтобы жить дармоедом и питаться на чужой счет. Он пугал потому, что на страхе людей держались его могущество и благополучие.

Поклонение кружило ему голову. Он привык брать все, что ему нравится. Отчего не брать, если дают? Куолу брал не только еду, но и украшения, одежду, оружие и разные вещи. Он подстерегал в лесу или возле реки женщин и девушек и уводил их силой в свою землянку. Кроме старой Изы, он держал у себя молодых жен и заставлял их работать. Он запугивал их кривляньями и угрозами напустить на них смерть, если они не будут его слушаться.

Все вскочили, когда Куолу подошел к Уамме. Жадно разглядывая распластанную на земле тушу, колдун молча встал у костра. Ни приветия, ни ласковой улыбки. Людей, к которым он пришел, он считал недостойными своего внимания.

— Мясa! — бросил он свысока, сел на камень и чванно развалился. — Куолу послал оленей! — прибавил он, когда Уамма, надев на острую палку свежий кусок мясa, начала обжаривать его на углях.

Волнение быстро распространилось по лагерю. Люди перестали есть. Все робко смотрели на юсору. Те, кто его особенно боялся, отходили подальше. Иные знали, что колдун на них сердится, другие — просто из осторожности. Матери подзывали к себе ребят и старались заслонить их от опасных глаз

Куолу. Некоторые из молодых матерей подхватили ползающих малышей и, прижимая их к себе, быстро удалились в свои землянки.

Сама Каху, сидя в отдалении, у костра стариков, очертила около себя охраняющий круг и зашептала колдовские слова. Куолу зорко оглядел лагерь и самодовольно усмехнулся:

— Бояться! Чего бояться? В гости пришел!..

Насмешливая гримаса кривила его губы. Он сидел как раз против Ао. Приземистый, с крепкими плечами, с длинными, цепкими волосатыми руками, он в свое время был очень силен. Но заплывшая шея, толстые щеки и сиплое дыхание указывали на то, что обжорство и ленивая жизнь уже наложили на него неизгладимую печать. Бороду и усы он выщипывал, и только несколько седых щетин торчало у него на подбородке. Длинные кудрявые волосы на голове были еще черны, и, казалось, целая плотная копна спутанной шерсти шапкой надвигалась ему на лоб. Целых три ожерелья спускались на его грудь. Одно было сшито из белых песцовых хвостов, другое — из просверленных молодых шишечек ели, третье — из речных ракушек.

Вдруг он оглянулся и увидел сидевших недалеко молоденьких девушек. Безусый рот его осклабился в улыбке, а глаза заблестели из-под нависших бровей.

— Ха! — грубо засмеялся он.

Он сделал движение, как будто хотел встать. Но в это время Уамма подала ему на палке большой кусок обжаренного мяса. Куолу протянул руку и вцепился в мясо крепкими зубами. Жадность была сильнее всех остальных его чувств. Пока он жевал, чавкая, горячую оленину, еще красную и сочную внутри, Уамма бросила тревожный взгляд на Канду. Покосившись выразительно на колдуна, она помахала рукой, делая знаки, чтобы та удалилась.

Девушки вскочили и потащили за собой смущенную Канду.

Колдун заметил это и нахмурил брови.

— Зачем махала? — с досадой сказал он. — Не надо было махать!..

Девушки боязливо оглядывались на ходу. Дойдя до устья оврага, они свернули в него и бегом пустились к землянкам поселка.

Куолу ел кусок за куском. Уамма едва успевала поджаривать ему новые порции. С тех пор как скрылись девушки, он не обращал больше ни на кого внимания. Казалось, он весь ушел в еду. Вокруг него лагерь продолжал понемногу пустеть.

Люди один за другим поднимались со своих мест и исчезали. Некоторые заходили в кусты и прятались в их чаще. Другие скрывались за крупные известковые глыбы и потом, пригнувшись, ползком пробирались к оврагу.

Куолу, казалось, не замечал этого или делал вид, что не замечает.

Вдруг он бросил недоеденный кусок на землю и поднялся с камня.

— Сыт! — сказал он.

Он снял висевший у него за плечами меховой мешок и протянул Уамме. Тупу-Тупу всунул в мешок окорок оленя. Куолу закинул мешок за спину, побряхтел и вдруг внимательно стал разглядывать Баллу. Молодая женщина смугилась и стала медленно пятиться к кустам. Колдун опять нахмурил брови.

— Подойди! — приказал он.

Балла ни жива ни мертва подошла ближе. Колдун указал рукой на ее перламутровое ожерелье. Балла послушно сняла его и протянула колдуну.

Куолу брякнул ожерельем и надел себе на шею.

— Хорошо будет? — спросил он Баллу, громко засмеялся и зашагал по тропинке к своей землянке.

Люди провожали его тревожными взглядами, пока коренастая фигура его не скрылась за береговыми кустами.

Долго еще пирующие сидели молча и никак не могли прийти в себя. Всем

было и тяжело и жутко. Наконец Каху подымила веткой можжевельника в ту сторону, куда ушел колдун.

— Ушел! — сказала она. — Ешьте и пейте! Теперь не вернется.

Все вздохнули с облегчением. Но прежнего веселья уже не было.

Вурр

К вечеру начал накрапывать дождь. Тучи бежали с северо-запада и несли с собой сырость и холод. Гости и хозяева поселка разбрелись ночевать по землянкам. Старики улеглись поближе к жаркому очагу.

На четвертый день стали прятать остатки добычи в глубине оврага.

В этот год зима была вьюжная. Навалило столько сугробов, что в конце зимы весь овраг был засыпан почти доверху, и теперь там все еще лежали и таяли остатки снега.

Весь день мужчины снимали шкуры, потрошили оленей и на длинных жердях переносили приготовленные туши с отрубленными ногами в снег. Всех оленей перенести все-таки не смогли. Несколько туш осталось лежать на берегу. Когда солнце зашло, холодный туман, поднявшись от реки, покрыл берега и всю низкую пойму. Впрочем, и днем было так холодно, что мясо было еще совершенно свежее.

Как только ушли люди, сейчас же из кустов начали появляться песцы. В летних шкурках они не были пушисты и потому казались гораздо меньше, чем зимой. Они были похожи на маленьких тонконогих собачек.

Осмотревшись подозрительно кругом, песцы принялись за еду. Целых оленей они не трогали, но с удовольствием подбирали недоеденные куски, грызли разбитые камнем кости.

Утром поселок проснулся, когда яркие лучи солнца разогнали тяжелый полог тумана. Гости и хозяева один за другим выползали из душных землянок и отсырелых за ночь шалашей. Начинался новый день, сытный и праздный. Люди собирались закончить пир веселыми играми молодежи. Мальчики-подростки разбрелись по кустам на другой стороне оврага. Все были сыты и счастливы. Вдруг раздался пронзительный крик: целая стайка детей стремглав бежала к поселку и неистово кричала. В становище поднялась суматоха. Женщины выскакивали наружу. В первую минуту никто ничего не мог понять. Все кричали и визжали как безумные. Мужчины брались за оружие и тревожно оглядывались по сторонам. Но большинство не знали, в чем дело. Наконец все разъяснилось.

Прибежавшие мальчики на все лады выкрикивали одно слово:

— Вурр! Вурр! Вурр!

Они оглядывались и тыкали пальцами в кусты, где в это время из-за зарослей ивняка показалось мохнатое чудовище. Это был большой медведь, тяжелый и неуклюжий житель лесов и гор ледникового времени. Он шел потихоньку, с перевальцем, покачивая головой. Как только он поравнялся с землянками, людской крик сделался еще оглушительнее. Кричали все. Кричали женщины и старухи; кричали старики и дети; громовыми голосами орали мужчины. Они махали палками и камнями, зажатыми в кулаки. Круглые булыжники и плоские осколки кремней тучами летели через овраг и шлепались в землю вокруг насторожившегося зверя.

Медведь повернул голову и глухо охнул. Он терпеть не мог людского крика. Не нравился ему и запах поселка: горькая гарь костров, едкий людской дух. К тому же он был сыт. Там, на берегу, распугав песцов, он наелся до отвала потрохов оленей да еще закопал себе впрок в кустах два оленьих труп. Глядя на поселок и на мечущихся людей, он досадливо мотал

головой, как будто отбиваясь от рассерженных пчел.

В это время из толпы выскочил Волчья Ноздря, самый сильный охотник поселка Красных Лисиц. С диким криком он стал спускаться в овраг. Прыгая на своих коротких и кривых ногах, он сам рывкал, как дикий зверь. Космы его волос поднимались дыбом, и от этого он казался еще страшнее. За Волчьей Ноздрей двинулись остальные. Женщины и дети в поселке завизжали еще громче.

Медведь оглянулся на людей. В это самое время выбежал Ао с горящей веткой сосны. Он подбежал к краю обрыва, с силой перекинул на ту сторону окутанный дымом сук и вихрем помчался догонять товарищей.

Когда первый ряд атакующих, с Волчьей Ноздрей во главе, взобрался на противоположный берег оврага, все увидели, что медведь был уже далеко. Со страху он мчался огромными прыжками, вскидывая толстый зад и перескакивая через кусты и болотные кочки.

Игры победителей

Охотники с хохотом возвращались домой. Они почти не могли ничего толком сказать. Волчья Ноздря только гоготал и взвизгивал. Он потрясал своей страшной бородой и разевал зубастую пасть. Выразительно взмахивая руками и оглядываясь назад, другие мужчины протягивали руки в ту сторону, куда убежал медведь. Все кричали, не слушая друг друга. Торжествуя победу, они рассказывали о том, как смешно скакал страшный зверь через кусты, как он улепетывал от огненной палки Ао.

Художник Фао не утерпел и принял участие в атаке. Возвращаясь домой, он шел рядом с Уа. Заливаясь смехом и повторяя слово в слово все, что говорил Фао, Уа добавил:

— Эах — трус! Эах побежал как заяц.

Он хотел сказать еще что-то, как вдруг Фао зажал ему левой рукой рот, а правой больно ударил по плечу.

— Молчи! Нельзя! — хрипел он, сжимая ему челюсть. — Нельзя называть. Услышит — придет ночью! В лес унесет!..

Все кругом разом перестали смеяться и сердито глядели на Уа. Некоторые трусливо оглядывались назад. Другие торопились описать вокруг себя черту острием копья. Третьи замахивались на Уа и даже толкали его кулаками в спину. Уа был обескуражен. Он понял, что поступил непозволительно неосторожно.

Сколько раз мать говорила ему: «Не называй громко того, кто любит мед. Назовешь — повстречается где-нибудь, унесет в свою берлогу!..»

И сама она, если доводилось говорить про какого-нибудь сильного зверя, всегда шептала про него в самое ухо, да еще прикрывалась ладонью:

— Чтобы ветер не подхватил. Ветер подхватит, отнесет слова далеко. Залетят в лес, а там их услышит тот, кого назвали. Узнает хозяин, придет, скажет: «Кто меня звал?»

Так говорила мать, и сам Уа сколько раз учил тому же младших. А тут... Что случилось с его головой? Как мог он позабыть?

Настоящее имя медведя было «эах». Но вслух говорили вместо этого «вурр». Это было лишь звукоподражание. Так эах ворчит, когда, забравшись в берлогу, лижет свою лапу. Звали медведя также «лохматым», или «кто любит мед», или «кто сосет лапу». Про волка говорили: «кто воет зимой»; про гигантского оленя — «кто бесится осенью». Слово «хумма» также означало громкое дыхание мамонта и было ненастоящим его именем. Чем сильнее зверь, тем страшнее его накликать. Матери с раннего детства внушали это своим

ребятам шлепками и угрозами. Это было основное правило охотничьей мудрости.

Впрочем, если вовремя спохватиться, дело еще можно поправить. И Фао сейчас же постарался это сделать. Он наклонился и что-то шепнул Уа на ухо. Уа кивнул головой.

— Это не Уа тебя звал, — сказал он, обернувшись лицом к лесу. — Звал тебя мальчик из племени Окуней.

— Вот, — сказал Фао. — Пускай себе пойдет к Окуням. Пускай поищет!

Все засмеялись. Через минуту охотники уже вылезли из оврага и вступили в поселок. Здесь было шумно и весело. Женщины с радостью встречали своих защитников. Дети прыгали и сустились. Девушки визжали. Канда то кружилась, то бегала вокруг землянки и на бегу всплескивала смуглыми руками.

Жители поселка веселились. Никто не мог устоять на месте. Ноги приплясывали сами собой. Руки тянулись к рукам, и вот без уговору составилась огромный хоровод, и людской круг завертелся на лужайке.

Крики и хохот перешли в веселую песню про глупого вурра. В хоровод втолкнули Волчью Ноздрю. На него со смехом накинута медвежья шкура. Теперь он должен был изображать самого страшного эаха. Ноздря сейчас же вошел в свою звериную роль. «Медведь» с ревом бросался на девушек и женщин, а те с визгом разбегались во все стороны, прятались за кусты и за летние шалаши. Актер вскоре перестал быть актером. Он в самом деле чувствовал себя медведем. Да и все окружающие признали это.

Дети плакали от страха и прятались в землянки. Молодые матери прижимали к себе малышей и боязливо смотрели из-за кустов на то, что происходило на лужайке.

В это время, подпрыгивая на одной ноге, приковылял к хороводу Тупу-Тупу. Он махал выхваченным из огня можжевельником. Волосы на его голове были связаны таким же пучком, как у охотника Ао.

Тупу-Тупу зашел со стороны ветра, чтобы искры и пахучий дым летели на «зверя». Оглушительный хохот раздался на поляне, когда Волчья Ноздря стал на четвереньки и уморительно побегал от него по-медвежьи к опушке леса.

Так начался день весенних игр. Сначала играли в медведя, в охоту на разных зверей и птиц. Потом два охотника — Суоми и Хоху — с деревянными рогами на голове плясали буйную пляску дерущихся зубров. Они бодались, толкались и ревели друг на друга, подражая реву диких быков.

Под конец стали играть в ловлю оленей. Мужчины были охотниками, женщины — дичью. Игра состояла в том, чтобы от лесной опушки загнать «оленей» в «загон», то есть в промежуток между двумя землянками. «Олени» старались убежать как можно дальше в лес; «охотники» бегали вслед за ними и гнали их к условленному месту.

В лесу уже темнело, когда отряд молодежи, в котором находились Ао и Улла, выследил между кустами кучку спрятавшихся девушек и женщин. Охотники стали заходить с тыла, чтобы отрезать свою «дичь» от леса. Женщины заметили их и с визгом бросились в разные стороны. Ао больше других увлекался игрою. Он быстро обогнул поляну, чтобы забраться поглубже в чашу леса и перехватить путь убегающим «оленям». Он знал, что сюда побежала Канда.

Вдруг он заметил темную фигуру коренастого охотника, который прятался за кустом и, пригнувшись, следил за тем, что делается на луговине.

В это время две девушки, держась за руки, выбежали на середину поляны и, перешептываясь между собою, со смехом подбежали к кусту. В ту же минуту из-за него выскочил коренастый охотник и, прежде чем они успели повернуться, схватил одну из девушек и вскинул ее себе на плечо. Девушка

громко завизжала и стала вырываться из цепких рук.

— Уамма! Уамма! — кричала она, и неподдельный ужас слышался в ее крике. — Люди, спасите! Тут чужие! Спасите Канду! Уамма! Уамма!

Охотник повернулся и быстро побежал со своей ношей, но не к поселку, а в глубину леса.

Ао понял, что это не игра, а настоящее похищение.

Кровь бросилась ему в голову. В бешенстве ринулся он наперерез похитителю, и, прежде чем тот успел сообразить, Ао сунул ему под ноги свое копьё. Толстяк споткнулся и тяжело рухнул на землю.

Освобожденная Канда вихрем помчалась к поселку, а ее похититель со звериным ревом вскочил на ноги и бросился бежать.

Ао настиг его и ударил копьём в правое плечо. Толстяк завыл раненым волком.

— О-о! Ой! — вопил он. — Куолу убивают! Куолу!

Куолу! Откуда он взялся?

Тут только Ао сообразил, на кого напал он в сумраке леса. На самого колдуна!

Но вместо страха у него на уме было только одно бешеное желание еще и еще раз ударить обидчика Канды. Да и как можно бояться врага, кто бы он ни был, если тот трусливо убегает с поля битвы!

Все же, услышав имя «Куолу», молодой охотник на миг задержался на месте, и Куолу успел юркнуть в кусты. С заячьей прытью промчался он к береговому обрыву, который оказался здесь очень близко. Недолго думая он кубарем скатился вниз по крутому склону, поднимая целое облако песка и пыли.

Ао остановился на краю и сверху погрозил копьём беглецу, который каким-то чудом ухитрился не свернуть себе шею и не переломать ребра.

— Выдра! — крикнул Ао ему вслед самое презрительное слово, какое он знал.

Что снилось Ао

В эту ночь Ао долго не мог уснуть. Ему казалось, что горячий уголь из костра влетел ему в грудь. Там что-то загорелось и жжет его огнем. В ушах все еще раздавался отчаянный крик Канды:

«Уамма! Уамма!»

Кровь кипела в нем, когда он вспоминал Куолу, его звериный вой, погоню за Куолу и свою неожиданную с ним схватку. Узнал ли его колдун в вечернем сумраке леса?

В его мозгу вспыхивали и гасли искры. Слов у него не было.

Поздно забылся он тяжелой, беспокойной дремотой. В землянке было душно и тесно.

Вместе с Черно-бурыми спали двадцать гостей — охотников Красных Лисиц. Лежали все вповалку на оленьих шкурах.

Под утро ему приснилась Канда.

Он видел, будто она сидит в овраге, около ручья. Сидит так беспечно, не знает, что вот сейчас придет Куолу и унесет ее.

Ао должен ее спасти. Вот он уже спускается в овраг. Он торопится, бежит, он уже близко. Ао хочет приблизиться к Канде, но в этот момент огромный лохматый медведь выскакивает из-за кустов и становится между ними.

Медведь смотрит на него зловеще, становится на дыбы и идет ему навстречу. Глаза у него хитрые и злые, как у Куолу.

Ао хочет бежать и не может. Ноги будто связаны. А чудовище все ближе и ближе...

Ао крикнул и проснулся. Весь он обливался потом, а сердце его стучало, как у птицы, зажатой в кулак.

Куолу! Это был Куолу!

Ао сделал усилие и сел на меховой подстилке. Дышать было трудно.

Кто-то ночью закрыл для тепла отдушину, и от этого в землянке еще больше сгустился запах: чад очага и едкий дух сырых кож, содранных с убитых оленей.

Ао на коленях подполз к выходной дыре, отодвинул заслонку и вышел наружу. Здесь ночные страхи разлетелись, словно клочья дыма от ветра.

— А, старая выдра! — шептал он. — Это ты приходил? Погоди!

Солнце еще не всходило, но было где-то близко, за белым пологом тумана. Оттуда уже сияли его лучи и золотили светлые края облаков. Ао вздохнул полной грудью.

Крепкая молодая радость была в нем веселым ключом. Жажда томила его. Пить жители поселка ходили на дно оврага. Ао сбегал вниз и стал черпать горстью студеную воду.

Лесные свадьбы

С утра девушки начали готовиться к играм. Из мешков и сумок они вытаскивали лучшие наряды и украшения: летние безрукавки, расшитые разноцветными мехами, красивые ожерелья из раковин и молоденьких хвойных шишек, бахрому из хвостов маленьких зверьков и из птичьих перьев.

Те, кому очень хотелось казаться красивее, привешивали к ушам костяные подвески. Другие румянили щеки оранжевой охрой или проводили красные полосы на лбу и на плечах.

Цакку нацепила на подбородок блестящий перламутровый кружок, вырезанный из раковины речной двустворки. Уже давно для этой цели в нижней губе ее были сделаны две дырки. А чтобы они не зарастали, в них был продернут шнурочек, свитый из крепких волокон подорожника. В первое время губа болела, нарывала и гноилась. Было так больно, что Цакку потихоньку плакала. Но зато, когда рана зажила, она с гордостью поглядывала на своих подруг, у которых не хватало смелости сделать себе то же самое. Ее круглое лицо сияло, когда она вышла на игры с драгоценным перламутром на подбородке. Она считала себя теперь первой красавицей поселка.

Меньше всего украшений было на Канде и на Балле.

Игры происходили на лесной поляне, недалеко от поселка. После игр Канда привела за руку своего жениха Ао к шалашу, который каждая девушка начинала строить, как только становилась невестой. Вслед за Кандой стали возвращаться и другие пары. Молодожены сейчас же принялись поправлять и расширять свои весенние гнезда. Почти все девушки нашли себе мужей из рода Красных Лисиц или из других поселков. Только тихонькой Ши не хватило жениха.

Ши пришла из лесу поздно и с заплаканными глазами. Зато перламутровый кружочек Цакку оправдал себя в полной мере. Волчья Ноздря — лучший охотник Красных Лисиц — был так ослеплен блеском и игрой перламутра, что покорно позволил привести себя в ее шалаш.

Привели новых мужей и молодые вдовы, мужа которых погибли или пропали без вести. Красивая Балла вернулась из лесу рука об руку с молодым Уллой.

Испытание Уа

В землянке пылал огонь. Было жарко, и пахло дымом костра.

Около очага сидели старики и старшие охотники. Перед ними стоял голый Уа и быстро вращал ладонями заостренную палку. Нижний конец ее был вставлен в дыру, выдолбленную в сухой деревяшке. Палка вертелась, как веретено. От трения обложенный сухим прутом конец ее обуглился и начал чадить. Пахучий дымок серым червячком поднимался из дырки. Старшие серьезно и деловито следили за руками Уа. Пот градом катился по его лицу. Мокрая спина блестела от горячей испарины.

Дым понемногу усиливался.

Уа припал ничком к своей деревянной «зажигалке» и начал раздувать показавшуюся искру. Он прикрыл ее сухой травой и продолжал дуть в нее изо всех сил. Лицо его покраснелось, а щеки надулись, как пузыри.

Наконец родился огонь, трава загорелась, и юноша стал подбрасывать тонкие ветки сухого можжевельника. Огонь лизнул их. Через несколько мгновений пламя уже весело запрыгало и стало пожирать более толстые сучья.

— Хорошо! — сказали старики.

Тупу-Тупу сидел в сторонке на куче оленьих шкур и смеялся. Он еще с утра привел к старикам сына Уаммы и пригнул его голову так, что тот низко склонился перед очагом. Это означало, что Тупу-Тупу просит принять сына Уаммы в разряд охотников.

Старик Фао похлопал Уа по спине, взял его за руку и повел к выходу. Все вышли за ними. На лужайке позади землянок уже дожидались семь старших охотников с оружием в руках.

Чтобы стать охотником, недостаточно отрастить волоски на верхней губе. Нужно выдержать испытания. Нужно доказать, что можешь быть мужчиной.

Испытания начались. Уа должен был показать, как быстро он бежит, как высоко прыгает, как ловко взбирается на деревья.

Потом начались испытания с копьем. Как далеко полетит копье из рук Уа? Как метко попадет оно в цель? С какой силой пробьет сухую оленью шкуру?

В те времена люди еще не знали лука и стрел. А в эпоху, когда жили наши герои, высшим достижением было умение метко кидать копье. Это было трудное искусство. Но сын Уаммы не даром целый год упражнялся. Перед стариками и старшими он показал такую силу и ловкость, что ему мог позавидовать и взрослый охотник.

Но и одного умения владеть оружием все еще было мало. Нужно было знать, как поправить сломавшееся копье, как вставить обратно выпавшее каменное острие и прочно закрепить его в верхнем расщепе древка.

Всем этим искусством Уа уже владел в совершенстве, и судьи остались довольны.

Калли пришел, когда все собрались в охотничьем доме, чтобы перейти к последним испытаниям: Уа должен был показать свою выносливость и терпение.

Юношу заставляли долго держать на вытянутой руке тяжелый камень. Калли ударил его гибким прутом по голой спине. Его щипали, ему крутили пальцами кожу на животе. Калли приказал ему лечь ничком и приложил к телу раскаленный на углях камень. Уа должен был, не охнув, дожидаться, пока он остынет. Уа и здесь показал себя молодцом. Сильное желание стать мужчиной помогло ему стойко перенести все муки.

Это было последнее испытание, и Калли, храбрый охотник поселка, с улыбкой отдал ему свое тяжелое боевое копье. Трудное испытание было выдержано.

Старики вместе с Тупу-Тупу пришли в землянку матери Уа — Уаммы. Они перенесли в землянку охотников вещи Уа: его постель, одежду, его мешки и оружие, которое он себе сделал.

Уамма неожиданно для себя всплакнула. Она все еще считала сына маленьким. И вдруг он уже охотник! Остальные женщины тоже прослезились. Младшие братья и товарищи глядели на Уа с восторгом и завистью.

Вечером опять на лужайке кружился хоровод в честь молодоженов и молодого охотника Уа. Только ночь разогнала всех.

Когда поселок затих, огромный и тяжелый Калли вышел из охотничьей землянки. Он осмотрелся кругом и медленно зашагал вдоль оврага. На самом краю обрыва сидела одинокая Ши. Весь вечер она провела одна, не принимая участия в танцах. И теперь еще глаза ее щипало от слез. Она глядела, пригорюнившись, вдаль, не замечая, как густеют сумерки и наступает ночь.

Калли издали заметил ее, неслышно подошел и уселся рядом.

Обоим не хотелось говорить. Они даже не смотрели друг на друга. Вдруг Калли накрыл широкой ладонью маленькую руку Ши. Девушка улыбнулась, и ее печальные глазки повеселели. В этом жесте она ощутила ласку, и ей было приятно почувствовать теплоту его руки. Так сидели они до поздней ночи.

Месть Куолу

Куолу едва живой дотащился до своей землянки. Рана была неглубока, но колдун потерял много крови. Он провалялся целый день. Иза прикладывала к больному месту листья. Рана перестала кровоточить.

Землянка Куолу была похожа на землянки других жителей Большой реки. В береговой круче он выкопал неправильной формы округлую продолговатую яму, сверху прикрыл ее конусообразной связкой жердей. Промежутки между жердями были закрыты большими кусками белой бересты, а снаружи укутаны пучками стеблей сухой осоки, тростника, камышей и рогоза. В крыше он проделал дымовую дыру. Другая, пошире, со стороны реки, служила дверью.

Стены внутри были обвешаны мехами зверей, пучками растений и рогами оленей. Несколько лошадиных черепов украшали угол, в котором ютился Куолу.

Куолу лежал молчаливый и злой. Все жены не знали, как ему угодить. Колдун капризничал: то лежал с закрытыми глазами, то требовал воды, а когда ее приносили, опрокидывал посуду.

Через день он услышал голоса возвращавшихся домой Красных Лисиц и послал к ним жен за обычной данью.

— За проход! А Черно-бурым сказать: Куолу будет здоров. Узнают скоро! Пусть ждут злого ветра от моих слов!

Так стала всем известна страшная угроза: Куолу хочет мстить!

Через десять дней сам Куолу сказал об этом трем охотникам Черно-бурых. Он встретил их возле реки, недалеко от поселка. К этому времени рана его затянулась. Колдун стал снова выходить.

Куолу потребовал, чтобы в его землянку привели Канду. Он хочет взять ее в жены. А если не послушают, всем Черно-бурым будет плохо.

У Черно-бурых началась паника. Колдун! Юсора! В его власти пустить по ветру всякую беду. Захочет сделать зло — где спасенье?

Женщины приходили уговаривать Канду — пусть идет к колдуну. Они не хотят из-за нее терпеть несчастье. Канда плакала. Ао с копьем в руке стоял перед шалашом и грозил каждому, кто подойдет.

Через день пришло известие: колдун требует в жены не только Канду, но и Баллу.

Ни та, ни другая и слышать не хотели об этом. Но женщины ворчали и

сердито поглядывали на красавиц. Матери пошли разговаривать с Каху. Мать матерей взяла из костра горящую ветку и обошла с ней вокруг землянок. Это немного успокоило взволнованные умы. Но скоро страхи возобновились.

В поселке начали хворать люди, особенно дети. Каждое лето дети болели. В этом не было ничего удивительного. Но в этом году болезнь была особенно злой. Тяжело заболел и умер один из стариков. С каждым днем становилось все теплее и теплее. Тучи мух и мошек вились над поселком. Отбросы были тем местом, где они плодились. Мух становилось все больше и больше, они носились повсюду, быстро распространяя заразу.

В один из пасмурных дней Ао, Волчья Ноздря, Уа, Калли и Улла вернулись с удачной охоты. Они принесли молодого олененка, разрезанного на куски. Но, к их удивлению, никто их не встретил. В охотничьей землянке нашли они товарищей. Остальные охотники тоже вернулись с хорошей добычей.

И старики и дети были сыты, но не было ни у кого обычного в этих случаях веселья.

Все женщины собрались в землянке Уаммы. На полу посреди жилья сидели с каменными лицами Огга, Уамма и другие женщины. Перед ними была вырыта продолговатая неглубокая ямка. Свежая земля, откинутая в сторону, лежала рыхлым валом.

У стены сидели другие матери и молча глядели на два меховых свертка на дне могилки.

В это утро умерли девочка и мальчик — сын Уаммы и дочь Огги.

Трупки положили рядом и начали засыпать землей. Могилка была так мелка, что детские тела покрылись только тонким слоем земли.

Вместе с ними закопали берестяную чашку с орехами, заботливо положили рядом круглый камень — разбивать скорлупу. Поставили деревянную миску с водой. Когда тени умерших захотят пить, они смогут это сделать, не выходя из могилы.

Прежде чем положить детей в могилу, Уамма сняла ожерелье и надела его на шею своему Лаллу.

Три старухи сидели над могилкой. Это были Мать матерей Каху и еще две.

Каху сидела, скрючившись, на земле, и старческие губы ее шевелились. Она бормотала невнятные слова. Одна из старух держала пук можжевельных веток. Время от времени она протягивала одну из них к очагу. Ветка вспыхивала, и старуха передавала запылавшую хвою Каху. Та махала веточкой над могилкой, и ароматный запах горящего можжевельника распространялся по землянке. Когда ветка сгорала, Каху кивала, и та же старуха зажигала новую ветку, а другая высыпала из мешочка горсть серых угольков. Каху кидала их на могилку и прищепывала ладонью к земле. Крючковатый нос ее почти упирался в подбородок, седые космы спадали по плечам.

Потом Каху обошла вокруг землянки и окурила ее можжевельником.

Вдруг раздался тоненький голосок Уззы, восьмилетней дочки толстой Огги.

— А зачем их зарыли? — Она показала пальцем на свежую могилку.

— Им там будет лучше, — сказала Огга. — Они будут жить под землей.

— Под землей темно, — сказала Узза.

— Они пойдут туда, где живут тени, — прошамкала старуха, которая зажигала можжевельник.

— А зачем? — приставала Узза.

— Как — зачем? Они умерли, а теням куда же деваться? Вот ты спишь, а тень твоя ходит. Так и они. Они спят в могилке, а тени будут жить. Нехорошо, когда тень мертвого по земле ходит.

— А отчего им у нас не жить? — продолжала неугомонная Узза. — Мы бы с

ними играли. Или в лес пошли бы за ягодами.

— Глупая! Если тень будет ходить по земле, люди будут пугаться. Заболеть даже можно, если встретишь. Пусть себе ходят под землей. Там такие же есть леса, и речки, и травка. Там им будет хорошо.

Дети окружили старуху и стали спрашивать, что такое тени.

— Тень — такой же человек, только вроде дыма. Сейчас, в полдень, маленький, а вечером станет большой. Когда человек ляжет спать, куда тень девается? Вот ты сон видишь? А это тень твоя летает и все видит. А когда человек умрет, его надо проводить под землю. Там ему будет хорошо. Там в речке он рыбку будет ловить, в лесу ягоды собирать. Всё как здесь, так и там. Только надо о тени позаботиться, а то она рассердится и что-нибудь сделает вредное...

Каху вернулась еще раз к могилке и пошептала над ней. Это она уговаривала тени лежать смирно, не выходить из-под земли и не пугать живых.

Ни Каху, ни Огга, ни Уамма не понимали, что такое смерть. Они не знали, что она — неизбежный и естественный конец всего живого.

Если человек погибает в бою или на охоте, это еще можно понять. Это победитель отнял силу у побежденного или зверь оказался сильнее и одолел охотника.

Но если кто умирает, лежа в своей землянке, — это загадка, и над ней надо хорошенько подумать. Тут дело не обошлось без злого врага. Кто-то отнял жизнь не силой, а колдовством, наговором. Кто-нибудь напустил сперва болезнь, а потом и смерть. Кто-нибудь посмотрел злым глазом, от которого уходит здоровье. Зло можно «напустить» издали. Можно наслать болезнь по ветру. Нужно только знать такие слова. Можно сделать это из мести. Но не всякий может это сделать, а только кто умеет.

Кто же виноват в смерти детей Огги и Уаммы? Кто сумел погубить столько Черно-бурых?

Конечно, Куолу! Он ведь грозил отомстить и отомстил.

А всё эти Красные! Не хотят уступить колдуну, вот он и злится.

Когда Улла вместе с Ао и Волчьей Ноздрей вошли в землянку охотников, они сразу почувствовали что-то неладное. Никто не позвал их сесть у огня. Никто не спросил об охоте. Их встретили враждебными взглядами. Никто не сказал ни одного слова приветствия. Их считали виновниками гнева Куолу и его страшной мести.

В мастерской Тупу-Тупу

Вечером, когда в поселке все сидели по шалашам и землянкам, в летний шалаш Канды просунулась рыжая голова. Это был Уа.

Ао лежал возле костра и раздувал тлеющие угольки. Уа молча сел у входной дыры. Канда вопросительно поглядела на брата. Вид у него был встревоженный.

— Что скажешь? — спросила Канда.

— Что скажу? В поселке все боятся Куолу. Вот умерли Лаллу и Го. Ведь это его дело. Матери толкуют: всему виной Красные Лисицы. Не хотят отдать своих жен. А из-за них Куолу мстит целому поселку. Старый Фао говорит: надо убить Красных! А Калли и Тупу-Тупу спорят. Говорят: не надо. Тупу-Тупу жалеет Канду. Не хочет, чтобы она шла к Куолу.

Канда со страхом слушала брата. Ао положил ладонь на голову жены:

— Не бойся! Ао не отдаст Канду.

В это время во входной дыре показалась чья-то темная фигура. Канда с

криком бросилась прочь. Вдруг все засмеялись:

— Улла!

Улла пришел сказать, что Тупу-Тупу велел звать Ао и Канду к себе.

Тупу-Тупу редко ночевал в землянке охотников. большей частью он проводил время в своей каменной мастерской. Тут же стоял его шалаш, в котором на мягкой подстилке отдыхал он от дневных трудов. Мастерская помещалась около реки, у самого устья оврага. Нужно было спуститься по узкой тропинке и миновать кусты ивняка. Еще издали до ушей охотников стали доноситься глухие удары камня.

— Тупу-Тупу работает!

На площадке под крутым обрывом приютился шалаш. Перед ним все было усыпано осколками кремня. Тупу-Тупу сидел на гладком камне и бил камнем о кремень. У края площадки под навесом сидели на земле люди: Волчья Ноздря, его молоденькая жена Цакку с перламутром на подбородке и красивая Балла. Все молча смотрели на Тупу-Тупу. Вновь прибывшие, не говоря ни слова, уселись на землю и стали ждать.

Тупу-Тупу продолжал работать. Он ни на кого не обращал внимания. Он заканчивал свой кремневый нож. Сейчас делал самую тонкую часть работы — наводил последнюю отделку.

Около камня, на котором он сидел, лежало несколько больших кремневых желваков. Такие желваки добывали из глубины известняков, в которых они заполняли пустые места, размытые водой. Тысячелетия проходили, пока в таких пустотах из просачивающейся сверху воды выделялся кремневый осадок.

Тупу-Тупу брал принесенный желвак и тяжелый ударный камень. На большом камне наковальни он разбивал желвак ударным камнем. Требовалось большое искусство, чтобы отбить от желвака куски, которые были пригодны для выделки орудий. Отбив резким ударом кусок, Тупу-Тупу старательно разглядывал его со всех сторон и, если он был хорош, пускал в дело.

Но это было только начало. Над таким куском еще долго нужно было трудиться. Тупу-Тупу отделявал его постепенно и очень осторожно. Не торопясь придавал кремню ту форму, которая была нужна. Короткими, отрывистыми ударами отбивал он от куска крошку за крошкой, пока кремень не становился по его воле то наконечником копья, то острым ножом.

Такую отделку называют ретушью.

Пещерный человек раннего палеолита еще не умел ретушировать. Его орудия были грубы. Он кончал свою работу там, где мастер поздней эпохи только начинал обработку орудия.

Мастерская каменных орудий не была собственностью Тупу-Тупу. Каждый мог прийти туда и работать сколько захочет. Камни принадлежали всем. Каждый заботился, чтобы в мастерской были большие камни. В известняках часто находили большие круглые желваки, иногда с голову ребенка. Снаружи они были покрыты белой коркой. Каждый умел сделать себе наконечник копья, скребок для очистки шкуры или каменный нож.

Но Тупу-Тупу работал не так, как другие. Он был мастером своего дела. Он любил работу как художник. Ему нравилось волшебное искусство превращать грубый кусок кремня в изящно отточенное острие.

Он испытывал детскую радость, когда от крепкого удара кремень выбрасывал из-под его пальцев голубоватую искру. Глаза его вспыхивали и сверкали. словно огонь, выбитый из камня, перескакивал в его глаза, а оттуда в сердце. И никому не удавалось так точно отбить нужный осколок от круглого желвака. Никто так ловко не умел, надавив со всей силой, отломить от крупного куска тот край, который был ему нужен.

Последняя отделка была самой трудной и рискованной частью работы. Одним неловким ударом можно было испортить все: расколоть, изломать,

свести на нет полученное долгим трудом произведение искусства.

Тысячи лет первобытные люди улучшали обработку камня. Тысячи лет росли трудовые навыки этих «кузнецов» каменного века.

Совершенствуя свои кремневые орудия, человек улучшал самого себя. Точнее становились движения, острее — глаз, внимательнее делался взгляд, упорнее — характер. Упорная работа над камнем изменяла самого работника. Труд делал его сильнее и сообразительнее и все более отдалял от угрюмого образа жителя древних пещер, каким был его отдаленный предок.

Тупу-Тупу хмурился. Капли пота стекали со лба, глаза пристально следили за работой. Язык по временам высывался наружу. Наконец он встал и бросил ударный камень.

Работа была окончена: в руках его блестело острое лезвие великолепного кремневого ножа.

На чем порешили в мастерской Тупу-Тупу

Тупу-Тупу заговорил:

— Красным нужно бежать! — Он свистнул и показал рукой на север. — Убьют, а жен отведут к Куолу. Сегодня заболела еще одна старуха. Еще больше стали бояться. Сердятся на Красных.

За Красных Лисиц заступаются только Уа да он — Тупу-Тупу. Калли молчит.

Говорили тихо, чтобы голосов их не унес ветер.

Ао спросил:

— Что же делать?

— Бежать!

— Куда?

Тупу-Тупу показал рукой на север.

Из поселка Черно-бурых было только два длинных пути: на север и на юг, вдоль берегов Большой реки. На запад шла полоса густого леса. По ней уйти далеко было трудно. Густые заросли и поваленные деревья загромождали дорогу. За лесом начиналась сухая степь. Там бегали стадами сайгаки и табуны лошадей. Там было мало воды.

На востоке за рекой начинались заливные луга. В них еще не просохли болота. Там кучи мух, комаров, слепней. Дальше земля поднималась и болота сменялись лесами, а за ними опять начиналась степь.

Идти на юг, в селение Красных Лисиц?

Это значит проходить мимо Куолу! Куолу зорек. Он далеко видит кругом. Он их погубит всех до одного. Пройти незаметно до своего поселка нет надежды. Куолу сердится на Красных Лисиц. Он будет им мстить, как теперь мстит Черно-бурым.

Нет, дорога только одна. Туда, откуда течет река. Куолу не скоро догадается. Пройдут пять и еще пять дней, и тогда злой глаз Куолу их не достанет.

И тут Тупу-Тупу поведал им удивительную тайну. Он слышал это от самой Унги, прежней Матери матерей Черно-бурых. Она говорила:

«Боишься колдовского глаза — иди к Великому льду. Дойдешь до Великого льда — никто не найдет. На Великом льду съешь сердце хуммы. Ничей глаз зла не сделает. Сам будешь как хумма».

Ао и Улла вскочили и стали громко смеяться:

— Туда! Туда! К Великому льду!

На этом порешили твердо. Волчья Ноздря поднял кверху копьё. Он тоже пойдет. Он не хочет здесь один оставаться — его убьют Черно-бурые, они

сердиты теперь на всех Красных. Канда, Цакку и Балла пойдут с ними. Они не хотят идти в жены к Куолу. Лучше Великий лед!

Тупу-Тупу снабдил каждого лучшим оружием. Охотники взяли по копьё и по ножу, Ноздра — тяжелую палицу с крепкой рукояткой.

Когда стемнело, жены охотников потихоньку пробрались к своим шалахам. Назад вернулись нагруженные всяким добром. Надели зимнее платье, взяли провизию и необходимые каменные и костяные орудия мужей. Конечно, каждая захватила с собой особый женский мешочек с костяными амулетами и бусами, подвесками, красками для губ, для ногтей, для щек, красивыми раковинами, костяными иглами и моточками тонких сухожилий. Балла, кроме всего прочего, нацепила за спину мешок, из которого выглядывала круглая головка маленького Курру. Он привык спать в таком положении. Как только закачалась на спине матери его меховая люлька, глазки его закрылись; он мирно стал посапывать носиком и крепко уснул.

Балла захватила также деревянное огниво, острый кинжал, выточенный из мамонтовой кости, с рукояткой в виде оленя. Ао взял мешок с фигуркой Матери матерей Красных Лисиц. Под ее защитой он чувствовал себя смелее. С ней он спокойнее думал о дальней дороге.

В полночь явился Уа. Он принес свое копьё и сумку с вещами.

— Зачем принес? — спросил Тупу-Тупу.

— Уа пойдет с ними.

Юноша показал на Ао и Канду. Уа пойдет к Великому льду. Он хочет отведать сердце хуммы. Он не хочет больше бояться Куолу.

А вот и последние новости. Старуха Тхи умирает. Ее корчит и гнет. Совсем посинела. Последние силы уходят...

Старики и старухи смотрят как волки. Они говорят:

— Умрет Тхи, убить надо Красных! Пусть жены их идут просить Куолу. Пусть берет их, только бы не сердился.

В охотничьей землянке решили утром взять силой Баллу и Канду, а мужей их убить. Тогда они послушаются.

Уа не останется с теми, кто хочет убить Ао и Уллу. Он не хочет отдавать Канду колдуну, он уйдет вместе с ними, и пусть только Куолу попробует показаться — он узнает, умеет ли Уа кидать копьё.

Беглецы потихоньку спустились к берегу. Тупу-Тупу проводил их до реки. Он велел им войти в воду: вода ведь не держит следов. Никто и не узнает, в какую сторону они пошли.

Тупу-Тупу долго смотрел, как семь беглецов осторожно шагали по реке. Потемки скрыли их. Оружейник долго прислушивался к всплескам воды и потихоньку побрел в свой одинокий шалаш.

Тот, кто убивает носом

Первые дни беглецы торопились. Женщины поминутно оглядывались: не следят ли, не догоняют ли?

Женщинам было трудно. Они не привыкли много ходить. Они искусницы шить платья, делать разную домашнюю утварь, а не шагать по лесам и болотам. Кроме того, им приходилось тащить мешки с домашним скарбом. Особенно тяжело было Балле. Вдобавок к другим тяжестим она несла еще мешок с ребенком.

Возле поселка Лесных Ежей беглецы переправились на другой берег. Ежи недавно поссорились с Черно-бурыми, и с ними лучше не встречаться. Реку перешли вброд, в кустах ивняка дождались ночи и только тогда двинулись дальше. Тучи комаров терзали и мучили их. Развести огонь, чтобы дымом

отогнать мучителей, нечего было и думать. Шли всю ночь и все утро и только к полудню, выбившись из сил, бросились на прибрежный песок и уснули.

Питались беглецы неплохо. Охотники каждый день убивали какую-нибудь дичь. По старицам ловили утят и гусят, подстерегали у водопоев оленей.

Уа, вчерашний мальчик, оказался отличным охотником. Каждое утро четверо мужчин расходились по двое в разные стороны. Ао охотился вместе с Уллой; Волчья Ноздря любил брать себе в товарищи Уа. Эта пара не возвращалась к костру с пустыми руками.

На третьи сутки Ноздря показал рукой на север: там туры переходили вброд на лесную сторону. Беглецы переправились вслед за ними.

На правом берегу было суше и комаров меньше. В безлюдном краю звери и птицы мало боялись человека. К вечеру удалось отбить от стада теленка, и Ноздря заколол его. В другой раз на одной маленькой лесной речке нашли большую колонию бобров. Уа метнул с берега копье в старого бобра и пробил насквозь его хвост, похожий на толстую лопату. Копье помешало бобру спрятаться в нору. Уа вытащил его, и тот больно укусил ему палец. Уа прикончил его ударом камня и с торжеством притащил добычу на стоянку.

В тот же вечер беглецы были испуганы неожиданной встречей.

Женщины вместе с Уллой спустились к реке. Надо было набрать воды в очищенные оленьи желудки.

Вдруг Улла со страхом стал пятиться от кустов лозняка. Оттуда пристально смотрело на него темное мохнатое чудовище. Это был длинношерстый носорог. В те времена эти звери еще бродили по равнинам Европы. Носороги были неприхотливы в еде. От холода защищала их густая шуба из длинных темных волос.

Носорог только что напился. С нижней губы его стекали капли воды. Он стоял спокойно. Но вот глаза его забегали: он не любил встречаться с двуногими. Носорог топнул ногой, наклонил голову и выставил вперед длинный изогнутый рог. Улла побелел, как смерть. В два прыжка он очутился у обрыва и стал карабкаться вверх по береговой круче. Женщины с визгом бросились за ним.

Носорог остался внизу и внимательно следил за ними маленькими злыми глазами. Решено было, не откладывая, уходить от опасного соседа. Охотники с женами наскоро собрали пожитки и двинулись дальше. Но не успели они пройти и тысячу шагов, как Улла вскрикнул и схватил за руку Ао. С ужасом глядел он назад: там снова, словно из-под земли, вырос огромный зверь. Носорог шел по их следам и нюхал землю. Зверь явно следил за вереницей людей, пробиравшихся по берегу.

Что ему было нужно?

Носорог не хищное животное, но у него капризный и вспыльчивый нрав. Он легко раздражается и приходит в ярость. Когда самки ходят с детенышами, самец особенно вспыльчив и готов броситься на каждого, кто окажется близко.

С обратном надо покончить

Тут произошло то, что трудно было предвидеть. Улла вспомнил о Куолу, и его воображению представилась страшная картина: их преследует не носорог, а колдун в образе этого зверя. Улла неистово закричал: «Куолу! Куолу!» — и без памяти бросился в сторону. Он как безумный мчался прямо к береговому обрыву. Ужас до того овладел им, что он, казалось, совсем потерял голову. Но всего хуже было то, что носорог, не обращая внимания на остальных, пустился за ним в погоню.

Улла добежал до берегового обрыва и быстро вскарабкался по кривой, наклонившейся над кручей березе. С ловкостью обезьяны добрался он до первых раскидистых сучьев дерева и судорожно уцепился за ветви.

Носорог подбежал вплотную, потоптался на месте, ударил рогом по стволу и отошел в сторону. Тут он фыркнул, пошлепал длинной верхней губой и шумно зевнул. Он ждал, но Улла забрался еще выше. Наконец зверю надоело ждать, и он медленно удалился. Слышно было, как он ломал кусты и топтал лесной валежник. Когда шум его шагов затих, все понемногу начали вылезать из-за кустов.

Улла по-прежнему сидел на березе. Зубы у него стучали как в лихорадке.

— Это Куолу! — шептал он побелевшими губами.

Как это они раньше не догадались? Вспомнились рассказы отцов. Сколько раз оборачивался он носорогом, медведем, зубром! Вот и теперь...

До встречи с носорогом беглецы начали было успокаиваться. Стали думать: можно, пожалуй, остановиться на постоянное житье. Лето коротко. Незаметно подойдет осень с холодом и дождями, а за ней снежная зима с морозами и метелями.

Не пора ли копать прочные землянки? Не пора ли устраиваться на зимовку?

Оборотень-носорог разрушил все эти планы. Беглецы холодели от страха на каждой стоянке. Они боязливо оглядывались на чащу леса. Куолу в образе носорога преследовал их.

Куолу напал на их следы!

Бежать и бежать! Бежать как можно дальше! Путать свои следы. Делать все, чтобы сбить с толку страшного преследователя. Но этого мало. Колдун оборачивается зверем, пускает в ход свою колдовскую силу — значит, нужно прежде всего ее разрушить.

С утра беглецы приступили к этому важному делу. Ао осколком кремня снял с березы большой кусок бересты. На ней он стал выводить фигуры волосатого носорога, зубра и медведя. Улла слепил из глины высокую колонну возле ручья и на верхушку ее поставил белую фигурку Ло, Матери матерей Красных Лисиц. Пока Ао дорисовывал своих зверей, Волчья Ноздря потихоньку нашептывал в уши статуэтке просьбу защитить их от колдуна.

Но вот рисунок готов. Ао показал его всем. Это были верно схваченные контуры носорога, медведя и зубра. Немного подумав, художник сделал к нему добавление. Это было изображение нескольких копий, вонзенных в тело животного. Потом он прибавил еще два наконечника и большой треугольник. И копья и треугольник были совершенно понятны зрителям.

Копьем художник поражал не только нарисованных животных — он наносил удар живому врагу, оборотню Куолу. Треугольник — это дом, кровля землянки. Это был колдовской приказ оборотню вернуться домой. Копье должно было приковать его к жилищу. Это на случай, если самый удар не уничтожит противника насмерть. Останется жив — пусть сидит дома!

Ао положил бересту к ногам Матери матерей. Ведь это она должна была своим могуществом придать силу волшебным рисункам.

Все семеро окружили фигурку Матери матерей. Ао рассказал ей все обстоятельства дела. Потом все стали просить ее о помощи. Они еще раз повторили нараспев все сказанное художником. Трижды обошли они вокруг Матери матерей. Заклинание кончилось. Можно идти дальше.

Сколько суток прошло после заклинания? Беглецы не считали. Но никогда б они не зашли так далеко, если бы не эта встреча со страшным зверем. Страх уменьшился, но не прошел. Особенную власть имел он над сердцем Уллы. Всякий след тяжелой ступни носорога, медведь, замеченный издали, неясные голоса ночи заставляли его вздрагивать. Напуганное воображение рисовало ему страшные картины... Широко раскрытыми глазами старался он пронзить темноту. Каждую минуту ждал, не высунется ли из леса голова оборотня.

Ночью он со страхом прислушивался к звукам, рождающимся в лесной чаще, к таинственным шумам и незнакомым голосам — ночной жизни птиц и зверей.

Но дни проходили за днями. Река, вдоль которой они двигались, становилась все меньше и уже.

Каждый шаг путников приближал их к истокам и к тому холодному царству ледника, из-под которого выбегали мутные воды тающего льда и снега.

С каждым днем становилось все холоднее. Лесные деревья на высоком, правом берегу становились все ниже и корявее. Приземистые кривые елки и лиственницы с изуродованными верхушками имели чахлый и нездоровый вид. Стволы их были обвешаны длинными прядями светло-зеленых, а кое-где совсем черных лишайников. Ветки их росли только с южной стороны; казалось, они прячутся за толщу ствола от ледяного дыхания северного ветра. Да, это мертвящее дыхание ледника сказывалось на каждом шагу.

Растущие на кочках пурпурные цветы кустистых камнеломок все были собраны тесной кучкой на южном склоне кочек, и по ним легко можно было угадать, где север, где юг, даже в те дни, когда тяжелые серые тучи закрывали днем солнце, а ночью звезды.

Все чаще и чаще среди леса стали попадаться торфяные болота. Они были или вовсе безлесны, или на них росли кое-где тощие, болезненные и редкие погибающие деревца. На более сухих местах земля была покрыта ползучими стеблями карликовых березок. Часто этих стеблей не было видно, потому что они были прикрыты густым мхом, из которого наружу выставлялись только пучки тонких веточек, густо усаженных листьями. Листья были очень маленькие, не больше ногтя мизинца. Но, так же как и у настоящей южной березы, края их были зубчатыми. Если растереть пальцами такой листочек, можно было почувствовать такой же терпкий березовый запах.

Наконец деревья стали попадаться только по берегам рек. Часто встречались то осоковые болота, то моховики. На кочках росли кустики морошки. На одном и том же кусте можно было видеть и белые цветы, и красные незрелые ягоды, и нежные спелые плоды желтого цвета, питательные и приятные на вкус. Беглецы наедались ими до отвала. Даже маленький Курру явно начал выказывать предпочтение ягодам и все реже требовал молока.

Скоро река сделалась совсем узкой. Берега понизились. В оврагах лежали скопившиеся на дне сугробы. Постоянно попадались большие и маленькие озера. Особенно много их было на низком болотистом берегу.

На озерах почти везде виднелись стайки уток, гусей, казарок. Огромные северные гагары ныряли то там, то здесь или, вдруг поднимаясь с воды, быстро неслись по гладкой поверхности, с шумом били по ней сильными короткими крыльями и с трудом отрывались от нее.

Люди с удивлением смотрели на эту безлесную равнину. По тундре бродили стада оленей.

Олени недаром уходили летом на север — здесь их не так тревожили мошки и комары. Здесь вволю наедались они листьями и ягодами кустарников. Между кочками светлыми пятнами белел олений мох.

Охотники каждый день возвращались к стоянке с богатой добычей. Они подкрадывались к зверям ползком, подкарауливали их в кустах у водопоя и

уходили порой довольно далеко от Большой реки.

Впрочем, она уже давно перестала казаться им большой. Женщинам приходилось тащить тяжелые свертки мехов, число которых увеличивалось с каждым переходом. Зато ночью меха спасали их от стужи и холодных туманов. Костры разводили сухими сучьями кустарников.

Один раз они попали в крупнобугристую торфяную тундру. Кочки-бугры величиною с высокий шалаш были раскиданы по всей равнине. Сверху кочки были покрыты сухими лишайниками и белыми цветами морошки. Пробираться между ними было тяжело. Наконец охотники еще издали заметили голубое озеро и поспешили к нему, чтобы скорее выйти из бесплодных и мертвых бугров.

После долгой и утомительной ходьбы они очутились во влажной низине озера, окаймленного широким кольцом зеленых кустов ивняка, и здесь присели отдохнуть. Вдруг Улла толкнул Волчью Ноздрю и показал пальцем в сторону. В отдалении они заметили другие «бугры», которые на их глазах шевелились, переходили с места на место.

— Хуммы! — шепнул Ао.

Действительно, это были мамонты. Они медленно пробирались по течению узенькой речки, густо заросшей корявыми кустами. Речка была узка, и воды издали не было видно. Только полоска береговых ивняков обозначала ее извивы. Хуммы ломали хоботами ветки и отправляли их в свои ненасытные рты. Широкие уши шевелились и топорщились. Детеныши то спускались в воду, то вылезали на берег.

— Это они! Они! — шептал Улла, вглядываясь в стадо.

Ему казалось, что он узнаёт колоссального старого самца, которого он преследовал с горящими хвойными ветвями.

Волчья Ноздря восторженно смотрел на мохнатых великанов. В нем вспыхнула страсть прирожденного охотника.

Хуммы — ведь это не простая добыча. Это добыча из добыч! Один хумма в ловушке — и сыт целый поселок! И не один день, а много, много и еще много. Месяц родится, станет толстым, похудеет и умрет. Вот сколько дней будут сыты люди поселка. Хумма — это гора мяса. Его горб — гора жира. Его шерсть — гора волос. Охотники сплетут из шерсти крепкие веревки, силки для птиц, привязи для ловушек на горностаев. Бивни хуммы — костяные бревна. Из них делает Тупу-Тупу кинжалы, ножи, иглы, а искусник Фао — чудесные украшения, застежки на одежды, изображения Матери матерей. Мало ли что может сделать из них искусный резчик! А сердце? Кто съест сердце хуммы, сам станет как хумма. Никакой зверь не одолеет его. И колдун Куолу будет бессилён делать зло. Недобрый глаз потеряет силу. Дурной ветер не принесет вреда. Охотником из охотников станет тот, кто победит хумму. О нем будут петь песни люди Большой реки. А ребра? Ребра пропитаны жиром. Они горят, как дрова.

Беглецы жадно глядели на мамонтов. Уа дрожал от нетерпения. Ноздря облизывался. Ао и Улла крепко сжимали копыя.

Стадо медленно приближалось к озеру. Впереди шли слониhi, за ними детеныши, сзади самцы. Охотники наскоро оглядели окрестность и быстро перетащили пожитки на ближайший холмик. Там, под защитой торфяного бугра, они и стали устраиваться. Ао и Улла спустились к зарослям ивняка наломать побольше сухих веток. Балла расстелила оленью шкуру и стала кормить малыша. Канда и Цакку отправились к ручью за водой. Волчья Ноздря и Уа исчезли надолго. Они пошли проследить, что делают мамонты.

Вернулись они, когда от озера поползла белая полоса тумана.

Трещина

С тех пор как беглецы наткнулись на мамонтов, женщинам стало еще тяжелее. Охотники ни за что не хотели потерять из виду горбатых зверей.

Если утром стада не было видно, Волчья Ноздря отыскивал свежий след, и все четверо мужчин пускались вдогонку.

Хуммы не делали больших переходов. Днем они паслись по ивнякам и по травяной пойме возле воды, на ночь поднимались в высокую сухую тундру. Они, как и люди, не любили туманов.

В низине лежал лед. Он копился здесь веками. Каждую зиму метели наваливали сверху свежие сугробы, каждое лето солнце старалось растопить их, но это никогда ему вполне не удавалось. Это и был край Великого льда.

В долину Большой реки заходил его южный выступ. Дальше к северу он сливался с обширным сплошным ледниковым покровом, который тянулся отсюда непрерывной толщей до самого Ледникового моря. Чем ближе к океану, тем более мощной становилась ледяная толща. Над финскими и скандинавскими горами ледник лежал глыбой больше километра толщиной и медленно сползал ледяными потоками к югу и юго-востоку. В самом конце южного выступа из ледяного грота выбивались мутные потоки воды. Здесь было рождение Большой реки. К ее сырым и грязным берегам приходило стадо хуммов напиться.

На ночь беглецы разводили костер и жарили на нем куски оленины, выкопанных из нор жирных пеструшек или бросали на уголья костра зубастых щук. На каждой стоянке они втыкали в землю свои копыя вместо жердей, которые тут было трудно найти. На них натягивались оленин шкуры, получался меховой навес, защищавший ночью от холода и туманов.

Ао просыпался с рассветом. Он первый вылезал из шалаша, любил постоять и прислушаться к утренним голосам. Тундра была полна жизни. В ивняке распевали варакушки. Полярные жаворонки, подорожники и желтые трясогузки подавали свои нежные голоса.

У берегов речушек, озерков и непросыхающих луж суетились бесчисленные кулички, кричали красноглазые морские сороки, ряли чайки и вилохвостые крачки. Хищным полетом стремительно проносились темные поморники, квакали в кустах белые куропатки, на воде крикали утки, гоготали гуси, трубили лебеди и отчаянно звонкими и печальными голосами стонали северные гагары.

Летом дождей почти не было. Небо большей частью было ясно. Только порою со льда наползали туманы, и тогда тело охватывала пронизывающая сырость.

Лето перешло уже на вторую половину. Ночи становились длиннее и холоднее. Последние дни женщины стали часто плакать. Они ничего не говорили, но мужчины догадывались, в чем дело. Женщинам хотелось теплого жилья. Они устали ходить с места на место. Нужно было бы сделать землянку, но здесь не было подходящего места. Топлива тоже было мало. А на зимнее время нужно много, много огня. Охотники сами понимали, что пора уходить, но все медлили. Кто же их удерживал? Хуммы!

Каждый день мужчины шагали по следам мохнатых чудовищ. Они изучали их тропы и стоянки.

Один раз Уа, запыхавшись, прибежал к костру. Он хлопнул Ноздю по спине и таинственно показал ему в сторону льда. Охотники сейчас же исчезли вместе с ним. Они не вернулись в этот день на стоянку.

Женщинам пришлось ночевать одним. Ночью северный ветер нагнал снежную тучу. Снег падал хлопьями и завалил кусты и кочки. Было страшно. То и дело, приподняв край полога, вглядывались женщины в темноту ночи. Но никого и ничего в ночном сумраке нельзя было видеть.

Мужчины не пришли и на второй день.

Что с ними случилось? Наконец женщины не выдержали и отправились на поиски.

Везде бежала вода. Снег начал таять. Яркие лучи солнца и нестерпимый блеск снегового поля слепили глаза. У края ледника лежали груды песка и камней. Между ними текла вода. Идти было трудно. И куда идти? Цакку заплакала. Она делала это всегда, во всех трудных случаях жизни. Канда взобралась на холмик, чтобы оглядеть окрестность. Кругом были видны темные вершины холмов. Среди них белели отроги ледника. Ниже шумели бегущие потоки мутной воды. Вдали синели холмы, подернутые влажной дымкой.

Это были времена, когда царство льда дрогнуло и стало медленно отступать к северу. Тающий лед оставлял на месте глину, песок и камни. Длинные гряды их громоздились здесь и там. Песчаные холмы тянулись правильными вереницами. Они обозначали старые границы льда, когда оледенение было еще более мощным.

Между холмами сверкали синие зеркала стоячей воды. Мелкие болотистые речки струились по низинкам, пробираясь к верховьям Большой реки.

С верхушки холма Канда видела десятки озер. В чистой их глубине отражалось голубое небо. Дальше, за холмами, озер уже не было видно, но по белым пятнам тумана можно было догадаться, где была вода. Полярные совы неподвижно сидели на верхушках холмов. Белые перья их сверкали на солнце, как круглые снежные комья.

Вдруг на склоне ледника показались фигуры людей. Канда радостно замахала руками. Это были Улла и Ао. Они также увидели ее и стали бегом спускаться.

— Хумму поймали!

Это были первые слова, которые услышали женщины. Все пошли на место охоты. Здесь толща ледника была прорезана глубокими трещинами. Они доходили до самой земли. Тут пролегалла хорошо протоптанная тропа хуммов. Мамонты не раз переходили ледник, перебираясь с одной стороны долины на другую.

Уа заметил, что даже самых узких трещин хуммы не переступали.

Верный инстинкт подсказывал тяжелым животным грозящую им опасность. Погибали неосторожные. Оставались в живых те, которые боялись.

Присмотревшись, как ходят мамонты, охотники решили перехитрить толстокожих. В том месте, где тропа приближалась к трещине, начались коварные приготовления. Люди натаскали низкорослых елочек и устроили из них легкий мостик шириной около десяти шагов. Промежутки между стволами плотно закрыли нарубленными сучьями ивняка, а сверху накидали снега. Потом крепкими рукоятками копий охотники пробили длинную глубокую канавку впереди мостика. Канавка должна была изображать свежую трещину, которая появилась тут поперек слоновьей тропы.

Копать было тяжело, и на это ушел весь день. К ночи все было готово. Теперь нужно было только ждать.

Короткую ночь охотники провели на льду, тесно прижавшись друг к другу. Утром устроили засаду. Вот наконец показалось стадо хуммов. Впереди, покачивая хоботом, шел старый вожак с огромными бивнями. Он грузно ступал по ледяной тропинке; остальные гуськом тянулись следом. Охотники ясно слышали тяжелую поступь великанов.

Вдруг вожак остановился. Он дошел до канавки. Уши его шевельнулись. Хобот поднялся вверх. Раздался отрывистый звук.

Тревога! Этой трещины не было! К нему подошла старая самка со слоненком. Подошли и другие старые и молодые хуммы. Все они нерешительно трогали край канавки хоботами и шевелили ушами. В это время один из слонят взобрался на покрытый снегом помост. Тонкие елки затрещали, и слоненок

рухнул вниз вместе с кучей жердей, веток и комьями снега.

Старые хуммы шарахнулись в сторону. Слонихи завизжали, подзывая детенышей. Тревога прошла по стаду. Скорее уйти от непонятной беды!

Только одна слониха осталась у трещины. Она звала, но никто не откликался. Слоненок упал вниз головой и застрял на самом дне. Падение оглушило его. Мохнатая слониха напрасно звала... Когда стадо отошло, она перестала визжать и пустилась догонять остальных.

Сердце хуммы

Лагерь был перенесен к самому краю ледника. Охотники выбили ступени во льду, чтобы удобнее было слезать на дно трещины. Вытащить зверя наверх было невозможно.

Первое дело, которое сделали беглецы, было исполнение таинств Матери матерей. Ао долго работал каменным ножом. Он разрезал кожу и мясо на груди у слоненка. Разрубил два ребра, отогнул их руками и вырвал волшебное сердце. С восторгом прижал он его к себе и выхватил из него зубами кусок мяса. Он первый отведать сердце хуммы, и теперь ему не страшны никакие колдуны! Ао смеялся и готов был кричать от радости. Тяжело дыша, он вылез по скользким ступеням наверх и бережно положил к ногам охотников свою ношу.

— Ешьте! — кричал он. — Ешьте! Будьте как хуммы!

Сердце было разделено между всеми охотниками. Уа отрезал от своей части кусочек и сунул его в рот Курру:

— Пусть вырастет силачом, пусть не боится ни Куолу, ни кого другого!

Балла ласково на него поглядела. В это время Канда подбежала к мужу и выхватила у него один из кусочков мамонтового сердца.

Прежде чем Ао успел опомниться, она сунула кусок в рот и быстро его проглотила. Все смотрели на нее с изумлением. Сердце считалось долей мужчины, а женщины его не ели.

— Канда тоже не будет бояться Куолу! — закричала она и, как ребенок, захлопала в ладоши.

Аммуны

Каждый день охотники спускались в трещину и приносили новые порции мяса. Один раз они добыли двух песцов. Шустрые зверьки уже успели разведать, что плохо лежит. По ночам они подбирались к слоненку тем же путем, что и люди. Здесь утром застал их Ноздря и прикончил двумя ударами дубины.

Однажды Уа заметил стадо овцебыков. Они спустились к реке на водопой. Уа с Волчьей Ноздрей подкрались к стаду и убили годовалого теленка. Еды было вволю, зато мало топлива. Приходилось есть мясо сырым. Это, впрочем, их не смущало. Гораздо хуже было то, что все чаще надвигались густые туманы. Они сползали с ледника почти каждую ночь.

В один из вечеров Ао и Улла вернулись к шалашу раньше других. Они принесли свежую добычу и думали порадовать ею жен. Но женщины встретили их бунтом. Едва только охотники показались перед шалашом, как Балла и Цакку подняли неистовый вопль.

— Аа! Аа! — кричали они.

— Холодно! Аммуны! — вопила Балла.

— Злые аммуны! Домой! Домой! — голосила Цакку. — Боимся больших

аммунов!

Разбуженный криками женщин, в шалаше надрывался Курру. Одна Канда не кричала. Она лежала ничком и утирала слезы. Женщины страшно боятся аммунов.

Всякий раз, как с ледника напал густой туман, женщины шептали: «Пришли аммуны!» — и прятались в жилище, стараясь закутаться с головой.

Аммуны — это не просто туман. Туман — холодный пар, облако, ползущее по земле, и ничего больше. Но для Канды, Баллы и Цакку туман — это прежде всего таинственное живое существо. Вернее, целая толпа каких-то непонятных существ. Они двигаются, ползают, улетают и возвращаются вновь. Они замысливают злое и причиняют несчастье.

Ао и Улла поняли одно: их женам надоело жить в новых местах. Они страдают от сырости темных ночей. Они истосковались по теплоте жилища, соскучились по землянкам поселка. Но главное — их смертельно пугают туманы.

Охотники положили на землю убитого зайца и двух белых куропаток. Но решить дело без товарищей было нельзя. Нужно было их дожидаться. Мужчины стояли молча, опершись на свои копья. Женщины уселись на землю и продолжали выть.

— Аа! Аа! Аа! — тянули они, и слезы ручьями стекали по их щекам.

Они плакали громко, а сами следили, какое действие производят на мужчин их вопли и потоки слез.

Иногда они уставали кричать и начинали потихоньку стонать. Потом вдруг, спохватившись, принимались снова причитать, жаловаться и повторять одни и те же слова.

Наконец вернулись Уа и Волчья Ноздря. С их приходом вопли возобновились с новой силой. Охотники с удивлением смотрели на рыдающих женщин. Временами они переводили глаза на Ао и Уллу, и в их взглядах можно было прочесть вопрос: в чем же дело?

Наконец Ао показал на женщин и сказал только четыре слова:

— Боятся аммунов! Хотят домой!

Обратный путь

Возвращаться домой решили без лишних слов. Было ясно, что оставаться здесь дольше нельзя. Мужчины хотя не так, как женщины, но тоже побаивались аммунов. Они спешили к шалашу, едва только издали замечали приближение тумана. Они знали: когда эти холодные белые существа застанут человека вдали от жилища, они сделают его слепым. Человек не знает, куда идти и где его дом.

Но и помимо аммунов все заставляло думать о возвращении. Птицы улетели. Большие звери тоже потянулись на юг. Приближалась зима. Улла еще вчера видел стадо северных оленей. Оно двигалось туда же, куда летели и птицы. А в это утро Уа с Ноздрей узнали, что и хуммы ушли. Их свежие следы вели в долину Большой реки, а там поворачивали вниз по течению. Вдоль берега пролегала их кочевая тропа...

Хуммы ушли! Красные Лисицы пойдут за ними!

Ноздря не сказал ни слова. Он просто начал собирать оленьи и песцовые шкуры. Уа принялся их увязывать. Ао занялся мамонтовой шерстью.

Охотники уже давно собирали ее. Острым, режущим краем кремневых пластинок они резали длинные пучки бурых волос и складывали в углу.

Ао запихал их в меховой дорожный мешок.

Женщины повеселели. После ужина улеглись, успокоенные и обрадованные.

С первыми лучами солнца весело двинулись в путь. Он был далек и труден. Впереди — опасности и тревоги, холода и туманы, дожди и суровые ветры, переправы через реки и ручьи, топкие трясины и болота, покрытые кочками. Но зато там, в конце пути, их ждут теплые землянки!

И Куолу им теперь уже не страшен: они ведь все отведали сердце хуммы. Чего им бояться? Вот почему они без страха пустились в дорогу старым путем.

К югу от тундры охотники снова вступили в криволесье. Равнины, покрытые мхами и лишайниками, сменились редким лесом; то там, то здесь попадались стада оленей.

Наконец пошла настоящая лесная полоса. Лес стоял густой и высокий. Темной стеной потянулись еловые чащи. Они сменялись белыми стволами берез, стройными соснами. Возле самой реки тянулась узкая береговая полоска, по которой идти было легче. Но и она часто перегораживалась старыми деревьями, упавшими с высокого берега вершиной к воде. Половодье осенью и весной каждый год прочищало дорогу. Ледоход стирал молодую поросль и уносил вниз по течению все, что валялось на берегу.

В лиственных рощах было светлее и просторнее. Листья уже пожелтели. Порывы ветра срывали их. Они сыпались вниз и устилали ковром похолодевшую землю.

В одной из таких рощ Уа выследил целое стадо северных оленей. По всем правилам охотничьего искусства Уа обошел стадо и начал подкрадываться против ветра. Делал он это мастерски. Скоро охотник заметил старого самца-оленя и четырех самок с молоденькими оленятами. Он соображал, какой из оленей ближе всего должен подойти к его засаде, как вдруг что-то темное упало с дерева...

Одна из самок сделала огромный прыжок и, закинув голову, ринулась через кусты. Она мчалась прямо к тому месту, где стоял Уа. Охотник увидел зверя, вцепившегося в ее шею. Поравнявшись с кустами, за которыми притаился Уа, важенка остановилась. Колени ее подогнулись, и она рухнула на землю, дрожа всем телом и брыкая задними ногами.

В один миг Уа выпрыгнул из кустов и изо всех сил вонзил хищнику копьё ниже лопаток. Удар был так силен, что кремневое острие пробило сердце; ручьем хлынула кровь. На издыхающем олене извивалась в судорогах темно-бурая «унда» — свирепая лесная росомеха.

Уа добил ее и напился теплой крови.

— Унда! Унда! Отдай мне твою силу! Унда! Унда! Отдай мне твою жизнь!

Покончив со зверем, Уа вернулся к важенке. Она была еще жива, но кровь ключом била из зияющей раны. Силы оставляли ее, взгляд сделался неподвижным. Она вытянулась, лягнула несколько раз задней ногой и затихла.

Тревога

Уа торжествовал. Глаза его блестели, на щеках играли веселые ямки. Неожиданно сделался он владельцем двойной добычи.

Но что же ему делать? Одному не унести. Нужно позвать товарищей. Он еще раз оглядел свои трофеи и бегом пустился к стоянке.

Через полчаса он добрался до лагеря. Мирно курился костер. Перед костром сидела Балла и кормила маленького Курру.

— Где все? — крикнул Уа задыхаясь.

— Цакку с Кандой на болоте, собирают морошку. Охотники не приходили, идут по следам хуммы.

Уа рассказал о своей добыче. Балла весело смотрела на Уа. Какой он

молодец! Какой красивый! Она не забыла еще, как он гонялся за ней с копьём и больно ее ударил.

— Утро придет — надо будет взять, — сказала Балла.

Она улыбнулась, показывая свои белые зубы.

— Нельзя утром, — сказал Уа. — Придут те, которые воют по ночам. Они съедят мясо, а нам оставят одну шерсть.

— Ну, будем кричать! — ответила она весело. — Ао! Улла! Ао!

— Звонко кричишь! Как черный дятел, — сказал Уа.

Оба весело засмеялись и снова принялись громко выкрикивать:

— Улла! Ноздря! Ао!

Потом они уселись и начали ждать. Балла отнесла уснувшего Курру в шалаш. Оттуда вернулась с берестяным кузовком. В нем были спелые ягоды желтой морошки. Оба уселись у костра и стали есть. Но вот зашевелились листья ольхи: это вернулись мужчины.

— Кричали? — спросил Улла.

Уа рассказал о своей удаче. Нужно скорее идти.

Охотники захватили две жерди и быстро зашагали на место, где лежали убитые росомаха и важенка.

Уа шел впереди, другие охотники — за ним. Дошли... Уа растерянно остановился: там, где лежали трупы оленя и унды, было пусто.

Ноздря наклонился и стал рассматривать смятую траву.

— Вурр! — сказал он.

Трава была примята полосой. По ней волочили что-то тяжелое.

— Сюда тащил! — сказал Ноздря. — Сыт был. Тащил спрятать.

Под корнями упавшей елки лежала куча ветвей и листьев.

— Тут! — сказал Ноздря.

Он поворошил в куче копьём. Под валежником лежала зарытая оленья туша. Рядом с ней на обнаженной земле отпечаталась широкая медвежья пятерня.

Медведь был сыт. У оленихи он съел только вымя. Остальное было спрятано на тот час, когда разыграется медвежий аппетит.

Охотники не стали искать росомаху. Они знали, что вурр шутить не будет. Если застанет здесь — придется плохо.

Они быстро вспороли оленью шкуру и ножами отделили оба задних окорока. Всего не донести, да и с медведем лучше было поделиться. Когда все было готово, Ноздря оторвал стебелек травинки и облизал языком. Затем присел на корточки и положил травинку на медвежий след.

— Будь здоров, хозяин! — сказал он ласково. — Мы твои гости! Мы дети твоей сестры. Мы сняли шкуру и приготовили тебе тушку. Не ищи нас. Мы ушли далеко. За реки и озера, за леса и болота...

Наскоро закидали мясо валежником и торопливо пустились к реке со своей добычей. Вдруг Ао остановился:

— Кричат!

Все замерли на месте. Через миг по водяной глади ясно донесся издали отчаянный женский вопль.

— Кричат! Зовут! Тревога!

Швырнув мясо под ореховый куст, охотники вихрем помчались к стоянке.

Неожиданные гости

Стоянка была пуста. Костер догорал. Трава вокруг истоптана. Шалаш наполовину разрушен. Меха раскиданы, часть их унесена.

Все носило следы разбойничьего нападения и борьбы. Не было ни женщин,

ни ребенка.

— Звери! — прошептал Уа.

— Люди! — ответил Ноздря.

— Не звери — крови нет!

— Следы, — сказал Улла и поднял с земли меховой колпак вроде мешка с вырезом для лица.

— Чужой!

Это был богатый колпак. По краям искусная рука нашла нарядную бахромку.

— Женщин нет! — сказал Уа.

Ао показал по течению реки. Он хотел что-то сказать, но в это время раздался сзади женский испуганный голос:

— Ао! Улла!

С берегового обрыва спускалась Балла. Она кинулась в шалаш и с плачем выбежала оттуда;

— Унесли!.. Нет Курру!..

Она выкрикивала бессвязные слова. Было трудно разобрать, что случилось.

А случилось вот что.

Канда и Цакку вернулись поздно. Балла жарила мясо.

Вдруг из кустов выскочил Куолу и с ним много людей. Схватили Канду. Она стала кричать. Балла бросилась бежать. За ней погнался мужчина. Она убежала в лес. Долго бежала, быстро... Все-таки ее догнали; схватили за руки. Тут она узнала Калли!

Калли приказал ей спрятаться и обещал обмануть Куолу. Он скажет колдуну, что не мог ее догнать.

Мужчины поняли: напали Черно-бурые и с ними Куолу. Как он узнал? Хочет мстить? Сколько с ним Черно-бурых?

Балла показала пять пальцев на одной руке, на другой три. Потом затрясла головой:

— Нет. Было темно... Испугалась... Нет! Балла не знает!

Она заплакала. Ао дрожал: мысль, что Канда в руках колдуна, приводила его в ярость.

— Арру! — крикнул он боевой клич Красных и Черно-бурых Лисиц.

В этом кличе был и вызов на бой, и зов, обращенный к товарищам, и возглас мужества, и вера в близость победы. Уа и Ноздря также рвались на поиски похищенных женщин. Один Улла остался стоять с опущенными руками. Он втянул голову в плечи, как будто над его головой уже занесена палица врага. Ао с удивлением посмотрел на товарища.

— Черно-бурых много, — медленно проговорил Улла. — Пять! — Он поднял руку, растопырил пальцы. — Три! — поднял вторую. — Красных мало!

Балла гневно взглянула на мужа и подняла пять пальцев вверх:

— Балла тоже возьмет копье! Будет пять! Калли не будет драться!

Глаза ее сверкали, как у дикой кошки.

— С ними Куолу... Он все может... Он... — шептал Улла.

Ноздря нетерпеливо топнул ногой:

— Красные подкрадутся, как те, кто воет по ночам. Они убьют Куолу. Куолу умрет во сне!

— Красные были у Великого льда. Они ели сердце хуммы! — кричал Уа. — Пусть колдун боится Уа! Уа не боится Куолу! Никого не боится!

Слова эти ободрили Уллу. Он поднял копье:

— Улла тоже ел сердце хуммы. Он не будет бояться.

Балла ласково посмотрела на мужа. Все молча зашагали по следам врагов. Идти нужно было осторожно. Ни шума, ни разговоров. На это был

наложен строгий запрет. Шли долго. Ночные потемки густели каждую минуту. Но вот впереди, у самой воды, заблестел огонек.

— Они!

Десять глаз жадно впились в темноту. Шепотом совещались, что делать: обойти стороной по высокому берегу, подкрасться и выследить всех.

Вдруг из кустов к ним шагнула высокая фигура. Это был Калли.

— Пусть Красные не боятся Калли! — зашептал он.

Калли закидали вопросами, на которые он едва успевал отвечать:

— Там Куолу! С ним еще пять и два.

Калли назвал всех по имени. Канда и Цакку там. Их стерегут. Дурного им не делают. Угощают, а они не едят.

Куолу сердит: Балла убежала. Зачем Калли ее не привел? Хотел убить. Потом прогнал. Велел искать и привести. Если Балла не придет, он убьет Курру, изжарит на костре, а уголья бросит в реку. Пусть Балла идет в жены к Куолу, тогда он ничего не сделает Курру.

Балла заплакала, закрыв лицо ладонями. Уа положил ей руку на плечо:

— Не плачь, Балла! Уа не боится Куолу. Он убьет его.

Волчья Ноздря только зарычал и заскрипел зубами. Ао вместо слов поднял копье.

Один Улла молчал и оглядывался. Калли смотрел на них и удивлялся:

— Вот какие! Колдуна не боятся!

Что случилось за это время в поселке

Когда Красные Лисицы с женами ушли из поселка, Черно-бурые были рады. Думали, что беглецы ушли к Красным. Куолу больше не будет гневаться на Черно-бурых.

Колдун пришел через два дня. Кричал, требовал Канду, грозил послать злой ветер. Ему показали пустые шалаши беглецов и сказали:

— Они ушли к Красным Лисицам.

Через несколько дней Куолу явился к Красным. Он был в колдовском наряде: в расшитой разноцветными шкурками шубе, меховом колпаке, в ожерельях.

Оттуда вернулся лютее волка. К поселку Черно-бурых подступил он черною тучей.

Черно-бурые обманули его. Он им этого не простит. Они узнают, как обманывать Куолу. Наругавшись, он швырнул палкой в Каху и камнем разбил лицо старику Фао. Затем перешел через овраг и на глазах у всех махал на поселок меховым колпаком, обшитым звериными хвостами.

Все поняли: Куолу нагоняет злой ветер. В этом ветре отрава, его ярость, его колдовство!

Черно-бурые, дрожа, прятались по своим норам. Строго запрещали детям показываться наружу. Сидели, скорчившись, вокруг очагов, втянув головы в плечи. Многие накрывали головы меховыми постелями, зажмуривались, боялись дышать, шевелиться и разговаривать. Так просидели они в трепете несколько часов, пока запас топлива не истощился и огонь в землянках не стал угасать.

Тогда поневоле старшие матери осторожно стали выглядывать наружу. Колдуна уже не было.

Перед землянкой Каху ярко пылал костер, и сама она вместе с тремя сестрами-старухами с горящей веткой можжевельника обходила поселок. Она кадила кругом душистым хвойным дымком. Когда сгорала одна ветка, старухи подавали ей новую, зажигая ее от костра или смолистого факела, который нес

за ними Фао.

Каху бормотала колдовские слова. Нос ее низко нависал над провалившимися губами, а губы торопливо шевелились и шамкали заклинания.

Заботы Матери матерей немного успокоили жителей поселка, но тревога все еще не прошла. В самом деле никто не знал, что окажется сильнее: доброе ли колдовство Каху или злое и враждебное колдовство Куолу.

И нужно же было так случиться: трое суток после того не переставал дуть южный ветер. Он принес жаркий воздух, несметные тучи комаров и надоедливых мошек. Ни днем ни ночью они не давали покоя.

Ветер гнал по реке черную зыбь, крутил в воздухе листья.

Он дул со стороны становища Куолу, и этого было достаточно, чтобы Черно-бурые приписали его вражьим козням и силе заклятий колдуна.

Все складывалось в пользу Куолу.

С теплым ветром прилетели маздоки. Маздоки терзают людей, они наводят на них болезни и самую смерть. Колдун натравливает их на своих врагов. Маздоки накидываются на внутренности, сосут сердце, грызут голову, ломают суставы.

На этот раз Куолу выпустил «маздоков живота». Маздоки нападали на старого и малого. Не щадили никого: ни женщин, ни охотников, ни детей.

Умерли два старика и одна старуха. Слег старый Фао. У рыжей Уаммы заболел второй ребенок. Охота была из рук вон неудачной. Не видно было ни оленей, ни диких лошадей. В лесу исчезли зубры и туры.

— Одолевает Куолу!

Охотники сидели на берегу, опустив руки:

— Колдун не дает охоты!

В довершение всех бед заболела сама Каху. Это была явная гибель. Если Куолу сильнее Матери матерей, то где же искать защиты? Больной Фао послал звать стариков и охотников.

— Плохо! Куолу погубит все становище, — говорил он. — Пусть охотники отведут к нему самых молодых женщин.

В тот же день целое посольство — все охотники и женщины — пошло к Куолу с дарами просить пощады. Куолу злорадствовал: Черно-бурые признали его власть! Он долго ломался, гнал от себя прочь, плевал на подарки, кидал на землю ожерелья. Наконец смиростивился: надел ожерелья и принял дары. Ожерелья ему понравились. Он улыбнулся, но тотчас же спохватился, нахмурился и сказал:

— Приду пировать! Мириться будем.

Охотники из сил выбивались три дня, пока разыскали сайгу и двух зубрят.

Куолу пришел со всеми женами. Теперь он первое лицо: что захочет, то и будет! Три дня обжирался мясом, издевался над всеми, бил детей, куражился над охотниками, оскорблял больную Каху. На четвертый день приказал мужчинам идти и разыскивать беглецов. Узнать, где прячутся Канда и Балла, и сейчас же донести ему.

Поиски были напрасны: охотники возвращались ни с чем. Куолу бесился и снова посылал искать. Наконец вернулись двое и принесли важное известие.

В стойбище Лесных Ежей им рассказали, что видели людей на той стороне реки как раз в то время, когда ушли Канда, Балла и Цакку со своими мужьями. Люди шли по низкому берегу. Их было много: пять пальцев и два. Четыре охотника и три женщины. Одна несла за спиной ребенка. Шли туда, откуда течет Большая река. Шли вечером, прятались за кусты; видно, боялись, что их увидят.

Утром Ежи перебрались на ту сторону. Хотели узнать, что за люди, но ничего не узнали.

С тех пор прошло много дней. Месяц родился и умер, опять родился и опять умер...

Так говорили Ежи...

На другой день Куолу отобрал восемь самых сильных охотников и пошел отыскивать Канду и Баллу.

Калли рассказывал:

— Канда не боится Куолу. Когда он схватил ее у костра, она сдернула с него колпак и расцарапала ему щеки. На стоянке он велел привязать Канду к дереву. Когда Куолу подходит к ней, она плюет на него и скалит зубы как волк. Куолу боится ее.

В это время громкий смех прервал Калли. Ао весело запрыгал на месте, хлопал в ладоши и, как ребенок, захлебывался от радости.

— Канда! Канда! — кричал он, и ноги его выплясывали веселый танец.

Ноздря ладонью зажал ему рот и сердито зашипел:

— Молчи! Услышат!

— Канда не боится! — смеялся Ао. — Она ела сердце хуммы там, у Великого льда.

— Все ели! — прибавил Уа. — Куолу ничего нам не сделает.

— И наша Мать матерей Ло сильнее вашей Каху, — прибавил Волчья Ноздря. — Она нам поможет.

Лицо Калли сияло. Ао вынул статуэтку Ло и положил на землю. Все Красные Лисицы стали шепотом просить покровительницу их рода помочь им спасти женщин.

— Теперь идем! — сказал Ноздря.

И все шестеро стали спускаться с кручи.

В лагере все спали; спали и сторожа возле привязанных женщин.

Из кустов тихо вышел Калли и подошел к дремавшему Куолу.

— Балла пришла, — прошептал он на ухо колдуну.

Между двумя кустами лозняка стояла и улыбалась Балла. Колдун поднялся с земли и пошел к Балле. А она, смеясь, пятилась назад, в кусты. Вдруг страшный удар по голове свалил колдуна с ног. Это Уа ударил его тяжелой палицей. Куолу упал, но тотчас же поднялся. Он выхватил из-за пояса костяной клинок, похожий на веретено, и бросился на юношу. Но в это же время Ао и Волчья Ноздря с двух сторон вонзили в него копья, и колдун опрокинулся навзничь. Улла в стороне со страхом смотрел на молчаливую схватку.

Что же будет теперь? Отсохнут руки у Волчьей Ноздри, Уа, Калли и Ао?

Нет! Руки не отсохли, и колдовская сила никого не поразила.

Куолу был мертв!

Калли будил Черно-бурых.

Все произошло так быстро, что никто ничего не слышал. Улла и Ао бросились развязывать пленниц. Балла схватила своего голодного Курру, который несколько часов провисел в мешке на дереве.

Черно-бурые протирали глаза. Они сначала ничего не могли понять. А когда поняли и увидели, что Куолу лежит и не дышит, стали кричать и смеяться. Все радовались, точно с них свалилась каменная глыба. Больше колдун не будет их мучить!

Волчья Ноздря приказал кидать в костер сухие ветки.

Скоро пламя поднялось высоким снопом. Золотые искры летели вверх до самых верхушек елок.

Колдуна нельзя было оставлять лежать и нельзя хоронить, как других. По поверью, его тень целый год так же опасна, как и сам колдун. Только огонь мог его обезвредить.

Когда костер разгорелся, Уа с Волчьей Ноздрей подняли колдуна под

руки и понесли к огню. Тень колдуна тянулась за ним по траве. Она была еще жива. Она трепетала и шевелилась! Сильным толчком Куолу бросили в самую середину огня и закидали сухим валежником.

После Калли с жаром рассказывал всем: он ясно видел, как тень Куолу вспыхнула, словно сухая трава. Колдун сгорел вместе со своей тенью.

Ветер подхватил дым и понес его к Великому льду. Охотники кидали в огонь все новые и новые сучья, и огонь целую ночь взвивался до верхушек елей.

Когда взошло солнце, от колдуна остался один пепел. Пепел бросили в реку, и вода понесла его вниз.

Красные Лисицы и Черно-бурые долго сидели вокруг костра.

Встреча гостей

Большой известковый камень торчал из воды. На этом камне стоял Тупу-Тупу с гарпуном. Тупу-Тупу сам выточил из рога оленя зубчатый наконечник гарпуна. Он делал его как художник. Оттачивая острие, он говорил при этом ласковые слова и просил орудие хорошо служить свою службу. Всякая вещь любит, чтобы с ней хорошо обращались.

Может быть, Тупу-Тупу оттого и был лучшим мастером поселка, что был ласков с вещами. Да, он знал слова и умел их говорить. Оттого и оружие, сделанное его руками, работало на славу.

Вот и теперь... Длинная щука хотела было прошмыгнуть незаметно между двумя камнями, но гарпун Тупу-Тупу молниеносно пригвоздил ее к песчаному дну. Щука была тяжела. Тупу-Тупу с трудом поднял ее на воздух. Она отчаянно хлопала хвостом и разевала зубастую пасть. Она рвалась и билась, но гарпун знал свое дело: он держал ее крепко. Рыба была поймана, и Тупу-Тупу бросил ее на берег.

С тех пор как Куолу увел за собой восемь сильных охотников, Тупу-Тупу почти забросил свою мастерскую.

Кроме него, оставалось только пять охотников. А в поселке было еще немало людей: дети, матери, старики, старухи и больная Каху. Всех их нужно кормить. Все они хотели мяса.

Хромой Тупу-Тупу выбивался из сил. Ходить далеко ему было трудно. Зато он хорошо умел подстерегать зверей у водоемов, мастерил хитрые ловушки на птиц и на зайцев и метко бил рыбу. Правда, старики и старухи не любили ее, но все-таки рыба была сытной пищей.

На этот раз вместе с ним на берегу было двое подростков из поселка Черно-бурых. Звали их Скалту и Туанту. Оба они также держали в руках по гарпуну и подстерегали крупную рыбу.

Вдруг один из них вскрикнул и показал рукой на север. Там, из-за поворота реки, выплывало что-то длинное и большое. Это была целая вереница плотов, и на них виднелись люди. На каждом стояло по два гребца. Они упирались шестами в дно реки и управляли движением неуклюжей флотилии. Плоты несло вниз. Последнее время шли дожди, и вода прибывала. Где-то там, на севере, усиленно таяли ледники, и речные потоки становились полноводнее и быстрее. Начинался осенний паводок, и река тащила немало стволов, смытых с речных берегов. Из этих плавучих деревьев и были связаны плоты.

Что это за люди плыли сюда? Враги или друзья?

Тупу-Тупу вместе с мальчиками спрятался в береговые кусты. Наконец один из мальчиков закричал:

— Калли! Там впереди Калли!

На переднем плоту ясно выделялась богатырская фигура Калли. Понемногу

стали узнавать и других. А вот и женщины.

Плоты стали причаливать к берегу. На каждом из них лежали туши убитых зверей. Все ясно: Куолу возвращается домой. Он везет пленников, новых жен и добычу: три оленя, две сайги, кабана с оскаленными клыками.

Но где же сам колдун? Его нигде не было видно.

— Где Куолу? — спросил Тупу-Тупу, когда Калли шагнул на прибрежные камни.

Громкий смех был ответом. Веселы были все, кто вернулся. Убежавшие женщины и их мужья не похожи были на пленных.

Начались разговоры. Разом говорили все, смеялись, перебивали друг друга.

Из всех криков Тупу-Тупу только и понял одно: Куолу больше нет! Уа убил его. Пламя костра съело его вместе с тенью. Бояться некого. Конец всем бедам, конец и страху перед колдуном.

— Скалту! — закричал Тупу-Тупу. — Беги скорей! Скажи всем в поселке: наши приплыли на плотях. Все вернулись, а Куолу больше нет. Убили его, и тень его сгорела! Беги! Скорее беги! Как ветер!

Мальчики вприпрыжку помчались по крутой береговой тропинке.

Через несколько минут весь поселок зашевелился, как растревоженный муравейник. Из выходных дыр остроконечных домов один за другим вылезали люди. Женщины, старики, девушки и дети окружили быстроногих гонцов и наперебой расспрашивали о том, что случилось.

Мальчики показывали на реку, кричали, смеялись и наконец повели всю толпу к речному берегу. Дети, как зайцы, понеслись вперед. За ними следом побежали девушки и матери поселка. Художник Фао величественно выступал перед кучкой седых стариков. А позади, задыхаясь, торопились старухи. Две из них вели под руки взволнованную Каху. Голова и руки ее тряслись, губы шевелились и бормотали привычные заклинания. Она с трудом опиралась на сучковатую палку, и седые пряди ее волос извивались от ветра, как белые змейки.

Когда жители поселка гурьбой спустились к реке, они застали на берегу веселую пляску. Быстро двигался танцующий круг. Весело размахивая копьями, приплясывали охотники. Громко кричали Ао, Улла и молоденький Уа.

Но всех веселее, хоть и нескладно, топтался на месте оружейный мастер — хромой Тупу-Тупу.

Гнездо колдуна

Три дня праздновали Черно-бурые победу над страшным Куолу.

Давно уж не было столько веселья в запуганном колдуном поселке.

Хороводы вокруг костра сменялись играми, игры — песнями и плясками молодежи.

Когда ноги устали от танцев, а горло от крика и песен, из дома охотников вышел Калли. В одной руке держал он боевое копье, в другой — смолистый факел, пылавший ярким огнем. Это был факел мести. Его зажигали, когда собирались воевать или хотели отплатить за нанесенные обиды.

— Идем разорять гнездо колдуна! Куолу долго издевался над нами. Уводил жен и девушек и у Красных и у Черно-бурых. Колдуна больше нет, а колдунья еще есть.

— Разорить его гнездо! — закричали охотники и побежали за оружием.

Сборы были недолги. Обид накопилось столько, что большинство мужчин и даже хромой Тупу-Тупу решили идти вымещать их на жене колдуна, на всем его отроде.

Группа охотников осторожно приближалась к становищу Куолу.

Старшие дочери Изы давно уже обзавелись семьями и целой кучей ребят и поселились в собственных землянках.

Многочисленные жены колдуна давно уже не помещались в одной землянке. У них также было по целому выводку ребят, и все они кормились данью окрестных охотников.

Остроконечные крыши землянок-шалашей и дымы пылающих очагов охотники заметили еще от лесной опушки. Вокруг поселка поднималось несколько высоких жердей. На концах их были надеты черепа зверей. Тут были волчьи головы с оскаленными зубами, толстый медвежий череп, оленьи черепа с огромными рогами. Шкурки лисичек, песцов и куниц были насажены на высокие палки.

Охотники из-за кустов зорко высматривали все, что происходило в поселке. Между летними шалашами не было ни души. Можно было подумать, что тут никто не живет, если бы не столбы серого дымка над кровлями.

А между тем в землянке Куолу, низкой и темной, как кротовая нора, жизнь шла обычным порядком.

Во всех углах на разостланных шкурах копошились дети, подростки и грудные ребята.

Несколько молодых женщин сидели прямо на полу и сшивали крепкими, как струна, сухожилиями, продетыми в костяные иголки, шкурки мелких пушных зверей. Другие мастерили из этого материала одежду, похожую на меховой мешок, с прорезями для рук и головы.

Красивая, молоденькая Ши грустно сидела в стороне.

Она всех тяжелее переносила свою участь. Первое время она день и ночь мечтала о том, как убежит. Но рассказы про жестокость и волшебную силу колдуна лишали ее мужества. Ведь от колдуна никуда не уйдешь. Он всегда настигнет ее своим колдовством. Он может мстить на расстоянии. Он оборотень и под видом дикого зверя догонит ее везде, куда бы она ни убежала.

Она боялась не только самого Куолу, но и его старшей жены Изы. Другие жены уверяли, что Иза тоже колдунья и так же умеет насыщать порчу и болезни. Легковерные женщины сами поддерживали ужас перед Куолу страшными рассказами о колдунах и колдуньях, их чудесах и могуществе.

Старой колдуньи не было в общей землянке. Она сидела на берегу обрыва и вглядывалась в даль своими дальнотзорными глазами.

— Так и есть, — шептала она. — Это возвращаются хуммы.

Далеко к северу в поемных лугах она давно уже заметила вереницу темно-бурых точек, которые медленно приближались к реке.

— Возвращаются! — шептала она себе. — Будет! Нагостились! Пора и домой!

И она манила их пальцами, приглашая мохнатое стадо вернуться в свои леса, где для них уже заготовлена большая ловушка.

— Домой! Домой! — повторяла она, подзывая их к себе, и с радостью заметила, как все стадо не спеша стало спускаться в воду.

В том месте, где находился брод, стадо, очевидно, собиралось перебраться на лесную сторону.

Колдунья поднялась и, колыхаясь своим дородным и жирным телом, пошла к землянке. Но только она успела пролезть в дверную дыру, как из лесу выбежали Черно-бурые и с криком окружили землянку.

— Эй, выходите! — кричал Калли. — Колдуна вашего мы сожгли. А то и с вами будет то же самое!

Из летних шалашей, из других землянок стали показываться испуганные женщины, но им скоро объяснили, что бояться нечего, потому что охотники

пришли освободить их из плена и проводить домой.

Старший сын Куолу, силач Уду, хотел было броситься с копьем на Тупу-Тупу, но тяжелая палица Калли повалила его на землю.

— А где же Иза? — кричали Калли. — Тащите сюда старую колдунью!

Старуху под руки притащили на расправу.

— Мы убили твоего Куолу. И мы не боимся никого. Мы ели сердце хуммы у Великого льда. Теперь нам не страшны твоё колдовство и твои наговоры!

Так кричали Ао и молодой Уа, свирепо размахивая дубинами над её головой.

— Стойте! — пронзительно крикнула Иза, и глаза её хитро прищурились.

— Иза пригонит вам целое стадо хуммов. Только не троньте моих волос! Не трогайте моих детей! Не ломайте моего дома! Ступайте мирно домой. И за это я пошлю вам целое стадо хуммов.

— Откуда же ты их возьмешь? — спросил Тупу-Тупу.

— Положите ваши дубинки. Куолу был великий колдун, он научил меня приманивать зверей и птиц. Скажи, Тупу-Тупу, чтоб они меня не трогали.

— Пригони к нам хуммов, и никто тебя не обидит.

— Ну, положите дубинки! Вот так. Теперь смотрите!

Иза проворно юркнула в свою землянку и через минуту вышла оттуда опять, держа в руках две длинные еловые ветки с пылающими концами.

Приплясывая и приседая, обошла она сперва вокруг землянки, махая дымящимися ветвями над своей головой с каким-то непонятным бормотанием. Потом она подошла к кучке сухих еловых шишек, наваленных возле жилья, присела перед ними на корточки и стала раскладывать их по земле, все время приговаривая вполголоса:

— Хуммы! Хуммы! Хуммы!

Выложив длинный ряд из двадцати или тридцати шишек, она подняла над ними тлеющие концы веток.

Колдунья пошептала еще немного, очень быстро поднялась с земли и стала лицом к положенным шишкам. Тут она стала делать манящие движения обеими руками, как будто подзывая их к себе.

— Ну вот! Теперь идите за мной! — сказала она, кончив свои заклинания.

Она подняла с земли дымящиеся ветки и повела за собой всю толпу присмиривших мстителей. Тропинка шла через кусты и вывела скоро всех к краю обрыва высокого берега.

— Вот! Смотрите сами!

— Ах! — громко вскрикнул Улла, пораженный зрелищем.

По ту сторону Большой реки по низкой равнине заливных лугов прямо с севера двигалось большое стадо мамонтов. Они шли один за другим. Хуммы были еще далеко, но медленно приближались по той самой тропе, по которой весной уходили отсюда в далекую тундру.

С высоты крутого нагорного берега можно было ясно различить их спокойные движения. Было видно, что впереди стада на этот раз величаво шагал старый самец с крупными бивнями, раскачивая в стороны толстый хобот. За ним следом шагало еще несколько взрослых самцов. Дальше виднелась вереница самок, которых можно было узнать по их коротким, менее крупным бивням. Рядом с матерями или позади них поспевали подросшие за лето слонята. За эти месяцы северных кочевий они стали как будто солиднее и уже не резвились так, как это делали весной.

Все стадо растянулось длинной вереницей, с большими промежутками между отдельными животными. Самые дальние мамонты казались совсем мелкими букашками. Но все-таки можно было хорошо разглядеть, что на дальнем конце, замыкая шествие, шли самцы.

Охотники были глубоко потрясены успехом колдовских заклинаний Изы. Доказательство их могущества было налицо.

Как можно было теперь сомневаться в чародейном искусстве старой колдуньи?

— О! Она, верно, знает слово, которое знал Куолу, — перешептывались между собой охотники.

— Видно, что умеет колдовать!

— Хорошо, — сказал Тупу-Тупу, подходя к Изе. — Теперь мы сами видим, что ты можешь сделать хорошо, если захочешь. Сделай так, чтобы хуммы пришли в наш лес. Мы поймем хумму в нашу яму и принесем тебе много мяса.

— Хорошо, — сказала Иза. — Я пригоню хуммов в ваш лес. Я пригоню вам и других зверей. Идите мирно домой и не поднимайте дубинок на Изу, на ее детей и внуков.

Так неожиданно закончился, к полному благополучию Изы и ее поселка, этот поход мстителей, собиравшихся жестоко расправиться со всем многочисленным потомством ненавистного колдуна.

Женская хитрость колдуньи оказалась сильнее свирепых намерений этих простодушных взрослых детей природы.

Калли вывел из страшной землянки колдуна счастливую Ши, с которой он был разлучен столько дней. Другие освобожденные жены Куолу также почти все забрали своих детей, чтобы вернуться с ними в поселок Черно-бурых.

Две-три более пожилые женщины предпочли остаться здесь. Они уже давно привыкли и к Изе и к ее поселку, и менять это привычное жилье на другое у них не было никакой охоты.

Облава

Черно-бурые зажили теперь довольной и спокойной жизнью. В окрестностях появились олени. Охотники подстерегали их на переправах и возле речных водоемов. С первым снегом легче было выслеживать и других крупных зверей. Изредка удавалось отбивать от стада туров телят и молодых самок. Каждый день обходили ловушки и волчьи ямы. Этой осенью попало в них несколько косуль.

С холодами в поселках все изменилось. Женщины из шалашей перешли в землянки матерей вместе с детьми и подростками. Мужчины проводили много дней на охоте, а когда возвращались, жили в землянке охотников. Вход к матерям теперь разрешался только старикам. Ао, Улла и Волчья Ноздря пришли в становище Красных Лисиц и рассказали своим, что большое стадо хуммов вернулось в свой лес и колдунья подарила его охотникам.

Незадолго до снегопада к Черно-бурым пришли гонцы от Красных Лисиц звать их на совместную охоту. Они выследили все тропинки, по которым кочуют хуммы. Ловушка для них давно готова. А для загона чем больше людей, тем лучше. После охоты — общий пир.

Первый снег — лучшее время для облавы. В назначенный день жители обоих поселков сошлись на берегу у большого костра и двинулись в лес за Волчьей Ноздрей и другими разведчиками. Четыре старика тащили на носилках плетеный кузов, обмазанный внутри глиной. В кузове были насыпаны горячие уголья из Родового костра. Старики несли его степенно и шепотом бормотали колдовские слова.

В лесу было светло и тихо. Ветер давно сорвал с деревьев пожелтевшие листья. Снег устал землю пухом пороши. Воздух был чист и спокоен. Копытные звери затаились где-то по темным чащам. Олени и косули старались поменьше оставлять после себя следов.

Только мамонты и носороги никого не боялись. Они бродили по лесам и топтали тяжелыми ногами давно пробитые тропы.

В этот день мохнатые хуммы паслись на горелой поляне. Ветви деревьев спускались по опушке до самой земли. Из-под тонкого снежного слоя торчали стебли трав и голые кустарники. Слонята объедали низенькие кусты. Их грузные родители ломали толстые сучья.

Вдруг старый вожак тревожно поднял уши. На другой стороне поляны закурились ряды сизых дымков. Послышался треск загоревшихся сучьев. В одном месте желтое пламя охватило высокий куст можжевельника.

Огонь — самое страшное для зверей. Его боятся даже сильные владыки лесов. Лесной пожар — это ужас для всего живого. Хуммы оцетинили гривы горбов и насторожились. Сомнения нет: за огнями скрываются двуногие. Запах их пахучих шкур доносился вместе с туманом огненной гари. Старые хуммы учуяли беду. Они видели, как желтые языки огня разгораются полукругом с трех сторон по краям поляны. Только одна сторона еще свободна от огней и подозрительных запахов.

Старый вожак издал призывный сигнал и решительно направился к тропинке. За ним потянулась вереница остальных великанов. Дородные слониhi подталкивали хоботами слонят. Сильные самцы замыкали шествие. Сзади слышался гул людских голосов. От зажженных костров через поляну стали перебегать группы охотников. Они бежали с пылающими смолистыми сучьями.

По дороге они зажигали заранее заготовленные у опушки кучи валежника. Они двигались по слоновьей тропе вслед за уходящим стадом. Все старались кричать сколько хватает сил и колотили палками по стволам деревьев. Подростки неистово визжали и свистели. В облаве принимали участие взрослые охотники и вся молодежь обоих селений. С ними вместе шагали и более крепкие старики, и молоденькие бездетные женщины, и девушки-невесты. Даже хромой Тупу-Тупу с азартом подскакивал и ковылял, стараясь не отставать от остальных.

Мохнатый вожак вел за собой стадо великанов. Он ломал мимоходом мертвые ветви. Упавшие стволы трескали под его тяжестью. Уши его шевелились. Он слышал сквозь топот шагов своих сородичей крикливый гомон человеческой толпы. Ненавистный запах дыма гнался за ним по пятам.

Всякий раз, как крики и шум становились назойливее, задние хуммы топорщили уши и прибавляли шаг.

Еловый лес кончался и переходил в высокий сосняк. В этом месте было особенно много навалено стволов, опрокинутых ураганом. Кое-где они лежали целыми грудами.

Хуммы проходили между двумя такими грудами деревьев. Вдруг вожак остановился.

Путь был прегражден. Несколько елок лежали поперек одна на другой. Вожак внимательно осмотрелся кругом. Выйти из тупика можно было только направо. Здесь оставался узкий проход. Он вел на старую, заброшенную тропу, с обеих сторон огороженную жердями.

Слониhi напирали на нерешительного вожака. Задний отряд самцов теснил среднюю часть стада.

В это время свист, крики и глухие удары дубинами по стволам деревьев раздались с новой силой. Толпа приближалась. Запах горячей смолы становился сильнее, и вожак решительно ринулся через проход. За ним хлынули остальные. Здесь начинался уже более редкий сосняк.

Вожак вышел на засыпанную снегом площадку, обнесенную с двух сторон высокой оградой. Но не успел он сделать по ней и двух шагов, как площадка затрещала и рухнула под тяжелым зверем. С ним вместе полетели вниз жерди, сучья, валежник, еловые лапы, комья снега и шагавший рядом годовалый

слоненок. Упавший мамонт испустил потрясающий рев. Что-то острое глубоко вонзилось в его внутренности. Он упал так неловко, что задние ноги его еще не опустились на землю, а передние подогнулись, и он никак не мог встать на все четыре ноги.

Перепуганное стадо разделилось на два потока и с треском ломилось через чашу по обе стороны ловушки. Свист и крики подростков, рычание мужчин и визг женщин становились все громче и сильнее пугали огромных зверей. Как бурная лавина, понеслись к берегу Большой реки потерявшие рассудок хуммы, ломая все на своем пути.

История ловушки

Ловушка, в которую попали большой и малый хуммы, имела длинную историю. Она строилась много лет. Ее начали делать еще деда теперешних Красных Лисиц. Сначала на этом месте была небольшая яма. Это была ловушка на малых зверей. В нее ловились лисицы и росوماхи, детеныши косуль, иногда зайцы-беяки. Яма была узкая. Глубина ее была не больше человеческого роста. Такие ямы охотники поселка делали в разных местах. Но это была «счастливая» яма. Охотники вырыли ее на звериной тропе в начале оврага. Здесь проходил путь из глубины леса к берегу реки. Грунт был легкий для рытья. Дождевая вода не застаивалась в яме. Она уходила в овраг сквозь пористую толщу песка. Охотники прикрывали ловушку настилом хвороста и маскировали гнилыми листьями, мхом и лишайником, а зимой — слоем снега.

Не проходило года, чтобы ловушка не дарила поселку по нескольку пойманных зверей. После каждой поимки ловушку нужно было поправлять и налаживать снова, вынимать осыпавшуюся землю. Песок рыли крепкой и острой палкой, сгребали в кожаные мешки и подавали их тем, кто стоял наверху.

С каждым годом яма делалась шире и глубже. В нее начали проваливаться взрослые косули, молодые олени, телята туров и бизонов. Летом это случалось реже. Зимой, когда снег покрывал все следы людей и искусственную настилку, ловушка после снегопада работала отлично. Охотники приписывали свои удачи не тому, что хорошо было выбрано место. Они думали, что настоящая причина — искусное заклинание, танцы, бормотание старух и колдовские рисунки на стволах деревьев. Так верили старые. Так верили и молодые.

Лет тридцать назад в ловушку провалился старый зубр. Он упал вниз головой, а ноги торчали вверх. Ловушка была так узка, что зубр не мог в ней перевернуться. Он дико ревел и бил задними ногами. Края ямы осыпались от ударов копыт. Люди, прибежавшие на рев, нашли его полузасыпанным песком. Они истыкали его сверху копьями, и зубр издох от потери крови.

С этих пор яму пришлось сильно расширить и углубить. В следующие годы в нее стали попадать взрослые олени, туры и зубры. Один раз провалился гигантский самец лося. Он обвалил рогами груды песка, встал на дыбы и выпрыгнул из ямы на глазах у охотников. С тех пор яму сделали еще шире и глубже.

Художник Фао, который тогда считался лучшим ловцом, придумал новый прием — вкапывать в дно ямы крепкое копьё. Потом стали ставить туда заостренную жердь, чтобы на нее натыкались звери.

Однажды в ловушку свалился грузный носорог. Как щепку, переломил он еловую жердь. После этого Красные Лисицы притащили целое бревно, срезанное бобрами. Обуглили его конец на огне, остругали кремневыми ножами. Это страшное орудие прочно и глубоко вкопали в дно.

Звери чуяли ловушку и обходили ее стороной по новой тропе. Но

охотники придумали загораживать перед загоном обходную тропу стволами и направлять добычу по старому пути. Три года подряд в ловушку падали молодые хуммы.

Конец Уллы

Вожак ревел и бушевал в яме, как ураган. С трудом удалось ему встать на ноги. Он топтал провалившиеся бревна. Они ломались под ним, как хрупкие спички. Он швырял хоботом хворост и песок и пытался подняться на дыбы. Огромные дуги его бивней врезались в края ловушки и мешали ему еще больше, чем острое бревно, пропоровшее ему брюхо. Охотники кричали и визжали кругом как безумные. Великан был в плену, но и в плену он был ужасен!

В голову зверя летели копья и камни. Пленник яростно трубил, шерсть на его загривке щетинилась, белки глаз наливались кровью.

Уа набрал песку и швырнул в глаза хуммы, но тот зажмурился, и заряд пропал даром. В это время с горстями песку выскочил вперед Улла. Он взобрался на песчаную кучу, поближе к зверю. Вдруг песок под ним поехал, куча обвалилась, и он неожиданно соскользнул к самому краю ямы.

Огромный хобот чудовища опустил на врага и сбросил его на дно.

Визг женщин прорезал воздух. Охотники отпрянули прочь и на мгновение замерли от страха. Был слышен только нечеловеческий вопль Уллы. Крик оборвался, когда его ребра затрещали под тяжелой стопой мамонта.

Толпа очнулась, и новый взрыв криков, визга и рева раздался по лесу. В зверя опять полетели копья и камни. Уа сорвал свою сумку, набил ее песком и засыпал им морду хуммы.

На этот раз вышло удачнее. Хумма зажмурился и больше не поднимал тяжелых век. Теперь он только ревел и яростно мотал хоботом.

Старый хумма издох на другой день. Острый кол глубоко врезался ему в брюхо. Слоненок был задавлен большим.

Несчастный Улла был раздавлен мамонтом.

Быстроногие гонцы примчались звать женщин и детей на пиршество. Балла выслушала весть о смерти Уллы равнодушно. С тех пор как осенью Улла ушел, а Балла вернулась в зимнюю землянку, она уже не считала Уллу своим мужем. Она не могла забыть, что Улла оказался боязливее всех и от колдуна ее спасли другие. Она все думала, как Уа, этот смелый мальчик, первым бросился на страшного Куолу, а Улла, ее муж, не мог избавиться от заячьей трусости перед колдуном.

Вместе с детьми и стариками во главе с Каху женщины Черно-бурых двинулись к ловушке. Это было настоящее переселение, с мешками и домашним скарбом. Возле пойманного хуммы собирались жить прочно и надолго. Еды должно было хватить на много дней. К тому же за это время могла попасться новая добыча. Рядом в овраге были давно уже вырыты охотничьи землянки. Их нужно было только осмотреть и поправить.

Около мамонта выросло временное становище. Оба рода Красных и Черно-бурых Лисиц уживались здесь дружно. Они были добрыми соседями и принадлежали к тем родам, которые заключают между собой брачные союзы. Женщины избрали себе из соседнего поселка мужей, а охотники — жен.

И на этот раз мясо убитого хуммы должно было одинаково насыщать и Красных Лисиц и Черно-бурых. Только шкура и бивни пойдут во владение строителей ловушки.

Пир победителей

Перед началом пира встретились две родоначальницы: Ло и Каху. Ло, Мать матерей Красных Лисиц, была могучая, большая старуха. Она на целую голову была выше маленькой Каху. Перед началом пира обе должны были произносить заклинания. Съесть старого хумму — не такая простая вещь. Силен хумма, сильна и его тень. Месть страшного двойника может быть ужасна. Ее нужно было заговорить прежде всего. В то время как мужчины возились около слоновой туши, обе старухи-родоначальницы начали свои заклинания в самой теплой из землянок, куда их привели матери обоих поселков.

Посреди землянки ярко горел огонь. Серый дым стелился под потолком и выходил в верхнюю дыру. В землянке было душно, жарко и сыро.

Обе старухи перед пламенем костра наперебой бормотали малопонятные слова. Обе они сидели на разостланных шкурах или стояли на коленях. В низкой землянке дым резал глаза всякому, кто пытался встать во весь рост. На головах у обеих были надеты меховые шапочки. Время от времени, они брали пучки рыже-бурых волос хуммы и бросали их в священное пламя. Кончик хвоста мамонта лежал между ними и огнем. В этом кусочке хвоста — вся сила побежденного мамонта и его тени, и заклинательные слова, сказанные над ним, должны были обезвредить и все мстительные замыслы тени умершего хуммы. Каху направляла их силой заклинаний на Лесных Ежей, Ло — в сторону враждебных вурров.

По окончании обряда хвост был сожжен на костре. Землянка наполнилась удушливой гарью горящего волоса и кожи. Все женщины поспешили накинуть меховые рубахи и вывести очумевших от дыма старух на воздух. Возле ловушки по команде старших матерей начался праздничный пир.

Перед началом пира в неглубокую могилу опустили Уллу и с ним вещи, которыми он владел. В яму положили копье, кремневый нож и палицу. Балла возвратила ему ожерелье, которое он надел на нее весной. Туда же бросили турий рог, из которого он пил, и сумку, с которой ходил на охоту. Затем всунули в руки кусок мяса хуммы, чтобы он не завидовал пирующим. После этого его торопливо засыпали песком, чтобы его тень-двойник не вмешивалась в дела живых. Как только могила была засыпана, все вздохнули с облегчением. Целый год после похорон Уллы имя его никто не будет произносить вслух, чтобы тень покойника не подумала, что ее зовут, и не вышла из могилы. Пусть себе остается под землей и не пугает живых.

Пир начался угощением обеих заклинательниц. Им дали крови и кусочек хобота, чтобы сделать еще могущественнее силу их заклинаний.

Мужчины спускались в ловушку и выносили оттуда вырезанные куски жирного горба мамонта. Они оделяли салом всех, но прежде всего женщин и детей. Большинство сидели рядом со своими женами: Ао — с Кандой, Волчья Ноздря — с Цакку, на подбородке которой по-прежнему сиял перламутровый кружочек. Выросший и возмужавший Уа тоже получил хороший кусок. Он подошел с ним к Балле, которая сидела в сторонке со своим мальчиком на руках и улыбалась.

Они делили по-братски куски мяса. Балла была голодна и ела с жадностью. Оба смеялись.

Переселение

После той большой облавы, которая дала дружеским родам Красных и Черно-бурых Лисиц большого мамонта, растревоженное стадо хуммов ушло от их становища.

Бродячие стада северных оленей также стали обходить стороной

беспокойное место. Чикчоки никогда не отличались большим умом, но память у них была неплохая. Изумительное оленьё чутьё извещало зверей о близости двуногих за много километров, когда ветер тянул со стороны их землянок. То же можно сказать и о турах, косулях и о других копытных. Даже птиц вблизи становилось все меньше и меньше. Весенние набеги ребят на их гнезда и сбор яиц из года в год заметно убавляли густоту птичьего населения.

С каждым годом в поселках Большой реки жить становилось труднее. Все чаще жители обоих поселков ложились спать голодными. Старики заметно слабели. Напрасно старухи бормотали свои заклинания. Напрасно Матери матерей выходили по утрам и манили худыми руками со всех четырех ветров далекую упрямую дичь. Напрасно охотничьи ватаги рыскали по речным берегам в поисках желанной добычи.

Удача все реже и реже выпадала на их долю. Несмотря на отвращение, старикам приходилось утолять свой голод рыбой. Они протыкали ее острой палкой и обжаривали над огнем вместе с кожей и чешуей.

Совсем расхворалась старая Ло. Сердце ее мучительно билось при каждом усилии. Одышка не покидала ее. Наконец она велела позвать всех дочерей и старших внуков и объявила: она хочет переселиться в подземные луга. Там ее младшие и старейшие родные — те, что уже раньше покинули поселок. Все выслушали ее в полном спокойствии. Скоро весь поселок был занят приготовлениями к переходу в подземные луга больной матери Ло.

Позади землянки, у самой стены, мужчины вырыли длинную яму: три шага длиной и глубиной около метра. Когда яма была готова, в нее положили олений мех и посыпали зеленой хвоей то место, на которое будет положена Ло.

Женщины наделали берестяных кружек, положили в них немного рыбы, кусочки сырого мяса, ракушек и орехов. Старуху завернули в мягкую шкуру и бережно опустили на дно могилы. Около стенок ямы расставили берестяную посуду, чашку с водой и разложили украшения — те, что при жизни особенно любила Ло. В ногах в небольшую ямку насыпали горячих углей из большого костра. Дети набрали разных грибов и ягод.

Все тело Матери матерей посыпали порошком красной охры и заложили могилу толстыми ветками елок. Веток накидали так много, что они поднимались над могилой длинным зеленым бугром. Сверху его закидали рыхлой землей. На этом обряд похорон был закончен. Старая Ло закрыла усталые глаза и уже больше не открывала.

После похорон Матери матерей жители поселка не захотели больше оставаться в голодной местности. В лучшие меха, висевшие по стенам землянок и лежавшие на полу, женщины завернули весь свой домашний скарб, взяли одежду, берестяную посуду, за спину закинули мешки с грудными детьми. Мужчины вооружились копьями, захватили свои каменные ножи. Четыре старика подняли заранее сделанные неуклюжие носилки, к которым была привязана сплетенная корзинка. Дно ее было густо вымазано толстым слоем глины. Из большого костра туда положили горящие угли и дымящиеся головешки, чтобы унести с собой частицу Родового огня.

Скоро все население поселка, перейдя реку вброд, длинной вереницей растянулось вдоль низкого речного берега заливных лугов. Впереди шли вооруженные охотники, за ними — старики с Родовым огнем и женщины с детьми, а конец каравана замыкала группа молодых охотников и подростков. Мальчишки шныряли по сторонам, разыскивая гнезда птиц, норы жирных пеструшек, собирали яйца, нелетающих птенцов, догоняли маленьких зайчат, вытаскивали из воды у берегов мелких рыбешек, двустворчатые ракушки и десятиногих раков.

Много суток шли переселенцы. Шли небольшими переходами,

останавливаясь всякий раз, как угольки Родового огня начинали гаснуть. На остановках заново раздували огонь и разжигали большой костер, чтобы накормить умирающее пламя сухими сучьями и вновь двинуться дальше.

В расстоянии одного дня пути за ними следом шла другая вереница людей. Это был род Черно-бурых Лисиц. Они также решили переселяться вместе с дружественным родом. И те и другие пробирались туда, где надеялись отыскать более привольные для охоты места с нераспуганной крупной дичью.

Через месяц оба рода свернули в долину большого притока. А еще через месяц и те и другие уже вырыли себе землянки на крутом берегу, под корнями многовековых деревьев.

Устроив свои незатейливые полуподземные хижины, оба рода зажили на новом месте такой же беспокойной охотничьей жизнью, какую они вели и на прежних, опустошенных ими берегах.

С. Покровский

УЛУНЬ

ОГЛАВЛЕНИЕ

I II III IV V VI VII VIII IX X XI XII XIII XIV XV

I

Странная это была земля.

Поморам, которые посещали ее берега, она казалась ровной и плоской, как стол. Ее край издали, с моря, виднелся низкой и гладкой полоской. Она темнела там, за волнистую рябью, и тянулась равномерно и однообразно сотни километров.

Лишь кое-где берег поднимался немного или прерывался долиной реки, вбегающей в море. За исключением немногих излучин он шел почти прямо на север, далеко за Полярный круг.

Теплые струи Гольфштрома еще достигали до него, но леса и отдельные деревья встречались только в южной его части.

Многочисленные длинные “кошки” (так поморы называют песчаные мели) или опасные в бурю “луды” (то есть подводные камни и каменистые мелкие места) делали опасным плавание у берегов Канинской земли. Большие грузовые суда боялись подходить близко к ее коварным берегам.

Только поморы на своих парусных лодках и карбасах отваживались ходить в ее водах. Но они знали здесь каждую луду, каждую кошку, знали, как пользоваться прихотливыми извивами береговых течений, а в ненастную погоду умели вовремя спрятаться от свирепых бурунов в тихих устьях коротких, но глубоких рек.

Когда же карбас входил в широкое размытое приливами речное устье, берег земли казался здесь гораздо выше, чем издали, с моря. Он вздымался вверх на десятки метров, и коричневый торф тундры, нависший над срывами песчаных и глинистых отвесов, был тогда

словно гигантский карниз ветхой, поросшей мохом и травами кровли.

У подножья высокой береговой стены тянулась широкая кайма отмелей, то исчезающая под волнами во время приливов, то вновь выступавшая на свет в часы низкой воды. Эти отмели блестели тогда тысячью мелких водяных стекол [1], в которых копошились оставшиеся после отлива морские твари. Там и сям пестрела мокрая каменная россыпь и круглая, гладкая разноцветная галька. В воздухе мелькали бело-пепельные крылья чаек и тысячи других птиц, населявших эти берега. Звонкоголосые кипихи (или морские сороки) [2] пискливо ссорились, мирились и тараторили на все лады, оглашая криками мокрые отмели, маленькие хорошенькие кулички-галстушники беззвучно бегали по песку. Они, кланяясь друг другу при встречах, припадали неподвижно за камни, когда замечали над берегом хищный полет черного поморника.

Стройные крачки кружили в воздухе, гоняясь друг за другом и распуская свой длинный вилообразный, как у ласточки, хвост. Ввиду берега проносились стрелой быстрые пары гагар. Стаи черных морянок со звонкими криками и свистом многочисленных крыльев перелетали с места на место, и с берега чудилось, будто над морем поют и звенят невидимые бубенчики.

Птиц всякой величины и всякого вида было столько, что на каждом шагу можно было встретить все новые и новые стаи пернатых.

Словно бесконечный зоологический сад, в котором собрано было множество редкостных птичьих пород, тянулся этот удивительный берег, полный движения, птичьей суеты, птичьих голосов и перекликаний. Говор и шумы набегających волн, величественные приливы и отливы дополняли яркую картину жизни, которою жил морской берег Канина.

II

Так было летом. Зато зимой здесь бывало глухо, тихо, бело. Толстая снежная пелена тяжело ложилась поверх тундры и свешивалась с берега над морем, как причудливый белый навес.

Да и море само примерзало кое-где по берегам и покрывалось припаем и торосами [3], и далеко белели снега и льды, оковавшие бурные морские воды.

Когда набегал резвый “побережник” (северо-западный ветер), по всему краю ледяной каймы поднимался шумный бурун. Ключьями взлетала пена, волны ломали ледяные окраины, набрасывали их валом на лед, который потрескивал и крошился в куски. Иные льдины ворочались, стукались, становились ребром, громоздились и рушились и казались живыми, сердитыми и могучими чудищами. И порой к тучам пены и брызг прибавлялся густой серый туман, который тихо наплывал с севера и укрывал все, отчего море, льды, земля и самое небо тонули в его непроглядном сумраке.

И тогда только удары набегających волн тяжелым гулом говорили о том, что где-то близко море, и о том, что оно гневается.

Когда прошла средняя темная часть зимы, небо стало светлеть около полудня, хотя густые тучи почти никогда не обнажали лазури. И если солнце проглядывало порой из прорванных облаков, его лучи озаряли необычайную картину.

Безлюдная, слегка волнистая земля расстилалась далеко на юг и на север. На ней было пусто и тихо. Не видно было самоедских чумов, не слышно птиц, и нигде чистый снег не пестрел вереницами оленьих следов. Иногда к берегам приставали парусные лодки, карбасы и шняки [4] поморов. Они входили в незамерзающие устья рек и здесь ставили снаряды для ловли наваги и камбалы. Тогда маленькие избушки, построенные поморами для своих временных ночлегов, начинали куриться серым дымом, выходившим из-под крыши, и берег на несколько дней становился шумным и оживленным. Потом поморы, забрав добычу, уплывали домой, на юг, а кругом становилось снова тихо и пустынно, как раньше.

III

На севере виднелись “сопки”. Так называют поморы большие песчаные холмы, поднимающиеся несколькими грядами, которые тянутся с запада на восток.

Много тысяч лет тому назад с северо-запада подползали сюда тяжелые, медленные, ледяные потоки. Они были огромны и страшны тем холодом, сыростью и стужей, которую приносили с собой. В долгую полярную ночь жгучие морозы были еще крепче, чем теперь, метели еще ужаснее, сугробы еще выше; а когда наступали июнь и июль, то вместе с длинным полярным днем не приходило теплое лето. Холодные туманы зарождались в трещинах льда. Они выползали отсюда, стлались по холодной ледяной поверхности, расплывались вокруг и покрывали дымным и влажным пологом всю страну. Пронизывающие сырые ветры сменяли туманы, и часто хлопья мокрого снега кружились и падали из облаков в середине светлого июля.

Прошли тысячелетия. Стало теплее и суше. Ледники понемногу растаяли; а на том месте, где они громоздились когда-то, остались принесенные ими огромные горообразные груды песку, глины и гранитных каменных обломков. Так родились сопки.

На южных склонах сопок весна давала себя знать раньше, чем на окружающей тундре. Здесь на солнечных пригревах появлялись первые проталины, раньше сбегал снег и выглядывала на свет первая зелень. Вот почему ранние возвратные стаи перелетных птиц любили присаживаться на отдых на южных склонах сопок. Здесь на пролете весной можно было встретить почти всех сухопутных птиц Канинской тундры.

Так было и в этом году. Под теплыми лучами оседали и таяли сугробы, журчала вода, обнажалась мокрая сверху и еще мерзлая внутри земля. Короткою ночью лужи леденели, а днем вновь отмокали и насыщались набегающей влагой. И вот, когда проталины, разрастаясь, стали сливаться друг с другом, на одной из сопок появилось несколько почти круглых белых комков, как будто слепленных из снега. Хитрый старый песец уже давно заметил их издали. Его трудно было провести, и он терпеливо ждал. Прошло много долгих минут, как вдруг один из снежных комьев зашевелился, внезапно у него по бокам раскрылись широкие крылья, и, оторвавшись от земли, он тяжело и бесшумно понесся над тундрой. Это была большая белая птица. Ее белый наряд долго мелькал на темных пятнах проталин. Зато над снегами она становилась почти невидимой.

Вслед за первой птицей лениво поднялись и другие и, мерно махая крыльями, полетели на другой холм.

Это были совы, самые заметные вестники возрождения бодрой весенней жизни.

Песец радостно завилял хвостом и рысцой засеменил к песчаным грядам. Он знал, что раз прилетели совы, — в тундре начали просыпаться сонные пеструшки, появились белые куропатки, а по проталинам запрыгали передовые стайки подорожников и рогатых жаворонков.

За Полярным кругом весна начинается поздно, но зато идет быстро и неудержимо. Звери и птицы спешат воспользоваться коротким северным летом, и за первыми гонцами весны без остановки появляются все жители тундры, стоячих вод и морских берегов.

Песец взобрался на вершину песчаного холма и стал тщательно обнюхивать появившиеся на ней проталины. В прошлом году здесь были его норы. Некоторые входы еще не вышли из-под снега или завалились землей. Но все-таки норы сохранились, и скоро можно было приняться за поправку старого жилья.

IV

Белые совы, или по-сибирски “улуны”, покинули лесные опушки, когда солнце растопило в лесах сугробы и древесные почки стали наливаться и пухнуть. Тяжелые белые куропатки с мохнатыми толстыми ногами и загнутым клювом заспешили целыми стаями к своим родным местам, прячась по зарослям тундровых ивняков.

Совы перелетали за ними, передвигаясь вперед небольшими перелетами, пока не добрались до сопок. Здесь собралась целая стайка этих удивительных хищников, которые несколько не боятся лучезарного солнца, невыносимого для других сов.

Первое время они вели себя беспокойно и часто ссорились. Они любили жить просторно, поодаль друг от друга, а тут приходилось тесниться на немногих оттаявших склонах холмов и сталкиваться из-за скудной добычи. Кроме того, это было время, когда совы, как и другие птицы, делятся на пары, чтобы начать семейную жизнь, выют гнезда и выводят птенцов. Но

разделиться мирно и без споров им никак не удавалось. Часто можно было видеть, как два самца вступали в ожесточенную борьбу и как более сильный прогонял слабого.

Среди улуней, прилетевших на сопки, была одна самка, огромная птица с громадными золотисто-желтыми глазами и крепкими, как сталь, когтями. Она была самой сильной из всей стаи, собравшейся на песчаных холмах. Там, где садилась она, не смела появиться никакая другая сова. Зоркие глаза совихи издали замечали робкую мордочку пеструшки, выглядывающей из-за моховой кочки, покрытой листьями морошки. Тихо взмахивала улунь крыльями и, расстилаясь белым лоскутом над землей, припадая за буграми, вдруг появлялась над пеструшкой; как снег на голову, падала она на бедного зверька. Острые иглы ее кривых когтей вонзались в его исхудалое за зиму тельце. Зверек испускал дух, не успев даже жалобно пискнуть перед смертью.

Поймав добычу, она всегда возвращалась на любимую круглую вершину холма, откуда можно было далеко видеть вокруг во все стороны. Здесь не спеша разглядывала пойманную пеструшку. Потом она хватала ее за голову и глотала целиком, не давая себе труда хорошенько расклевать добычу.

Через несколько часов она нагибалась и выкидывала изо рта вон шкурку. Внутренности и мясо его начисто вываривались удивительным совиным желудком.

Там, где охотилась Большая сова и где совершала свою молчаливую трапезу, она считала себя полной хозяйкой. Если какой-нибудь другой хищник появлялся на кочках ее участка, она поднималась и, распушив перья, направлялась навстречу. Чаще всего враг исчезал без сопротивления. Если же дело доходило до битвы, противник скоро узнавал силу ее крыльев, остроту ее когтей и крепость клюва.

Как только стало теплее и снег в низкой тундре понемногу стаял, большинство улуней покинуло сопки и разлетелось парами во все стороны.

Большая сова осталась одинокой, и никто не пытался теперь спорить с ней за ее владения.

V

Была вторая половина мая, а весна только еще начиналась. Всюду по северным склонам холмов лежал глубокий снег. Ущелья и русла недавно вскрывшихся рек были окаймлены огромными залежами снега, и вся тундра пестрела рябью бесчисленных сугробов, притаившихся за теневой стороною кочек.

Северный ветер приносил с океана стужу, облака и туманы. Воздух наполнялся весь мелькающими хлопьями снега, который снова застилал собою только что освободившуюся от него землю. Зима возвращалась, и белая пелена ее одежд так ослепительно сверкала под яркими лучами солнца, что даже узкие глаза ко всему привычных самоедов щурились и делались еще более похожими на щелки.

Но приходил южный ветер и с ним тепло. Зима опять уступала солнцу. Вылезала зелень из-под только что сбежавшего снега. Желтел мох у самого края намокших сугробов. В солнечные ясные дни с вершины сопки можно было оглядеть тундру на десятки километров, с ее бесчисленными озерами, холмами, долинами рек, гладкими низинами и бугристыми торфяниками.

В один из таких дней над вершиной сухого холма возле высокой сопки и невдалеке от озера летали и кружились две большие белые совы. Они то гонялись одна за другой, то взлетали высоко, то опускались вниз, пока, устав, не уселись рядом на холм между двумя высокими буграми в ямке, устланной мягким мохом и пахучими ветками багульника. Уже давно выбрали они здесь укромное местечко для своего гнезда. Оно было незаметно со стороны и достаточно высоко, чтобы видеть далеко кругом.

Здесь присели белые птицы, тесно прижимаясь друг к другу.

Эта была Большая сова, сильная владельница сопки, и ее молодой супруг, который недавно был избран ею в тихий утренний час. Он был так же крепок, силен и ловок, но все же уступал ей и по величине, и по силе. На сопку он прилетел позднее, когда все другие совы уже разлетелись. Оставалась одна только одинокая Большая сова, с которой вместе стали они делить

свою молчаливую жизнь.

Белое озеро тихо светлело в ложине. Его вода еще не очистилась от последних остатков ледяной кровли и была холодна и чиста, как стекло. Там и сям на его глади всплывали и разбегались водяные круги.

Это играла рыба.

Совы глядели на них зорко, но спокойно. Они были сыты и теперь занимались больше собой, чем окружающим миром.

Вдруг самец насторожился. Он услышал звуки, которые не мог бы расслышать ни один человек.

Обе совы повернули головы и стали прислушиваться. Звуки усилились. Совы взмахнули крыльями и тихо уселись на вершинах двух соседних бугров. Оттуда молено было смотреть вдаль и вовремя заметить приближение опасности.

Но тундра не степь. В степи гладко; видно все до самого горизонта. В тундре перемежаются высокие и низкие места. Песчаные холмы в несколько метров высотой сменяются узкими болотистыми низинами, покрытыми осокой и пушицей.

Гладкие места (или по-самоедски — “ерсеи”) летом также просочены водой и местами были бы непроходимы, если бы внизу под ними не было оледенелого мерзлого слоя, растопить который не в силах теплые летние лучи. Ерсеи обыкновенно узки и извилисты и часто напоминают долины исчезнувших рек, которые выются среди торфяных берегов.

Один из таких ерсеев проходил мимо совиных бугров. В густом ивовом кустарнике, разросшемся здесь на добрые два километра, раздавались звуки, к которым прислушивались птицы. Слышались шорох, шум, треск сучьев и крики испуганных куликов. Прошло немного времени, и вот всеобщая тревога стала еще яснее и заметнее. Видно было, как шевелились ветви и как над ними с жалобным писком метались птицы.

Еще через несколько минут не только совиный, но и человеческий глаз разглядел бы в густой еще неолиственной ере [5] волнистый поток серых и белых оленей, которые с треском ломились по ивняку, вскидывая и колебля шерстистые рога, похожие на качающиеся ветви.

Вот уже близко тяжелое дыхание напряженных звериных морд, шлепанье широких копыт, густое похрапывание важен (самок), окрики самоедов и позвякивание бубенчика. Семь или восемь лохматых собак скакали по сторонам каравана, пугая куликов, коньков и других птичек и поднимая куропаток, которые с шумом разлетались вокруг.

Это двигался длинный обоз оленевода Бобрикова, стадо которого считали в несколько тысяч оленей. Когда его спрашивали, как велико его стадо, он говорил всегда одно и то же: “А кто знает-то? Никто не считал, сколько оленей. Есть мало-мало”.

Все, что имело крылья, разлеталось кто куда при виде этой лавины живых серых тел. Только белые улун сидели неподвижно и спокойно. Издали они были похожи на мраморные изваяния таинственных существ. С высоты своего холма они невозмутимо следили круглыми желтыми глазами за стадом и прислушивались к треску кустарников и щелканью тысяч оленьих ног.

VI

Молодой парень без шапки, с длинными черными волосами, ехал на передних нартах. Он то и дело вставал на сани и вглядывался вперед, куда идет “ворга”. “Воргой” самоеды зовут след от полозьев. По ним кочевники узнают свои проторенные пути.

Но след в тундре не всегда легко распознать. Весной прошлогодние колеи заливаются водой и легко заплывают торфом, а потом зарастают мохом и травами. Иногда в одном и том же месте сходятся следы разных путей, и отыскать нужную дорогу бывает нелегко и опытному глазу.

На минуту передовой остановил нарты и огляделся кругом. Налево за поворотом, у подножия сопки, сверкнуло озеро и две белые совы на вершинах округлых бугров.

И озеро, и сопки, и даже белые тела улуней были знакомы ему. Таким же все это было и прошлой весной, когда после зимнего кочевья самоеды возвращались этою воргой на свое летнее приволье.

Он потыкал “хореем” (шестом, которым погоняют оленей) в спины оленей своей пятерки и погнал ее к берегу озера, где в прошлом году они ставили три чума.

Здесь стали и на этот раз. Тут было сухо, было много ивняка для костров, светлела чистая вода, а стадо могло найти сколько угодно корма по берегам озера.

Самоеды прошли недалеко от оцепенелых улуней и расположились станом не далее километра от них. Пока ставили чум, распрягали оленей, разводили костры, принимались за повседневные заботы, птицы продолжали сидеть все с тем же изумительным спокойствием, не шевелясь ни одним пером, ни одним членом.

А вместе с ними также внимательно следили за прибывшими людьми еще несколько пар сов, недвижно сидевших на более далеких возвышенностях. Их огромные золотые глаза не упускали ни одного движения, которое делали люди на своем становище.

Молодой самоед с черными волосами пристально поглядывал на сов. Самоеды считают улуней лакомым блюдом, но редко охотятся на них с ружьем. Ловушки и силки — вот их любимое орудие. Ружейные снаряды дороги в тундре, а улуней зорки и осторожны, и тратить на них порох — плохой расчет.

Но черноволосый считался хорошим стрелком. Издалека бил он свинцовою пулей казарок, гусей и мягкоперых гаг, нацелив на них из кустов свою ржавую “огневицу”.

Когда в дедовском чуме уgomонились и собаки, и люди, Черноволосый взял ружье и тихонько вышел наружу.

Было близко к полуночи. Солнце спустилось на самую тундру, и нижний край его коснулся далеких бугров, поросших корявою ерой. Оно было большое и красное. Сквозь затуманенный воздух можно было смотреть на него прямо, как будто это было не великое светило, а совсем темный красный шар. Казалось, оно зацепилось за землю и напрягало все силы, чтобы подняться. Так бывает, когда белохвостый орел застигнет в речной ловушке тяжелую нельму [6] и, запустив ей в спину свои железные когти, машет крыльями, хочет улететь с добычей и не может.

Внимательно обвел черными, как уголь, глазами равнину Черноволосый, сжимая холодное ружье.

Тихо спала кругом солнечная июльская полночь. Как белый пар, безмолвно дымились там и сям сонные озера, и неподвижный воздух не приносил ни откуда ни шума, ни шороха. Вечная тишина тундры глубокою ночью становится еще глубже, и кажется, что все на земле и на небе затаило дыхание и ждет нового восхождения незашедшего солнца. И когда солнце действительно стало приподниматься, оторвавшись от земли, как будто колыхнулись тихие туманы, ветер прошуршал по ере, земля очнулась идохнула свободнее.

Черноволосый еще раз огляделся и стал спускаться с бугра, на котором спало становище. По-прежнему поодаль от него на двух соседних вершинах виднелись две белые фигуры улуней. Более четверти суток миновало с тех пор, как близко от них прошел самоедский обоз, а они все еще сидели неподвижно, как будто и впрямь оборотились в мертвые камни.

Черноволосый знал, что напрямик подойти к совам на выстрел нет никакой надежды. Потому не спеша направился в другую сторону, даже не поворачивая к ним головы. Он лишь косил глазами так, чтобы не упускать их из виду. Зайти за песчаную сопку, которая тянулась позади совиных бугров, и под ее укрытием подойти сзади к улуням на ружейный выстрел — вот хитрость, которую он придумал. Место, где шагал самоед, летом было почти непроходимо. Об этом говорил зеленовато-желтый торфяной мох, хлюпающий под ногами. Но пока жидкая трясина успела растаять только сверху. На глубине семнадцати сантиметров еще держался лед, по которому можно было ступать безопасно. Только там, где сочился ручей, трясина оттаяла глубже, и самоед прыгнул через него.

После полуночи стало холоднее, хотя солнце уже потянулось вверх. Кое-где вода в лужах покрылась ледяными иглами, а мох и трава в низинах поседели от инея. Ряд холмиков спрятал Черноволосого от улуней, и он мог направить свои шаги так, чтобы забраться на северную сторону песчаной сопки. Здесь еще лежал глубокий снег.

Тихо крался Черноволосый, чтобы не спугнуть чуткую добычу, карабкаясь по снеговым скатам. Кое-где на них проступали кровавые пятна красного снега [7].

Когда, наконец, он выглянул из-за гребня сопки, обе белые птицы сидели на вершинах

тех самых бугров, где были и раньше.

Заметив его, они разом распустили крылья, но было уже поздно: ударил выстрел с огнем и дымом, и белые перья улуны-самца закружились в воздухе.

Когда ветер отмахнул дым в сторону, пух еще летал, а обе совы уже махали снежно-белыми крыльями, распластавшись над самым болотом. Полет их был так спокоен, взмахи крыльев так плавны, как будто ничего не случилось особенного, и им просто пришлось в голову переменить место.

Черноволосый стоял и с досадой глядел на улетающих птиц. Ему жаль было заряда, жаль неудачного выстрела, даром разбудившего тишину тундры.

“Ишь, крепкие, — бормотал он себе под нос, — словно камень”.

Его ружье было заряжено крупной гусиною дробью. Немало казарок и уток достала ему эта дробь, а сова осталась невредимой, хотя промаха не было и было не слишком далеко. Улуни недаром похожи на белые комки ваты. Их пуховая шуба так толста, стволы перьев так крепки, что даже крупная дробь не пробивает ее, а вязнет, как в глубокой перине.

“Ну, погодите, — грозился Черноволосый, сжимая кулак. — Я еще доберусь до вас!..”

Но добраться ему не пришлось. Улуни были далеко, а темные чумы Бобрикова через день снялись и вместе со стадом, людьми, санями и собаками ушли дальше на север.

На месте чумов осталась черная обожженная земля, кучи серой золы, черепки, обломки палок, бесчисленные оленьи следы да черные шарики помета, рассыпанные всюду по тундре.

Когда все стихло и устоялся потревоженный воздух, на прежнем холме, на вершинах рядом стоящих бугров, снова уселись две белые птицы. Усевшись, они еще долго смотрели в ту сторону, куда ушли олени и люди.

VII

Прошло два-три дня, и теперь на вершине холма была видна только одна белая птица. Она сидела все так же неподвижно, но иногда вдруг кидалась с холма и где-нибудь, на миг припав к земле, поднималась на воздух с пеструшкой или водяной крысой в когтях. Всякий раз, изловив добычу, она возвращалась к своим любимым буграм. Но теперь большею частью она не садилась на вершину, а спускалась в ложбинку между буграми. Тут среди кустиков приземистой ивы и карликовой березы находила она свою белую подругу, неподвижно припавшую к земле. Большая сова начала уже класть и насиживать яйца. Сюда приносил улунь-самец свою теплую поживу, которой всегда делился с самкой. По временам после короткой трапезы совиха вдруг сходила с гнезда и открывала два крупных белых яйца, на которые спешил присесть самец, сменявший на некоторое время самку.

Совиха развешивала белые крылья, потягивалась и вдруг поднималась на воздух, чтобы развлечься немного охотой.

Так проходили их дни, полные мирных забот.

Был теплый июньский день. Ясное небо голубело вверх. Тундра грелась под горячими солнечными лучами. В согревавшихся лужицах уже начали выводиться комары-кровопийцы.

В этот день рано утром совиха положила в гнездо третье горячее яйцо. Наседка-мать казалась утомленной. Она чувствовала себя голодной и с жадностью глотала все, что приносил самец. Как нарочно, супруг приносил ей сегодня все очень мелкую добычу. Наконец терпение ее истощилось, и она сама отправилась на поиски.

Она сделала несколько больших кругов, как вдруг в одном месте перед ней с кваканьем выпорхнула испуганная белая куропатка. Этого только и ждала хищная птица. Стрелой упала она сверху на жирную дичь и сбила ее на землю.

Вернувшись на свой бугор, она съела принесенную добычу, и, когда, тяжелая и довольная, слетела опять на гнездо, самец, вспорхнувший на вершину холма, почти не нашел съедобных остатков.

VIII

Между тем начиналось короткое полярное лето. Зазеленела ера неясными светло-

зелеными листьями. Поднялась осока по болотам. Пушица на мокрых местах забелела пуховыми султанами. Всюду на кочках засверкали белые розетки распутившейся морошки. Тысячи ярких цветов покрыли тундру. Высокая чемерица выгнала вверх могучие цветочные стрелки. Большие крупные листья ее красивыми пучками выглянули из травы. На сухих буграх было беднее, но и там цвела морошка и раскидывал зеленые ветви ароматный багульник. Только там, где раньше рос серый ягель [8], вытоптаный и выгрезненный оленями, теперь зиял обнажившийся бурый торф, похожий цветом на черный хлеб.

Улуни могли быть довольны охотой. Они постоянно ловили куропаток. Серые самочки турухтанов порой попадали им в лапы. Иногда птицы слетали на озеро, чтобы поживиться рыбою. Недалеко от берега из воды выставился плоский гранитный валун, лишь слегка поднимавшийся над водяной гладью. На него любила прилетать совиха в те часы, когда она сдавала самцу свою утомительную службу наседки. Тут она опускалась на камень и сидела, не шевелясь, так тихо, как могут это делать только совы. Казалось, она умерла или спит, но золотые глаза ее были широко раскрыты и зорко пронизывали зеркальную глубину. По временам она внезапно совала в воду длинную лапу и вытаскивала из нее какую-нибудь извивающуюся рыбину.

Но, конечно, больше всего поедала она разных маленьких грызунов — пеструшек и мышей, которыми так богата тундра. В этом году их было особенно много.

Совиха была сыта и оттого клала яйцо за яйцом. Когда в гнезде было положено уже восьмое, из самого первого выклюнулся птенец.

Скорлупа одного из яиц треснула, и мать осторожно стала помогать клювом своему первенцу выбраться на свет. Когда скорлупа развалилась, птенец встал, качаясь на лапках, и запищал. До чего, однако, он был жалок и безобразен! Как дрожало его маленькое тельце! Как широко раскрывался его желтый рот!..

Мать прикрыла его скорее теплою грудью, и он затих. Теперь к прежним заботам прибавилась новая. Птенец был необычайно прожорлив и постоянно пищал от голода. Чтобы его накормить, самец таскал пеструшек или ящериц, рвал на куски и клал их осторожно в разинутый рот птенца.

Зато и рос он, как в сказке, не по дням, а по часам. Быстро покрылся теплым и густым пухом. Через несколько дней вслед за первым вылупился другой птенец.

С тех пор как появились совята, отец и мать стали очень осторожными. Они перестали есть на том бугре, у подножия которого притаилось гнездо. Они садились поодаль на песчаную сопку, чтобы еще дальше видеть все кругом и не выдавать близости детей.

Отсюда высматривали они теперь добычу, отсюда же самец подавал сигнал, если замечал в тундре что-нибудь подозрительное.

IX

Однажды, когда совиха сидела на гнезде, она услышала с вершины громкое щелканье клювом, что обозначало и сильную ярость и сильную тревогу. Вслед за этим самец промчался над ее головой с гневно горящими глазами. Почуввав недоброе, совиха вспорхнула сперва на бугор, а потом пустилась вдогонку за своим супругом.

На другом берегу озера было видно что-то серое. Это серое существо быстро двигалось среди осоки и кочек и понемногу приближалось к совиному гнездовищу. Там, где человеческий глаз не различил бы ничего ясного, удивительные глаза совы видели отлично. Это был молодой волк. Он был еще далеко, но если он будет бежать тем же путем, то рано или поздно его острое волчье чутье откроет ему близость гнездовища.

Волк бежал, пригнув голову к земле. Он нюхал давние следы оленей, крепкий дух их помета, запах разнообразной пернатой дичи, рассеянной повсюду, отвратительный запах песцов.

Он рыскал, как охотничья собака, туда и сюда, то забегал в ивовые кусты, то утыкался носом в моховые кочки, пронизанные ходами пеструшек. Почуввав грызуна, волк стал копать передними лапами землю и мох над его норкой. Вдруг сверху в воздухе послышалось громкое хлопанье крыльев. Волк ошетинился, отскочил в сторону, оскалил желтые зубы. Большая белая птица трепетала над ним в воздухе, яростно сверкала глазами и раскрывала клюв.

Волк заворчал, рассерженный такою дерзостью. Однако безумная смелость и неожиданность нападения смущали его. Между тем птица кружилась над его головой. Она то взлетала вверх, то падала вниз с вытянутыми когтями, готовыми вцепиться в глаза врагу. Волк подпрыгнул и попытался схватить зубами неприятеля, но птица ловко увернулась, сильно ударив крылом волка по голове. В это время в воздухе зашумела еще вторая пара крыльев, и другая птица, еще более страшная и большая, налетела на него. Теперь они обе вились над ним. Длинные кривые когти, вскрикивания, щелканье клюва и эти страшные золотые глаза не на шутку испугали волка. Однако он сделал еще одну попытку подпрыгнуть и схватить нападающих. Но тут он получил такой удар крылом по темени, что, почти оглушенный, присел на месте. В то же время острые, как шило, когти улуны-самца рванули его щеку, чуть не выцарапав глаза.

Волк взвизгнул и, поджав хвост, с окровавленной мордой, бросился бежать от разъяренных белых птиц, так свирепо нападавших на него. Но долго еще улуны-самец преследовал его, шипя и щелкая клювом, взмывая вверх и падая на голову перепуганному врагу.

Х

Между тем совиha предоставила преследование одному самцу, а сама повернула домой. Еще издали заметила она что-то тревожное возле своего беззащитного гнезда.

На вершине ближайшей сопки стояла пара старых волков. Они внимательно осматривали окрестность и жадно вбирали ноздрями налитанный тундровыми запахами воздух. Волки были очень близко. Им стоило только спуститься с южного склона, и тогда гнездовой холм улуны будет у них на носу. Смертельная опасность ждет и птенцов и яйца. Борьба одной птицы против двух сильных зверей безумна и бесполезна.

Улуны не умела рассуждать, но врожденный инстинкт учил ее действовать. Низко припав к самой земле, с притворным усилием поволоклась она над осокой. Она задевала крыльями высокие стебли, сшибала пушицу, и, обогнув свой холм, очутилась на склоне той сопки, на которой стояли волки.

Волчья чета разом насторожилась и вытянула морды вперед. Улуны между тем наискось пролетела по склону сопки, как будто не замечая волков. Она судорожно трепетала крыльями, падала, спотыкалась. Она была необыкновенно похожа на раненую птицу, которая уже теряет последние силы. Перепорхнув через сопку шагах в тридцати от волков, она припала к земле.

Волки все еще не трогались с места, но глаза их уже засверкали голодным блеском при виде близкой добычи.

Между тем улуны сделала два-три неуклюжих прыжка вниз по склону и вдруг, споткнувшись, завалилась на бок, приподняла одно крыло и закинула назад голову с широко раскрытым ртом.

Этого зрелища не могли выдержать серые звери. В несколько прыжков они были уже возле птицы.

Птица забилась крыльями о землю и вдруг спорхнула с сопки, тяжело шлепнувшись на мох среди кочек. Волки бросились за ней, боясь упустить добычу. Сова поднялась и, шатаясь, сделала несколько шагов по земле. Когда волки очутились близко, она снова с усилием вспорхнула, отлетела на несколько десятков шагов и снова упала на землю. На этот раз она упала прямо на спину и подняла вверх когти, как это делают хищные птицы, вконец неспособные к бегству и решающиеся дорого продать свою жизнь в последней отчаянной битве. Теперь оба волка были уже захвачены охотничьим жаром: догнать, овладеть, во что бы то ни стало. Но воинственная поза совы остановила их, и они начали обходить ее так, чтобы разом броситься на врага с двух сторон.

Снова отчаянные усилия, снова трепет огромных крыльев, и снова птица, вырвавшаяся почти из волчьих зубов, перепархивает дальше через кусты еры, которые задерживали преследователей.

Так, то поддаваясь, то вновь ускользая, рискуя каждый момент своей жизнью, мать уводила страшных врагов все дальше и дальше от своего гнезда, от своих детей.

Сове помогало то, что волки в преследовании способны так же терять всякое

самообладание, как это случается с горячими охотничьими собаками, когда они предоставлены сами себе.

Притворщице удалось увести своих преследователей за два километра. Здесь она взлетела в последний раз, скрылась за сопками и вернулась домой окольной дорогой.

XI

На гнезде она застала уже самца, который сидел там, распушив огромные перья. Несмотря на долгое отсутствие наседки, яйца не успели еще остынуть. Этому помогало то, что теперь среди яиц было уже два вылупившихся птенца, которые своими горячими тельцами сильно согревали яйца.

В ближайшие дни совиха снесла еще два крупных яйца: девятое и десятое в кладке этого года. Так бывает довольно редко и говорит о силе и здоровье наседки. В то же время вылупился еще третий птенец, а старшие продолжали быстро расти. Скоро сделались они большими и прожорливыми. Матери приходилось теперь оставлять их надолго, чтобы охотиться вместе с самцом, так как с каждым днем требовалось все больше и больше добычи. Пухлые и теплые старшие птенцы могли заменять наседку и не позволяли яйцам остынуть.

Новых яиц больше не появлялось. Прежние по временам трескались, и к старшим совытам прибавлялись понемногу младшие.

В июле наступила теплая пора, с тучами комаров и мошек.

Все самоеды, кочевавшие в этой части тундры, давно уже ушли на север, чтобы избавить оленей от комариной язвы.

Две недели стояла очень теплая погода. За это время все птенцы уже вылупились, а два старших птенца стали большими птицами. Особенно велик был первенец, у которого сквозь серый гнездовый пух начали проступать молодые перья.

Его крылья окрепли, и он порой выходил из гнезда и взмахивал ими, пробуя их силу.

Клюв его вырос и загнулся, а лапы были вооружены такими когтями, которые уже мало чем уступали когтям взрослых птиц.

Теперь, когда старики приносили пойманных грызунов, первенец получал уже не растерзанные кусочки, как его младшие братья, а целого зверька, и проглатывал его целиком. Затем он важно садился в углу гнезда и молчаливо поглядывал вдаль, как это делали отец и мать.

Он был уже ростом почти с отца, а до сих пор не умел брать пищи с земли и глотал только то, что получал из родительского клюва. При виде лакомого кусочка он только распускал крылья и быстро трепетал ими. Этим выражал он свое нетерпение и требование, чтобы его поскорее накормили.

Птенцы улуней подрастали один за другим. Первенец понемногу выбрался из гнезда и с удовольствием начал перепархивать с одной торфяной кочки на другую. Отец и мать перепархивали вместе с ним, следя за каждым его движением. Они брали его с собой на ловлю пеструшек. Главное условие такой ловли — терпение. Когда старая улуень находила под кочкой выход из норки пеструшки, она садилась позади норки и долго в полном молчании ждала, когда покажется из нее маленький владелец подземелья. Целые часы проходили иногда, прежде чем это случалось. Улуень неподвижно цепенела на выбранном месте, подобно мраморному истукану, поставленному на кочке среди равнины. Рано или поздно головка грызуна робко высывалась из-под земли наружу, и немедленно острые когти совы схватывали и душили несчастную жертву.

XII

Однажды совиное гнездо было неожиданно потревожено самым необычным приключением. В утренние часы, когда птицы бывали особенно голодны, старые улуни охотились так усердно, что прилетали к гнезду только покормить детей.

Оставшись одни, птенцы сидели тесною кучей, прижавшись крепко боками. Только второй птенец, уже оперившийся, сидел особняком, нахохлившись и вертя по временам

головой. Вдруг на бугре появилась быстрая тень. Вслед за тем что-то серое рухнуло вниз и клубком скатилось прямо в гнездо с откоса. Громкий и жалобный писк огласил воздух, и вся куча совят разом закопошилась. Оперившийся первенец неловко взмахнул крыльями и, не удержав равновесия, ткнулся носом в землю. Но то существо, которое и сделало такой переполох среди юных улуней, высоко подпрыгнуло вверх и сделало отчаянный скачок в сторону. Это был молодой заяц-беляк, который казался еще более испуганным, чем сами птенцы. Едва оглянувшись на серых птиц, он вдруг, прижав уши, кинулся бежать к озеру.

Не успел он домчаться до зеленой еры, как чьи-то белые крылья вдруг распростерлись над ним. Это была улунь-мать. Еще издали заметила она набег несчастного зайца на свое гнездо и погналась за беднягой вдогонку. Как молния, упала она ему на спину. Четыре отточенных когтя впились ему в морду и опрокинули его на землю. Другие четыре когтя сжали его грудь, проколов ему легкие и сердце.

Короткая последняя борьба, несколько судорожных усилий освободиться, алые струйки горячей крови, предсмертная дрожь, и все кончено. В лапах ее висит уже бессильная жертва, которую она волочит к гнезду, задевая стебли травы и морошки.

Сегодня совиная семья уснет сытой после долгого кровавого пира.

ХІІІ

В августе появились северные тучи и стало много холоднее. Туман, густой и холодный, выползал из-за сопok неожиданно, словно подкравшееся чудовище, и быстро затягивал все своей серой пеленой. Исчезали очертания дальних холмов и озер. Потом скрывались близкие и даже соседние кочки, и оставался только один гнездовой бугор, словно остров среди подступившего беловатого моря. В такие дни старики не улетали далеко от гнезда. Они охотились вблизи, промышляя одних пеструшек. Часто кто-нибудь из взрослых улуней оставался около птенцов и грел их, распуская широкие крылья. Этот серый туман был так холоден, он так пропитывал все студеною влагой, что, только сплотившись в тесную кучу, можно было согреться. В этом летнем тумане было холоднее, чем в самый сильный, но сухой зимний мороз, который ничего не мог поделаться с пуховыми шубами сов.

В эти дни исчезали докучные комары. Надоедливые, похожие на шмелей, овода северных оленей не вились больше над своими терпеливыми жертвами. Стада самоедов стали возвращаться понемногу на юг. Люди радовались наступлению холода, убившего комаров.

Молодые улунь сильно подросли, но еще не все научились летать. Старикам по-прежнему было много заботы. Большинство совят еще не умело добывать себе пищу, а жадность их росла вместе с их величиной.

Кроме того, птенцы разбредались в разные стороны. Старшие перепархивали с бугра на бугор, и старикам нелегко было присмотреть за всеми, накормить и уберечь от опасности. В это время погибли два младших совенка. Одного загрызла волчица, другой попался в зубы увертливому песцу, сумевшему задушить птенца и скрыться с ним почти на глазах у старых птиц.

Но самая большая тревога случилась в один ясный и теплый день. Солнце сияло на ясном небе, тундра весело пестрела последними летними цветами и несчетными красными и желтыми ягодами зреющей морошки.

Около полудня кусты ивняка вдруг затрепетали, и через них с треском и шумом замелькали самоедские нарты и ветвистые олени рога. Олени бежали так быстро, как будто это было мокрое гладкое болото, а не корявый ивняк, ошетилившийся густым лесом кривых ветвей и цепких сухих сучьев.

Трое нарт, запряженных пятерками оленей, одни за другими выбежали к озеру неподалеку от бугра улуней. На нартах сидели три мальчика лет по тринадцати, вооруженных длинными хорейми. У одного из них к задку его санок было привязано несколько песцовых силков и капканов, у другого старая ржавая двустволка. Третий ехал порожний.

Едва мальчики выехали на открытое место, как тот, что был впереди, привстал на нартах и начал сворачивать влево. Подъехав к бугру, он остановил оленей, которые тотчас легли на мох, а сам спрыгнул и побежал к холму. Что-то серое, мохнатое и неуклюжее, как медвежонок,

мелькнуло из-за камня и исчезло по ту сторону песчаного холма.

Когда он взбежал на макушку бугра, он увидел, как это толстое серое существо прыгало вниз по пологому скату. Оно спешило добраться до зарослей высокой травы. Мальчик изо всех сил пустился в погоню и вдруг заметил среди кочек целых пять шершавых пуховых улуней, притаившихся неподвижно среди багульника и карликовой березки. Подбежав к ним вплотную, он замахнулся на одного своим хореем, но удар пришелся в землю, потому что совята разом все запрыгали в разные стороны. Они разбегались так быстро, как нельзя было и ожидать от неуклюжих на вид шершавых созданий.

Мальчик крикнул товарищей. Началась ловля птенцов. Птенцы увертывались и защищались отчаянно, пуская в ход свои железные клювы и острые кривые когти.

И таково волшебное свойство кочковатой тундры: только два из них попали в заброшенные на них крепкие петли, остальные как будто провалились сквозь землю. Даже опытные и зоркие глаза самоедов не могли отыскать их.

Зато попавшихся в плен ждала короткая расправа. Отец и мать были далеко. Защиты не было. Мальчики крепко затянули петли на их пушистых шеях и привязали к задкам своих нарт. У высокого, темного чума старая самоедка ощипала их, опалила остатки перьев, выпотрошила и бросила в кипящий котел. Самоеды считают за лакомство вкусное мясо молодых улунят.

XIV

Близилась осень. Мороз по ночам уже леденил землю и воду. Долгий летний день кончился, и после заката солнца золотая заря тихо ходила по небу, погасала на севере и вновь разгоралась под утро. С каждым днем ближе надвигалась осень. Чаше и чаще напалзал с моря серый туман, моросил дождик, а небо скрывалось за темным пологом туч.

В сентябре выпал первый мохнатый снег и сейчас же растаял; но по тундре от края до края пронеслось морозное дыхание близкой зимы.

В тундре все зашевелилось. Несчетные певчие стаи заспешили воздушными дорогами к далекому теплему югу.

Разноперые племена водоплавающих птиц по воздуху, по воде и даже по суше потянулись туда же. С громкими кликами, похожими на медные трубы, поднялись с озера белые лебеди. Легко и свободно понесли их могучие крылья прочь от наступающего царства зимы. Сокола, сарычи, поморники также начали исчезать вслед за стаями улетающей добычи. Разжиревшие за осень пеструшки вдруг сделались вялыми и сонными и глубоко забились в свои торфяные норы.

Только одни куропатки еще не уходили. Всюду по кочкам, как золотые слитки, желтели спелые плоды морошки, вся земля усеяна была ягодами и семенами, и куропаткам не хотелось покидать это приволье. Их оперение приняло зимнюю белую окраску. Теплый белый пух густо покрывал их тело, а крепкие когти на ногах отросли и стали похожи на маленькие роговые совочки. Когда глубокий снег заметет и бугры и низины, когда ягоды и семена будут скрыты под толстыми сугробами, навеванными всюду метелью, эти когти сослужат своим хозяевам немалую и верную службу. Они проложат глубокие норы сверху до самой земли, туда, где притаились и мох, и трава, и зубчатые листочки березы, и несметные сокровища семян и плодов.

Здесь куропатки найдут и тепло, и защиту от ледящего ветра, и питательную обильную пищу, и надежную крепость ото всех своих врагов.

Каждая куропатка-мать наплодила около двух дюжин молодых птенцов, которых нужно было еще хорошенько откормить и вырастить крепкими и сильными.

Пока можно было легко ловить куропаток, совы были сыты. Выросшие, окрепшие птенцы теперь сами стали большими птицами, и только тонкие серые полоски поперек белого платья отличали их от взрослых улуней. Не хуже взрослых они могли схватить спрятавшуюся в кустах куропатку; не хуже взрослых умели вцепиться в мягкую спину беляка-зайца и, словно большие, выучились сидеть спокойно и тихо на голых вершинах бугров, поджидая добычу.

Но вот промелькнула короткая осень, и пришла сама седая морозная зима. Закрутилась в воздухе холодными белыми хлопьями, зашумела метелями, завывала лютым северным ветром, и

от ее колдовства сразу изменилась тундра.

К торфяным буграм и песчанистым сопкам привалились глубокие снеговые сугробы. Теперь в тундре стало еще тише, чем раньше. Искоса из-за раздвинувшихся туч поглядывало с бледного осеннего неба оробевшее солнце. По-прежнему на круглых буграх сидели улуни, почти невидимые теперь на белизне снегов. Но напрасно поворачивали они туда и сюда свои головы. Все живое словно исчезло кругом, насколько видел глаз, и ничто не намекало на присутствие жизни в тундре. Все, казалось, вымерло в этой белой пустыне, молчаливой и тихой, как могила.

Однако это было не так. Жизнь еще таилась везде, но стала как бы невидимой и неслышной. Незаметно перелетали по снегу белые куропатки и, севши, тотчас закапывались глубоко в снег, поближе к земле и морошке. Как туманные тени мелькали на снегу зайцы-беляки. Порой они также закапывались в снег, под которым было и теплее и спокойнее. Незаметно подстерегали их побелевшие на зиму песцы. Белые улуни на белых бесшумных крыльях неожиданно настигали их. Порой белый и тонкий горноста́й тихо крался к норе куропатки, чтобы там окрасить чистый снег горячею кровью своей жертвы.

Кое-где замечались следы нарт и вереницы раздвоенных оленьих следов. Запоздалые самоеды торопились на юг, пробирались из тундры к лесам.

Как прежде над норами пеструшек, так теперь перед снеговыми берлогами куропаток и зайцев сторожили недвижные улуни.

Но с каждым днем труднее доставалась им добыча. Дни все делались короче и быстро сменялись слепой морозною ночью.

Беляки светлое время дня проводили в логовах, предоставляя метелям заносить себя сколько угодно. Только по ночам появлялись они из-под снега и незаметно пробирались в кустарники, где глодали сучья и почки ив.

Но хуже всего было то, что и куропатки, и зайцы, пользуясь ночной темнотой, ускользали куда-то, направляясь на юг к лесной стороне, которая сулила им более надежную защиту и более обильный корм.

Улуни начали голодать. Теперь чаще молено было видеть их медленный полет над тундрой, которая стала такой суровой, негостеприимной.

XV

Была морозная звездная полночь. Ветер утих, и снега спокойно спали на равнине холодной полярной земли. Молодой месяц узким серпом серебрился в темной глубине неба.

На холме улуней было тихо, но внимательный глаз мог бы открыть здесь несколько белесых округлых фигур, тесно сомкнувшихся вместе. Это были дети белой Большой совы, собравшиеся перед отлетом.

Вдруг все встрепенились и прислушались. Где-то близко во мгле послышалось торопливое хлопанье крыльев, и чуткие уши улуней различили тяжелый полет кочующих куропаток.

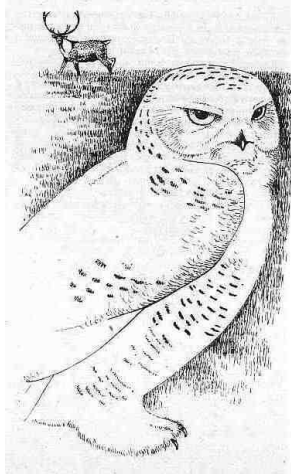
Большая сова расправила крылья. Она также полетит туда, куда улетаю́т эти птицы.

Она взмахнула крыльями и понеслась вперед, а за ней потянулась вся стая ее птенцов. Мохнатый белый супруг ее замыкал вереницу летящих к югу птиц.

А сзади на полночной стороне неба заиграли разноцветные сполохи северного сияния, похожего на исполинскую арку, сложенную из мерцающих снопов таинственного света.

Улуни покидали надолго свою суровую родину. Они не могли больше прокормиться в опустевшей тундре и так лее, как и самоеды с оленями, искали лучших зимовий. Долгие дни проведут они на чужбине на белых полянах среди лесов. Целую зиму будут кочевать из одной речной долины в другую. Будут промыслять себе пернатую и четвероногую добычу не только ночью, как это делают другие совы, но и в утренние светлые часы. В лесных дебрях будут ссориться с филином, вторгаясь в его владения, и он скоро узнает силу их острых когтей. И с первым дыханием весны, когда заиграют горячие лучи на сосульках и закапают с них первые светлые весенние слезы, они тронутся в обратный путь к своим летним владениям у подножия песчанистых сопков, к широким торфяным буграм и бесчисленным мохнатым кочкам.

- [1] Большие лужи и озерки.
[2] Особый вид больших куликов с красными клювами, глазами и ногами.
[3] Припаем зовется на севере береговой лед, неподвижно примерзший к берегу; торосами — плавающие льдины, обыкновенно исковерканные, изломанные ударами волн, смерзшиеся из многих кусков и обломков, набросанных друг на друга.
[4] Шняки — небольшие парусные морские суда беломорских поморов.
[5] Ера — сплошные заросли густых ивовых кустов в тундре.
[6] Нельма — рыба из породы лососевых, близкая родственница белорыбицы.
[7] На севере и на высоких горах на снегу весной и летом встречаются багровые пятна, окрашенные микроскопическими красными водорослями.
[8] Ягель — олений мох, лишайник, которым зимой главным образом кормятся олени.

Н. Ловцов

ПОЛОСАТЫЙ ЭРГЕНИ
Повесть об уссурийском тигре

ОГЛАВЛЕНИЕ

- I. ИГРА С ЛЮДЬМИ
II. ТИГРИЦА МАТЬ
III. ЗВЕРИНАЯ ЛЮБОВЬ
IV. ПЕРВЫЕ ПОБЕДЫ
V. ТИГРИЦА И БАРСЫ
VI. В ЛАПАХ ЛЮДЕЙ
VII. КИТАЕЦ ЦЫ-ЮН
VIII. ХИТРОУМНЫЕ ЛОВУШКИ

I. ИГРА С ЛЮДЬМИ

Полуголые ребятишки шаловливой стайкой бегали по мокрому песку. Под каймой берега лениво плескался Амур и нагонял на отмели шумливые волны. Недалеко, на пригорке, у летних юрт, сидели старики гольды. Они молча попыхивали трубками, отгоняя надоедливую мошкарку, и прислушивались к гомону.

Громкий детский смех висел над рекой и вместе с рокотом волн отдавался в стойбище.

Но вот ребятишкам надоело шлепать по песку, и они, как вспугнутый табун лошадей, один за одним, припрыгивая и перегоняя, с озорным криком проскакали мимо юрт.

Бину, самый маленький и самый бойкий мальчишка, на ходу запустил в бороду старого Шапиноя обглоданный хребет горбуши.

— Почеси, дедушка, борода-то у тебя нечесаная...

Старик строго сверкнул глазами и, выдернув рыбью кость, нежно погладил свою пушистую бороду.

— У... у... у... я тебя...

Бину повернулся к нему и высунул язык.

— Вот подожди, Эргени тебя в тайге задерет, задерет. Я ему скажу... у... у... — И старик указал длинной сухой рукой на тайгу.

Бину присмирел и задумался. Он знал, что Эргени — душа его недавно умершего деда Кармачи — страшного деда Кармачи, которого боялся не только сам Бину, но и его отец Большой Бину, и его мать, любимая дочь Кармачи.

— А... Я...

Рука Шапиной еще тянулась к тайге. Бину захлебнулся и испуганно взглянул на темный лес. На горах, отороченных бахромой тайги, яркими пятнами играло солнце. По горе извивалась тропинка. Между огненных цветов багульника скакали его приятели. “Ну разве там может быть злой Эргени”? Бину тряхнул скатанной копной черных волос, снова показал Шапиной язык. Хлопнув себя по голым и загорелым ногам, он понесся в гору.

— Не трус... Добрый рыбак будет... сильный парень вырастет... — добродушно ухмыльнулся Шапиной, подмигивая своему соседу, низкорослому и морщинистому Ловди.

Ребята добежали до перевала и остановились. Далеко забираться в тайгу они боялись. В тайге всегда было тихо, душно и тесно. Попробуй развернуться — налетишь на сучок или споткнешься о пень, о старый загнивший ствол дерева, где обязательно лежат две-три серебристых змеи.

Но зато в падушках, на маленьких лужайках, где между камнями и нависшим тальником пенится горный ручей, всегда весело. Мелкую форельку можно ловить старыми лоскутами; жука-плавника нетрудно пришибить прутом, а потом посмотреть на него и считать, сколько у него ног и сколько глаз и почему он бежит по реке и не тонет. В кустах заливаются птицы, их можно дразнить и перекликаться с ними.

Но забираться далеко — опасно. Там темные стволы кедров, седоватые лиственницы и широкие лапы елей. Попробуй, сунься туда, а вдруг вылезет злой Эргени...

Ребята избегали угрюмую тайгу. За перевалом у них была своя лужайка. На вершине хребта Бину догнал приятелей, растолкал и присел. Громко свистнув, он вдруг опустил голову к земле, засунул между ног и как мяч покатился по мягкой густой траве. Ребятам это понравилось, они точно так же, один за другим, с криком и со смехом покатились к лужайке. Самый старший из них, вертлявый Тутукан, хотел было снова взобраться на гору и опять кувырком скатиться с нее. Но Бину придумал новую игру. Он встал на руки и, забавно дрыгая в воздухе ногами, прошел лужайку от одного края до другого. Тутукан раздумал и покатился за Бину колесом, отталкиваясь от земли то руками, то ногами. За ним, подражая ему, промелькнула малюсенькая Соба. Следом по очереди — остальные.

У ручья на пригорке, в густых зарослях багульника, вытянувшись во всю длину полосатого тела, лежал шестимесячный тигренок. Высунув кончик красного, покрытого слюной языка, он тяжело дышал, томимый жаром. Несколько часов тому назад он сытно позавтракал пискливыми, но вкусными кабаньими поросятами и сейчас ждал свою мать.

Детский смех и крик заставили его насторожиться. Он лениво потянулся, перевернулся на живот и, мягко пригибая траву, бесшумно пополз к лужайке...

Бину поспорил с Тутуканом. Встав рядом, они покатились колесом вперегонки. Руки, ноги и вихрастые головы замелькали перед тигренком. У него заиграли глаза, он напряжился, прыгнул к ребятам и повалился Бину под ноги, — тот упал. Тигренок вскочил и игриво хлопнул его мягкой лапой по голому заду.

Бину с недоумением уставился на тигренка. Тутукан отбежал в сторону, спрятался за кусты и предостерегающе зашипел:

— Эргени... Эргени... Злой Эргени...

Испуганные ребяташки скрылись в зарослях.

Тигренок снова наскочил на Бину, упал рядом с ним и так же, как несколько минут тому назад, когда Бину ходил на руках, замахал в воздухе лапами. Ему хотелось играть.

Бину присел на корточки и улыбнулся.

— Злой Эргени играть не любит. Это не злой Эргени... Смотри, этот еще маленький.

Тутукан шепотом ответил:

— Беги, это Эргени злой. Я знаю...

— Ну, он не злой... — весело рассмеялся Бину и тряхнул тигренка за загривок. Тигренок вскочил и, играя, отбежал на несколько шагов. Бину нагнал его и, в свою очередь, повалил на землю.

Тигренок вывернулся, опять сбил Бину с ног и отскочил в сторону. Ребята поняли, что этот зверь совсем не страшный, и осторожно окружили его. Даже Тутукан вышел из-за своего куста. Маленькая Соби выскочила вперед. Ей очень хотелось поиграть с тигренком. Заметив, что он от нее недалеко, она схватила за хвост и легонько дернула.

— Ну, ну, Эргени, поиграй со мной...

Тигренок жалобно взвизгнул и ударил Соби по спине. Девочка громко всхлипнула, ребята бросились в стороны. От плеча до поясницы у Соби протянулись две узких царапины.

— А, так ты так играешь? — возмутился Бину, схватывая длинный ивовый прут и бросаясь на тигренка, — вот тебе, получай, получай. — Он ожесточенно стал колотить его.

Тигренок съежился, виновато прижал к боку хвост и, как провинившийся щенок, в несколько прыжков исчез в тайге (*).

(*) Подобный случай рассказан мне в 1922 г. в с. Вятском Хабаровского уезда амурским рыбаком. (Примеч. автора.)

II. ТИГРИЦА МАТЬ

Ночью, когда луна приветливо закивала тайге, тигренок выполз к ручью, потягиваясь, выгнув дугой спину, и жалобно замыкал.

Прошло несколько томительных минут. Тайга молча приняла его жалобу и ничего не ответила. Только темные, причудливые тени, что легли на поверхность ручья, предостерегающе шевелились. Тигренок припал к воде красным длинным языком, несколько раз булькнул и поднял морду... На кончик черного и мокрого носа уселся комар; запустив острую пику, он безжалостно колол его. Тигренок недовольно фыркнул, сунул морду в траву и снова жалобно проревел.

И вдруг совсем недалеко кто-то ласково замурлыкал. Тигренок наострил уши, сделал несколько прыжков и оказался около матери.

Тигрица беспокойно обнюхала сына от кончика носа до конца хвоста, лизнула его гладкую лоснящуюся шерсть длинным, как лопасть весла, шершавым языком и тихо промурлыкала, словно успокаивала сына. Повернувшись к тайге, она сделала три прыжка и недовольно оглянулась. Тигренок ловил в высокой густой траве лягушат. Он так увлекся охотой, что и не заметил отсутствия матери. Тигрица вернулась и строго проорчала. Тигренок прыгнул к ней, но по пути неосторожно задел сухой сук лиственницы. Дерево резко треснуло. Тигрица нагнала своего сорванца и, схватив громадными зубами за загривок, чуть сжала их. Тигренок обиженно пропищал, дернулся вперед, но, сдержанный зубами матери, послушно поплелся за ней.

Двигались они мягко, неслышно. Перелезая через поваленные стволы, проскальзывая через таежные заросли или перепрыгивая через рытвины и ручьи — тигры почти не производили шума. Их движения были мягки и настолько рассчитаны, что они в любую минуту умели змеей выгнуть свое тело и незаметно перелезть через поваленное дерево. А через чащи, где другому зверю никогда бы не пробраться, они проскальзывали ползком, как змеи, и не делали никакого шума.

Тигрица мать вела своего маленького Эргени через горные ущелья, через кручи к глубокому таежному озеру. У берега, на высоком холме, где, как щетина на кабаньем хребте, рос только дубняк, еще днем, после недолгой борьбы, она придушила старого кабана самца. И теперь там их ждало сытное пиршество.

Ночь была тихая и душная. Тучи надоедливой мошкары носились в воздухе и преследовали тигров. Сильные звери беспомощно вертели головами и, даже иногда нарушая

тишину тайги, фыркали. Чаще всего и громче выражал недовольствие тигренок. Тигрица была опытна, осторожна и терпелива. Чтобы избежать мошкары и избавить от нее своего сына, она выбирала открытые места и шла по ветру.

Наконец дорогу преградил густо заросший холм. И как бы опасаясь, что холм может куда-нибудь сбежать, со всех сторон его частоколом охватил дубняк... Только на вершине лысиной серебрилась умытая луной поляна. Там, на опушке дубовой рощи, тигрица и оставила кабанью тушу.

Забравшись в дубовую заросль, тигрица припала к земле и прислушалась. Тигренок последовал ее примеру. Он помнил недавний урок. Кроме того, в тайге не раз им встречались барсы, рысь и медведь. Волки боялись показываться им, но по следам и по запаху тигренок знал, что волков в тайге больше всего и им они менее опасны.

Не так давно был случай — нахалка рысь чуть было не оставила их без завтрака. Не успели они отойти от своей добычи, как та уже сцапала ее и потащила к себе. В другой раз к ним приковылял медведь, но он был осторожен и только тогда рискнул приняться за остатки их пиршества, когда они, уже насытившись, бросили его.

Прошло десять, пятнадцать минут. Тигрица все еще лежала. Где-то далеко ухнул филин. За ним подала жалобный голос уссурийская карликовая сова. Недалеко белка уронила кедровую шишку, — кедровый качан с шумом прокатился по валежнику и мягко ухнул в траву. Совсем близко от тигренка лесная мышь прошуршала прошлогодними листьями. Тигренок не выдержал, взметнул хвостом и случайно задел мать. Тигрица огрела озорника тяжелой лапой.

И снова все смолкло.

Но вот за горой в озере кто-то забулькал и затем громко зафыркал.

И опять тихо. На плешистую вершину набежала прозрачная тень. Но месяц вынырнул из облаков и снова посеребрил лужайку. Тигрица поднялась, выпустила когти, царапнула ими по траве и, оставив две черные борозды, в несколько прыжков оказалась у кабаньей туши. Тигренок, шаловливо подпрыгивая, не отставал от нее. Он подскочил к жирному кабану, и, урча от удовольствия, яростно впился в сочный окорок.

Около часу тигры тешились кабаньим мясом. Тигренок насытился первым. И теперь, упираясь передними лапами в обглоданные ребра, он игриво насккивал на кабаньи остатки и острыми резцами блестящих зубов рвал болтающиеся клочья мяса. Тигрица отошла в сторону и, лениво щурясь, развалилась на траве. Она видела, как ее детеныш одним нажимом челюстей перегрызал крепкие кабаньи кости. Вот тигренок отскочил от кабана, нацелился на уцелевшую еще голову и, прыгнув, схватил ухо. Рванув, он как ножом отсек мягкий хрящ, но не удержал равновесия и кубарем полетел с высокой горной кручи в зеркальную гладь таежного озера.

Он так быстро исчез, что тигрица не заметила этого и по-прежнему щурилась на луну. Вдруг до ее слуха дошел глухой стук камней. Тигрица прыгнула к краю и заглянула вниз. Ища спасения, тигренок беспомощно сбивал лапами каменную россыпь. Мелкий песчаник, перегоняя один другого, с грохотом катился вниз. Тигренок пролетел через камни и со всего размаха шлепнулся в воду. Тысячи искр взметнулись вверх, по озеру переливами заходили круги. Месяц перебежал по волнам, как по тигровой шкуре.

Тигренок вынырнул и забил лапами по воде. Вдруг около кто-то фыркнул, и перед ним промелькнул частокол ветвистых рогов. От страха тигренок еще сильнее забил лапами. Но сучковатые рога преградили путь, потом неожиданно исчезли, и тигренок вдруг взлетел вверх и, сделав полукруг, шлепнулся в воду. Когда он высунул голову, он оказался в густой осоке, лапы нащупывали вязкую тину. Захлебываясь, тигренок жалобно запищал. И сразу же с горы ему ответил грозный предостерегающий рев матери.

Как только тигрица увидела рога, она поняла, что ее детеныш упал к лосю, загнанному в таежное озеро беспощадной мошкаррой. Она обежала гору кругом и в несколько прыжков оказалась около осоки.

Услышав тигра, лось замутил воду и, недовольно отфыркиваясь, качающейся походкой скрылся в тайге.

Тигрица злобно взревела и осторожно, стараясь как можно меньше замочить шерсть, — она не любила воду, — залезла передними лапами в тину. Ухватив тигренка зубами, она вытащила его на берег.

III. ЗВЕРИНАЯ ЛЮБОВЬ

Сытное лето и тревожную осень, полную призывных звуков, тигренок не отходил от матери. Ему шел уже второй год, но всегда, как только тигрица исчезала в тайге, он жалобно звал ее.

Ударили первые заморозки, потянули северные ветры и нагнали снеговые тучи. Тигры перешли в долину реки Лефу, ближе к человеческим жилищам. По ночам тигрица подбиралась к легким хворостиновым хлевам, разбивала стены сильной лапой и, перепугав скот, на глазах у людей волокла добычу в тайгу. Трусливые тьявки, поджав хвосты, лезли под ноги людей и чуть слышно ворчали.

Верховья реки Лефу заселяли русские и корейцы, новоселы. Они были бедны и из них редко кто имел оружие, а у кого оно было — недоставало зарядов. Переселенцы безнадежно ахали, стонали, жаловались друг другу, но далеко заходить в тайгу боялись. Даже дрова и то брали под поселком и ходили за ними артелями, вооружившись заслонками, сковородами, медными тазами. Пока бабы и ребятишки гремели в них, отпугивая страшного зверя, мужики рубили сушник и складывали на возы. А корейцы, свято чтя дедовские законы, и здесь считали тигра священным животным и покорно сносили “божье” испытание.

Так прошла первая половина зимы.

В феврале, когда день удлинился и уже высоко на небо забиралось солнце, а снег заблестел, заискрился в радужных переливах, у тигрицы стала лезть шерсть и на лапах, на груди и на животе появилась новая — гладкая и лоснящаяся. В глазах замелькал задорный молодой блеск и часто, перепрыгивая через поваленные стволы деревьев или овраги, она делала лишний прыжок, терлась боками о стволы и беспричинно потягивалась. А иногда вытянет вперед лапы, припадет грудью к земле и роет когтями снег, бьет себя упругим, как плеть, хвостом и нежно мурлычет. Тигренок радовался, заигрывал с матерью, шутя ловил кончик ее хвоста. Тигрица как будто не замечала его. Но как-то шалости надоели ей, и она впервые больно укусила сына. Тигренок насторожился и с этого времени стал подальше держаться от матери.

Однажды за рекой, в частых зарослях виноградника и дикого барбариса, они встретили громадного желто-черного тигра-самца.

Тигренок впервые видел зверя своей породы. Правда, за последнее время он часто слышал низкий раскатистый рев какого-то неизвестного ему тигра, которому его мать отвечала нежной воркотней. Но тигр не выходил к ним, и тигренок его не видел.

При виде громадного самца тигренок насторожился и приготовился к защите. Его тонкий желтый хвост нервно забегал по снегу, сметая снесенную зимними ветрами хвою лиственниц.

Пришелец, не замечая тигренка, пружинисто припадая на сильные лапы, перебежал к матери.

Тигренок хлестнул себя хвостом и предупредительно зарычал. Но тигрица, зазвав самца на полянку, игриво прилегла на снег, легонько ударяя лапами по его бокам. Необыкновенное поведение матери родило в тигренке ревность и обиду. С ним она уже давно не играла.

Тигренок припал к земле и вдруг, сделав громадный прыжок, ударом морды отбросил тигра в сторону. Тигр повернулся к нему и ворчливо разжал пасть. Тигрица тоже зарычала и показала острые клыки. Тигренок прижался к снегу и готов был уже скрыться в кустах, как мать безжалостно придавила его лапой и больно трянула зубами.

Тигренок жалобно заревел, поднял голову, но на поляне уже никого не было. Перед его носом по ржавому сучку ели проскочил пегий бурундук. Задорно тряхнув перед тигренком пушистым хвостиком, он нырнул в валежник.

IV. ПЕРВЫЕ ПОБЕДЫ

Пришли новые дни, голодные и тоскливые. Бросится тигренок на зайца, а тот в кусты или через заросли, и облизывая морду. Выследит косулю, распластается в воздухе молодое тело, заострятся когти, а косуля трянула тоненькими, как прутья молодого тальника, рогами и смотрит на тигренка сверху. Поднимет Эргени голову, перед ним, как сухой кедр, высоченная

скала и на вершущке, где только может трясогузка вертеть хвостом, стоит косуля и как будто не замечает хищника.

Пробовал тигренок охотиться на мышей — прижмет лапой, пропищит мышь, как комар, а сунет он в траву морду, схватит добычу, проскочит маленький кровавый комочек в желудок, только раздразнит больше.

Неприглядные были первые ночи. Вздремнет тигренок, толкается мордой, хочет по привычке нащупать теплое материнское тело, а ему в нос сучья. Тряхнет головой, вскочит на ноги, осмотрится — тайга не чувствует, не понимает его горя, шепчет верхушками. Припадет тигренок к земле, положит голову на лапы и долго и жалобно мяукает, жалуется как ребенок.

Однажды вдали кто-то отозвался ему. Тигренок насторожился, поднял голову и громким радостным ревом огласил тайгу. Эхо прокатилось по горам и замерло. Тигренок бросился было вперед, да тут же отскочил назад. Совсем недалеко громко и предостерегающе заревел знакомый ему тигр-самец. Тигренок, стараясь обойти, большими прыжками побегал к ручью. Но не успел пройти и половины пути, как перед ним промелькнула рыжая лисица. Тигренок присел и вдруг, сделав полукруг в воздухе, щелкнул зубами. Лисица конвульсивно забилась и затихла. Тигренок оттащил ее в сторону и стал жадно рвать на части, довольно урча. Насытившись, напился в ручье, забрался в чащу виноградника и задремал.

Весна надвигалась медленно. С ней часто бились последние вьюги. Налетят тучи, покроют темным маревом тайгу и, точно человек в гневе, брызжут, плюются сырыми хлопьями снега. Молодая зелень гнется, припадает к земле, задыхается. А солнце разгонит тучи, увидит на земле непорядки, приласкает ее, — слабенькая поросль стряхнет снежное покрывало, выпрямится.

Почти до самого мая в тайге шел спор зимы с весной. Когда весна победила, темные тучи с вьюгами исчезли, и тайга надолго забыла их.

Но еще в густых зарослях, в развалинах толстых и корявых кедровых кореньев лежал снег.

Над лесными озерами, в болотах, над речными заводьями завели нудную, писклявую песню комары. А в пахнувших зеленях камыша, в осоке, в широких листьях купавок взвивалась тонкой сеткой надоедливая мошкара.

И жизнь проснулась, забила ключом. Тайга ожила, окунулась в яркие, солнечные лучи.

Тигренок давно забыл свою мать. У него не было ни одной ночи, чтоб он не попал в какое-нибудь новое место. Он исходил горные кряжи западных отрогов Сихотэ-Алинь, перешел к берегу Амура и, почувствовав дым и человеческий запах, побоялся подойти ближе.

Теперь уже из-под его лап не ускользали косули. А зайцев ловил одним стремительным прыжком. За весну он вытянулся, вырос и стал много сильнее.

Но больше всего он любил охотиться за птицей. Однажды, попав к тому озеру, где когда-то испугался лося, он увидел, как в камыш опустилась жирная кряква. Старая боязнь воды тянула его прочь от озера. Но любопытство и голод заставили прыгнуть в камыш. Он удачно попал на гнездо утки, придавил лапой и тут же позавтракал ею и ее свежими яйцами. И они ему так понравились, что он и на другой и на третий день не отходил от озера, то и дело вспугивал и уничтожал утиные гнезда.

Но туда же приковылял медведь. В яркий солнечный день, когда тигренок благоденствовал в кустах багульника, медведь на берегу взбудоражил все птичье население озера. Тигренок выполз и предупредительно зарычал. Медведь, тянувшийся к болотной кочке, где было гнездо чирка, скосил на него глаза и недовольно вернулся на берег. Маленькие узенькие глаза налились кровью, он поднялся на задние лапы и угрожающе заревел на тигра.

И может быть, будь Эргени с матерью, он бы сбежал от этого страшного рева куда-нибудь в кусты, но сейчас поддержки не было, он должен был защищать не только себя, но и наказывать захватчика. Береговую полосу с утиными гнездами он считал уже принадлежащей ему одному. Медведь забрался не на свое место. И в знак того, что тигренок готов принять бой, он щелкнул хвостом по своему крупу и, неожиданно подпрыгнув, обрушился на медведя.

Медведь, не ожидая такого стремительного нападения, завертелся, зарычал на всю тайгу и стал беспомощно отбиваться лапами. Тигренок не выдержал ударов, вырвал с медвежьей шеи клочок мяса и отскочил в сторону. Медведь повернулся, но тигренок сделал молниеносный

прыжок и вцепился ему в бок. Медведь повалился и не успел еще подняться на лапы, как тигровая челюсть перекусила ему горло. Дернув врага к себе и убедившись, что он мертв, тигренок, тяжело дыша, отошел в сторону и предупредительно улегся перед медвежьей тушей, готовый к новому прыжку.

С озера наскочил ветерок. Зашумев, он закрутил на медведе длинную шерсть. Тигренок наострил уши, взметнул хвостом и тревожно зарычал. Ветерок пригнул камыш, зарябил воду и унесся в тайгу.

V. ТИГРИЦА И БАРСЫ

В тайге стало душно. Солнце выжгло на высоких местах зелень, осушило небольшие болотца. Топи дышали паром, и от них несло гнойным зловонием.

Косули, пятнистые олени забрались на отвесные скалы и часами, словно высеченные из гранита, стояли без движения под освежающим ветерком. Лоси окунулись мордами в болота и тяжело сопели. По ночам они выходили на берег, туда же шли олени, косули, изюбри, лакомились сочной прибрежной травой.

В это лето травоядные животные были менее осторожны. Каждое движение, легкий прыжок хищника в высохшем лесу были далеко слышны. Сухие ветви ломались с треском, а чуть задетые, резко свистели, будто в таежной чаще шла перестрелка. Почувяв опасность, олени закидывали рога высоко на спины и, не замечая рытвин, пухлых трупов деревьев, сбитых временем, неслись к своим скалам. Лоси скрывались в расщелинах. Остальные находили спасение в непролазных таежных чащах.

Из хищников одна только рысь умела без шума подстергать добычу. Вытянется на каком-нибудь сучке над водопойной тропой и лежит часами, не двигаясь, будто приросла к дереву. Шерсть у ней темная, пятнистая, как раз под цвет древесных стволов. Но стоит только оленю, или робкой косуле, или же неповоротливому лосю показаться под роковым сучком, как рысь вздрагивала, расправляла когти, и ее клыки, словно буравы, впивались в затылок животного.

За лето Эргени похудел. Высохшая тайга пугала его. Чуть задел лапой сучок или скользнул хвостом по хворостине, — слышно на всю тайгу. А то выследишь косулю, подготовишься к прыжку, из-под носа ее выкрадет ушастая рысь.

Однажды Эргени в течение нескольких долгих часов преследовал молодую лосиху. Уже по следам он чувствовал запах ее мяса, ощущал теплую клейкую кровь у себя на языке. Ее бурая спина несколько раз мелькала перед ним, и Эргени каждую секунду готовился к прыжку. И вдруг, откуда ни возмись, на лосиху грохнула длинношерстая рысь. Эргени злобно зарычал, сделал громадный прыжок и оказался на спине лосихи, сзади рыси. Вонзил свои клыки в шею рыси, он полетел с ней на ошалевшей от ужаса лосихе. Ветви хлестали, сухие колючие сучья рвали их шкуры. Рысь извивалась в зубах тигра и ревела на всю тайгу. Эргени, вцепившись когтями в бока лосихи, все глубже и глубже вонзал свои клыки в мясо врага... Так они скакали несколько минут. Но вот впереди показался молодой кедровник. Нырнув в него и зацепив за толстый сук лиственницы, лосиха сбила со своей спины обоих хищников и, раскачиваясь и тяжело поднимая бока, умчалась.

Тигренок, не разжимая пасти, сильными лапами прижал рысь к земле. Рысь захрапела, судорожно царапнула его лапой, Эргени ловко перехватил зубами ей горло, и рысь притихла.

Закусив рысью, тигренок за кедровником первогодней поросли виноградика нашел подышающую лосиху. Тяжело прыгнув, он в одну секунду кончил страдания и, растянувшись на трупе, долго тянул ее теплую кровь.

Вдруг тигренок насторожился. За горами ему послышался тревожный рев тигра. Оставив добычу, он крадучись побежал на голос. Обогнув небольшой хребет, поросший березником и кустами багульника, Эргени остановился. Тигр ревел где-то недалеко, и голос Эргени показался знакомым. Он прислушался и, припав к земле, жалобно завыл. По голосу он узнал мать. Вскочив, он хлестнул себя хвостом и, делая громадные прыжки, помчался к ней. Перебираясь через хребты и увалы, Эргени ответно ревел.

Однако тигрица и не думала отвечать ему. Она ревела на всю тайгу, и в ее протяжном

яростном реве слышалась тревога, но не призыв. На опушке широкой поляны, залитой серебристым светом луны, Эргени прижался к земле и тихо, предупредительно зарычал.

В дальнем углу поляны, оцетинившись и оскалив зубы, стояла тигрица. Под ней тряслись два маленьких полосатых комочка. Из пасти тигрицы то и дело вылетали громкие тревожные звуки, ее хвост бичом вертелся в воздухе и со свистом опускался на бедра. Приготовившись к прыжку, перед ней лежали три уссурийских барса. Не успел тигренок выйти на полянку, как один барс взвился вверх, точно выпущенная ракета, прыгнул к тигрице, но сейчас же отскочил от нее в сторону. С придавленным ревом тигрица встретила врага, сшибла его передними лапами, барс перекувырнулся и, уже оказавшись за остальными двумя барсами, злобно заревел. Оба барса подпрыгнули, налетели на тигрицу, та заворчала, вонзила острые желтые клыки в спину одного, рванула его лапой, бросилась к другому, но тот уже, перегнув свое тело, из-под самого ее носа вытащил одного детеныша. Тигрица яростно зарычала, бросилась было в погоню, но оставшийся тигренок жалобно запищал, она возвратилась к нему и в злобе стала рвать на части раненого барса. Барс волчком завертелся в ее когтях, как-то увернулся и, собрав последние силы, отполз в сторону. В это время первый барс встал между умирающим и тигрицей и приготовился к прыжку. Третий, оттащив мертвого тигренка в кусты, мягкими скачками подлетел к ним и, пока тигрица стояла против первого барса, снова прыгнул и длинными острыми когтями распорол живот оставшемуся тигренку. Тигренок дико пискнул и умолк. Тигрица обернулась к нему и тихо и жалобно замурлыкала, облизывая длинным шершавым языком уже мертвого детеныша. В этот момент оба барса прыгнули и почти враз вцепились в спину тигрицы. Тигрица заворчала, рывкнула на всю тайгу, отбросила обоих врагов от себя и, медленно наступая на них, огласила тайгу страшным ревом. Ее длинный хвост волочился по траве, сбивал листья с багульника и резко колотился по бокам. Барсы пятясь медленно отступали. Вдруг тигрица вспомнила последнего детеныша и в один прыжок очутилась над ним. Лизнув его несколько раз и что-то успокаивающе мурлыкнув, она неожиданно в дикой ярости забилась около его тела, повернув страшную окровавленную морду к врагам.

Но поляна уже была пуста. Барсы, видимо, почувствовав присутствие Эргени, в несколько скачков исчезли в таежной чаще.

Тигрица большими, налившимися кровью глазами обвела поляну, легла рядом с мертвым детенышем, лизнула его и вдруг, видимо, поняв, что он уже мертв, подпрыгнула вверх, завертела хвостом и дико заревела. Обойдя поляну кругом, она снова возвратилась к мертвому котенку, пощупала его лапой и, неожиданно завертев своим хвостом, начала в дикой ярости рвать его.

Эргени осторожно заполз в кусты и, неслышно ступая, побежал прочь от ужасной поляны.

VI. В ЛАПАХ ЛЮДЕЙ

В сентябре тайга ожила, заиграла. Черный лес запылал огнями, закачался и растерял желтые с пурпуровым отливом листья. Листвянки пожелтели с зависти и, расстроившись, обронили хвою. Только кедры, сосны да ели, косясь друг на друга, строго смотрели на лесной маскарад. Они в нем не участвовали.

На горах гулко заревели гураны. У них начался гон. Перед рассветом самцы, как гольдские шаманы, уже громыхали на горах рогами. Поодаль стояли самки и, жуя голые ветви, почти не интересовались боем, в котором главными виновниками были они.

Высоко над тайгою днем и ночью стоял несмолкаемый гам. Косяки гусей, уток, лебедей торопились к югу.

Однажды, переходя из прибрежных Амурских гор к Сихотэ-Алиню, перед зарей Эргени услышал гураний рев. Он был голоден и сразу же устремился на него. Вот гураний призыв уже близок — Эргени растянулся и стал высматривать добычу. Вдруг гуран заревел почти над ним. Эргени припал к земле и, не шевелясь, наострил уши. Гураний голос ему показался знакомым. На горах далеко отозвался новый гуран. Тот ревел протяжно, ветер дул от него, — рев приближался. Ближний гуран несколько секунд помолчал, потом стал властно зазывать к себе

далекого соперника. Эргени повернул к нему голову и внезапно после гураньего рева услышал материнское мурлыканье. Эргени кинулся к ней. Тигрица чуть привстала, глухо заворчала, но, успокоившись, вытянула по земле свое горло, открыла пасть. И тут Эргени увидел, что своим голосом тигрица, подражает гурану.

Гураний отклик был уже много ближе. Тигрица замолчала, проползла немного вперед и снова повторила призыв. Эргени не отставал от нее. Рев его раздражал, а желудок требовал пищи. Броситься же вперед матери он боялся. По какому-то странному и непонятному состоянию присутствие матери заставило его подчиниться ей.

Но голодные муки были недолги. Как только глупый гуран подал свой голос около тигрицы, она в один момент свалила его и, насытившись, оставила часть Эргени.

* * *

С этих пор они снова начали охотиться вместе. И теперь всегда тигрица ела первая и уже после того, как она была сыта, уступала добычу Эргени.

Ноябрь нагнал седые тучи, навалил в тайге сугробы снега, разогнал ветры. Иногда проглядывало солнце, наступала оттепель, но потом мороз сковывал землю, покрывая снег крепкой ледяной коркой.

Тигры не любили, когда мокрые хлопья снега прилипали к их шкурам. Они терлись о деревья, тряслись, прятались в горных ущельях. А когда разыгрались бураны и ни ущелья, ни лапчатые ветви елей не могли укрыть их, тигрица огрызалась на Эргени, как будто он был виной этому снежному бурану. Эргени, как маленький, плелся сзади матери и нюхал воздух.

Однажды после двухдневной голодовки он под, корнем лиственницы нашел худую мышь и только хотел ее проглотить, как к нему подскочила тигрица и отобрала добычу. Эргени ошетинился и заворчал на мать. Тигрица отошла в сторону и теперь, какая бы ни была у Эргени добыча, она к ней не прикасалась, пока он не насытится.

Но добыча попадала редко, и чаще тигры ходили с пустыми желудками. Дубняк, что тянулся на много верст по западному склону Сихотэ-Алиня, был тиграми осмотрен самым тщательным образом, и в нем они не нашли никаких признаков кабанов. Тигры горами сошли опять к реке Лефу, и вдруг перед ними промелькнуло какое-то пытящее чудовище. Длинный след едкого дыма окутал зверей, и они долго чихали и терли себе морды лапами, не зная, как избавиться от него. И после, когда поднялась вьюга, тигры были рады ей, — теперь они больше всего боялись едкого дыма.

Пробродив безрезультатно несколько дней по склонам гор над рекой, тигрица смело сошла в долину. Прежде всего бросилась ей в глаза длинная бесконечная, черная лента. Тигрица, злобно ворча, подползла к рельсам и долго лежала не двигаясь. Когда мимо нее пронеслось пышущее жаром чудовище и за ним повис темный след дыма, тигрица не побежала в тайгу, а только отошла в кусты и приготовилась к защите.

Ветер разметал дым, и тигрице не пришлось биться с чудовищем. Она оглянулась на горы. Между двух кедров заметила осторожного Эргени. Вытянувшись на снегу, он наблюдал за матерью. Тигрица ласково замурлыкала, но Эргени оказался глух к ее призыву. Она повторила громче, но в это время до ее слуха долетело нежное повизгивание поросят. Тигрица насторожилась. Поросята визжали недалеко. Тигрица подползла снова к железнодорожному полотну, осмотрела окрестности. За полотном у гор она заметила человеческое жилище. Ближе к ней стояло такое же строение, и поросячий визг исходил от него.

Тигрица перепрыгнула через рельсы и, мягко припадая к земле, подскочила к небольшой стае (*), сколоченной путевым сторожем из старых шпал. Обойдя осторожно стайку кругом, тигрица нашла узкую щель, просунула в нее лапу, и дверь скрипнула на ржавых шарнирах. Тигрица сунула в щель голову, но проход был еще мал. Из стайки аппетитно несло свинным запахом. Тигрица заворчала и поднялась на задние лапы. Одной лапой она уперлась в кол, притворявший дверь, кол сорвался, и дверь распахнулась. Одним прыжком тигрица покончила с громадной свиньей и затем стала душить поросят. Поросята заматались по стайке, подняли пронзительный визг. Двое вырвались и, оглушая двор резким визгом, понеслись к человеческому жилью.

Тигрица на беглецов и не обратила внимания. Она была так голодна, что тут же, в стайке, принялась за завтрак.

Но не успела она еще покончить и с одним поросенком, как вдруг дверь хлопнула, за ней что-то щелкнуло, за стеной послышались торжествующие человеческие голоса. Тигрица в тревоге заметалась, но куда бы она ни бросилась, везде натыкалась на крепкие деревянные шпалы.

Эргени не долго ожидал свою мать. Как только послышался пороссячий визг, он понял, что мать напала на добычу. Но так как железные полосы смущали его, он горами и опушкой леса добежал до человеческого жилья и только хотел спуститься в долину, как услышал торжествующие крики людей. Он трусливо повернул к тайге и поспешил скрыться в горах.

С этих пор Эргени ни разу не встречал свою мать.

(*) Стая — хлев, конюшня.

VII. КИТАЕЦ ЦЫ-ЮН

Первые же морозы принесли Эргени мясо. Случайно он напал на косачей. Забившись от непогоды в снег, они оказались похороненными под замерзшей толстой коркой верхнего слоя.

Переходя через сугробы, Эргени под снегом услышал возню. Рассчитывая, что там логово зайца, Эргени сильным ударом разбил ледяной покров и тут же отскочил в сторону. Шумя черными крыльями, мимо его морды вылетело несколько косачей. Но уже в следующую минуту тигренок был у отверстия, и в его лапах билась жирная птица.

На следующий день Эргени посчастливилось напасть на лежище кабанов. Затем, вступив в бой с рысью, он отбил у нее остатки изюбря.

Но по мере того, как снегу выпадало все больше и больше, становилось труднее добывать пищу. В декабре Эргени был доволен, если придавит зайца или проглотит одного, двух бурундуков.

Однажды он наткнулся на узкую тропинку, пахнущую человеком. И не будь Эргени так голоден, он постарался бы отойти подальше. Но голод толкал вперед. Глухо ворча, он медленно, поминутно припадая к снегу, пошел по человеческому следу. Через несколько шагов в железном капкане он нашел жирного зайца. Не дотрагиваясь до железа, он осторожно разгрыз зайца, оттащил его в сторону и съел. В следующей ловушке под поваленным стволом толстого дерева он добыл бурундука.

На другой день Эргени в ловушке охотника нашел двух соболей, а вечером сытно закусил громадным волком, влетевшим обеими передними лапами в капкан.

Сухощавый китаец, охотник Цы-юн, обходя свои ловушки, сразу понял, что они уже осмотрены тигром. Широкие кошачьи следы ему были давно знакомы. Китайцы-охотники считают тигра священным животным, поэтому Цы-юн припал к следу, приложил руки к груди и, покорясь судьбе, направился к своей фанзе. Присутствие тигра говорило ему, что в этот день он не должен обходить свои ловушки.

Почти у самой фанзы, случайно заглянув в кусты, он под небольшими стволами деревьев нашел несколько рябчиков. Хозяйственные привычки взяли верх над поклонением тигру, и, выбрав рябчиков, он снова насторожил ловушки.

Пять дней бродил Эргени около фанзы китайца, оставляя перед перепуганным охотником широкие следы. За эти дни он перевернул все ловушки Цы-юна, оборвал снасти и пожрал всю добычу.

Вечером на шестой день поднялась пурга. Эргени бросился в чащу, но резкий ветер проскальзывал мимо голых ветвей и морозно обхватывал тигра. Эргени прыгнул к толстому стволу кедра. Он сжался в комок, спрятал между лап свою голову, но ненадолго. Снежные вихри закружили и, разметаив шерсть, окатили его снегом. Эргени злобно зарычал и побежал прочь от ветра. Вдруг перед ним вырос снежный сугроб. За ним не было ветру. Эргени прижался к нему ближе, потерся боком о снег. Снег осыпался, и он почувствовал широкую кору сухого дерева. Закрыв от удовольствия глаза, Эргени еще сильнее привалился к сугробу и тихонько заурчал.

Цы-юн сидел на кане (*) и, прислушиваясь к вою ветра, чинил себе обувь. Вдруг стена над его головой слабо треснула. Китаец с удивлением поднял голову и взглянул на окно. Вместо

занесенного снегом стекла он увидел темную массу.

“Неужели его закидало ветками...” — подумал китаец и, подняв светильник, поднес его к окну. Руки у него задрожали, и сало полилось на пол. Фитиль замигал и зашипел. Китаец упал перед окном на колени и тихо зашептал молитву, не отрывая взора от полосатого бока тигра, прикрывавшего его окно.

Как только яркий блеск китайского светильника пробежал по снегу, Эргени отскочил и тут же почувствовал запах человека. Окно, отогретое теплом его тела, еще сильнее вспыхнуло, и в темной яме тигр увидел маленького человека. Эргени злобно зарычал и прыгнул на сугроб. Но наверху свету не было. Он осторожно обошел сугроб кругом, и вдруг из черного угла на него потянуло человеческим запахом. Он понюхал воздух и ударил по щели лапой. Она чуть скрипнула, но не подалась. Китаец крепко заложил ее. Эргени опять зарычал и снова обошел жилище человека. Когда он был опять у двери, то услышал громкий крик.

— Уходи, полосатый, уходи, пожалуйста. Когда уйдешь, я тебе много мяса дам. Я достану кабана, достану лося... — диким голосом просил его китаец.

Однако тигр злобно ворчал и безуспешно кружился вокруг фанзы охотника.

Поздно ночью Цы-юн лег на кан. Он решил, что пурга пройдет, и тигр оставит его в покое. Ведь недаром же он так много обещал ему. Цы-юн верил, что тигр понял его.

Настал день. От пурги остались только нагроможденные волнами сугробы снега да поломанные сучья. Цы-юн быстро соскочил с кана и бросился к окну. Стекло заледенело и ничего не было видно. Он подул на него и долго оглядывал местность. Поблизости не было видно даже следов тигра.

Радостный Цы-юн бросился к двери, набрал громадную охапку хвороста, затащил ее к себе и пошел за второй. Но не успел он и дойти до хвороста, как за ним увидел длинную распластанную шкуру хищника. Забыв о хворосте, китаец в ужасе бросился в свою фанзу и сразу же прихлопнул дверь. И только успела его защелка опуститься, как за дверью злобно зарычал тигр. Китаец повалился на колени и снова повторил свои обещания.

Так целых семь дней Эргени держал в страхе китайца. Он почти не давал ему передохнуть и выйти за дверь хотя бы за сушником. Близкий человеческий запах дразнил его, а голодный желудок настойчиво требовал пищи.

Бедный Цы-юн первые дни молил его. Обещал уже не одного кабана, а целых трех. Наконец, когда тигр не внял его мольбам, китаец зло выругался.

— Какой ты бог, ты трусливый волк. Ты только хочешь съесть меня, а боги так не делают... Я, видимо, напрасно слушался деда и отца.

И затем уже Цы-юн долго ломал голову над тем, как бы прогнать тигра. Оружия у него не было. Он охотился только силками, ловушками и капканами. Дни медленно проходили. Китаец съел свой небольшой запас провизии и принялся уже за варево из шкурок бурундуков. Фанзу он топил через день. Однажды под вечер китаец заготовил головней и, внезапно открыв дверь, стал их с криком бросать в тигра. Тигр, недовольно ворча, отскочил в сторону и лег на снег, не спуская с человека больших зеленых глаз. Когда китаец вернулся в фанзу и прикрыл дверь, тигр осторожно подошел к ней и долго царапался.

Цы-юн с досады бросился на кан и теперь уже не молился, а долго ругался, понося всех богов.

Но случай спас его. Группа охотников, туземцев Уды-хэ, переходила из одного района в другой. Дойдя до ловушек китайца, они увидели разбросанные снасти и следы тигра. Туземцы, разбирая следы без труда, прочли историю голодного Эргени. Им только был не ясен конец. Они видели старые занесенные снегом следы человека, но не знали, что с ним случилось. Подняв на всякий случай шум, охотники добрались до фанзы китайца и выручили Цы-юна.

И Цы-юн, собрав остаток своих ловушек, ушел вместе с туземцами. А Эргени, пропустив людей, до самой весны жил около фанзы китайца и упорно ждал, что рано или поздно услышит человеческий запах.

(*) Кан — нары, под которыми проходит дымоход

VIII. ХИТРОУМНЫЕ ЛОВУШКИ

Третья весна для Эргени была сытной и добычливой. Еще в марте месяце, по насту он без труда добывал лосей и косуль. Они тонули в глубоком снегу и еле пробивались к горам. Эргени же, мягко ступая широкими лапами, умел удерживаться. Выследив добычу, он загонял ее в падь или на низкое место на поляну в глубокие снега и там уже рвал на части.

В апреле Эргени питался свежим кабаньим мясом, а в мае — молодыми кабанятами. От того, что он был всегда сыт, уже в апреле он вылинял, и его бока блестели и жирно лоснились на солнце.

Насытившись, он часто играл с своей добычей, а иногда забавлялся и со своим хвостом. Он бил им по кустам багульника, чуть заметно подергивал маленькой черненькой кисточкой на конце и потом, как шаловливый котенок, носился за ним, делая гигантские прыжки через павшие стволы деревьев, каменные кручи и неширокие ручьи.

Весна пробудила в нем еще и новые желания. По ночам он часто слышал тигриный рев, мяуканье, и когда нежно отзывался, ему никто не отвечал. Мягко перепрыгивая через таежные заросли, он неслышно шел на голос, но там его ждала неудача. Он видел или спарившихся, или старых тигров-отшельников.

Но так как он был еще молод, то терпеливо ждал своей подруги. Да еще, пожалуй, его больше занимал не инстинкт семьянина, а сытный обед, отдых в тени кустарника и забавы с зайцами, с бурундуками. Конечно, для тех игры громадного тигренка были смертельной игрой. Но разве кошка когда-нибудь заботится о мыши?

.....

Старый уссурийский охотник и зверолов Иван Сухожилов в июне месяце прибыл в гилияцкое стойбище, что раскинулось по берегу Амура.

Туземцы давно знали его, уважали и любили за честный нрав, за добросовестный расчет. Они обступили его, закидывая вопросами о политике, о торговле, о кооперативах.

Но Иван Сухожилов не любил долго разговаривать. Он угостил приятелей хорошим табаком, ребятишек наградил леденцами и в двух-трех словах рассказал, что кооперативы и торговля с городом — самое выгодное для туземцев.

Под вечер он отозвал отца толстопузого Бину, Большого Бину, в сторону:

— Бину, мне надо достать живого кабана, рысь, красного волка, пятнистого оленя. Хочешь помогать мне? За это получишь новое ружье.

Гольд почесал руками себе живот.

— Трудно доставай. Рысь ходи с маленькими — сердитый шибко. Волк тоже ходи с маленькими, далеко ходи... Надо долго искать. Кабан доставай легче... Только ловушка надо. Олень лудева (*) будет можно гонять, старый китайский лудева можно ладить.

— Ну что ж, делать ловушки нетрудно. Топоры, пилы и другой инструмент у меня есть. Вот собери человек семь, и примемся за дело. Если удача будет — заплачу очень хорошо.

Большой Бину опять поскреб живот и покосился на сородичей.

— Они сидят, мало, мало толкуют: теперь надо рыба ловить, а ты зверя хочешь... Рыбу гольд не поймает — голодный всю зиму ходит.

Сухожилов усмехнулся.

— Зачем вам рыбу ловить, я заплачу больше...

Он повел гольда к своей лодке и показал ему на мешки муки, соли, запас свинца и пороху.

У Большого Бину разгорелись глаза, и он, хлопнув Сухожилова по руке, быстро выбрал десять молодых и крепких гольдов.

Несколько дней Сухожилов с Большим Бину и гольдами ходили по тайге. Они изучали следы животных, примечали их логовища, водопойные тропы. На некоторых ставили сети, чинили китайскую лудеву и гнали к ней оленей и кабанов.

Труднее всего было поймать рысь. Как тут ни вертел головой Сухожилов — придумать ничего не мог. Большой Бину и гольды показывали на деревья. Но ведь Сухожилов и сам прекрасно знал, что рысь любит скрываться в густой листве. А вот поди выгони ее оттуда. Наконец Сухожилов решил устроить подобие кулемной избы, какой туземцы ловят медведей.

Он с помощью гольдов сбил небольшой сруб, в одной стене они проделали дверь, приладили ее западней, а в избу на крепких ремнях привязали приманку — молодого кабаненка.

Когда они возвращались в стойбище, то Сухожилов слышал пронзительный пороссячий визг. Он с радостью думал, что кабаненок бьется и обязательно приманит какого-нибудь хищника.

На берегу реки у стойбища, где были у Сухожилова оставлены клетки с пойманными зверями, отозвалась старая кабаниха. Кабаненок услышал и завизжал еще сильнее.

Эту ночь почти никто из охотников не спал. Сухожилов бродил по берегу и осматривал трофеи. Кроме кабанихи, у него уже было поймано два пятнистых оленя и один дзерен. Ребятишки гольды добыли ему трех куниц, щенка волка, двух лисят.

Утром, как только забрезжил рассвет, Сухожилов разбудил Большого Бину и вместе с ним пошел к ловушке. До нее было километра два или три. Перевалив небольшой хребет, они стали прислушиваться. За кустами виднелись свежие бревна их избы и слышался глухой рев какого-то громадного зверя.

Сухожилов нетерпеливо подскочил к избе и, заглянув в паз, так и присел. В кулемке бился громадный тигр.

— Его твоя ждал? — спокойно произнес Большой Бину.

— Очень хоро-шо... — растянул Сухожилов. — Я теперь тебе дам к ружью много пороху, много свинца и очень много муки. Давай скорее клетку. Его надо везти в город.

И, широко улыбнувшись, Сухожилов от удовольствия потер руки...

.....
Когда деревянная клетка с тигром была принесена на длинных шестах в стойбище, ее сразу обступили ребятишки. Маленький Бину подскочил первым и, увидев тигра, вдруг закричал:

— Это полосатый Эргени... Он играл с нами в тайге, только давно это было, и он тогда, наверное, был маленький, как я.

Ему никто не ответил. Большой Бину сердито отогнал ребятишек в сторону и заставил одного из гольдов никого не допускать, чтоб не дразнить зверя.

Клетка мягко колыхнулась и отделилась от земли. От реки повеяло сыростью. Тигр прижался в угол, который был ближе к тайге, как будто там было его спасение, и тихо зарычал.

Один из носильщиков усмехнулся.

— Вишь, берег нащупать хочет... трусит...

Ему хотел ответить его сосед, сухой, плечистый китаец, но в это время из-за скал выползло громадное белое чудовище — пароход. Он с шумом, с визгом и диким, не звериным ревом, подскочил к берегу, замутил воду и, вскинув фонтан радужных брызг, плавно закачался.

От парохода отвалила широкая лодка. Восемь носильщиков, по двое с каждого угла клетки, на длинных жердях поднесли к ней тигра. Лодка закачалась, ее обступили новые люди, закричали и, взметнув веслами, оторвались от берега. Эргени от страха закрыл глаза и очнулся только тогда, когда ему в нос ударил запах краски, дыма и нефти. Он недовольно царапнул лапой по носу и громко заревел. На борту парохода засмеялись люди, а над головой с визгом заработала лебедка. Высунув между прутьев клетки нос, тигренок в последний раз увидел далекую тайгу, горы и синеву амурского неба.

Через месяц, уже с новым грохотом, с шумом, который день и ночь стоял у тигра в ушах и раздирал голову, Эргени неся в темном и пыльном вагоне. Мимо мелькали острые узоры гор, качающаяся и манящая к себе тайга и прохладные ручьи. Голова тигра постоянно лежала на широких лапах, и он, не отрываясь, печальными глазами смотрел вслед уходящим таежным зарослям. Казалось, что он прощается с ними.

По ночам Эргени иногда вскакивал, бился о железные прутья и своим ревом заглушал визгливый свисток паровоза. Но прутья его новой клетки, в которую его перегнал Сухожилов при посадке в железнодорожные вагоны, были крепки, и никакая сила не могла их выворотить. От этого Эргени еще сильнее злился, еще громче ревел, и если случалось, что поезд в этот момент подходил к станции, люди с опаской смотрели на вагоны и обходили их стороной.

А еще через следующий месяц поезд подошел к ст. Москва, и Эргени благополучно был доставлен в Зоологический сад.

(*) Лудева — это частокол (забор), преграждающий путь животным. В заборе делают несколько отверстий, за которыми роют ямы, затем их прикрывают хворостом. Лудевы строят длиной от 10 до 12 километров с несколькими десятками ям. Животное, натываясь на лудеву, ищет прохода и попадает в яму.

В. Алешин

СЛОН ЮМБО

Юмбо был не кто иной как большой слон, вывезенный из глубины Африки, из тех диких неисследованных тропических областей, где редко ступает нога белого человека и где звери живут на приволье. Там, на обширных безлюдных равнинах, в первобытных лесах, заросших гигантскими деревьями, в джунглях, среди непроходимой чащи, водятся слоны. Там Юмбо появился на свет и провел свое раннее детство.

Слоны жили большой и дружной семьей; их было около ста голов. Все старые слоны присматривали за слоненком Юмбо и оберегали его от опасностей. Было похоже на то, что у него вместо двоих родителей много отцов и матерей. Но в стаде, кроме него, были и другие слонята, сверстники и товарищи Юмбо, с которыми он весело резвился и играл: ведь слонята не меньше детей любят поиграть и пошалить. Днем, когда на холмах и равнинах пылало жаркое тропическое солнце, слоны отдыхали под густой листвой огромных деревьев, спрятавшись в самую чашу леса. В этом лесу они находили себе обильный и разнообразный корм. Они ели нежные молодые древесные побеги, с одних растений обрывали сочные листья, с других вкусные орехи; не было недостатка и в сладких плодах. С наступлением ночной темноты дневной жар спадал, и от земли поднимался сырой, прохладный туман. Тогда слоны выходили из леса на открытые просторные поляны, где они бегали и возились друг с другом, или же спускались к реке пить и купаться. Сильные животные превосходно плавали, и маленький Юмбо весело резвился в реке со своими сверстниками; слонята ныряли, плескались и брызгали друг другу в глаза водой из своих хоботов.

Самый старый и сильный из слонов был вожаком стада; все остальные слоны, как большие, так и маленькие, слушали его и беспрекословно повиновались его приказаниям. Этот глава стада был единственным существом на свете, на которое Юмбо взирал со страхом и уважением. Ведь он водил за собою всю многочисленную слоновью семью; она шествовала за ним из лесу и назад, под Зеленые лиственные своды, по горам и долам и к прохладным источникам, затерянным в джунглях. Он постоянно шел впереди всех, смело и безбоязненно, зорко смотря по сторонам и заботливо оберегая слонов от беды, и, если замечал какую-нибудь опасность, в тот же миг подавал сигнал к бегству. Немудрено, что молодые слоны смотрели на него, как на высшее существо; они не видели никого, кто был бы храбрее и умнее их вожака. Юмбо убедился в этом только тогда, когда попал в неволю к людям. Случай этот произошел с

ним еще в ранней юности.

Во всей природе нет такого существа, которое бы человек не одолел и не уничтожил ради своей выгоды. Люди без всякого милосердия преследуют и убивают слонов, чтобы добыть их клыки, доставляющие дорогую слоновую кость. Однако не все люди так жестоки; некоторые из них поступают лучше и умнее: вместо того, чтобы убивать слонов, они ловят их. Необыкновенная смысленность этих животных для них дороже слоновой кости; терпением и лаской они приучают их к разным работам и таким образом воспитывают себе верных и хороших помощников.

В руки такого человека и попал Юмбо.

Как-то раз слоненок отбился от своего родного стада, и вдруг его окружила большая толпа людей и ручных слонов; вокруг его ног быстро обвились крепкие веревки, ручные слоны потащили его с собой, между тем как погонщики громко гикали и кричали на них. Бедный Юмбо, подняв вверх свой длинный хобот, закричал протяжным, жалобным голосом. Громко разносились его пронзительные крики в тишине непроходимого леса, откуда его навсегда уводили, как будто он обращался с отчаянной мольбой о помощи к своим родичам, которых ему не суждено было больше увидеть.

Остальные слоны слышали крики, но стояли неподвижно, точно скованные ужасом, пока его голос не замер вдали. В лесу было тихо; лишь изредка слышался щебет какой-нибудь одинокой птицы, да раздавались сердитые крики обезьян, прыгавших с ветки на ветку.

Люди и ручные слоны, которые поймали Юмбо, привели его в маленькую негритянскую деревушку, где жили в палатках несколько человек белых. Пленника привязали к толстому дереву, как раз напротив палатки того человека, которого все называли хозяином Юмбо. Вначале Юмбо упорно отказывался признавать его своим господином; он ревел день и ночь и рвался с привязи; старое дерево, к которому он был привязан, все тряслось и дрожало. Но ласки, доброта и вкусный корм сделали свое дело. Мало-помалу Юмбо становился более спокойным и кротким. Недели через две он стал настолько ручным, что подпускал к себе людей и позволял им гладить себя, а по прошествии трех месяцев свободно разгуливал по всей деревеньке, нисколько не помышляя о бегстве.

Вскоре после этого хозяин его покинул этот дикий, пустынный край, где лежала негритянская деревушка, и вернулся в английскую колонию на берег моря. Дорогой Юмбо послушно бежал за лошастью своего господина; на спине у него сидел погонщик-негр.

Они пришли в маленький городок, где было много белых людей, в том числе женщин и детей, и тут началась новая жизнь Юмбо. Тут он научился работать. В городке строились новые дома, и Юмбо скоро приучили помогать рабочим носить на место постройки строительный материал. Ему ничего не стоило поднять своим сильным хоботом тяжелое бревно или доску, которые с трудом тащили двое или даже трое рабочих.

Вечером, по окончании работ, Юмбо ходил вместе с другими ручными слонами к колодезю за водой, которую они носили большими деревянными ведрами. Дорогой им приходилось идти мимо одного новенького домика, в котором жил портной. Он работал, сидя у открытого окна, и, увидев слонов, проносивших воду, любил подзывать их и кормить сахаром. Как-то раз вечером портной был в дурном расположении духа, и когда Юмбо остановился у окна, ожидая сахара, он уколол его в хобот иглою. Рассерженный слон громко вскрикнул и отошел от окна, а портной весело расхохотался над своей злой шуткой.

На следующий вечер, наполнив ведро водой, Юмбо набрал в свой длинный хобот столько воды, сколько могло в нем поместиться. Поравнявшись с домиком портного, он увидел своего обидчика и пустил в портного, худенького человека, такой сильный фонтан воды, что тот упал на землю, почти захлебнувшись. Надо полагать, что после этого он никогда больше не намеревался уколоть слона иглою.

В доме своего хозяина Юмбо был кроток и послушен, как собака, и заслужил любовь всей семьи, которая решила не посылать его больше на постройки, а поселить на своей ферме. Здесь он был всем хорошим помощником и исполнял всевозможные поручения: ежедневно ходил за провизией и за всякими покупками с запиской, которую нес в корзине; таскал воду и дрова на кухню; присматривал и ходил за маленькой семилетней дочкой своих хозяев. Это было самое любимое его занятие; Юмбо очень привязался к девочке. Скоро слон и ребенок так

привыкли друг к другу, что Юмбо освободили от всех других обязанностей. С этих пор он стал нянькой и только и делал, что приглядывал за своею маленькой госпожой и берег ее. Девочка, выросшая в глуши африканских лесов, нисколько не боялась огромного животного; она играла с ним так смело, как будто он был большой собакой.

Приятно было смотреть, когда оба они бегали по полям и лужайкам; девчурка, весело и беспечно прыгавшая около лесного богатыря, и слон, присматривавший с нежной заботливостью за своей крошечной питомицей, представляли собою необыкновенное зрелище. Если девочка тянулась за цветком, росшим на другой стороне рва, он тотчас срывал цветы и протягивал ей; если ей хотелось достать сладкий плод, висевший на высоком дереве, Юмбо стряхивал его наземь; если она гонялась за мотыльком, порхавшим по лугу, он ловил мотылька и осторожно подавал ей в руки, стараясь не помять нежных крылышек.

Раз как-то, после обеда, девочка играла в куклы около дома, а Юмбо гулял по лугу в двух шагах от нее, пощипывая высокую сочную траву и отправляя ее в рот. Вдруг из травы выползла ядовитая змея и, с шипением приподнявшись до половины на воздух, собиралась прыгнуть на ребенка. Мать увидела это и вскочила, вскрикнув от ужаса. Юмбо также увидел, что случилось; в тот же миг он был около змеи и, наступив своей толстой ногой ей на голову, раздавил ее. Мать схватила было ребенка, но потом кинулась к слону, обняла его за хобот и принялась со слезами ласкать и целовать его. Юмбо не совсем хорошо понимал, почему это вся семья и сам хозяин осыпают его похвалами и ласками. Но в памяти у него ясно сохранились слова, которые произнес в тот день хозяин: “Когда поедем в Англию, то возьмем Юмбо с собою”.

* * *

Хозяин действительно исполнил свое обещание. Будучи еще совсем молодым слоном, Юмбо покинул свою родную Африку и пустился в плавание через океан. Это было самым замечательным событием в его жизни. Слон, выросший в глуши непроходимых лесов, на каменистых равнинах, не видавший никаких иных вод, кроме небольших прудов и болот, очутился вдруг среди необозримой блестящей водной поверхности на покачивающемся зыбком корабле.

Вначале ощущения его были далеко не из приятных. Подобно слабым, хворым людям, африканский богатырь страдал морской болезнью; невиданная обстановка, непривычный шум, а пуще всего страшный рев паровозного гудка пугали его до такой степени, что он дрожал с головы до ног. Но на том же самом корабле плыли его хозяева со своей маленькой дочкой; они каждый день приходили к нему, ласкали, гладили и уговаривали его, давали ему лакомства, и Юмбо понемногу успокоился.

Велика была разница между первобытным лесом и океаном, но какая же огромная перемена ожидала Юмбо, когда его привезли в большой, шумный город — Лондон. Сначала Юмбо сделался точно бешеный, как будто он был не ручной, а дикий слон; он вел себя так неукротимо, что его пришлось посадить на цепь; после этого он стих и затосковал. Он покорился судьбе и принял тот унылый и вялый вид, какой часто встречается у слонов, живущих в неволе: уши и хобот его бессильно опустились, глаза помутнели и слезились. Решено было отдать Юмбо в зоологический сад; его отвели туда ночью, через весь Лондон, по самым тихим улицам, стараясь оберечь от всякого возбуждения. Слона поставили в просторном помещении за решеткой. Но даже здесь, вдали от раздражающего городского шума, он продолжал по-прежнему тосковать и упорно отказывался от пищи и питья.

Много дней провел Юмбо в тоске и печали. Он с отвращением отворачивался от самого вкусного корма и оставался безучастным к самому ласковому обращению. Состояние его внушало беспокойство. Наконец кому-то пришла в голову мысль, что причина его грусти — одиночество и что ему нужна подруга, в обществе которой он будет чувствовать себя веселее и бодрее. Мысль эту живо привели в исполнение. В зоологическом саду была в то время молодая слониха, также привезенная из Африки, звали ее Алисой. Она-то и сделалась подругой Юмбо.

* * *

Дружба эта оказала на Юмбо благотворное влияние. Для пленного слона было большим утешением постоянно находиться в обществе себе подобного существа. Пример слонихи не оставался без влияния на Юмбо; видя, что она хорошо чувствует себя в неволе, он начал понемногу привыкать к новой обстановке и скоро стал таким же послушным и кротким, как

Алиса. Таким образом наш Юмбо стал семьянином и жителем Лондона, и с этой поры начинается его известность.

Он все рос да рос, тянулся в вышину, раздавался в ширину, и наконец достиг такой огромной величины, что превзошел всех известных человеку слонов. Если бы человек взобрался на плечи к другому и выпрямился, то оба они вместе все-таки не достигли бы роста Юмбо. Но, несмотря на свою величину и страшную силу, слон этот был смирнее лошади и послушнее собаки; он был в дружбе со всеми окружающими людьми, охотно играл с детьми и сделался общим любимцем.

В длинные летние дни можно было видеть, как он медленно и важно расхаживает по дорожкам зоологического сада, усыпанным крупным песком; сторож; водил его на тоненькой цепочке, чуть-чуть придерживая ее в руках, а на спине у богатыря сидела целая куча смеющихся и ликующих детей. Катанье это доставляло всей лондонской детворе безграничное удовольствие. И самому Юмбо забава эта нравилась, кажется, не меньше, чем детям.

День за днем носил он свою драгоценную ношу, выступая с таким гордым и осторожным видом, как будто понимал, какое доверие питают к его доброму нраву. Впрочем, Юмбо был известен и любим даже за пределами Лондона. Посмотреть и подивиться на него являлись приезжие из дальних стран, и все шире распространялись слухи о слоне-великане, самом огромном и смирном, которого привозили когда-либо в Европу из африканской глуши.

Но с особенным интересом смотрел на него один человек, приехавший в Лондон из Америки. Он по целым часам не отходил от решетки, за которой стоял Юмбо. Последствием этого внимательного осмотра было то, что через несколько дней приезжий объявил о своем желании купить Юмбо, предложив за него несколько тысяч долларов.

Американец этот был Барнум, владелец “величайшего цирка в мире”, как он себя называл. Сначала предложение Барнума было отклонено. Ему ответили, что Юмбо не продается. Но когда Барнум значительно возвысил предлагаемую сумму, директора зоологического сада, рассудив, что на эти деньги можно сделать много улучшений в зоологическом саду, заключили с ним сделку, и Юмбо был продан содержателю американского цирка.

* * *

Барнум увез Юмбо с собой из Лондона в Ливерпуль, откуда полагал отправить морем в Соединенные Штаты. Чтобы Юмбо дорогой вел себя спокойно, с ним вместе была отправлена до Ливерпуля и слониха Алиса. Отсюда думали отослать ее назад в Лондон. Но люди, распорядившиеся таким образом, не считались с чувством Юмбо. Пройдя через пристань и ступив на мостик, ведущий в пароходный трюм, он вдруг уперся и ни за что не хотел двинуться дальше.

При виде этого толпа любопытных, собравшихся на пристани, пришла в восторг и начала громко кричать, что еще больше раздосадовало, конечно, Барнума и его служащих. Они принялись изо всей силы тащить слона на сходни. То ласково уговаривали его, то сердито понукали, манили лакомыми кушаньями, но все было напрасно. Юмбо уперся и — ни с места. Наконец, выйдя из терпения, начали бить его. Слон выразил громким криком свое негодование на такое непривычное обращение, но не подвинулся ни на одну пядь вперед. После этого его оставили на полчаса в покое, а затем опять началось то же самое. Но вторая попытка была не успешнее первой. Тогда стали советовать, что делать, и решили употребить хитрость: на пристань привели Алису и поставили около Юмбо, который чрезвычайно обрадовался, увидев подругу, и начал ласкать ее хоботом. Ее повели к мостику; кроткое животное послушно перешло на другую сторону. Не успела она ступить на корабль, как огромная фигура Юмбо зашевелилась; без малейшего колебания, не дожидаясь приказа, двинулся он вслед за слонихой. Поставив его в трюм, попробовали было вывести Алису вон, но тут она, в свою очередь, заупрямилась и ни за что не хотела тронуться с места.

Слониху пришлось оставить на пароходе: Барнум телеграфировал в Лондон, что покупает и Алису, и таким образом оба слона вместе отправились водою в Новый Свет.

* * *

На свете не существует более скитальческой жизни, чем жизнь людей и животных, принадлежащих к труппе цирка. Им приходится днем работать, а ночью отправляться в путь,

переносить разные непредвиденные случайности и неприятности, ежедневно менять стол и квартиру... Такой жизнью пришлось жить и Юмбо после того, как его увезли из Лондона.

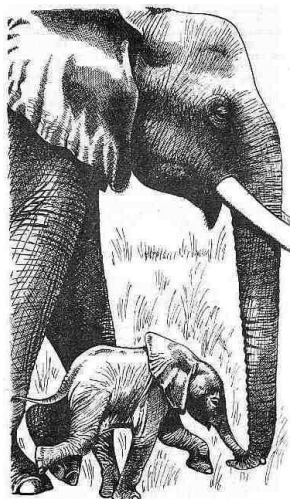
Круглый год странствовал он по Америке, выставя себя напоказ, сегодня в одном местечке, завтра в другом, каждый день забавляя новую толпу зрителей. На всем пространстве от Нью-Йорка до Сан-Франциско, день за днем, из года в год, носил он на своей могучей спине американских ребятишек и послушно ел из их крошечных рук, никогда не выходя из терпения, ни разу даже не высказав дурного расположения духа.

Невесела была жизнь этого африканского великана, однако и ему на долю выпало счастье. Верная его подруга Алиса оставалась всегда неразлучной с ним, и Юмбо довелось испытать родительские радости: в один прекрасный день у них родился маленький слоненок, детеныш Юмбо и Алисы.

Однажды цирк отправился странствовать по Канаде. Труппа путешествовала, по своему обыкновению, ночью; дорога, на которую ей пришлось повернуть, была камениста; кругом стояла тьма. Юмбо шел, как всегда, один, т. е. без вожатого; рядом с ним бежал слоненок. Слоны только что вступили на железнодорожный путь, как вдруг длинная вереница повозок, животных и людей остановилась. В передних рядах труппы произошло какое-то замешательство, причинившее остановку; тех, что находились в середине, так стеснили, притом с обеих сторон, что они не могли двинуться ни взад, ни вперед.

В то время как на железнодорожном пути происходила самая сильная толкотня и давка, среди ночной тишины раздался пронзительный свисток локомотива. Все пришло в страшнейший беспорядок. Те, что были на рельсах и поблизости от них, бросились в разные стороны, и среди суматохи кто-то крикнул, что надо спасти Юмбо. Но было уже поздно. На рельсах уже появился курьерский поезд, летевший со скоростью сорока миль в час.

Юмбо с одного взгляда понял опасность и в тот же миг вспомнил о своем детеныше. Он быстро нагнулся и так сильно толкнул слоненка хоботом, что тот кубарем покатился с рельс и оказался вне опасности. Но самому Юмбо спастись не оставалось уже времени. В ту же секунду налетел на него со страшной силой поезд, и минуту спустя Юмбо лежал, убитый и изуродованный железным конем.

М. Алазанцев

ГРОЗНЫЙ ОТШЕЛЬНИК

— Саиб, великий русский господин, который обладает волшебной кистью и чудесными пестрыми красками, хочет непременно отправиться в джунгли?

— Да. А что?

— Саиб хочет посетить развалины древнего храма раджей Баккани, где появляются страшные призраки?

— Ну, да. В призраки я не верю.

— Предупреждаю саиба: ходить в развалины древнего храма раджей Баккани не следует.

— Но я начал писать там чудесный этюд и не успокоюсь, покуда не закончу работу.

— Да будет исполнена воля господина моего. Но тогда по крайней мере пусть саиб берет с собой людей, которые, будучи храбры, как львы, и могучи, как тигры, не допустят ни единому волосу пасть с головы саиба. Мой племянник, Музаффар, может за один пиастр в день командовать конвоем саиба. О, он такой храбрый, этот Музаффар! Ну и, кроме него, саибу придется взять с собой еще пять или шесть головорезов из нашей деревни. Но им можно дать по полпиастра. Только Музаффару, потому что он, во-первых, мой родной племянник, сын моей покойной сестры Аэши, а, во-вторых, храбрый, невероятно храбрый человек, надо дать целый пиастр, дорогой саиб. Но это же дешево, право, невероятно дешево!

— Ну, ладно. Мне нужно всего два или три сеанса в развалинах. Плачу по пяти пиастров от сеанса. Довольно?

— Саиб щедр и великодушен, как сам Низам Гайдебарата. Рука дающего не оскудеет, и дни щедрого будут, как песок морской, а потомство его, как звезды небесные. Твой раб ждет твоих распоряжений.

Такой разговор происходил как-то между мной, забравшимся в дебри Индии русским художником, и местным представителем власти “муффетаром”, или старшиной, полумусульманского и полубуддийского поселка Букки-Алер в недрах джунглей, простодушно-глуповатым, а в общем очень симпатичным Мустафой, тучным мусульманином, красившим хной свою окладистую бороду.

Разговор этот привел к известному соглашению. Я получил “почетный конвой”, состоявший из полудесятки вооруженных дубинами и заржавленными саблями обитателей деревушки под командой “непобедимого” Музаффара.

Разумеется, я не придавал ни малейшего значения толкам индусов о возможности встретиться в развалинах древнего храма Баккани с каким-либо привидением: в Индии, этой стране чудес и сказок, нет ни единого местечка, нет развалин, где бы, по уверениям индусов, не водились привидения, да еще из самых страшных, которых только может придумать необузданная фантазия восточного человека. Но мне как-то не везло: привидения, словно сознательно, уклонялись от всякой встречи со мной. Но, с другой стороны, в джунглях опасность стережет человека на каждом шагу: в густой траве ползают змеи, под камнями водятся в неисчислимом множестве скорпионы и ядовитые стоножки, в зарослях прячется кровожадная пантера, а то и сам властелин джунглей — королевский тигр. При таких условиях одиночество не всегда удобно. Положим, на “львиную храбрость” и на “неустрашимость” моего конвоя я полагаться не мог, но все же присутствие людей до известной степени обеспечивало на время работы хоть от неожиданного нападения какой-нибудь ядовитой или свирепой гадины.

В то же утро мы торжественно отправились в развалины древнего храма раджей Баккани.

Не могу сказать определенно, к какой именно эпохе относилось сооружение этого храма, который теперь представляет собою просто груды развалин. Но меня, как художника, интересовала не археологическая ценность развалин, а исключительно их поразительная живописность.

Представьте себе огромную площадь, наполовину покрытую болотными озерами с пышной тропической растительностью. И среди этих сонных озер и протоков, в водах которых колышутся красавицы лилии, — целый лес стройных мраморных колонн с причудливой резьбой, полуобвалившиеся стены с зияющими окнами, воздушные купола в форме луковиц, остатки баллюстрад из белого мрамора, красивые пятна изразцов или мозаики, и все это перевито ползучими растениями, все это затенено вершинами пальм и заплетено гирляндами ярких цветов...

* * *

Два или три часа работы прошли спокойно.

Правда, мои brave телохранители за моей спиной болтали и стрекотали, словно сороки. Они бесцеремонно критиковали мою наружность, обсуждали стоимость моих вещей и, наконец, решили между собой, что я занимаюсь пустяковым, ничего не стоящим делом. Но ко всему подобному я уже раньше привык и теперь не обращал ни малейшего внимания на разговоры индусов.

Солнце, совершая свой обычный путь, очень быстро меняло общую картину развалин, давая то или иное освещение покосившимся колоннам, обрушившимся стенам, нависшим

сводам и куполам, и мне приходилось бросать один этюд, чтобы приняться за другой, совершенно не заботясь о точности формы, рисунка, думал только о том, как бы схватить красочность картины. В этой работе я совершенно не заметил, что моими телохранителями овладевает тревожное настроение. От задумчивости меня пробудил не совсем уверенный голос Музаффар:

— Саиб, дорогой саиб. Пора кончать и уходить из этого страшного места.

— Это почему? — удивился я.

— Так...

— Глупости! До захода солнца еще далеко. Я могу еще кое-что сделать.

— Но, саиб! Право же, лучше будет вернуться в поселок!

— Ерунда! Проголодались вы, что ли? Так ведь вы же забрали целую грудку собственной провизии и, кроме того, сожрали почти все, что я взял лично для себя.

— Это были такие вкусные вещи, саиб. Мы в жизни никогда не ели таких вкусных вещей, саиб, — со вздохом признался храбрый Музаффар. — Но, саиб, все же будет гораздо лучше, если мы немедленно покинем это место.

— Да идите вы к черту! Что случилось?

— Эддин слышал, саиб, как вздыхает в своей могиле старый раджа Баккани, великий воитель.

— Что вы, с ума сошли?

— Нет, нет, саиб. У Эддина отличный слух. Он слышит все, что творится на три мили вокруг. Пусть саиб только посмотрит на уши Эддина...

Я поглядел на знаменитые уши одного из моих телохранителей, Эддина, и едва удержался от восклицания.

Да, черт возьми, это были действительно уши.

Его уши были колоссальной величины, тонки, кожисты и при этом обладали свойством шевелиться, как будто сокращаться и распрямляться. Недоставало одного: чтобы Эддин по произволу мог их распускать наподобие веера и хлопать ими.

Попади Эддин из дебрей Индии в какой-нибудь европейский город, он смог бы показываться в любом цирке или ярмарочном балагане со своими чудовищными ушами в качестве величайшей редкости.

Добавлю, что не знаю, в силу каких именно причин Эддин ни на мгновение не оставался в покое. Вернее, его совершенно безволосая и круглая, как бильярдный шар, голова с блестящими глазами все время вертелась, нагибалась, поднималась, кожа на темени собиралась в странные складки, а уши, уши... Эти уши порхали, словно два гигантских мотылька.

— Что слышал Эддин? — задал я вопрос, с величайшим трудом удерживаясь от смеха, душившего меня.

— О, саиб! Он слышал вздох великого раджи Баккани.

— Вздор. Великий раджа Баккани, говорят, умер семьсот лет тому назад. Кости истлеть успели.

— Это ничего не значит, саиб. Мы, бедные индусы, разве мы знаем, есть ли легкие и печенька у духа великого раджи.

— Эддину просто приснилось, будто он что-нибудь слышал.

— О нет, саиб! Разве Эддин мог спать, когда у него были открыты глаза?

— Мне нет никакого дела до всей этой чепухи. Я остаюсь. А вы можете удирать, если вам угодно!

— Но саиб не лишит нас заслуженной нами за нашу самоотверженную храбрость награды?

Тут я уж не выдержал и расхохотался.

Минуту спустя от моих телохранителей и след простыл, и я остался в полном одиночестве.

Едва прошло еще четверть часа, как и я почувствовал себя немногим лучше, чем, должно быть, чувствовал себя сам длинноухий “самоотверженно-храбрый” Эддин: я явственно расслышал неимоверно глубокий и как будто печальный вздох, словно вырвавшийся из самых недр земли, затем какое-то неясное бормотание, а потом звон цепи.

Да, да, ошибки быть не могло.

Кто-то, и по всем признакам, совсем недалеко от меня, шел, тяжело ступая, как будто шаркая старческими ногами, и на ходу волочил тяжелую цепь, которая звенела, ударяясь о камни. И каждый шаг сопровождался глубоким, печальным вздохом и бормотанием.

Мною овладел самый дикий, малодушный страх. Позабыв о том, как я смеялся над суеверными индусами, я сам ринулся в паническое бегство, забыв обо всем в мире, оставив на произвол судьбы мой мольберт, громоздкую и тяжелую шкатулку с красками, огромный зонт — все решительно.

И опомнился я только тогда, когда находился уже поблизости от поселка.

На счастье, моего улепетывания от “духа” раджи Баккани и потери всего моего имущества никто не видел. Я мог заявить преспокойным тоном, что попросту окончил работу и оставил все мои вещи в развалинах, чтобы не таскать их с собой завтра.

— Надеюсь, там их никто не тронет, — уверенным тоном сказал я Мустафе.

— Если только духи развалят, саиб, не заинтересуются твоими вещами, — отозвался старик, поглаживая бороду.

* * *

На другое утро мне стоило немало труда заставить собраться в поход моих храбрых телохранителей. Но пара пиастров помогла им побороть страх, и мы отправились.

Можете себе представить мое удивление и негодование, когда я увидел, что все мои доспехи разбросаны по поляне, на которой я вчера работал.

Мольберт — в одной стороне, зонт — в другой, этюды, сильно испорченные, смазанные, — в третьей.

На мое счастье, каким-то чудом уцелела от разгрома шкатулка с красками, как уцелело и большинство кистей. Таким образом, я мог немедленно снова приступить к работе и в очень короткий срок исправить попорченные этюды.

Но через час или два с нами повторилась старая история. Эддин-длинноухий снова услышал издали вздохи великого раджи. Музаффар, и на этот раз уже без всяких предварительных переговоров, ударился в бегство. За ним последовали все остальные храбрецы, предоставив меня моей собственной участи.

На этот раз я лучше вчерашнего владел своими нервами и порешил узнать, наконец, что за “дух” ходит, вздыхая, по развалинам бывшей резиденции раджей Баккани.

И я увидел этого “духа”.

Должно быть, около часа спустя после бегства моих храбрецов вздохи раздались в моей непосредственной близости.

Тщетно я оглядывался, надеясь увидеть того, кто так жалобно вздыхает. Кругом не было ничего видно.

Звуки были ясны, отчетливы. С того места, где я находился, сидя на верхушке небольшого пригорка, было отлично видно всю покрытую развалинами площадь, и в то же время я не мог различить ни малейшего признака близости странно вздыхающего и позванивающего цепями существа.

— Кто?.. кто здесь? — сдавленным, для меня самого незнакомым голосом крикнул я, вскакивая со своего походного стула.

В это мгновение случилось нечто совершенно неожиданное: в нескольких шагах от меня из-под земли, правильнее, из-под густого полога ярко окрашенной зелени, представлявшего полное подобие ковра в азиатском вкусе, вдруг взвилось в воздухе нечто, напоминавшее чудовищно толстое тело змеи, готовой ринуться на свою жертву, и в то же время раздался трубный звук, перешедший в неясное, но явно раздраженное бормотание. Еще миг — травяной и лиственный ковер разлезся по швам — и из какой-то ямы появилась голова великолепного слона-гиганта.

Как окаменелый, стоял я, не имея сил шевельнуться, бежать, даже прыгнуть. Страх перехватил судорогой мое горло. Ноги словно вросли в землю.

А слон тем временем без всяких видимых усилий выбрался из ямы и, не спуская с меня горящих ненавистью глаз, медленно подвигался ко мне, волоча за собой на ходу правую заднюю ногу и длинную железную цепь, которая, извиваясь змеей, колотилась о камни развалин и

оббивалась вокруг колонн и стволов деревьев.

Тут сознание опасности разогнало страх, парализовавший меня. Вскрикнув, я ринулся искать спасения в бегстве, оставив на произвол судьбы все мои художественные доспехи. В мгновение ока я выбрался из территории развалин. На бегу я не оглядывался, да это было излишне, ибо, даже не обладая длинными ушами Эддина, я все время слышал сзади себя яростное пыхтение и ворчанье шагавшего за мной лесного великана.

Сознавая, что на ровной местности состязание со слоном на скорость может закончиться только невыгодно для меня, я инстинктивно начал искать прикрытия, шныряя среди стволов деревьев и укрываясь за торчавшими из-под земли здесь и там отдельными скалами. Вот на пути мне попала обрывистая стена скал, поросшая кустарниками и деревцами, укрепившими свои верхушки в расщелинах. Миг — и я, как акробат, с непонятной для меня самой ловкостью, забрался по отвесной почти стене на самый ее верх, туда, где, по моим расчетам, слон ни в коем случае не мог достать меня.

В самом деле, как ни пытался слон последовать моему примеру и забраться на верх скалы, она оказывалась слишком крутой. Тщетно вытягивал он свой змееобразный хобот, надеясь стянуть им меня вниз, чтобы растоптать ногами или разбить о камни.

Несколько успокоившись сознанием своей безопасности, я вспомнил, что со мной всегда находился великолепный маузер с коническими пулями.

В борьбе со слоном это оружие не может считаться особенно действительным, но, за неимением другого, годилось и оно.

Тщательно прицелившись, норовя попасть в глаз, я выпустил в моего могучего противника все пули, имевшиеся в магазине револьвера, потом принялся переряжать его.

По-видимому, две-три пули попали в какие-нибудь чувствительные места огромного слоновьего тела. По крайней мере гигант испустил не столько яростный, сколько жалобный крик, опустил хобот и побежал в сторону ходкой рысцой.

Прождав с полчаса и видя, что зверь не возвращается, я осторожно спустился вниз со спасительной скалы и тоже рысью пустился по дороге в поселок.

Там уже начали ходить разные слухи относительно драмы, будто бы разыгравшейся в развалинах.

— Ты жив, саиб? — воскликнул радостно мой старый приятель, “муффетар” Мустафа. — О, саиб! Моя душа, словно чаша с пенистым вином, переполнена бурной радостью, и мои глаза не могут насытиться лицезрением... Дай, о, саиб, моим старческим рукам прикоснуться к членам благородного тела твоего, чтобы убедиться, что ты не призрак, о, саиб!

— Но какой наглый лжец этот Муззаффар, о, саиб! Он рассказал, что видел, как призрак раджи в виде огненного столба пронесся по воздуху и пожрал тело твое.

— Да успокоится душа твоя, о, великодушный и бескорыстный друг мой, Мустафа! — ответил я ему в тон. — Но ты лучше скажи, что же теперь делать?

— Ничего, саиб. Что же мы можем предпринять против явного одержимого злым духом гигантского слона, который, к тому же, выскакивает из-под земли, как... как настоящий призрак? Единственно, что мы можем сделать, это дать знать на ближайшую станцию, — там всегда находится много саибов-англичан, у которых имеются дальнобойные ружья. Англичане приедут и убьют это дьявольское животное. Если только, конечно, оно состоит из мяса и костей, как ты, саиб, уверяешь, а не из дыма и пламени, как думают некоторые люди...

“Муффетар” в самом деле послал верхового гонца на ближайшую станцию, и на следующее утро оттуда прибыл целый отряд охотников, желавших помериться силами со слоном.

Из любопытства я и примкнул к ним, запасшись винтовкой.

Разбившись на несколько партий, охотники отправились на место вчерашнего происшествия и очень скоро открыли тайну внезапного появления слона из-под земли: там, где моим взорам представлялась сравнительно ровная и гладкая местность, на самом деле на протяжении почти полукилометра проходил большой крепостной ров, местами почему-то переходивший в подземную галерею с гигантскими сводами. Ров этот заканчивался у очень густых порослей. Очевидно, слон обитал в этих порослях, а для визитов в развалины в качестве кратчайшего пути избрал полуподземную галерею.

Но это обстоятельство теперь очень мало интересовало охотников, стремившихся прежде всего разыскать лесного гиганта.

Однако слона найти в этот день нам не удалось. И только на следующий день небольшой отряд индусов-загонщиков возвестил выстрелами и звуками трубы, что мой враг отыскан. Но, увы! — охотникам не пришлось испытывать сильных ощущений в борьбе со слоном. Он был уже мертв, от его огромной туши шел невыносимый смрад, и над возвышавшимся горою туловищем роями вились противные зеленые мухи, а кругом стоял стон от голосов пожирателей трупов — голошеих коршунов-стервятников.

При нашем появлении коршуны лениво снялись с полуистерзанного ими трупа лесного великана, но не улетели, а расселись тут же поблизости.

— Саиб, — дернул меня за рукав храбрый Музаффар, — это ты убил слона. Значит, тебе по праву охоты и принадлежат его клыки. Посмотри, саиб, ведь его клыки позолочены.

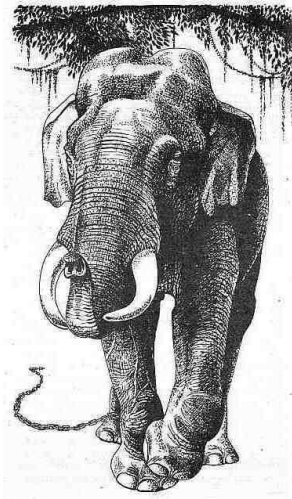
В самом деле, чудовищно-огромные клыки убитого слона носили на себе здесь и там следы позолоты.

“Муффетар” Мустафа разъяснил мне, что это означало: должно быть, в старые годы — сто-полтораста лет или больше тому назад — этот слон был любимцем какого-нибудь из индийских раджей. Очень возможно, что он был боевым слоном, участвовал в жестоких и кровопролитных сечах или служил радже в качестве палача. Потом ручной слон бежал, соблазнившись волей, оборвав цепь, которою его привязывали на ночь в стойле. Сорвать всю цепь он, разумеется, был не в силах, и много долгих лет он странствовал по джунглям, волоча обрывок ржавой, но все же крепкой цепи за собой.

Так или иначе, но после этого приключения со слоном у меня совершенно пропала охота изображать поэтические развалины храмов раджей Баккани, и я вскоре покинул местность. На прощание я подарил “храброму” Музаффару никелевые часы.

Музаффар очень гордился этим подарком и даже в моем присутствии уверял других индусов:

“Эти часы мне подарил саиб в знак своего величайшего ко мне расположения и признательности. Он подарил их мне за то, что я спас его жизнь. Да, да. Именно за спасение собственной жизни он подарил мне эти страшно дорогие часы”.

А. Даурский

ВИХРЬ СТЕПЕЙ

Прекрасны весной Даурские степи, переодевшиеся в свежий изумрудный наряд, похожий на ясное, радостное утро начала мая.

Они разливаются бесконечным бурливым морем. По простору степи местами вырастают легкие холмики и вновь убегают, исчезают в зеленой дали, словно боясь нарушить чарующую прелесть расстилающейся глади...

На смену холмам иногда высятся суровые горы и гордо тянутся своими темными вершинами, сплошь заросшими угрюмыми раскидистыми соснами, к небосклону.

В глубине Даурских степей притаился на берегу быстрой Чикури бурятский улус.

Этот маленький улус, скучный и грустный, как затерявшийся среди океана одинокий островок, славился во всем Забайкалье табунами славных степных скакунов. Они были резвее степного вихря и выносливее кораблей пустыни — верблюдов. Краше и резвее всех чикурийских лошадей. Самые богатые купцы Кяхты, Читы и даже самого далекого Амура покупали скакунов для себя только из чикурийских табунов.

Но из всех лошадей чикурийских табунов не было выносливее и резвее коня, чем Вихрь Степей. Он был красой и гордостью родного улуса. Слава всех лучших скакунов Забайкалья померкла в состязаниях с ним. В последние два года никто уже не осмеливался состязаться с ним, так как вера в его непобедимость твердо укрепилась по всей Даурии...

Чикурийцы от мала до велика любили его, холили и гордились им. Он жил на свободе в просторной, светлой стойке, пол которой всегда застилался свежим, душистым сеном. В ясли ему насыпали вволю отборного зерна. Ряд молодых, веселых березок был насажен вокруг стойла, чтобы предохранить его от зноя. Под их сенью бурлил широкий, глубокий ручей. В ручье журчала хрустально-прозрачная, холодная, как лед, вода подземного ключа...

Привольно жилось Вихрю Степей. Седло ни разу не покрывало спины благородного скакуна. Свободно носился он по простору лугов, резвясь, гоняясь за белыми пушистыми барашками-облаками, состязаясь в скорости бега с задорным ветром. Часами нежился он на мягкой мураве, греясь на солнце. В стойку он забегал лишь полакомиться сладким зерном или же скрыться от непогоды.

Много находилось охотников купить Вихря Степей, предлагали за него тысячи рублей и целые табуны славных скакунов. Но чикурийцы неизменно в витиеватых выражениях отклоняли все предложения.

— К нашему прискорбию глубокому, несмотря на все наше искреннее желание исполнить вашу просьбу, уважаемый сосед и друг, не можем мы принять предложенную вами цену, хотя плата ваша много раз превосходит цену Вихря Степей. Но мы отказались бы даже тогда, когда бы нам за него предложили табуны, столь же бесчисленные, как и звезды на небе.

Приближался праздник “Цам” в Гусино-озерском дацане [1]. В это время в дацане происходят главные скачки Забайкалья, и на них приводят скакунов из Монголии, с Ангары, с Амура. Чикурийцы стали готовить к скачке Вихря Степей, и на этот раз особенно тщательно.

Ведь киргизы с озера Шира [2] вели в дацан свою резвую, непобедимую красавицу кобылу Белую Звезду.

Две недели держали впроголодь и выстаивали на привязи Вихря Степей, три раза в день водили его в поводу по часу, обливая ледяной ключевой водой...

Настал день праздника.

Улус опустел — остались лишь дряхлые старики да несколько подростков; все остальное население уехало, кто верхом, кто на таратайке...

Весть о состязании двух непобедимых скакунов собрала тысячи народа. Окрестности монастыря напоминали потревоженный муравейник. Вся эта масса людей расположилась у дацана временным лагерем, так как праздники длятся несколько дней, а скачки бывают в последний день... Чикурийцы и киргизы раскинули свои лагеря рядом, отдельно от остального стойбища в степи.

Жадное любопытство толпы не было удовлетворено до дня скачек. Ни те, ни другие никого не подпускали близко к лагерям, ревниво оберегая бегунов от порчи дурным глазом, которым наделяло любопытных суеверное невежество.

Наступил долгожданный день скачек. С Селенги веял приветливый ветерок, умерявший знойный воздух. Нетерпеливый гул толпы выдавал ее волнение. Один за другим проводились горячащиеся кони вдоль линии зрителей. Поверхностно осмотрев их, взоры всех вновь впивались в оба таинственных лагеря...

Наконец почти одновременно появились скакуны-соперники... Впереди киргизы вели великолепную молочно-белую, словно выточенную из каррарского мрамора, стройную, поджарую, с гордо поднятой головой и с развевающейся золотистой гривой кобылицу. Она шла уверенно-спокойно с чувством собственного величия. За ней следом вели чикурийцы свою радость — Вихря Степей, красивого вороного жеребчика, с горящими глазами, борца по

призванию.

Кто победит?

Толпа, очарованная, не могла оторвать глаз от красавцев бегунцов, пока удаляющиеся силуэты их не потонули в изжелта-зеленом море. Только тогда зрители опомнились и начали обмениваться своими впечатлениями и обсуждать свои предположения.

Дистанция скачек была семь километров. Длительное тягостное ожидание все больше и больше взвинчивало толпу, и она начала выказывать признаки явного нетерпения. Русские, впившиеся в синюю даль, радостно крикнули:

— Бегут!.. бегут!..

Этот крик подействовал на толпу, как удар хлыста на горячего коня. Она встрепенулась и замерла в тревожном ожидании, забыв обо всем.

Вдали у горизонта несло облако пыли, по мере приближения постепенно растягивающееся. Стали вырисовываться отдельные черные пятна. Темные точки быстро приближались. Далеко впереди группы скученно скачущих бегунцов неслись два скакуна, меняясь местами, но чаще впереди бешено мчалась белая точка, за ней следом без просвета шел Вихрь Степей, все время наседавая на нее...

Радостный говор пробежал по рядам киргизов; буряты хмуро потупились.

Наступили торжественные минуты последнего ожидания.

Толпа замерла, вся поглощенная борьбой двух красавцев скакунов.

Белая Звезда мчалась на полкорпуса впереди; ноздри ее дрожали от напряжения. Вихрь Степей, весь в пене, с искрящимися от борьбы глазами, летел за ней, как сокол за голубкой.

Оставалось не более полуверсты. Мальчик-чикуриец вдруг ударил Вихря Степей нагайкой. Благородный конь весь вздрогнул от небывалого оскорбления и в гневе стрелой вылетел вперед, — но Белая Звезда шутя нагнала его, вновь пошла на голову вперед. Теперь уже оба мальчика-наездника бешено хлестали нагайками скакунов, и они, напрягая последние силы, мчались. Казалось, они не скачут, а летят, не касаясь ногами земли.

Слава Вихря стала меркнуть. Несмотря на весь бешеный пыл, он не мог отыграть у Белой Звезды полкорпуса...

Оставалось до меты всего несколько сажень.

Вдруг Белая Звезда замедлила бег, пошла как-то тише, тяжелее; Вихрю Степей удалось, напрягая последние силы, нагнать ее. К мете они подошли голова в голову.

Толпа ревом восторга приветствовала соперников-победителей...

Чикурийцы и киргизы бросились к своим скакунам.

Белая Звезда, вся в пене, порывисто дышала и нервно дрожала. Вдруг она закачалась и грузно рухнула на землю, забившись в последних конвульсиях...

Киргизы с хмурыми лицами долго стояли над трупом своего скакуна и потом молча удалились в лагерь, унося с собой труп...

* * *

Вечером в лагерь чикурийцев явился уполномоченный киргиз. Его встретили очень приветливо, выказывая всеми способами сочувствие к его горю. Киргиз обратился с речью к чикурийцам:

— Братья мои! Вы видели, какую утрату мы только что понесли. По вашим скорбным лицам вижу, что вы нам глубоко сочувствуете, и это меня убеждает, что вы исполните нашу мольбу. Мы потеряли лучшего скакуна — Белую Звезду; другого такого нет по всему Енисею от Ширы до Минусинска. Нам нечем заменить ее. У вас же славных скакунов без числа. И мы просим уступить Вихря Степей в знак дружбы и сочувствия горю соплеменников. За ценой мы не постоим.

Угрюмо молчали чикурийцы, избегая смотреть на киргиза, пока древний старец, всеми уважаемый мудрец и наставник, дрожащим от волнения голосом не ответил:

— Дорогой мой брат! Всею душой сочувствуем мы вашей тяжелой утрате и хотели бы исполнить все ваши просьбы, но должны со скорбью в сердце отклонить ваше предложение. Мы готовы безвозмездно отдать вам в знак сочувствия все наши табуны. Но Вихрь Степей — наша гордость и слава, и мы, чикурийцы, не можем жить без него.

Злобно посмотрел на чикурийцев киргиз и молча, не попрощавшись, ушел...

Вскоре зашевелился лагерь киргизов; они снялись и пустились в обратный путь.

Когда монастырь скрылся в серой мути вечера, от табора киргизов отделились три лихих наездника на резвейших скакунах и потонули в необъятной степи. Опустилась черная ночь и окутала степь черным, мрачным покровом. Все замерло. Спал крепким сном лагерь чикурийцев. Даже собаки, истомленные знойным днем, дремали.

Осторожно, пытливо всматриваясь в тьму, двигались три всадника. Невдалеке от лагеря чикурийцев они остановились. Один из них соскочил на землю и тихо, крадучись, стал приближаться к лагерю... За несколько сажен от пастбища он лег на землю и бесшумно пополз по траве, зубами сжимая большой охотничий нож.

Словно привидение, не возбуждая тревоги, крался он по спящему лагерю. Вот и Вихрь Степей. Умелой рукой мгновенно киргиз перерезал привязь, накинул и туго затянул на морде петлю, чтобы скакун не заржал... Выведя Вихря Степей, киргиз вскочил на него, резко свистнул и помчался прочь.

На его призыв послышался ответный свист...

Три всадника стрелой мчались по степи. Этот громкий свист взбесил чикурийских скакунов, принявших его за знак выступления. Они бешено рвались на привязях, храпели от нетерпения. Им ответили диким дружным воем сторожевые псы, почуявшие запах постороннего...

Весь лагерь проснулся. Наездники пошли унимать лошадей. Вопль ярости и мести вырвался у них, когда они узнали о похищении Вихря Степей.

Вооружившись берданками, десятки чикурийцев верхами рассыпались по степи.

Выглянувший месяц залил степь холодным бледно-зеленым светом. Мчавшаяся невядалеке группа конокрадов была замечена бурятами; с криком буйной радости, как гончие, бросились они в погоню.

Почуяв близость родных скакунов, Вихрь Степей насторожился, взвился на дыбы и забился в бешеной борьбе с наездником.

Горя злобой неудачи, киргиз полоснул его ножом по шее. Широкой струей хлынула горячая кровь.

Киргиз вскочил на своего скакуна, которого вели в поводу его товарищи, и все трое вскоре потонули в черной мгле...

Чикурийцам уже не суждено было владеть знаменитым скакуном. Они нашли лишь труп своего любимца. И долго в глубоком горе стояли они безмолвно вокруг этого трупа, забыв даже о мести...

[1] Гусино-озерский дацан — буддийский монастырь в юго-западном Забайкалье, где летом бывают главные празднества буддистов, живущих в Забайкалье

[2] Озеро Шира — курорт. Соленое озеро в Енисейской губ. невядалеке от Красноярска.

Ф. Марз

ОДИНОКИЙ РАЗВЕДЧИК

На опушке леса, где высокие тихие сосны вытянулись совсем прямой линией, словно

посаженные руками человека, стоял одинокий волк и смотрел голодными, но зоркими и умными глазами на равнину, которая расстилалась перед ним, в своей ослепительной белизне похожая на застывший океан, весь белый от края до края.

На сколько хватал глаз зверя, до самого горизонта и еще дальше за горизонтом, тянулась все та же белая пустыня, необозримая, бесконечная...

Было холодно, так холодно, что можно было видеть, как дыхание зверя клубами белого пара вырывалось из пасти, словно скатываясь по красному высунутому языку; и было так тихо, что, когда в лесу трещала ветка, не выдержавшая тяжести снега, этот треск гулко разносился на версту кругом, как раскат отдаленного выстрела.

Вдруг одинокий серый хищник на лесной опушке вздрогнул и застыл на месте, еще более неподвижный, чем неподвижные деревья.

Что это за черная точка там, вдаль? Она движется, ползет. А вон и другая и третья, еще и еще... Все они движутся то медленнее, то быстрее, останавливаются, опять движутся, снуют туда-сюда, словно муравьи. Но это, конечно, не муравьи, потому что муравьи — дети солнца и лета.

Что это?... Стало еще больше этих точек...

Зорко всматриваясь, зверь низко опустил голову и поднял плечи, как это иногда делают наблюдающие собаки, чуть не касаясь мордой земли. И по мере того, как число черных точек увеличивалось и они ползли вперед по белой скатерти равнины, зверь начал дрожать всем телом, но не от страха, а от возбуждения.

Эти черные точки были люди — летучий отряд криницы, который собирался напасть врасплох на военный обоз со съестными припасами, остановившийся в деревушке за лесом. Что он остановился там, в этом не могло быть сомнения, — производивший разведку летчик видел его.

Недвижно, как пень, стоял волк в тени высоких, густо растущих сосен и даже ухом не повел, когда передние разведчики отряда рассыпанным строем наискось пересекли поле его зрения, ближайший из них шагах в двухстах от него.

И когда главная сила отряда сплошной колонной проскакала мимо и последняя лошадь, почуяв вдруг близость серого разбойника, зафыркала и испуганно дернулась вперед, далее и тогда волк не пошевелился — только шерсть ошетичилась на его спине. А когда показался арьергард, проскакавший так близко, что зверь мог видеть дыхание крайнего всадника, он опять ни малейшим движением, ни малейшим звуком не выдал, что он, одинокий волк, производит тут свою разведку, смотрит, наблюдает и отмечает...

Отряд скрылся в лесу, и глубокая тишина снова сомкнулась над белой равниной. словно отряд конницы никогда и не проезжал тут.

Старый хищник хорошо знал свое дело и в совершенстве умел замирать на месте. Недаром ни один всадник не заметил его присутствия. Только долго спустя после того, как все опять стало тихо, волк решился выйти в открытое поле и принялся исследовать взрытый снег.

Опустив морду к земле, он тщательно все обнюхал, не упустив ни малейшей подробности. Если бы даже он и не видел проехавших здесь людей, его нос в точности сказал бы ему, — умеет только его мозг считать, — сколько именно их проехало.

Он пробежал немного вперед по следу и все более возбуждался по мере того, как в нем разгорался охотничий инстинкт; он принялся направо и налево, должно быть, с той целью, чтобы выяснить, не проехали ли тут еще люди и лошади, кроме тех, которых он видел.

Наконец он остановился.

Все это время с неба тихо и медленно падали редкие снежинки. Теперь снег повалил большими хлопьями, и в то же время поднялся ветер.

Одинокий зверь не думал об этом и не обратил на это никакого внимания. Его мозг был не настолько развит, чтобы учитывать подобные обстоятельства. Иначе он, может быть, не сделал бы того, на что он решился.

Своей обычной легкой, быстрой поступью вернулся он на лесную опушку, уселся среди высоких сосен и, подняв к небу заостренную морду с холодным носом, протяжно и заунывно завыл...

В любой обстановке этот одинокий вой не был бы приятной музыкой. Но здесь, в

сумраке надвигающейся ночи, среди бесконечной белой пустыни, он был положительно ужасен.

Волк все выл и выл, не переставая.

И всадник, замыкавший арьергард колонны, которая уже успела отъехать на несколько верст от опушки, где выл одинокий зверь, повернулся в седле, когда порыв ветра донес до его ушей это завывание, и со страхом оглянулся на мрачные тени, в каждой из них подозревая волка.

Волчий вой далеко разносится над белыми равнинами и в снежном лесу. Наконец волк умолк и приподнялся. Потом опять сел и стал чесаться. Но взгляд его неотступно был устремлен на восток, и наостренные уши были обращены в ту же сторону. Тонкая верхняя губа приподнялась и обнажила огромные, больше собачьих, и белые, как снег, клыки.

В течение нескольких секунд все было тихо. Вдруг волк встрепенулся, вскочил на ноги и весь насторожился.

С востока, издалека, из глубины леса, донесся какой-то смутный шепот — жуткий и зловеющий.

Волк опять сел и снова завыл. И издали, с востока, пришел ответ — отдаленное, едва слышное, ответное завывание волка.

Подождав с минуту, одинокий зверь покинул лесную опушку и направился к следу, оставленному на белой равнине проехавшей конницей, к глубоко взрытой дорожке, которую теперь мало-помалу засыпало снегом, падавшим все гуще и гуще.

Но вдруг он остановился, поднял морду и выжидательно устремил глаза на длинную темную линию леса. Там ничего не было видно, но чувствовалось, что там крадутся какие-то невидимые существа. Возможно, что зверь почуял что-нибудь чутьем.

Несколько секунд царила полная тишина; только где-то в отдалении затрещала в лесу ветка, обломившаяся под тяжестью снега. Все было, казалось, тихо и неподвижно.

Одинокий волк постоял еще одно мгновение, потом вдруг решительно сорвался с места и трусцой побежал по следу летучего отряда. И в тот же миг весь снег позади него засерел от темных силуэтов, которые галопом неслись от опушки леса.

Безмолвные и быстрые, бежали волки следом за одиноким волком, все опустив морды вниз и энергично поводя носом. Но вдруг с их собратом, бежавшим впереди, произошла мгновенная неожиданная перемена.

Хвост его опустил между ног, уши опали, все тело сжалось, а на морде ясно выразилось — так же ясно, как если бы он это высказал словами — безнадежно-смертельное отчаяние.

Запах проехавшего тут конного отряда совершенно исчез.

Снег валил так густо, что, хотя дорожка и видна была явственно, все же трудно было сказать, свежий ли это след, или ему уже несколько дней давности. Полное же отсутствие запаха с несомненностью доказывало, что это старый след.

Одинокий волк был одним из разведчиков, которых голодная стая, охотясь в новых для нее местах, разослала во все стороны снежной пустыни, чтобы они отыскиали для нее поживу или свежий след к поживе.

Он не мог сказать своим товарищам, что, хотя след и казался старым и хотя запах каким-то непостижимым образом исчез, он совсем недавно явственно видел, как тут прошли лошади и люди. Он не мог этого сказать им, и они должны были судить на основании собственного чутья и собственных глаз. А что им скажет их чутье и зрение, это одинокий волк в точности знал в тот момент, когда заметил отсутствие запаха.

Рослый волк с черным пучком волос на кончике хвоста знал, что его ждет, как кара, смерть. Вот почему с ним произошла такая перемена, вот почему он весь съежился, поджав хвост, опустив уши и оскалив зубы. Он был один, а их было много. Они, несомненно, могли в один миг разорвать его на клочки.

В этих делах у волков существует известный порядок. Вначале происходит нечто вроде поединка на глазах всей стаи, которая сама участвует лишь в завершении. Почти всегда у провинившегося есть враг, который и спешит воспользоваться случаем, чтобы свести с ним счеты.

У одинокого волка было, без сомнения, немало таких врагов; однако никто из них не

проявил желания помериться с ним силами, никто, за исключением старого вожака стаи.

Он не прыгнул, как волки обыкновенно делают в таких случаях, а побежал низко по земле прямо на провинившегося, и оба столкнулись с разбега и поднялись от силы толчка на задние лапы, как поднимаются на воздух два столкнувшихся паровоза.

Может быть, вожак стаи рассчитывал, что благодаря преимуществу своего веса он таким маневром сразу подомнет под себя противника.

Но он не учел двух обстоятельств: длинные ноги своего противника и то обстоятельство, что последний был на редкость умным и сообразительным зверем.

Пользуясь преимуществом, которое ему давала длина его конечностей, волк выработал свой особый метод рукопашной, так сказать, борьбы, при которой он ловким маневром перебрасывал противника на спину, причем обыкновенно схватывал зубами одну из его лап, которая и оказывалась затем сломанной.

Этот же метод он применил и теперь. Волки-зрители видели только живой серый клубок свившихся тел, в котором ничего нельзя было разобрать, да снежные вихри, крутившиеся вокруг них. А через мгновение глава стаи лежал на спине, лапами вверх и рычал так, что страшно было слушать; провинившийся же разведчик стоял над ним и держал в своей пасти одну его переднюю лапу. Но могучие челюсти еще не были сомкнуты, лапа была еще цела, — даже кожа на ней не прокушена.

С высунутыми языками и холодными умными, внимательными глазами сидели и стояли кругом волки и напряженно следили за каждым движением бойцов, готовые ежеминутно ринуться вперед и растерзать побежденного. Но пока что они не двигались с места.

Одинокий волк все еще держал в пасти лапу главы стаи как своего рода залог. Если стая сейчас бросится на него, то предводителю с переломленной лапой — а что она будет переломлена, об этом уж он, одинокий волк, позаботится — придется тоже биться за свою жизнь, ибо раненый и в крови волк не может ждать пощады от своих.

Наступила томительная минута. Никто из волков не двигался вперед. И вдруг с равнины, шагах в семидесяти от стаи, а потом немного подальше, с лесной опушки, раздалось:

— И-и-и!.. Хи-и! Иа-у!..

Сперва тихо, неуверенной нотой, затем отчетливым, призывным лаем.

И в тот же миг вся стая вскочила на ноги и бросилась туда как один. Это произошло с молниеносной быстротой. Недавно противника, глава стаи и одинокий разведчик бежали рядышком среди остальных, стремясь лишь к тому, чтобы быть первыми на месте.

Вот они добежали. Опустили морды. Подняли хвосты. Пауза. Потом радостно и возбужденно разнеслось над белой равниной:

— И-и! Аа-й! Ки-ай-и-ки!

Вся стая, живой клубок серых шерстистых тел, сбилась в кучу, нюхая снег то тут, то там. Каждый волк тихо и взволнованно выл про себя. Потом вся стая завывала и залаяла громко на разные голоса:

— Ай-и!.. Хи-кау-у!.. Гну-у!..

И, продолжая лаять во весь голос, волки со всех ног понеслись вперед по снегу так быстро, как летней порой скользят по полю тени гонимых ветром облаков, — побежали параллельно следу, оставленному проехавшим летучим отрядом, но саженьях в семидесяти в стороне от него.

Что же случилось? Кто нашел прерванный след?

Одна волчица, более голодная, должно быть, чем остальные, отошла от стаи и принялась разнохивать снег в поле в надежде отыскать зайчонка или полузамерзшую птицу и поживиться ими, пока стая смотрит на поединок. Она случайно пересекла линию запаха, оставленного летучим отрядом и отнесенного ветром саженьей на семьдесят в сторону от того места, где в самом деле проехал отряд.

Едва почуяв запах, волчица немедленно подала голос и тем самым освободила волка-разведчика, которому стая по общему молчаливому согласию сразу даровала полное прощение.

Покинув белоснежную равнину, стая бежала теперь по сумрачному бору, оглашая его торжественную тишину диким воем, гулко отдававшимся под его величавыми сводами. Издали казалось, что стая гончих травит лисицу — между лаем гончих и воем волков очень мало

разницы.

Арьергард отряда пересекал в это время поляну, и тот всадник, который раньше боязливо оглянулся, когда ветер донес до него вой одинокого волка, готов был поклясться, что его ухо на мгновение уловило чуть слышный топот и далекий вой вышедшей на охоту волчьей стаи.

Но товарищ, которому он сказал об этом, только посмеялся над его трусостью.

Тихо было на отдаленной опушке леса, где всадники спешили, и страшно холодно, хотя снег перестал валить, и так пустынно-одиоко.

Вот снова пронесся протяжный вой волчьей стаи — гораздо ближе на этот раз и более грозный.

Лошади захрапели и стали рваться с привязей, люди тревожно смотрели по сторонам и друг на друга.

А в деревушке, которую от леса отделяла обширная открытая равнина, дозорные неприятельского обоза, шагавшие с винтовкой на плече все взад и вперед, остановились, заслыша этот столь хорошо знакомый им вой и крикнули товарищам, чтобы они хорошенько стерегли коней.

Они знали, что, когда волки севера в зимнюю пору рыщут стаями, надо держать ухо востро и смотреть в оба за лошадьми.

* * *

А волки между тем все бежали и бежали тем ровным, неутомимым и невероятно быстрым галопом, которым они доводят до изнеможения и затравливают в конце концов всякого зверя, даже самого быстрого. Мелькая серыми тенями среди черных стволов на белой пелене снега, неслись они в темноте далеко растянувшейся воющей вереницей. Во главе их бежал их старый предводитель, а непосредственно за ним — одинокий волк, угрюмый, сосредоточенный, за ним — самцы, позади всех — самки.

Все дальше и дальше бежали волки, ни разу не сбившись со следа, а звук их приближения неся впереди них.

Кони всадников на опушке били землю копытами, пугливо ежились и рвались с привязи, и не один кавалерист украдкой вынимал свой револьвер и ощупывал его в темноте...

Но как раз в тот момент, когда вой достиг своей наибольшей силы и лес, казалось, весь гудел от адского концерта волков и люди не могли сказать, в пяти или в десяти шагах от них эта грозная стая, серые хищники внезапно умолкли, — так внезапно, точно кто-то закрыл клапан парового гудка. Сразу наступила полная тишина. Только и слышно было, что дыхание людей и лошадей.

Спешившиеся всадники, по всей вероятности, думали, что волки попросту гонятся за каким-нибудь зверем. Но если бы они могли видеть в эту минуту как они совсем молча и тихо, без малейшего шума, кроме едва слышного шороха лап по снегу, бежали по следу, который оставил летучий отряд, и как они, продолжая бежать, мало-помалу рассыпались широким веером, концами наружу, — тогда этот вид очень скоро заставил бы их понять, что дело не так-то просто.

Время шло. Все было тихо. Ничего подозрительного люди не слышали и не видели. Но если бы они прожили всю жизнь в этой стране, то лучше знали бы повадки зверей и догадались бы, почему время от времени то та, то другая лошадь, а то и две-три зараз, вдруг настораживались и поднимали головы, точно следя глазами за чьими-то движениями.

Две-три крайние лошади, последние в ряду, несколько раз фыркали, дергали за поводья, которыми они были привязаны, и испуганно жались к передним коням, как будто чуя приближение какого-то невидимого врага.

Два раза случилось также, что одна из лошадей вдруг начала лягать воздух, словно отгоняя что-то — призрак, или тень, или что-то еще, что она ясно видела, но люди не могли увидеть. Сколько люди ни всматривались в безмолвный мрак, они ничего не видели, кроме черных теней, каждая из которых, как всегда бывает в лесу ночью, могла быть и чем угодно и ничем...

Ночь была на исходе. Еще несколько минут — и спящие кавалеристы должны были проснуться, поест, сесть на коней и поскакать в деревню, где находился неприятельский обоз.

И тут-то это началось.

Вот одна лошадь с силой лягнула воздух, а затем взвилась на дыбы с болезненным ржанием.

Кто ее потревожил?

Ничего не было видно.

Одному часовому показалось только, что какой-то серый силуэт юркнул под тень деревьев; но, может быть, это ему померещилось. Как бы то ни было, у лошади из ноги текла кровь.

Минуту спустя еще две лошади на другом конце ряда вдруг точно взбесились — обе сразу. Они заржали во весь голос, и одна сорвалась с привязи, а другая стала кататься по снегу, который моментально окрасился в красный цвет. И на этот раз опять ничего не было видно, кроме смутной тени, мелькнувшей — именно только мелькнувшей — на мгновение и скрывшейся во мраке под деревьями.

Часовые ругались. Некоторые побежали будить товарищей. Но раньше, чем они успели это сделать, весь лагерь превратился в один общий хаос.

Ни малейшего звука, который предупредил бы о нападении хищников, не было слышно. Только серые тени выползли со всех сторон из мрака, чуть слышно зарычал или охнул кто-то, и уже в следующий миг вся сцена превратилась в клокочущий водоворот, где обезумевшие лошади лягались, взвивались на дыбы, кусались и оглашали воздух душераздирающим ржанием, а снег облаками взвивался и крутился вокруг.

Волчья стая напала на лошадей.

Люди вскочили со сна и, крича, начали наугад разряжать свои револьверы в клокочущий водоворот.

Другие схватили сабли и, не обращая внимания на копыта обезумевших лошадей, принялись рубить направо и налево, стараясь попасть в скорее угадываемые, чем видимые, серые силуэты хищников, которые мелькали всюду, то появляясь, то исчезая.

Третьи же зажгли фонари, чтобы спугнуть огнем неожиданного врага и спасти лошадей.

Но все это продолжалось не дольше одной минуты.

Ни одно животное не в силах терпеливо сносить страшные укусы волчьих пастей, которые каждый раз выхватывают кусок живого мяса величиной в ладонь, и никакие привязи не в состоянии удержать взбесившихся от боли лошадей.

Один миг — и в центре кипящего водоворота что-то затрещало, снег и брызги крови полетели во все стороны, всюду замелькали скачущие волки, люди с испуганными криками бросились врассыпную, чтобы не быть раздавленными копытами, и, раньше, чем кавалеристы успели понять, что произошло, они стояли одни в своем лагере и могли видеть, как их кони, окруженные волками, которые вились вокруг них, как рой ос, вскачь неслись в предрассветных сумерках прямо к деревушке, где стоял неприятельский обоз.

* * *

Час спустя злополучный отряд, который длинной змеящейся серой лентой с трудом пробирався теперь назад по глубокому снегу среди стволов величавого бора, остановился усталый, голодный, замерзший и измученный.

Издали донесся до него одинокий вой волка и что-то еще более страшное: гиканье, ясно говорившее о том, что не только серые хищники, но и люди идут по их следам и скоро настигнут их.

Ф. Марз

ДИКАЯ КОШКА

ОГЛАВЛЕНИЕ

I II III IV V

I

Старому мельнику, грузину Бежану, не спалось. Лежа на длинной деревянной тахте [1], он давно уже ворочался с боку на бок: беспокойные мысли роились в голове и отгоняли сон. До слуха явственно долетали ритмические, чередующиеся с большой правильностью звуки колеса миниатюрной водяной мельницы, или “колотовки”.

Колотовка работала без устали, приводимая в движение стремительной струей падающей с обрыва воды.

Бежан думал о том, что скажут ему сегодня мужики, когда приедут за мукой.

— Будут браниться, — рассуждал мельник, — а ведь того не поймут, что колотовка полдня не работала — стояла... А тут из деревни явится сын, попросит мучицы. Бедный он, да ведь и мне же надо как-нибудь жить на свете — у самого нет лишнего куска... Эх...

И старик поднялся. Заглянув в крошечное окошечко своей избушки, он увидел, что приближается утро.

Полупрозрачная пелена тумана ползла вверх — чья-то повелительная рука поднимала ее, — и выступали горы, блистая своей девственной красотой. В воздухе стояла чуткая тишина, и только резкие звуки колотовки грубо нарушали сладкий покой наступавшего утра.

Бежан открыл низенькие двери и вышел.

Двадцатый год он приблизительно в одно и то же время выходит из этой избушки, направляясь к своей кормилице-колотовке. Отрезанный от родной деревни, отстоящей в пяти верстах, жил одиноко старый Бежан, жил в надежде, что и умрет спокойно здесь же.

Выйдя на свежий предутренний воздух, старик заметил, что скрытая горами заря разгорается.

— Еще немного-немного, и вспыхнет яркое солнышко, — сказал про себя Бежан.

Бодрой походкой направился он к мельнице, открыл запертые на замок двери, по привычке заглянул в постав, взял щепотку муки на зуб. Потом тщательно осмотрел все предметы, лежавшие на полочке, и вновь запер двери, замкнув их.

Было уже светло.

Старик вспомнил вдруг, что ему еще что-то нужно сделать, и направился к опушке большого леса. Среди множества самых разнородных деревьев возвышался кряжистый старый дуб. К нему подошел старик и через небольшое отверстие в стволе заглянул внутрь. Глубокий

мрак наполнял дупло дерева, и несколько минут старые глаза Бежана не видели ничего, кроме фосфорического блеска знакомых ему глаз.

Наконец, когда мрак рассеялся, Бежан увидел серую фигуру дикой кошки, сладко растянувшуюся в гнезде. Пара котят прикорнули к матери и спали безмятежным сном.

— Спишь? Жива-здоровая? Ну и хорошо, — рассуждал старик, отходя от дерева.

— И чего ее не любят люди. А мне она любя. Не то, что медведь, или волк, или еще лиса. Эти звери вредные, опасные. А кошку не тронь, так она тебе еще пользу сделает. Сколько было в колотовке мышей, крыс — почти всех поела. А птички как раньше таскали зерна! Только выйдешь куда, сейчас влетят и воруют напропалую... А теперь пусть какая осмелится явиться! За что же я буду ее гнать? А узнай наши, что она здесь, сейчас же ей конец — не любят ее, как черта.

Встретился старый Бежан с кошкой случайно еще в прошлом году. Зайдя как-то днем на мельницу, он заметил, как что-то серое, похожее на домашнего кота, но размерами значительно больше, стремительно выскочило через полузатворенные двери. Долго недоумевал Бежан. Он никак не мог понять, откуда могла взяться кошка в этом глухом лесу. Не из деревни же? И только потом сообразил старик, что ведь это просто дикая кошка. Много лет прожил Бежан на свете, но дикой кошки никогда не видел.

Вторично встретил кошку Бежан, когда она тащила в зубах крысу из той же мельницы. И с этого дня стал выслеживать ее жилище.

Напрасны были, однако, его попытки открыть ее местопребывание. И только через несколько месяцев, днем случайно он увидел ее на ветке дуба, и, когда подошел к дереву, она скрылась, нырнув на его глазах в дупло. Тут и нашел старик ее жилище. С тех пор он каждое утро навещает ее. Сначала кошка дичилась и фыркала, потом так привыкла к безобидному старику, что делала вид, будто не замечает его присутствия.

Старый мельник ценил услуги кошки, истреблявшей мышей, и очень обрадовался, когда она привела двух котят.

II

Не доверяясь всецело этому высокому седому человеку, который ежедневно подходил к ее родному гнезду, кошка долго осматривалась, прежде чем сползла с дерева.

Кошка была желтовато-серого цвета с тремя характерными черными полосками на голове, переходящими в одну широкую, которая ложилась вдоль всей спины.

Несколько веселых и быстрых прыжков унесли ее в лесную чашу. Здесь она легла на толстый слой прошлогодних листьев и несколько раз перевернулась на спине, выпуская длинные когти. Какой-то посторонний шорох заставил ее сразу подняться на ноги и насторожиться.

Тревога оказалась ложной. В чаще дубняка стояла тишина. Приторно-сладкий запах азалий слегка кружил голову, и кошка, игриво подпрыгивая, почти неслышными шагами продолжала углубляться в хорошо знакомый ей лес.

Вдруг она остановилась и внимательно начала всматриваться в то место, где кончался стройный лес и начиналась обширная поляна, вся украшенная роскошными цветами. Как змея, ползла кошка между кустами орешника и травой. Невидимая среди шевелящихся стеблей, она тихо, но безостановочно приближалась к намеченной цели.

В это время, далекий от всякой мысли об опасности, на опушке леса стоял фазан, поклевывая гусениц, облепивших куст терновника. В своем роскошном оперении этот красавец южнокавказских лесов только что собирался криком привлечь к обильной трапезе свою подругу, как вдруг уловил чьи-то приближающиеся шаги и хотел подняться, но в тот же момент чудовищные когти вонзились в него, и он увидел страшную пасть...

Полетели в сторону перья, хлынула кровь из перекушенного горла — кошке досталась богатая добыча.

Окончив кровавую трапезу, остатки фазана она понесла своим детенышам. Они мирно спали, когда вскочила в дупло мать. Радостным мурлыканьем встретили ее и дружно принялись уничтожать мелкие кусочки вкусной дичи.

III

Зима явилась незаметно. В горах лег глубокий снег, и оттого внизу было прохладно. По утрам оголенные деревья слезились, словно плакали о потерянной красоте своей. Это густые туманы задерживались на ночлег и оставляли сырость.

Все было неприветливо, уныло, и один самшит [2], не покоровшись наступившему холоду, продолжал гордиться своим царственным зеленым убором.

Речка несла свои воды с стремительностью, и трескучая колотовка без устали молола кукурузу.

Потянулись ночи скучные, тяжелые своей бесконечностью. Бежан большую часть суток лежал у себя в избушке, то и дело подкладывая дрова в бухар [3]. Иногда от скуки бродил по лесу, шурша прошлогодними листьями. Подходил к знакомому дубу и бросал привычный взгляд в глубокое дупло, где встречал горевшие блеском глаза кошки.

Давно уже выращенное ею молодое поколение начало самостоятельную жизнь, давно котята разбежались по лесу, навсегда покинув мать. А она не хотела расставаться с старым насиженным местом.

Несколько тоскливо было кошке, когда в один из осенних, ненастных дней она, проснувшись, не нашла своих детей. Но наступило тяжелое время — лес становился пустым: многие его обитатели на время исчезли. И старая кошка даже была довольна этим обстоятельством — часть забот о пропитании отпадала с уходом детей. Хотя теперь аппетит и уменьшился благодаря постоянному лежанию в теплом гнезде, но голод иногда выгонял ее в лес, и она искала добычу. Частенько заглядывала на мельницу, беспощадно истребляя мышей и крыс.

Как-то однажды в лесу выпал снег. Это был первый в эту зиму снег. Мягким, пушистым ковром он лег на землю, нарядным убором одел деревья. Холодно стало кошке, и она глубже зарылась в свое гнездо, сделанное из мягкого и теплого моха.

Спустились и легли на землю зимние сумерки. Лес казался пустынным и мертвым.

С обычной осторожностью вышла кошка из своего убежища и повела кругом своей хищной мордой. Ничего нового не уловил ее слух, только стучала без устали мельница, как всегда.

Голод неприятно давал себя чувствовать — кружилась голова, и слегка тошнило. Смело направилась кошка к мельнице и пролезла через отверстие внутрь. Здесь сразу же уловила так хорошо знакомый и приятный ей запах мышей. Притаившись за поставом, она стала прислушиваться. И долго, очень долго пришлось ей ожидать, пока неосторожная мышь выползла из норки и попалась ей в когти. Но это не могло утолить голода.

Отсюда кошка побежала в лес, все время озираясь по сторонам и стремясь своими острыми глазами уловить присутствие добычи.

И вдруг она уменьшила шаги, прижалась к земле и ползком направилась к маячившему в темноте кусту. Подойдя к нему очень близко, она сделала стремительный прыжок и вскочила на спавшего в логовище зайца.

Раздались резкие крики грызуна и жутко прокатились по лесу.

И смолкло все...

IV

Было так весело в лесу. Так радостно звенели голоса певчих птиц, так нежно разливали благоухание цветы. Деревья, в полном соку, стояли величаво спокойные и, как старые мудрецы, слушали лепет молодой поросли, волнуемой ветерком.

По-прежнему дикая кошка жила в дупле могучего дуба, и по-прежнему обзавелась она детенышами. На этот раз их было трое. Кормила их мать молоком, но приучала и к мясной пище.

Реже и реже приезжали и приходили с помолом, и Бежан целыми днями не видел людей. Раз или два в месяц приходил сын с внуком, худой, болезненный. Жаловался на бедность,

неурожай, просил мучицы и уходил, когда Бежан высыпал ему в подставленный мешок гарнца три свежего помола.

Старик сидел у избушки, когда на дороге, ведущей к мельнице, показались два человека с ружьями; впереди бежали собаки. Это были городские охотники. Встал дед и пошел навстречу: слишком необычно было появление охотников в этих местах.

Обменявшись приветствиями, охотники попросили старика указать им лучшее место для охоты. Бежан жаловался охотникам, что зимой иногда волки близко подходят к избушке.

— А теперь все пусто, — добавил старик.

Охотники присели, отдохнули и направились в лесную чащу. Одна из собак вдруг остановилась у дуба, где жила кошка, и подняла оглушительный лай. Охотники взглянули вверх и заметили дикую кошку, которая быстро спустилась в отверстие дерева и исчезла.

Тщательно осмотрев дерево, охотники нашли отверстие.

— Э, да тут целая семья, — радостно воскликнул один из них.

Охотники нашли своего злейшего врага — соперника по истреблению дичи и решили не щадить его.

Бежан заметил, что его соседка найдена, и поспешил к дубу.

Напрасно он упрашивал охотников не трогать ее, напрасно описывал ее подвиги по части истребления мышей.

Пустился было старик на хитрость — начал доказывать, что она не кровожадная и даже кроткая.

Не поверили охотники и, чтобы выгнать ее из дупла, достали пук сухой травы и, всунув его в боковое отверстие, подожгли.

Старая кошка давно насторожилась, услышав необычный шум и разговор. Сердце ее тревожно забилось, когда она явственно уловила посторонний шорох над головой.

И вдруг она заметила, как что-то постороннее и совсем необычное появилось в дупле. Появилось и вспыхнуло страшным огоньком. Раздался треск, и едкий дым наполнил внутренность дерева.

Кошка поняла, какая опасность надвинулась на нее, и инстинктивно, не сознавая того, что может из этого выйти, схватила первого попавшегося котенка в зубы и выскочила через верхнее отверстие.

Быстрыми шажками спустилась по ветке дуба и спрыгнула на землю. Собаки с яростью бросились на храбрую мать. Началась борьба. Оставив детеныша, кошка выгнула колесом спину, ошетинулась и, дико рыча и фыркая, начала прыгать на собак и наносить им страшные царапины своими гибкими, заостренными когтями. Собаки опешили и, растерзав детеныша, не осмеливались хватать ее зубами.

Охотники с любопытством наблюдали картину борьбы и не решались стрелять, чтобы не убить нечаянно собак.

Сделав ловкий прыжок и выхватив по пути клочок шерсти с одной из собак, кошка шмыгнула в лесную чащу.

С страшным лаем за ней бросились собаки.

Она помчалась вверх, перепрыгнула через речушку и скрылась в расселине скалы.

Здесь кошка среди сухих прошлогодних листьев заметила дыру и на минуту остановилась. Ей все казалось, что позади бегут собаки. Ужас только что пережитого давил ее. Поэтому, не задумываясь, она нырнула и спряталась в отверстие. Затейливая, извилистая нора ввела кошку в подземный мир. Среди мрака она прекрасно видела темные, местами усеянные торчащими камушками своды норы. Любопытство и страх толкали ее вперед, и она мало удивилась, когда в глубине заметила какого-то живого, шевелящегося зверка.

Это был барсук. Притаившись, он смотрел испуганными глазами на приближающегося врага. А когда кошка прыгнула к нему, пустился бежать, наполнив подземелье дикими криками.

Глухой волной пробежали крики барсука и заставили содрогнуться все барсучье заселье. И в разные выходы — а таких выходов было много — помчались испуганные, осторожные барсуки. В страхе бросили они насиженное место и умчались подальше.

Кошка сделалась хозяйкой готовой квартиры. Здесь было не так удобно, как в дупле дерева, воздух стоял тяжелый, было грязно, но зато безопасно, и это обрадовало ее.

В это время сконфуженные и израненные собаки, вернулись ни с чем.
Один из охотников достал из гнезда оставшихся котят и охотно уступил их Бежану.
— Чудак старик, хочет взять такую дрянь. Ну и бери, если они пригодятся тебе. Только помни — подрастут, так не увидишь — убегут в лес...

V

Взяв котят, Бежан побрел к своей избушке.
Покрытые пушистой шерстью, с поперечными темными полосками, эти маленькие зверки были очень похожи на домашних кошечек, только глаза их горели как-то злобно и недоверчиво.

Бежан устроил им гнездо в ящике, дно которого он выстлал мхом и травой. Ящик поставил в мельничном помещении.

— Пусть ловят мышей, — решил старик.

Велико было его удивление, когда на следующее утро он нашел ящик пустым. Котят не было.

Бежан решил, что они нечаянно попали в речку.

А случилось вот что.

Кошка не могла побороть в себе сильного желания узнать, что сделалось с ее детенышами. И когда наступила ночь, она, крадучись и озираясь, подошла к страшному месту. Не найдя детей, она побежала сначала к избушке мельника, потом вскочила в мельницу и здесь увидела своих котят.

Нужно было спешить, и кошка потащила в зубах одного из детенышей с страшной быстротой к тому месту, где угрюмый лес своей стеной подходил к диким скалам.

Водворив котенка в новом жилище, она помчалась за вторым...

* * *

Как-то острее почувствовал свое одиночество Бежан после этого случая — ему не доставало близости, живого существа.

И когда он смотрел на сильный, развесистый дуб, то живо вспоминал ту драму, которая так недавно разыгралась у его подножия...

[1] Т а х т а — так называется на Кавказе широкий диван без спинки, покрываемый ковром.

[2] Кавказская пальма

[3] Камин.

Ф. Марз

КОТ ФАРАОН

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. ПОКИНУТЫЙ КОТ
II. НОЧЬ В ЛЕСУ
III. БОЙ С ВЫПЬЮ
IV. ВСТРЕЧА С ХОЗЯИНОМ

I. ПОКИНУТЫЙ КОТ

В один прекрасный день молодой орнитолог Гокли приехал в наш округ и снял маленький туземный бунгалу [1]. Он поселился в нем не один — с ним был привезенный им с собой в корзине кот Фараон.

Это был совсем особенный кот, на других не похожий. Он был очень большой и упитанный, цвета он был желтого, книзу светлее, с полосами на боках, хвост его был замечательно тонкий, длинный и гибкий, в черных кольцах и с черным кончиком, шерсть очень густая, но короткая и жесткая, совсем не такая, как у домашних кошек, глаза всегда сохраняли выражение неукротимой дикости.

Молодого ученого часто видели уходящим из дому ранним утром идет, бывало, помахивая хлыстиком, с толстой книгой под мышкой, с синими очками на носу Фараон неизменно следовал за ним.

На расспрашивания любопытных соседей Гокли всегда отвечал, что приехал сюда готовиться к ученой работе и избирает для своих прогулок самые уединенные места в лесу, чтобы ему никто не мешал.

Но на деле оказалось иначе.

Главный лесничий застал его однажды в тщательно оберегаемом им лесном заповеднике, где охота на птиц была запрещена под угрозой величайшего наказания. Лесничий очень гордился своим заповедником и дорожил редкими породами птиц, которые там разводились. Можно представить себе его ярость, когда выяснилось, что Гокли при помощи своего карманного складного ружья настрелял столько дичи, что и в пять лет нельзя было поправить дело. Роль гончей собаки в этой охоте исполнял кот Фараон.

Давая показания на суде, лесничий не мог подобрать достаточно слов и выражений, чтобы описать, как велика была вина кота. Он захлебывался от гнева, заикался, откашливался... Но из его показаний можно было с несомненностью установить одно, что кот был, во всяком случае, замечательный, необыкновенный. Это и высказал, между прочим, сам судья.

Но кошки суду не подлежат. Зато самому Гокли пришлось поплатиться тяжелее, чем все ожидали. В соседних округах узнали, что он, наконец, попался, и от местных властей посыпались телефонные заявления судье о точно таких же проделках Гокли на их территории. Гокли был присужден к штрафу и высылке. По-видимому, он этого ожидал и несколько не удивился, потому что из суда он вышел спокойно, с насмешливой улыбкой на лице.

Ему предписано было уехать немедленно, и он не успел даже захватить с собой Фараона. Он оставил его в своем бунгалу, и это отчасти указывает на растерянность браконьера, потому что таким котом он не мог не дорожить. Но, может быть, Гокли оставил его нарочно, из мести. Во всяком случае, кот находился в бунгалу и спал на диване перед топившимся камином в то время, когда за его хозяином пришел представитель власти для исполнения приговора.

Кот Фараон проснулся только в пять часов пополудни, и сейчас же крепкий сон его сменился бодрой энергией; способность к такому быстрому переходу сохранилась в наше время только у диких животных, но давно утрачена всеми домашними.

Солнце ярко светило в небольшое окно; окно было открыто, и в нем с металлическим жужжанием носилась осенняя муха; на камине торопливо тикали часы. Но кота разбудило не солнце, не муха, не тиканье часов... Его разбудил стук отворяемой калитки в палисаднике.

Кот раскрыл свои зрачки, похожие на вертикальные трещины на желтом камне, и кинул быстрый взгляд на открытое окно. Он увидел перед собой “квадратную” черную шляпу, каких теперь не носят, чье-то красное бородатое лицо с маленькими глазками и неприятным, явно угрожающим выражением.

То не был Гокли. У Гокли было белое лицо и большие глаза, — такие глаза особенно

нравятся животным и привлекают их доверие. Кот знал, что это не Гокли, но, по-видимому, и этот посетитель был ему известен. Так, по крайней мере, можно было думать, судя по поведению кота.

Свирепо сверкая глазами, Фараон без малейшего шума, точно змея, соскользнул с дивана и подкрался к двери, которая вела в кухню. С минуту он постоял в раздумье, повернув голову назад, затем быстро шмыгнул через отворенную кухонную дверь во двор.

Настала полная тишина, — было слышно только тиканье каминных часов. Потом стукнула наружная дверь, и на пороге появилась высокая фигура главного лесничего с двустволкой в руках. Он пришел со своей собакой и стал повсюду искать “проклятого кота”. Он решил во что бы то ни стало отыскать и уничтожить Фараона, боясь, что без хозяйского надзора он сделается, пожалуй, еще опаснее для лесного заповедника.

Лесничий обыскал весь бунгалов от порога до печной трубы. Кота нигде не было. Собака, наконец, помогла ему обнаружить, что кот скрылся, выбежав через кухонную дверь.

А Фараон, грозно ворча, чего домашние коты обыкновенно при таких обстоятельствах не делают, перебежал через двор бунгалов.

С трудом пробравшись через узкое отверстие в колючей изгороди, весь исколотый и исцарапанный, кот очутился в канаве. Он побежал по ней сначала прямо, потом свернул направо и, выскочив на мокрый луг, помчался к темному, сырому лесу.

Кот мчался диким свободным галопом, низко опустив голову, вытягивая далеко вперед передние лапы и волоча за собой задние. Так бежит обыкновенно по джунглям тигр, вспугнутый загонщиками.

На минуту кот остановился и обернулся назад, заслышав позади себя глухой шум. Меньше всего он мог обмануться в значении этого шума. Такому ли дикому коту, как он, не знать, что за ним гонится собака!

Это была собака лесничего, быстро бежавшая по его следу.

Она догнала Фараона прежде, чем тот успел добежать до леса. Не успела она опомниться, как что-то желтое проскочило у нее перед самым носом и, словно резиновый мячик, прыгнуло ей прямо на спину, вцепившись в нее когтями всех четырех лап.

Собака отчаянно завизжала, и следовавший за ней главный лесничий, свирепо бранясь по адресу кота, бросился к ней на помощь.

Но кот уже соскочил с исцарапанной спины своего преследователя и стрелой понесся в лес. Там он вспугнул птиц, сидевших на деревьях; они с криком поднялись на воздух и окропили кота дождевыми каплями, оставшимися на листьях. Всякий другой кот сейчас же вспрыгнул бы на дерево, но своему коту Гокли, очевидно, внушал, что, когда за ним гонится человек с ружьем, нельзя прыгать на дерево.

Фараон мчался по лесу, прячась в диком терновнике, в колючем дреке. Тут было много хитрой стратегии, потому что этот дрек представлял собой целый мир колючек и перепутанных ветвей, где с таким успехом прячутся кролики и куда никакая собака проникнуть не может.

Погоня осталась далеко позади, но кот все еще пробирался через самую густую чащу дрека, часто останавливаясь и прислушиваясь. По временам он нюхал увядшую траву и настилку из мелких листьев и колючек.

Раз или два что-то где-то шелохнулось; хрустнула ветка, когда он крался; былинки сама собой выпрямились перед ним, как будто кто-нибудь только что сошел с этого места. Все кругом говорило о жизни, но ее пока не было видно.

И вдруг неожиданно, без малейшего предупреждения или намека, грянула война, настоящая кровавая лесная война.

Перед котом появился странный пестрый зверь, очень крупный — около метра в длину — и в полумраке казавшийся еще больше; он был на коротких ногах, дородный, похожий на медведя, с лапами, запачканными в земле, с множеством кровавых царапин на шкуре. Пасть у него была оскалена, глаза смотрели дико.

Это был барсук, которого давно уже травили в его норе люди и собаки. С его стороны выход из норы был отчаянной вылазкой гарнизона из осажденной крепости с решимостью пробиться или погибнуть. Фараону не повезло: он как раз очутился на дороге барсука из одной норы в другую.

Когда кот его заметил, зверь уже был совсем близко от него. У кота не было времени ни для того, чтобы отступить, ни для того, чтобы сделать один из тех быстрых прыжков в сторону и вслед затем вверх, которые так часто удаются кошкам. Фараон был загнан в угол, и ему пришлось вступить в неравный бой.

Столкнулись две открытые пасти, ударились клыки о клыки. Кот царапался, кусался, грыз, извивался. Враги сплелись в один пестрый клубок — живой и вертящийся. Этот клубок мог вертеться лишь на очень ограниченном пространстве, и бой неминуемо должен был закончиться смертью одного из противников. Над клубком как будто уже реяла смерть...

Но вдруг поблизости, почти совсем над ними, раздался громкий, отрывистый, сухой кашель — обыкновенный человеческий кашель, — но на двух бойцов он оказал мгновенное действие. Они в один момент расцепились, прыгнули в разные стороны и исчезли.

Кашлял крестьянин, возвращавшийся с поля. Услышав возню, он остановился, и хотя ничего не разглядел, но все-таки бросился в кусты. Но кот был от него уже в ста шагах, а барсук скрылся, по всей вероятности, в своей норе.

Вскоре кот Фараон крепко спал в довольно надежной природной крепости — чаще колючего дрека, окруженный сотней невидимых сторожей в темных шкурах с белыми хвостиками — кроликами, как бы взявшимися охранять его сон и предупреждать в случае опасности.

II. НОЧЬ В ЛЕСУ

Солнце село; подул вечерний ветерок; в чаще дрека стало совсем темно.

Ночная жизнь чащи начиналась. Ночные хищники просыпались и двигались. Взлетала там и тут ночная птица, с криком “как-как” поднималась к небу и скрывалась из глаз. Над колючими кустами появилась темная тень совы. Слышался где шорох, где шелест.

Но никто не мог бы расслышать, как крадется кот Фараон. Ни зверь ночной, ни ночная птица не могли бы рассказать о его невидимом путешествии по лесу. Но он был тут, и в полуночной темноте слегка поблескивали два изжелта-зеленых огонька...

В то же время по берегу лагуны шла какая-то высокая, тонкая, бледная тень, испускавшая как бы слабый фосфорический свет. Через два-три шага она останавливалась; затем слышался всплеск, как будто кто-то ловил рыбу и не мог поймать.

Кот шел осторожно, незаметно. Он знал, что в диких местах погибает тот, кого первого увидят.

Все шло бы прекрасно, если бы он не имел привычки, присущей всем кошкам, не исключая тигров, — привычки беспрестанно шевелить хвостом. Хвост у них почти все время в движении. Это отлично знают охотники на тигров, когда выслеживают этого зверя. Таково уже характерное свойство всей кошачьей породы.

Светящаяся тень подходила. Должно быть, она увидела шевелящийся хвост. Во всяком случае, она остановилась, превратившись в каменный столб. Кот находился почти под ней, прижимаясь к траве.

Вдруг — “фрр”...

Тень, оказавшаяся большой голенастой птицей, прорезала воздух, подобно брошенному дротику, и ухватила черный шевелящийся кончик хвоста Фараона. Кот завизжал от боли и, ошестинившись, выпустил когти. Птица захлопала крыльями, заплясала на одном месте, и от нее отвратительно пахло гнилой рыбой, как пахнет на рыбном рынке в жаркий день.

Кот, не переставая, визжал и царапался. Птица поняла, наконец, свою ошибку и выпустила схваченный кончик хвоста, торчавший из травы. Она собралась было долбнуть кота в голову, но тот не стал дожидаться удара. Вzbешенный тем, что с его хвостом так непочтительно обошлись, кот высоко подпрыгнул и шлепнулся в тихую воду пруда. Раздался всплеск; вода заходила, задрожали отражавшиеся в ней звезды; выскочили из своих нор испуганные водяные крысы. Птица же взмахнула своими большими крыльями и величественно поднялась на воздух с громким шумом — “фру-фру-фру”. Вслед затем послышался звук плывущего по воде тела, одетого в меховую шкуру. Это кот Фараон переплывал лагуну.

Птица оказалась просто цаплей. Самой обыкновенной цаплей. Известно, что ее клюв

представляет собой замечательное оружие. Он у нее длинен, крепок и насажен на стальную шею. Цапля принадлежит благодаря ему к числу птиц, которые в случае надобности могут очень и очень постоять за себя.

В этот раз цапля ловила угрей — рыбу, очень трудную для ловли, и вдруг увидела хвост, шевелящийся в траве. Она приняла его за угря и схватила. Ошибка была вполне простительна, потому что угри, как известно, любят совершать иногда путешествия по суше.

Обиженный кот молча плыл по воде. Он весь вымок, а кошки терпеть не могут воды.

Вдруг мимо его носа проплыла водяная крыса. Она плыла совершенно беспечно, никак не предполагая наткнуться здесь на кошку, и... попалась. Фараон схватил ее зубами и поплыл с ней к берегу, потом, весь промокший и иззябший, уселся спокойно в сторонке и поужинал.

III. БОЙ С ВЫПЬЮ

Долго рыскали лесники с собаками по лесам заповедника, осматривая все изгороди и держа наготове ружья, чтобы застрелить Фараона. Много расставили они на него капканов. Впрочем, собаки отыскивали двух кошек, но у одной оказалась голубая ленточка на шее, а у другой — котятка. В расставленные капканы попался один кот, но он оказался любимцем жены главного лесничего; ночью его тайком от лесничего зарыли в землю.

А Фараон преспокойно рыскал и охотился на свободе, оставляя всех охотников в недоумении.

Редкостные птицы заповедника стали исчезать самым серьезным образом. Прodelка Гокли была детской шалостью в сравнении с тем, что творил теперь голодный бездомный кот Фараон.

В заповеднике водилась птица, которой особенно гордился главный лесничий, — это была выпь.

И вдруг выпь исчезла. Выпи часто переселяются с места на место, но лесничий догадывался, что тут дело не обошлось без кота.

Фараон все больше и больше привыкал к месту и все смелее и смелее выходил из своего колючего убежища.

В одну сырую и дождливую, но не совсем безлунную ночь он забрался в прибрежный камыш и увидел в первый раз в жизни выпь, смотревшую на него при лунном свете своими лягушечьими зелеными глазами.

Фараон замер, прижал уши и весь обратился в слух и зрение. Домашний кот сейчас же убежал бы прочь от невиданного врага, но у Фараона текла в жилах совсем другая кровь.

Прежде всего ему захотелось узнать, что это за птица с лягушечьими глазами. Кроме того, он был голоден. А тут была птица, и притом еще крупная.

Цвет его шкуры необыкновенно подходил к окружающей обстановке, так что его совсем не было видно в желтоватом тростнике.

Дождик то шел, то переставал; луна играла в прятки, то показываясь, то скрываясь, и никто не видал, как Фараон кружился вокруг выпи, с каждым разом подкрадываясь к ней все ближе и проделывая в миниатюре маневры льва, наметившего себе добычу. Никто не видал, как выпь все приседала, приседала и, вся надувшись, выгнула шею назад, а клюв направила вверх.

Видела только карнаухая пучеглазая сова, как кот сделал свой последний прыжок к выпи.

И только эта же самая сова слышала, — ведь нет слуха более чуткого, чем у совы, — как отчаянно взвизгнул Фараон, когда длинный острый клюв выпи вонзился ему в плечо и глубоко его проколол. Потом она видела, как кот перевернулся в мучительных страданиях вокруг самого себя и вонзил свои острые зубы позади зеленых, лишенных всякого выражения, лягушечьих глаз выпи. Наконец, она услышала громкое хлопанье крыльев, царапанье когтей, перед ней мелькнули голенастые ноги, чья-то желтая шкура, летящие клоки шерсти и перья; затем луна скрылась, и сделалось совершенно темно и тихо.

IV. ВСТРЕЧА С ХОЗЯИНОМ

Последние лучи заходящего солнца заглядывали в окно бунгалоу и косо ложились на полу.

Вечерний паук протянул через камин свою паутину. На окне сидела неподвижно осенняя муха. То был бунгалоу Гокли, неприбранный и заброшенный.

В дальнем углу неподвижно лежала не то круглая меховая подушка, не то муфта. Зашумел дождь, и подушка зашевелилась. Из нее поднялась круглая голова с круглыми глазами и поглядела так, что каждому сделалось бы жутко от этого взгляда. Мех живой муфты был весь в запекшейся крови; след крови тянулся по всему полу от окна в соседней комнате.

День кончался среди шума дождевых потоков. Комнату постепенно охватывала тьма.

Вдруг стукнула калитка. По всей вероятности, она стукнула от ветра, но Фараон (это был он) в один миг вскочил с ворчаньем, и его круглые глаза загорелись желто-зеленым огнем.

Все опять стало тихо. Потом раз, два — явственный скрип обутых ног по песку. Опять все стихло. Фараон весь съежился, дрожа всем телом.

— Фараон, Фараон! Фараошка, старый мой кот! Где ты тут?

Голос был сдавленный, силовый и говорил в открытое окно соседней комнаты. В комнату глядело угрюмое суровое лицо.

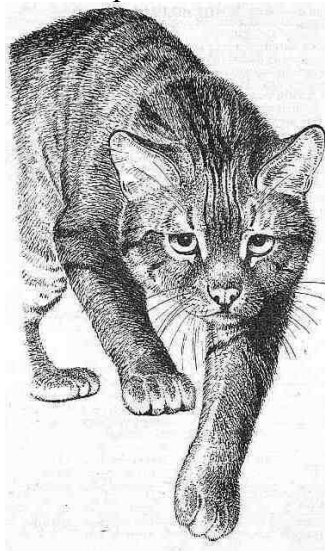
— Фара... Ах...

Фараон выпрямился, вскочил, тихо мяукнул, как делает кошка, когда зовет своих котят. Страдающий, едва живой, изувеченный, но все-таки с поднятым вверх, точно палка, хвостом, кот бросился к окну, прыгнул на подоконник и принялся ласкать суровое лицо с большими глазами.

Настала пауза, в продолжение которой кот не переставал мурлыкать. Но вот скрипнула крышка открываемой плетеной корзинки. Мурлыканье прекратилось. Крышка опять скрипнула — корзину, очевидно, закрыли. Опять зашуршали осенние листья под ногами человека, опять заскрипел песок под шагами обутых ног; стукнула калитка, — и все затихло.

Приходил Гокли и забрал с собой своего драгоценного Фараона.

[1] Бунгалоу (бунгало) — легкая постройка дачного типа в Индии

Ф. Марз

КОНЕЦ СЕКАЧА

ОГЛАВЛЕНИЕ

I II

Старый секач [1] идет среди густых камышей. Острой мордой он раздвигает упругие желтые стебли, и они покорно клонятся под его крепкими копытами и крутыми черными боками. Камыш шуршит и колеблется, вода булькает, вливаясь в глубокие следы зверя, да и сам он порой недовольно хрюкает, подсекая клыком какой-нибудь упрямый побег, задумавший заступить ему дорогу. Зачем думать об осторожности ему, могучему опытному самцу, ему, кто сильнее всех в этой болотистой заросли? Старому секачу бояться некого.

Солнце заходит за горы, в глубине камышей разлился уже серый сумрак. Ветер легкими вздохами налетает с моря; длинными пологими волнами колеблются камыши, и красиво переливается по ним багряный отблеск заката, словно огнем зажигающий их верхушки. Протоки и ильмена (маленькие озера), в тени темно-зеленые, в лучах зари палевые, тихое море — у берега оранжевое, а на западе золотое. Высокий Эльбурский хребет в прозрачном вечернем воздухе словно еще вырос, приблизился и теперь тяжелой фиолетовой стеной стоит на границе моря; вдали, на западе, где только что скрылось солнце, его ровную линию резко прерывает изящный конус Демавенда. Он кажется синим, а небо вокруг него — точно пылающее зарево, точно отверстие гигантского горна. Отливы золота, меди и алой крови смешались здесь в ослепительно-красивой игре красок, и расплавились, и загорелись края тяжелых седых туч, нависших над горным хребтом.

Камыши шумят. Этот грустный шорох то замирает, то нарастает — кажется, кто-то вздыхает. И на фоне его со всех сторон звучат голоса: камыши полны тайной жизнью. Несутся издали громкие крики цапель, крикают утки на заводи, тенькает отшельник-пастушок, перекликаются говорливые грачи, и, когда на мгновение все замолкнет, так красиво, покрывая говор камышей, из самой дали плывут звенящие, медные возгласы серых журавлей. И чем дальше меркнет закат, тем тише и реже раздаются эти крики радости, опасности и битвы.

Старый секач знает все эти звуки, не первую зиму проживает он среди этих камышей.

Восемь лет тому назад маленьким, визгливым поросенком появился он на свет божий в этих заповедных зарослях. Расцветала весна; в уединенной берлоге, запрятанной в глухих камышах, вдали от кабаньих тропинок, у большой, опытной свиньи родилась дюжина поросят. Две недели держала мать свой выводок в логовище, изредка выбегая, чтоб похватать немного корму, и, только когда буйные и шаловливые кабанята подросли и покрылись щетинистой, полосатой шкуркой, вывела их в заросли. Впереди в перевалку шагала свинья, спокойная, важная, неуклюжая, а за ней, вечно толкаясь, играя, пища, спешила стайка беззаботных поросят.

Пошла привольная жизнь. Весело было будущему “одинцу” в толпе таких же, как и он, резвых полосатых братцев сноваť по камышу, повинуюсь лишь своим причудам да сердитому хрюканью матери; весело было играть, драться, копать землю, чтоб добыть из нее вкусные корни или просто дать поработать подвижному, любознательному пятакчу. Так сладки были дневные отдыхи в тени камышей, когда в полдень жаркий воздух трепетал вдали над степью; поросята вырывали себе ямки и забирались в грязь, так что поверх нее виднелись только их вертящиеся уши, лукавые глазки и черные пятячки. Хорошо было и вечернее купанье в большой колдобине, куда собирались и старые кабаны. Испуганно повизгивая, давали малыши дорогу могучим секачам, которые, громко ломая камыш, важно выходили на берег; поросята с серо-желтыми шкурками казались такими смешными и маленькими перед этими огромными и тяжелыми черными зверями. И с жутким любопытством следили они за свирепыми схватками, что внезапно вспыхивали между двумя кабанами, поспорившими из-за уютного местечка. А жаль, matka никогда не давала им досмотреть битву до конца. Тревожно хрюкая, она собирала свое суетливое потомство и гнала его прочь — не ровен час, старые бойцы не разглядят, да и раздавят подвернувшегося под ноги малыша.

Ночью — кормежка либо в камыше, либо набег на туркменский посев. Осторожная, тихая побегка, постоянное ожидание опасности, которую надо заранее уловить ушами или носом. Matka останавливается, слушает, нюхает ветер — и поросята, словно маленькие обезьянки, передразнивают ее и тоже слушают, и тоже нюхают, хотя куда как мало понимают доносящиеся к ним звуки и запахи. Потом чавканье, возня, неистовое рытье, а когда забрезжит рассвет — дорога назад, в камыши, дальше, дальше, по таинственным, извилистым проходам, в самую глубину заросли, где можно спать, не думая о врагах.

А врагов много, хоть и всякий задумается вступить в бой с бешеной в защите детей

свиньей. Раз дикий кот напал на забежавшего далеко в сторону поросенка; на его отчаянный визг мать бросилась со всех ног, в одно мгновение сорвала с его спины хищника и, обезумев от гнева, топтала его ногами, рвала зубами, пока от красивого зверя не остался бесформенный, окровавленный мешок шкуры, внутри которой не было ни одной целой косточки. Да, силой трудно было отнять поросенка у чуткой и храброй свиньи: враги более надеялись на хитрость, а бойкость и неосторожность малышей помогали им. Одного поросенка уволок под облака огромный, темный орел; другой сам завяз в трясине, и там его разорвали шакалы, третий... но на третьего напал такой враг, от которого для матки с ее стойкой одно спасение — бегство, а то уж не одному, а всем придется поплатиться жизнью. И этот враг — тигр.

Тот поросенок, из которого вышел потом старый секач, долго ничем не выделялся среди выводка, разве что ел и спал больше всех. Но уж под осень он стал одолевать противников в шумливых единоборствах, а затем с такой отвагой и силой бросился один на двух овчарок, задумавших загородить ему дорогу, что, смутившись, эти большие собаки расступились перед ним. На втором году стали расти у кабаненка трехгранные бивни — сила и гордость его; на третьем нижний клык перерос в верхний, красиво и грозно загнулся кверху, и, наконец, кабан получил желанное оружие, с которым не страшны стали ему враги. И горько поплатился старый бешеный буйвол, ради глупой шутки напавший на него: ему пришлось отступить с разорванной грудью.

Третье лето было необыкновенно знойно, степь покрылась сетью глубоких трещин, камыши высохли, и пошли гулять по зарослям пожары. Днем черные полосы дыма, ночью страшные огненные гривы гнали перед собой испуганных зверей и птиц. Кабан, потревоженный в своих излюбленных тайниках, бежал на юг, много верст, смущенный и злой, прошел он, пересекая острова камышей, протоки и черные пятна пожарищ, и встретил свежую зелень только в болотистых лесах, окружающих речку Кара-Су. Он переправился через нее; ему понравилась уединенность этих мест, и он устроил себе логовище невдалеке от стен полуразрушенной персидской крепости. Дальше к югу уже шли деревни, окруженные полями ячменя, хлопчатника и риса, здесь стал собирать молодой кабан свою тяжелую дань.

Повинуясь стремлению жить в стаде, первые годы он ходил с матками и поросятами; на четвертом году он сам собрал себе стаю самок, которую водил и смело охранял от нападений. Здесь он не терпел соперничества и непослушания. Да и правда, кто был сильнее, умнее, отважнее его? В пять лет он весил двенадцать пудов; с каждым годом его бивни росли, края их от постоянного трения оттачивались, пока не стали острыми, как ножи. Уже не раз одолевал он старых, больших секачей; он прогнал барса, схватившего свинью, а для человека с его ужасным ружьем стадо, руководимое молодым секачом, было неуловимо. Напрасно персы, оберегая свои поля, окружали их заборами, сложенными из камней и засаженными колючей ежевикой: кабаны проделывали в них потайные лазейки, причем самые трудные и хитрые устраивал секач. Напрасно ставили люди посреди полей на шестах высокие сторожки с растрепанными камышовыми кровлями; когда кабана ждали, он не приходил; стоило пропустить ночь — и поле оказывалось разрытым; а то, словно зная, что под утро сторожить всего труднее, что перед рассветом всего сильнее одолевает дремота, кабан приводил свое стадо, когда уже белел восток, и быстро и тихо уводил их обратно. Шальные выстрелы полусонных сторожей не пугали его, и хоть все-таки не раз с пронзительным свистом проносились над ним пули, но ни одна не попадала в цель, и никто из его стада не очутился “на дереве”. Эти страшные деревья, увешанные трупами кабанов, свежими, разлагающимися, высохшими, с тяжелым зловонием, окружающим их, высятся на опушке леса, чтобы отпугивать ночных разбойников, лакомых до вкусных, сочных стеблей молодого риса. Так в старину подолгу качались на виселицах вымазанные смолой тела преступников.

Но грозная участь неосторожных родичей не пугала секача; он равнодушно проходил мимо этих пугал и, наверно, еще долго оставался бы среди деревень предгорий Эльбруса, если бы его опустошения не вывели из себя, наконец, всех окрестных поселян. Секача начали выслеживать. Какой-то охотник по следу нашел дневное убежище стада, большую, высланную мхом и ветвями яму, “котел”, в котором кабаны спали, все уткнувшись носами в середину. Выстрел на этот раз не прошел даром: одна свинья осталась на месте. Спугнутое, встревоженное стадо беспокойно провело остаток дня, а ночью всюду, куда бы они ни пробовали пробраться,

их стали встречать пулями. Преследование продолжалось и следующие двое, трое суток; казалось, в полном безмолвии пробирались кабаны к знакомым лазейкам, но все-таки везде длинные огневые языки вдруг проскальзывали среди тьмы, и громкие выстрелы раскалывали ночную тишину. Кончилось тем, что сам секач получил не опасную, но болезненную рану в бедро. Тогда стадо схоронилось в лесу, питаясь корнями, опавшими плодами, но следы “истребителя полей” были хорошо известны охотникам. Его продолжали выслеживать; на свое счастье, кабан чуял человека на 500—6130 шагов, и только осторожность несколько раз спасала его. Свита секача почти вся разбежалась. Одиноким и злой, бродил он по темному, глухому лесу, готовый на бой с кем угодно, но что мог он поделывать с ласточкой-пулей? И тогда он ушел.

Опять перебрался секач через Кара-Су и погрузился в знакомые заросли; после пожара они разрослись еще пышнее. Весело зашлепал он по тине, радостно прислушиваясь к шелесту камышей, и шел все дальше на север к устью реки Гюргень, туда, где он впервые увидел свет. Пришел и остался тут жить.

Ему было шесть лет, но, озлобленный преследованиями, необузданный, могучий и свирепый, он слишком жестоко обходился с подчиненным ему стадом, и матки бежали от него. Скоро и сам секач перестал стремиться к обществу; ему полюбилась одинокая свободная жизнь, и раньше времени он сделался одином.

Прошло еще два года, секач достиг полного расцвета сил. Он весил пятнадцать пудов; как все кабаны, живущие на болотах, он был очень велик — почти сажень от пяточка до конца хвоста — и на обильной еде нарастил себе слой белого сала в ладонь толщиной. Давно уже никто не осмеливался преследовать его; он сам избегал столкновений с людьми, и характер его, не потеряв самоуверенности и неукротимости, снова стал добродушнее. А клыки все росли, все становились острее, они еще, как бывает у старых кабанов, не стали загигаться внутрь, и по-прежнему грозно торчали вверх по сторонам тяжелой, черной морды.

И вот одинокий секач идет в камышах, и, как все враги его, они бессильно гнутся перед ним. Этот кабан — весь выражение грубой силы: крепкое туловище, толстая шея, высокий загорбок, покрытый щетинистой гривой, упругие ноги — все сбито крепко, хорошо слажено, и острая морда, оканчивающаяся черным пяточком, хоть и смотрит маленькими подслеповатыми глазками, но чутко слушает наостренными ушами, а по бокам украшена клыками чуть ли не в четверть длиной. Секач некрасив, это правда: от носа до хвоста вымазан он черной грязью, к которой прилипли обрывки камыша и болотной травы; на спине она засохла целыми пластами. Но белые клыки, с угрозой смотрящие вверх, чисты, блестящи и, как и весь зверь, всегда готовы к бою.

Сейчас секач в добродушном настроении. С наступлением сумерек он вылез из уютной ямы, выкопанной среди непроходимой заросли, хорошо выкупался и теперь идет кормиться куда-нибудь в туркменское поле. Его решительный и миролюбивый вид словно говорит всем встречным:

“Не бойся, я тебя не трону! Но не трогай и ты меня. Помни — я хозяин этой заросли!..”

II

Но иначе думал молодой тигр, уже несколько минут тому назад заметивший кабана. Такая дичь была ему по вкусу, а опыт еще не подсказывал, что свиньи, поросята и секачи — одно, а старые одиночки — совсем другое дело. Томимый голодом и охотничьей горячкой, молодой, но сильный и ловкий хищник со всей утонченной хитростью кошки стал подкрадываться к кабану.

Закат быстро угасал: золото и багрянец сбежали с неба, а над Эльбрусом оно окрасилось в бледно-розовый цвет. Огромная тень от гор, словно широкое крыло, налегла на берег, и в камышах стало темно. Протоки и озера тихо заснули, черные, словно бездонные; сероватый свет безлунной ночи разлился над ними, сгладил все оттенки, отнял у всех предметов их знакомые, дневные очертания и сделал их какими-то новыми, неожиданными, таинственными. И как-то жутко стало в заросли...

Несколько минут звери шли рядом. Напрасно тигр старался уменьшить расстояние, разделявшее их — камыши, расступавшиеся перед кабаном, задерживали его. На каждой

прогалине он быстро нагонял секача; казалось, еще немного, и в несколько прыжков он настигнет желанную добычу, но тут кабан снова нырнул в чащу.

Раз оба зверя вместе вышли на берег протока. Последним прыжком тигр выскочил из камыша, его лапы мягко ударились по тине, выстилавшей берег, и тут маленький табунок уток, кормившийся на поверхности протока, с тревожными криками сорвался с места. Кабан остановился, насторожил уши; подняв вверх влажный, черный нос, он понюхал ветер. Тигр замер, прижавшись к стене камыша, его черно-желтая полосатая шкура слилась с нею. Ветер дул на него, и кабан, не заметив ничего подозрительного, спокойно двинулся вперед. Ведь утки так часто пугаются в темноте; может быть, это пестрая сова скользнула над ними...

С плеском вода расступилась перед секачом проворно он переплыл проток и скрылся в камыше на другом берегу. Тогда тигр последовал за ним, но напрасно пробовал он, в свою очередь, прорваться сквозь стену камыша: он был здесь так густ, что стебли сошлись почти вплотную и не пускали его дальше. Но ведь кабан прошел здесь? В одно мгновение тигр очутился на том месте, где исчез секач, — низкое, темное отверстие, словно выход норы, открылось перед ним. Годами ходили кабаны этой тропинкой и своими крепкими боками раздвигали здесь камыш; он так и остался стоять, открыв посреди себя узкий проход. Из этой лазейки несло сыростью и гнилью и запахом кабанов; тигр в ней не мог бы повернуться, биться было неудобно, но впереди он слышал шлепанье копыт секача. Полный увлечения охотой хищник вслед за своей добычей нырнул в заросль. Глубокая тьма охватила его.

На несколько минут звери скрылись из вида — только легкое колебание верхушек камышин указывало, где теперь преследуемый и преследователь. Кабан первый вышел на берег.

Здесь уже кончались заросли камышей и начинался пояс вязкой глинистой почвы, поросшей кындыркой, этим странным растением, кусты которого состоят из множества длинных зеленых игл, выходящих из короткого толстого стебля; они топорщатся во все стороны, словно иглы дикобраза — да и в самом деле, эти растения напоминают огромных зеленых ежей. Между ними лежали большие неглубокие лужи; дальше шла степь, в ней аулы и поля.

Здесь уже можно было наткнуться на засаду, и секач стал осторожнее. Несколько раз он обнюхивал ветер, прислушивался — степь молчала. Сквозь серый полумрак белесыми полосами виднелись озера; черными пятнами рисовалась кындырка.

Но тигр, который был уже близко, не показывался. Мягко ступая огромными лапами, где между упругими подушечками скрывались стальные когти, он теперь неуклонно и медленно, словно сама смерть, приближался к своей жертве. Расстояние, которое прежде было больше ста шагов, уменьшилось до пятидесяти... Когда оно дойдет до двадцати пяти, в три, четыре молниеносных прыжка хищник настигнет добычу, — последний скачок на спину, удар лапой по зашейку, — удар, под которым дробятся кости, полуторавершковые клыки в шею, — и все кончено.

Но ветер падает. Уже последние замирающие вздохи морского бриза налетают на взморье; минута затишья, и первый порыв берегового ветра тихо шелестит в верхушках камыша.

И вместе с ним незнакомый, резкий запах коснулся ноздрей кабана — изменившийся ветер нанес на него запах тигра. Секач не узнал его. Смутно в его мозгу шевельнулось воспоминание еще первой осени его жизни, воспоминание о какой-то страшной опасности, ужасе, леденящем кровь в жилах. Неясно мелькнула картина какого-то полосатого тела, под которым бьется один из его братьев... кровь... бегство... Но ряд побед совсем затушевывал воспоминания о страхе, который когда-то мог испытывать отважный секач. И теперь он не испугался. Он вспомнил только древнее правило дикой жизни: “Бойся незнакомца! Незнакомец — почти всегда враг”, и мысль о какой-то грозившей ему опасности, о новом враге, с которым еще не приходилось сражаться, зажгла тусклые огоньки в маленьких глазках секача. Щетина поднялась на его загривке, губы сморщились и открыли кривые и острые, как ножи, клыки. Подняв морду вверх, кабан стоял и жадно впивал в себя ветер, напоенный этим странным, угрожающим запахом.

Но бриз, поднимаясь, всегда едва дышит, — порыв прошумел и стих. И в наступившей тишине новый запах растворился среди сотни знакомых и исчез. Тогда секач успокоился; он

опустил морду и мелкой рысцой побежал дальше. Однако смутное раздражение все еще не замирало в нем; бесшумно переступая черными копытами, он все время чутко прислушивался.

Глухое бешенство охватило тигра, когда он увидел, что кабан вдруг очутился у него под ветром и заметил его присутствие. Но он был слишком хорошим охотником, чтобы прямо продолжать преследование: он сделал большой крут назад, сам зашел под ветер к кабану и только тогда ринулся догонять его. Секач тоже может бежать скоро; нападая, короткие расстояния он пролетает прямо невероятно быстро для такого на вид неуклюжего, тяжелого зверя, — но ему все-таки не сравниться с тигром. Низко припав к земле, вытянув хвост, хищник, как желтая змея, скользил между кустов кындырки, и ветер говорил ему, что добыча близится и близится. Охотничья горячка так захватила этого еще молодого зверя, что в пылу преследования он стал забывать об осторожности — то его лапа с громким плеском погружалась в холодную лужу, то камышина трескалась под ней, и уже не раз пугливые табунки уток и нырков с громким шумом крыльев срывались перед ним. Но ветер, раз выдавший кабану следовавшего за ним тигра, теперь равнодушно относил в море эти предостерегающие звуки; только крики птиц доносились до секача, и опытный шепнул ему на ухо: “Кто-то идет за тобой”...

Вот впереди, шагах в сорока, на фоне светлой лужи, мелькнул силуэт кабана. Тигр, вспомнив об осторожности, бесшумно скользнул в сторону, словно легкая тень, пробежал вперед, перегнал секача и залег на его дороге. Теперь кабан не мог уже миновать засады.

Минута — и между зверями остались только роковые двадцать пять шагов. Тигр сжался в комок, и вдруг стальные мышцы его разом напряглись, и, словно подброшенный пружиной, он взлетел на воздух. Первый прыжок его покрыл десять шагов. Мгновение — и во второй раз он распластался над кындыркой...

Но осторожный и рассерженный секач невольно ждал нападения. Едва шум, с которым тигр коснулся земли после первого прыжка, коснулся его настороженных ушей, он бросился вперед, разом остановился, врезавшись копытами в грязь, круто повернулся и сам ринулся навстречу неизвестному врагу. Безумная отвага!.. Секач не знал, не видел того, кто дерзко преследовал его, но и теперь, когда перед ним очутился тигр, присевший для последнего, третьего прыжка, страх ни на мгновение не задержал его стремительного налета. Слово остроконечный камень, брошенный катапультий, он ринулся на тигра. Поздно! Хищник уже прыгнул. Бойцы встретились на полдороге. Клыки кабана прорезали воздух, но и тигр промахнулся. Когти его передних лап впились в бедра задних ног кабана, голова очутилась над его хвостом, и, что хуже всего, задние лапы скользнули по крепкой глиняной скорлупе, покрывавшей бока кабана; еле удержавшись на месте, тигр грузно упал на хребет секача.

Одинец присел от страшной тяжести, навалившейся на него, но тотчас оправился. Непривычный наездник взбесил его; необузданный, полный сознания своей силы и достоинства, теперь он пришел в ярость. Но у него не было достаточно ловкости, чтобы сбросить со своей спины ужасного всадника, и невольно он метнулся в камыши, где было его царство, где каждая битва кончалась его победой.

Ближний остров был недалеко. С грохотом врезался кабан со своей ношей в гущину стеблей, бешенство, красным туманом застилавшее глаза, дало ему небывалые силы. И камыши стали на его сторону: словно тысячи маленьких рук, цеплялись упругие стебли за тигра и тащили его прочь со спины секача. Еще никогда не приходилось огромной кошке бывать в таком положении; она растерялась и, чтобы лучше держаться, вонзила зубы в спину кабана, но слабо, нерешительно. Новая боль еще сильнее раздражила одиночку. Все ломая, давя и громя на пути, он понесся среди заросли.

Есть места, где камыш, выросший слишком высоким, под ветром гнется и падает ряд за рядом. Тут образуются площадки, выстланные слоем стеблей, скользкие и неудобные для ходьбы: нога порой проваливается и глубоко уходит в тину. На такую прогалину вылетел, наконец, разъяренный секач.

Раздвоенные копыта его разошлись и мгновение поддерживали его на этой предательской почве, но затем вдруг он разом провалился обеими передними ногами. От резкой остановки тигр сорвался и, перекувырнувшись через голову, откатился к краю полянки.

В одно и то же мгновение оба зверя стали на ноги. Секач, тяжело поводя боками, расставив упругие ноги, наклонил морду; бешено храпя и фыркая, он яростно стучал клыками.

Тигр прилег и, положив голову на передние лапы, в упор глядел на кабана холодными, расширенными ночью зрачками. Кривые когти на его лапах то показывались, то скрывались, мышцы, словно волны, переливались под кожей, кольчатый хвост извивался, как змея, громко хлопая по камышу. Тигр готовился к прыжку.

А безлунная ночь тихо накрывала бойцов серым, тусклым полумраком.

Угадывая намерение врага, секач бросился первым. Тигр хотел ответить прыжком, но его задние лапы скользнули по камышу, и вместо того чтобы взлететь на воздух, он растянулся и покатился по земле. Грозой налетел на него секач. Вцепившись в камыш когтями, хищник в последний миг успел проташить немного вперед свое длинное туловище, чтобы спасти бок от удара, и тут жгучая боль в задней лапе заставила его бешено рывкнуть. Секач ударил; его левый клык по корень вонзился в тело тигра. Могучий поворот головы вверх и назад, и длинная рана — сквозь все мышцы до кости — открылась и заструилась широкой полосой крови.

Но бешенство боя охватило зверей. Кабан, не зная, как сильно ранен его враг, и опасаясь нападения сзади, быстро повернулся; тигр ждал его. Он не мог больше хорошо прыгать, он почувал, что теперь битва идет для него не ради добычи, но ради самой жизни, и безумный гнев за неудачу овладел им. Он собрал весь запас сил, его движения стали коротки, точны и отрывисты, свою кошачью ловкость он противопоставил дикой силе кабана.

И поединок начался снова. Налеты кабана были прямы и стремительны, тигр короткими прыжками ускользал от них. Задачей секача было вонзить клык в бок тигра, задачей тигра — вспрыгнуть кабану на спину. Уж раз, и два, и три встречались враги на середине полянки, но неудача преследовала секача — его клыки бесполезно резали воздух, а тигр, увернувшись от нападения, становился рядом с ним и успевал нанести удар передней лапой. Под этими ударами трескалась и отлетала кусками глиняная скорлупа, и железные когти длинными полосами бороздили кожу. Толстый слой жира спасал до сих пор кабана: как ни глубоко, врезались когти тигра, но ни одна важная мышца не была еще разорвана. Кровь частыми струйками бежала по бокам секача, незаметно стали подкрадываться слабость и утомление. Казалось, победа клонилась на сторону тигра; но потеря крови, лившейся из глубокой раны, ослабляла и его, а поврежденная лапа отказывалась служить. Кто же раньше устанет?..

Как копье, брошенное сильной, но уже усталой рукой, мелькнул кабан мимо тигра, и новый удар обрушился на его израненный бок. Удар более слабый, чем раньше, но секач пошатнулся от него.

И этот признак грозящего поражения впервые после долгих лет наполнил его холодным ужасом смерти. Мелькнула мысль о бегстве, но тотчас исчезла. Старый боец не уступит! Бешеная ярость сменила страх; дикое стремление биться, биться до смерти, охватило храброго зверя, и, на минуту снова бодрый и сильный, он нанес следующий удар. Опять промахнулся. Но затем, повернувшись с небывалым проворством, он с такой быстротой ринулся на тигра, что тот не успел увернуться. Звери столкнулись; от удара тигр опрокинулся на спину, и это спасло его от клыка, но, отброшенный к краю полянки, он очутился между стеной камыша и секачом. Мгновенно перекинувшись, хищник стал на ноги, хотел перевернуться лицом к врагу... Не медля ни мгновения, кабан бросился на упавшего противника, налетел на него и, низко опустив морду, поймал его на клык. Опять тот же мощный поворот головы вверх и назад, и новая рана — смертельная — вскрыла живот тигра. Но кошки живучи. Передними лапами тигр обхватил спину секача, впустил в нее зубы и, впившись словно пиявка, замер в этом прощальном объятии.

Кабан рванулся вперед, опять сквозь камыши, таща за собою тигра. Сотня шагов, и широкий проток загородил ему дорогу. Не помня себя, он бросился в воду. Дно исчезло под его ногами, и он поплыл, но тяжесть висевшего на нем тигра топила его. Вода заливала ноздри, уже раз оба зверя совсем скрылись под поверхностью протока, и, напрягая последние силы, задыхаясь, кабан еле успел вынырнуть, чтобы вдохнуть воздух и залитыми своей и чужой кровью глазами увидеть недалеко полосу камышей и перед нею отмель. Потом он опять скрылся под водой. Тигр вытащил зубы из его спины, но не выпускал его.

Странное равнодушие овладело секачом. Изнемогая от усталости, он из последних сил шевелил ногами, поднимался на поверхность, снова тонул, все еще таща вцепившегося в него тигра, но безразличие к жизни и смерти все более и более покоряло его — он боролся слабее и

слабее.

Но вдруг копыто его чего-то коснулось... Берег! Жажда жизни вспыхнула снова; рванувшись, секач выбежал на отмель, и тут тигр, словно пиявка, досыта насосавшись крови, отвалился от него. Кабан снова был свободен.

И опять бойцы стали лицом к лицу. Тигр умирал, но ярость и отчаяние были по-прежнему живы в нем. Привстав на передних лапах, он оскалил зубы, прижал уши, его белые усы стали дыбом. Он поднял лапу и несколько петель кишок, словно куча беловатых, перепутанных змей, выскользнули из раны. Сильнейший из хищников, он был поражен насмерть, но не побежден.

Секач, пошатываясь, стоял перед ним. Страшное утомление овладело им, но поднятая лапа тигра снова звала в битву. И опять слабо заискрились желание и опьянение боя, и смелый, необузданный зверь принял последний вызов. Медленно и тяжело он подбежал теперь прямо к тигру, позабыв даже постараться зайти немного в бок, и наклонил голову. Казалось, он шел, чтобы покорно принять последний удар. Но едва клык слабо черкнул по груди тигра, как тот опустил занесенную лапу на затылок кабана, и от этого удара, в который умирающий зверь вложил всю свою ярость, все мщение, весь остаток быстро убегających сил, секач покачнулся и тяжело упал на бок. На миг вспыхнули перед глазами его ослепительные красные огни, и вдруг сразу погасли... навсегда. А тигр, упав на него, слабеющими лапами рвал его тело, грыз его шею, пока вместе с последними каплями крови не погасли и злоба, и поздняя радость победы.

Далеко под ветром заплакал шакал, отозвался другой, третий. Прошло несколько минут, и голоса их зазвучали ближе.

Бесформенной кучей лежали бойцы на отмели; кровь черным пятном расплылась вокруг них на песке. Тигр был еще жив; его лапы слабо вздрагивали, но открытые глаза уже остеклянились и мутным, мертвым взглядом глядели на темное небо. Серая безлунная ночь тихо шла над камышами; береговой бриз нежно вздыхал среди его верхушек, и, как черное зеркало, лежал успокоившийся проток.

Уже близко перекликались шакалы. Их кольцо все суживалось и суживалось. Эти трусливые ночные воришки издали чувствуют кровь и падаль...

[1] Дикий кабан.

Ф. Марз

КРЫСА И НЕИЗВЕСТНЫЙ

Крыса медленно пробиралась краем канавы, прокопанной из фруктового сада в лес. Шла она, — как полагается грызунам, — слегка вприпрыжку. В своем роде она была образцовым и единственным экземпляром, — огромная, желто-бурая, усатая, — потому что жила она в деревенской усадьбе, так хорошо содержимой и охраняемой хозяевами, что из всего прежнего населения разных человеческих “захребетников” гонения выдержала только эта самая крыса да старый-престарый хорек. Добычи всякого рода в усадьбе и кругом нее было сколько угодно, но все-таки это было прескверное место для паразитов, не обладавших такой хитростью и изворотливостью, как крыса и ее старый приятель, хорек.

Шла она, шла краем канавы и вдруг стала как вкопанная. Впереди, не больше, чем в трех-четырех метрах, на самом виду, под ясным холодным светом месяца, скорчившись, сидела какая-то фигура. Кролик!.. И можно бы подумать, что живой, если бы круглая, глупая голова не была так беспомощно свешена... Гм... Это не хорькова работа: он здесь не охотится! Кто же это, однако, прикончил этого простака?

Крыса стала прокрадываться вперед, обшаривая окружающий сумрак своими вороватыми глазами, в ожидании сама не зная чего или кого. Никто не появлялся, но вдоль по канаве пронесся порыв легкого ветерка, и со стороны кролика повеяло запахом... Крыса мгновенно поднялась на задние лапы, вытянула передние и сердито проворчала что-то вроде, должно быть, ругательства; шерсть вдоль всей спины ее поднялась дыбом... Запах был ей совершенно неизвестен; больше того, — он был необыкновенно отвратителен... А она, даже для крысы, обладала удивительным знанием запахов...

Умей она говорить, она могла бы, думается, перечислить несколько сотен разных запахов; этот, однако, поразил ее, — необъяснимый, неведомый и... угрожающий!.. Кстати, ничто так не устрашает диких животных, как неизвестное.

Затем произошло нечто в высшей степени удивительное и необычайное... Над крысой, у самого низа плетня, стоявшего на валу канавы, вдруг послышалось шуршание. Там было темно как в могиле; но, кинув туда быстрый взгляд, крыса сейчас же заметила выдвигавшийся оттуда ком сухих листьев... И — в том-то и диво — этот ком шел!

Конечно, надо полагать, ни одной крысе не приходилось еще встречаться с таким таинственным и невиданным явлением, как круглый ком листьев, идущий на ножках. Немудрено, что наша грызунья присела и затряслась от страха.

Но дело этим не кончилось; ужасное привидение, выйдя на край вала, вдруг стало безногим и покатилося вниз, прямо на крысу... Ком легких сухих листьев, понятно, покатилося бы медленно; этот же несся вниз быстро, как нечто тяжелое, и налетел на изумленного зверька, взвизгнувшего и запищавшего совсем по-пороссячи. Завизжала крыса, впрочем, не только от страха, — неведомое создание оказалось ужасно колючим. Точно оно состояло не только из листьев, но и из обломанных концов веток и даже из чего-то хуже, гораздо хуже!..

А когда в довершение всего странное существо это вдруг высунуло ноги и заходило кругом, похрюкивая, и когда от него разнесся тот же мерзкий запах, который чувствовался вокруг мертвого кролика, — последние остатки храбрости исчезли из сердца крысы, и она как полоумная кинулась бежать в темноту очертя голову.

Только через три ночи после этого собралась она с духом, чтобы пойти поохотиться вдоль канавы. Теперь, однако, она шла другой дорогой, — по верху плетня, где, между оставленными сухими ветвями, можно было попасть и на птичье гнездо. А крыса была большой любительницей яиц.

Она решила напасть на гнездо куропатки, помещавшееся на земле, под этим самым плетнем и в этих самых местах. Приметила она это гнездо еще с неделю назад; тогда оно было еще пустое, но теперь, должно быть, уже куропатки нанесли в нем яиц. Крыса спустилась с плетня, разыскала место и, подойдя к гнезду, с нахальной развязностью, смело сунулась в него.

Но тут же она кувыркнулась назад вверх ногами и покатилась в канаву, потом, вскочив, пустилась бежать без оглядки. Крыса была не трусливого десятка, — крысу в чем в чем, а в трусливости упрекнуть нельзя, — но когда ожидаешь найти в гнезде яйца или в худшем случае хоть беспомощную куропатку, а вместо того вдруг выпрыгнет этот вонючий ком листьев с колючками и чуть не отхватит тебе носа, — извинительно растеряться.

Метрах в двадцати от гнезда, несясь вдоль плетня во всю прыть, крыса налетела на какую-то фигуру, сидевшую скорчившись около кочки. При столкновении фигура эта качнулась, упала на бок да так и осталась лежать неподвижно и тихо...

Крыса с перепуга подпрыгнула высоко-высоко вверх и одним скачком перенеслась на край канавы, где и сообразила, что фигура похожа на мертвого кролика... Остановилась, взгляделась... И правда, еще мертвый кролик! В этом не было, впрочем, ничего стоящего особенного внимания, если б на животе этого кролика не оказалось большой круглой дыры, через которую вся его внутренность была, очевидно, вытащена и, должно быть, кем-нибудь съедена. Крысе приходилось на своем веку видеть немало кроликов, умерших от разных

причин, — убитых человеком, зверем, птицею, змеею, — каждым на свой лад... Но этот способ убийства был для нее нов.

Перед рассветом, однако, крыса успокоилась и утешилась, найдя гнездо, а в нем куропатку, сидевшую на яйцах. Несчастливая наседка, захваченная врасплох, была, конечно, сейчас же загрызена. Позавтракавши теплыми яйцами, крыса поволокла труп куропатки в свою нору, — в одну из многих своих нор, оказавшуюся как раз близко, под рукою.

Даже после смерти эта куропатка оказалась ужасной упрямницей: она застряла во входе в нору и — ни взад, ни вперед, — так что пришлось ее там и оставить, а войти в нору через другой, запасный вход.

Вечером этого самого дня, только что село солнце, крыса вдруг проснулась и одним прыжком вскочила на ноги... Какие-то странные, опасные звуки у ее “парадного” входа!.. Должно быть, это гость, которому что-то мешает вломиться... Крыса села на задние лапы, готовая и сражаться и бежать, насторожив уши; ее вороватые глаза сверкали в темноте, как светляки... А между тем шум у входа все продолжался, отдаваясь глухими отзвуками вдоль коридора... Крыса даже взвизгнула: так захотелось ей узнать, что это там за гость такой!

Потом ей вспомнилось, что ведь там, во входе, осталась куропатка, запихнутая туда, как пробка в бутылочное горлышко... А! Значит, кто-нибудь старается ее вытащить! Да уж, смотри, пожалуй, и вытащил!.. И уходит теперь с добычей!.. Это до крайности взволновало крысу, и она кинулась к выходу.

Там никого не оказалось... Гость уже удалился, унеся куропатку на память о своем посещении; но оставил и визитную карточку — свой запах!.. Тот самый запах, каким несло от комка колючих листьев, который выходил из гнезда куропатки, который чувствовался вблизи двух мертвых кроликов... Именно так (и особенно даже сильно) пахло от наполовину съеденной змеи-гадюки, которую крыса нашла на своем пути две ночи тому назад...

Крыса села у своего, так сказать, порога и, пригладивши усы — нельзя же утром не “сделать туалета”, — почесала передней лапой ухо со всех его сторон... Сегодня ночью она собралась было в хороший набег, чтоб попировать властью; так попировать, как ей не приходилось пировать уже целые месяцы... Знала она одну дуру, наседку с цыплятами, которая выдумала оставаться на ночь в саду, в густых кустах, как ее ни искали и ни звали в безопасную избу птичницы... А в сад, несмотря на каменную ограду, пробраться немудрено тому, кто хитер и ловок... Так-то!.. А потом пусть люди там, в усадьбе, злятся и охотятся на тех двух серых крыс, которые на днях явились неведомо откуда и поселились под амбаром!.. О ней-то, о бурой крысе, в ее норах за оградой усадьбы, — людям и невдомек!..

Ночь окутывала все словно черным бархатом.

Крыса переждала начало ночи, чтобы дать время сычам из усадьбы и совам улететь в лес на их первую охоту... Во мраке до нее достиг жалобный, тонкий писк кролика, — это значит, что ее старый приятель хорек живет еще, чтобы охотиться и ненавидеть людей...

Потом кролики забегали и запрыгали в разных местах с мягким, таинственным шумом среди тьмы; землеройки тихо пищали, невидимые под слоем прошлогодней листвы, петух-фазан с треском взвился вверх из чащи кустов, чем-то потревоженный...

Крыса двинулась по давно исследованному пути в давно обдуманый набег. Сперва по кроличьей тропе, потом в кроличью нору, прокопанную под фундаментом ограды... Потом перед доской, положенной через сухую канаву, она сразу остановилась, почесала себе ухо задней ногой — это тоже было в ее привычках — и старательно обошла доску, переправившись через канаву без помощи моста, бродом, так сказать. Этот обходный маневр был вызван капканом, настороженным на доске-мосту. Но как догадалась крыса о присутствии там и о зловредности этого орудия, — остается и до сих пор в точности неизвестным: может быть, ее натопорщенные усы помогли ей как-нибудь в этом?

Пробираясь с хитрыми уловками кругом сада краем канавы, — вся напряженная и настороженная против появления человека, света, собаки, капкана или еще чего-нибудь из десятка опасностей, которые могли вот-вот накрыть ее и мгновенно превратить в труп, — крыса вдруг натолкнулась на что-то такое, заставившее ее остановиться, сесть и почесать за ухом.

Это был след неизвестного, след, пахнувший ненавистным врагом... Она решительно двинулась дальше, — и запах шел вместе с нею... Да ведь он ведет в те самые кусты, где курица

с цыплятами!..

Крыса остановилась неподвижно, тихо, словно каменная, и только что взошедший месяц робко выглянул на нее из-за верхушки дальнего холма... Медленно, медленно поднималась шерсть вдоль спины и затылка крысы... Она была — боец, первый сорвиголова даже среди самых отчаянных, крыса-одинец, — как бывают злобные одинцы из кабанов и слонов; немногие крысы посмели бы схватиться с нею один на один... И кровожадная жестокость, из-за которой ей пришлось стать “одином”, изгнанницей из среды родичей, вдруг вспыхнула в ее выпуклых, хитрых глазах.

Эта неведомая штука, гадостная бестия, обрядившаяся в сухие листья, вырвала у нее ее добычу?.. Ладно! Так зато и сама будет ее добычей!.. По-видимому, из сердца крысы исчез всякий страх, поглощенный бешенством...

Она стремительно бросилась к гнезду курицы, — ямке в пыли под кустами... Наседки нет; только пара еще теплых цыплят с свежими ранами от укусов под крылом у каждого... Назад, и в погоню! След только что проложен: запах сильный! По следу, как гончая собака, крыса доскакала до ручейка и стремительно пустилась вдоль берега. Видимо, преследуемый искал моста, желая перейти на ту сторону.

Еще минута, — и впереди показался знакомый ком листьев, резво катившийся вдоль берегового обрыва... В глухой тиши ночи он, должно быть, слышал быстрый топот погони, потому что вдруг остановился, словно убитый, на месте, и, когда крыса подбежала к нему, — оказался шаром.

Это был не более, не менее, как крупный еж, на острия колючек которого накололись сухие опавшие листья. Уже несколько лет тому назад все ежи вокруг усадьбы были истреблены ее хозяевами; этот, должно быть, явился сюда недавно из более безопасных для охоты мест.

Можно думать, что не иначе, как ее длинные, торчащие вперед и в стороны усы остерегли крысу от азартного нападения на этот колючий шар с помощью зубов, потому что она лишь несколько раз обежала вокруг него, крайне удивленная полным отсутствием у него головы и ног, и осмелилась — на что, пожалуй, не пошло бы другое животное — слегка толкнуть его своими передними лапами, похожими на человеческие руки.

Тут пришел ей на помощь случай: еж лежал на самом краю берегового обрыва, и не успела еще крыса сообразить, что такое происходит, как от ее слабого толчка еж перекатился через край обрыва и плюхнулся в ручей.

Через мгновение шар развернулся, вытянулся и поплыл... Быстро, как молния, за первым всплеском воды раздался второй. Это прыгнула в ручей крыса, нырнула, — и вдруг еж пронзительно завизжал... Крыса добралась до его незащищенной колючками шеи и впила в нее своими сильными, острыми зубами, — как раз там, где у всех животных проходит сонная артерия...

Отчаянное барахтанье в воде; странный крик боли, — не то хрюканье, не то визг; захлебывающееся хрипение и... тишина.

Крыса медленно доплыла до берега и вылезла на обрыв, покрытый росистой травой. Из боя она вышла невредимой, если не считать небольшую, но все же жгучую царапину на боку, по которому еж царапнул-таки когтями... Она приостановилась и поглядела на тихо покачиваемый и поворачиваемый водою ком листьев, уплывавший вниз по течению ручья. С неизвестным ей встречаться больше не придется: опасный соперник был мертв...

Затем крыса поскребла лапой за ухом и отправилась дальше по своим разбойничьим делам.

Ф. Марз

КОТ РОБИНЗОН

Он чувствовал, что вода наполняет его уши, чувствовал страшный шум в голове и во рту отвратительный вкус. Потом что-то ударило его, и с инстинктом, свойственным его породе, он схватился за это “что-то” всеми своими когтями.

Раздался крик, треск, что-то взлетело к лунному небу, — и он остался один на лоне взволнованных вод. Он и стул, за который он отчаянно цеплялся.

Через некоторое время он вскарабкался выше и сел верхом на плясавший стул, а луна, выглянувшая на миг из-за облачной дымки, ярко осветила кота с плоской головой, прижатыми ушами и зелеными-презелеными глазами, злобно сверкавшими во мраке.

Пароход, его пароход, на котором он жил и где по-свойски расправлялся с крысами, — этот пароход исчез в несколько минут так бесследно, точно никогда его и не было.

Каким образом, почему? Этими вопросами кот не интересовался. Выражая свирепым ворчанием свое неудовольствие он напряженно прислушивался в то же время к слабому скрипу весел в уключинах, удалявшемуся в ночи, да, удалявшемуся, а не приближавшемуся.

На мгновение им овладела дикая мысль бросить все и плыть в ту сторону, откуда шел этот звук. Но врожденная осторожность кошачьей породы удержала его от этого безумного шага.

И он остался; он сидел, тесно прижавшись к деревянным ножкам стула и фыркая на соленую воду, брызги которой попадали ему в глаза.

Он мог и умел ждать с тем изумительным кошачьим, превосходящим всякое воображение терпением, которое всосал с молоком матери.

Внезапно стул перестал плясать, подскочил, закачался из стороны в сторону, дернулся вперед и сел на мель с таким толчком, что кота подбросило высоко в воздух, и он птицей перелетел далеко на берег.

Как он упал, так и лежал, не шевелясь, распластавшись на песке и ожидая, в каком новом образе смерть налетит на него из мрака ночи.

Следующая волна едва-едва докатилась до него, но он все же отполз подальше, отряхивая лапы со всей своей природной ненавистью к воде, словно сам давным-давно не промок насквозь.

Потом кот ощупал себя, чтобы убедиться, целы ли все кости, и сгинул, исчез, испарился как дым.

Но он ушел недалеко. Первая ямка повыше на берегу, под кустиком остролистой травы, послужила ему убежищем. Там, укрытый от гадкого ветра, он свернулся клубком и стал ждать рассвета, то чутко дремля, то стараясь очистить свой мех от приставшего к нему смолистого вещества.

Рассвет наступил наконец, и наш кот — великолепный полосатый Робинзон — отправился вверх по берегу исследовать местность, куда его закинуло кораблекрушение.

Он нашел песок и колючую траву, песок и камни, песок и ветер. Больше ничего. В ложбинах между холмами он ничего не видел, кроме быстро несущихся по небу серых туч. А на гребнях холмов он вообще ничего не мог видеть из-за туч песка. Песок засыпал ему глаза,

забирался в рот и прилипал к его меху, еще не вполне освободившемуся от смолистого вещества, которое, вероятно, попало в воду с тонущего парохода.

Он тихо ворчал, стараясь очиститься.

Наконец песчаные холмы кончились. За ними начиналось болото, мокрое и пустынное.

Кот Робинзон внимательно поглядел вперед через болото — вода, больше ничего. Он повернулся и посмотрел на восток, и там он увидел мерцающий блеск воды под лучами восходящего солнца. Тогда он посмотрел на запад, где на горизонте последние тени ночи убегали от победоносного дневного света. Но и там он не увидел ничего утешительного.

Он был, очевидно, на острове, ему не от кого было ждать помощи и не на кого было надеяться, кроме как на самого себя.

Покончив с обзором, кот Робинзон медленно пошел на восток вдоль края болота, пока не дошел до маленькой бухты, окаймленной мягким мокрым песком и населенной только одним кроликом, который немедленно обратился в бегство.

На кролика кот не обратил внимания. Но зато большой деревянный сарай на берегу сразу заинтересовал его, и к этому сараю он поспешил.

Рядом с сараем лежала большая лодка, перевернутая вверх дном и прикрытая брезентом. Самый же сарай был крыт крышей из оцинкованного железа, а стены отличались той солидностью, которая характеризует казенные и железнодорожные постройки.

Это был действительно таможенный пост, наблюдательная станция. Но нюх безошибочно сказал коту, что уже очень давно здесь не было ни одного человека.

Он решил обойти сарай кругом, но едва обогнул первый угол, как что-то заставило его остановиться и “застыть”, застыть так моментально, словно его оглушило молнией.

Прямо перед собой он увидел пару других кошачьих глаз. Эти глаза принадлежали кошке, которая шла навстречу. Обе кошки чуть не наскочили друг на друга и обе фыркнули и окаменели одновременно. Можно было подумать, что они решили больше не двигаться с места. Молчание между ними стало напряженным, как туго натянутый канат. А раздражающие крики чаек наверху да тихий непрерывный рокот моря еще более подчеркивали эту напряженную тишину.

Ни кот, ни кошка не знали, зачем они явились сюда. Но в глазах кошки был какой-то странный огонек, который не понравился потерпевшему крушение Робинзону. Поэтому, когда она выпустила когти и дважды покусилась ими оцарапать его морду, он только стремительно откинул голову на миллиметр, чтобы показать, что он на чеку и не зевает. А когда она без всякой видимой причины вдруг прыгнула на него, злобно ворча, он оказался на метр дальше — только и всего.

Это произошло три раза, и все три раза Робинзон менял место так стремительно, точно вовсе и не двигался с места. Можно было подумать, что он не живой кот. И его мертвое молчание еще усиливало это впечатление.

Разумеется, будь перед ним кот, а не кошка, события приняли бы иной оборот. От кота он не потерпел бы без сдачи такой обиды. Но перед ним была представительница прекрасного пола, и он ограничился пассивной самозащитой.

После трех неудачных атак кошка убежала, опустив нос к самой земле, точно разнюхивая и отыскивая что-то.

В продолжение следующего часа кот Робинзон несколько раз видел ее; она продолжала деловито обнюхивать землю, словно обреченная вечно искать что-то.

К этому времени он почувствовал голод и мучительную жажду. Он рыскал по острову, стараясь найти воду, но напрасно. Он всегда возвращался через некоторое время к сараю и каждый раз находил там кошку. Это место было легко найти благодаря большому флюгеру, который без усталости вертелся на своем шпиге и скрипел глухо и заунывно.

Вдруг кот так же, как и кошка, беспокойно забегал с места на место, лихорадочно разнюхивая то тут, то там. Он постепенно возвращался к одной определенной стене сарая.

Оба они, кот и кошка, вероятно, чуяли воду; но его нюх был гораздо тоньше, чем ее, и он знал, что вода не снаружи, а внутри сарая.

В конце концов Робинзон попробовал вскарабкаться на стену. Потом попробовал прыгнуть на нее. Еще раз, еще раз. Все было напрасно. Всякий раз он падал обратно на землю, и

только слышно было, как когти царапали гладкую стену.

Утомленный этими напрасными усилиями и терзаемый жаждой, он провел ночь как в кошмаре, среди дикого воя ветра, рева волн и безумных криков страшной кошки, которая бродила как помешанная по пустынному берегу этого забытого островка.

Кот Робинзон ворчал на нее, прикорнув в ямке среди травы, где он был защищен от ветра; в конце концов он задремал, довольный тем, что кошка, очевидно, не знает в точности, где он находится.

Обыкновенных кошек, ведущих себя, как подобает добропорядочным представительницам кошачьей породы, он понимал и умел с ними обращаться. Эту же сумасшедшую, с глазами, каких он никогда в жизни не видал, он не понимал и горячо желал никогда ее не увидеть. Кто знает, на что способна кошка с такими глазами? Откуда она явилась и зачем она здесь? Этими вопросами он не задавался, — достаточно было самого факта.

День занялся туманный, все с тем же неистовым ветром, который, по-видимому, постоянно дул здесь, но без дождя, в случае которого немного дождевой воды могло бы скопиться на брезенте, покрывавшем лодку, которая лежала на берегу возле сарая. Тогда кот мог бы утолить свою мучительную жажду. Вероятно, таким способом черная кошка поддерживала до сего времени жизнь в своем теле на этом безводном острове.

Но дождя рассвет не принес с собой, он принес только разноголосый гам птиц, наполнивших воздух своими мелодичными и немелодичными нотами.

Выглянув из своей ямки, кот увидел множество длинноногих пернатых, прогуливавшихся по мелкой воде у берега или толпившихся стаями на берегу.

В другое время это зрелище заставило бы его сердце радостно забиться. Но теперь его слишком мучила жажда, чтобы он мог думать о чем-либо другом. Птицы совершали, вероятно, свой обычный перелет на юг.

Но кот этим не интересовался. Он знал только, что ему необходимо найти воду, чтобы утолить жажду.

В своем отчаянии — потому ли, что больше нечего было делать, или потому, что к этому его побуждала привычка всей жизни, — он опять отправился к единственному предмету на острове, связанному с представлением о людях, — к сараю. И опять начал обходить его кругом.

Это было, по-видимому, бесцельное странствование, несмотря на то, что накануне он явственно слышал там запах воды. Но на этот раз едва он один раз обошел сарай кругом, как заметил совершенно случайно нечто такое, что заставило его сердце сильно забиться.

В песке под одной из стен зияло отверстие. Это кролик, единственный кролик, оставшийся в живых, прорыл себе там узкий туннель в продолжение ночи.

В одно мгновение кот очутился у отверстия, яростно поводя носом. А еще через десять секунд его хвост понемногу стал исчезать в туннеле.

Проход был страшно тесный, и коту понадобилось добрых десять минут, чтобы пробраться через него, отчаянно работая когтями.

Но, наконец... наконец, он стоял в сарае и горящими зелеными глазами озирался царивший там полумрак.

Он был один, потому что кролик давно ушел тем же путем, каким пришел... Две лодки висели на блоках над его головой. Кругом валялись целые груды весел, мачт, спасательных шлюпок и других принадлежностей, от которых пахло дегтем.

Но что ему было до всего этого?

Воздух был полон запаха пресной воды, и он бросился искать ее, как терьер разыскивает крысу в риге.

И он нашел воду. Прежде всего чан, плотно прикрытый крышкой, в которой оставалось только небольшое отверстие для ковша. А затем доверху полный водоем, в который он чуть не свалился, торопясь скорее добраться до воды.

Он пил долго и жадно, с наслаждением, как пьют обыкновенно кошки; потом отошел, посидел несколько минут неподвижно, точно отдыхая, и опять стал пить. Но, наконец, жажда была окончательно утолена, и он мог произвести осмотр местности, добросовестно обнюхав все уголки и закоулки, как полагается добропорядочному коту.

К тому времени, когда он кончил обзор, он вдруг почувствовал, что находится в сарае не

один. И тут же услышал шум, заставивший его застыть в мертвой неподвижности, шум, производимый кошкой, которая, очевидно, пробиралась в сарай тем же ходом, что и он. Так как она была более тощей, то могла бы пробраться без особого труда. Однако ей почему-то приходилось хуже, чем ему. Он слышал, как она ворчала, фыркала, огрызалась, плевалась и даже... даже вскрикнула раз. Даже ребенок мог понять, что она не одна, или, чтобы быть точнее, что она отчаянно борется с кем-то, находящимся сзади нее, — дело довольно безнадежное в такой узкой дыре, где она не могла даже повернуться. Звуки, которые она издавала, заставляли думать, что она околет на месте, так и не протиснувшись через туннель.

Прижавшись к земле и наострив уши, кот бесшумно подошел ближе, пока не очутился почти у самого отверстия лазейки, заботясь о том, чтобы его не могли ни увидеть, ни услышать, хотя запах, разумеется, мог выдать его. Но с этим уж приходилось мириться.

Что происходит там, в дыре?

Он понимал, что кошка спешит к воде по его следу. Но кто является врагом, напавшим на нее с тыла?

Подобрав под себя сильные задние лапы, он прижал к голове уши, выпустил когти и оскалил страшные желтые зубы, готовый к прыжку. Если предстоит сражение — пусть. Он готов. Он готов был напасть первый, если на то пошло, ибо он знал, что нападение врасплох — лучший способ борьбы.

Вот появилась, наконец, кошка. Или по крайней мере появилась ее голова с прижатыми ушами. Она казалась совершенно изнемогающей, но несмотря на это, она отчаянно старалась вылезть из дыры. Глубоко запуская когти в землю, она делала такие напряженные усилия, словно кто-то держал ее сзади и не пускал.

Неужели она так и не выберется? Неужели она умрет в этой дыре, заткнув ее, подобно тому, как пробка затыкает горлышко бутылки?

Поистине было страшно видеть ее отчаянную борьбу, когда сантиметр за сантиметром она стала понемногу вытаскивать свое туловище из прохода. И все это время кот сидел не шевелясь, напрягшись, как пружина, и только глаза его горели в темноте.

Наконец она вылезла, очутилась на полу сарая и перекатилась несколько раз, чтобы как можно скорее убраться от дыры. И почти в тот же миг, следом за ней, из дыры выскочило темное взъерошенное существо с глазами, горящими как угли, — самая крупная старая крыса, какую когда-либо видал наш кот.

Крыса не дала себе даже времени оглядеться и посмотреть, кто еще есть в этом тихом сарае, кроме кошки, на которую она напала, увидев, что она слаба и почти умирает от жажды. И эта крыса была не одна — за нею следовали другие.

Но кот не стал ждать, если даже и видел их. Быстрее, чем падает дверца захлопывающейся мышеловки, он прыгнул. И не промахнулся. Он был слишком опытным охотником, чтобы промахнуться. Когти глубоко вонзились в живое мясо, и исполинская крыса, прижатая к земле, подняла голову и испустила страшный протяжный писк, или вернее вопль.

Но она не только вопила, она вступила в борьбу, как умеет биться только матерая крыса-самец; а позади нее можно было видеть другие злобно сверкающие глаза — глаза ее товарок, спешивших на ее зов.

Это была страшная битва.

Кот знал инстинктивно, на что способны обезумевшие от жажды крысы, и, сколько исполинская крыса ни кусалась, ни царапалась, ни извивалась, он ни на мгновение не выпускал ее из когтей. Ее ярость и свирепость были поистине страшны. Она казалась бешеной. Она так извивалась, что казалось, вот-вот вырвется, пожертвовав той частью спины, которая была в лапах кошки. Она готова была вытерпеть всякую боль, лишь бы удалось перевернуться, подскочить и вцепиться зубами в горло врага.

И кот знал это. Вот почему он не выпускал крысу, все глубже и глубже вонзал в нее зубы, пока...

Пронзительный вопль, страшная судорога — и голова исполинской крысы повисла без сил, качаясь из стороны в сторону, а длинный хвост несколько раз ударил по полу.

С быстротой змеи кот выпустил приконченного противника и отскочил — как раз вовремя, чтобы встретить атаку еще двух крыс. Эти были маленькими по сравнению с первой,

но они совсем обезумели от мук жажды, которая для крыс является самым страшным бичом.

Быстро как молния мелькнула правая лапа кота, и ближайшая крыса покатилась по полу, скорченная и бездыханная. Следующую крысу кот встретил обеими лапами и зубами, и с ней тоже возиться не пришлось. Даже пикнуть она не успела, как уже лежала мертвой.

Еще одна крыса, пошедшая было в атаку, слишком поздно переменяла намерение и тоже была задушена в той позе, в какой попала под лапу кота.

После этого кот оказался вдруг один. Крысы все точно сгинули. Но когда он повернулся к водохранилищу, он увидел, что две крысы находятся в нем, беспомощно плавая кругом, а штук пять стоят снаружи. Когда он перевел взгляд на чан, глазам его представилась неожиданная картина: три крысы и черная кошка мирно утоляли жажду бок о бок.

К счастью для него, у кота хватило сообразительности подождать, пока крысы напьются вволю. Если бы он этого не сделал, то крысы скорее разорвали бы его на части, чем допустили бы стать между ними и водой. Выбора у них не было. Утолить свою жажду было для них вопросом жизни и смерти, и ради этого они пошли бы на что угодно. На то они и крысы.

Но когда они напились, вместо сражения произошла только дикая стремительная охота. Коту на этот раз помогала и кошка, а крысы, утолив свою жажду, не видели необходимости подвергать себя ненужному риску. Они обратились в бегство и мгновенно бесследно исчезли. Если бы не трупы их убитых товарок, можно было бы думать, что их никогда тут и не было.

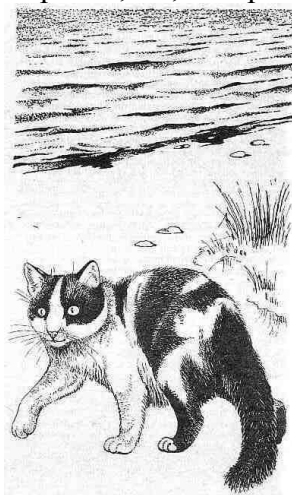
Матерый полосатый кот оглядел поле сражения. Многих крыс он знал на своем веку, но никогда не видал таких сумасшедших, а в особенности никогда не встречал такой, как та исполинская крыса, которая явилась первой. Это были, без сомнения крысы, спасшиеся, как и он, от кораблекрушения. Если они не околели от жажды, то только потому что на стеблях трав и в углублениях между камней находили достаточно влаги, собираемой по каплям, чтобы кое-как влачить существование.

И кошка делала, вероятно, то же самое. Если раньше шли дожди, то от них в ямках набиралось достаточно воды на некоторое время. Она тоже спаслась, вероятно, от кораблекрушения.

Но кошка куда-то исчезла.

Кот быстро оглянулся, опять насторожившись, готовый, если нужно, отразить ее враждебные действия. Но теперь в этом не было нужды. Страшное выражение в ее глазах исчезло вместе с жаждой. Теперь она ответила на его взгляд ясным, дружелюбным взглядом. А затем, подняв хвост трубой, подошла к нему, нежная и ласковая, и что-то замурлыкала.

Так они живут теперь вдвоем, кот и кошка, не считая четырех славных котят. И если вам когда-либо случится попасть на этот островок, вы, наверное, найдете их там.

А.Романовский

ЖЕЛТЫЙ ГЛАЗ

I

Золото вверху и золото внизу. Вверху - властный живой комок, брошенный в бирюзу, внизу - бархатное волнистое марево. Огненно дышит желто-голубая страна, зажата в клешню Амударьи и Сырдарьи. Жизнь ее цепко прижалась к водным

жилам и прожилкам, буйно, вмертвую она запутала их берега, на тысячи голосов радость свою возвестила.

От Нукуса до Шакал-Тугая всего пятнадцать километров. От бесчисленных рукавчиков, отводов и оросительных каналов все это дно мешка, образуемого дельтой Амударьи, промокло, отсырело. Лихо тут взметнулись из песков бамбукоподобные тростники, свирепо распушились елей колючих кустарников, а зеленые змеи лиан наглухо стянули непроницаемую душу дебрей. Человек здесь прокладывает себе дорогу-просеку топором и упорством. Он неустанно вплетает в дикие космы зарослей голубые ленты арыков, которые отвоюют ему у пустыни новые пастбища и бахчи. Кое-где, по краю борьбы, между холмиков и приютились аулы.

Уж много лет в этом углу, невдалеке от городка, люди боролись только за воду. Но вот однажды маленькие пастушата с воем ворвались в ближайший аул. Обезумев, они кричали:

- Желтый Глаз! Желтый Глаз!

Так прошла по окрестью первая весть о его приходе. Многие дни после того были омрачены борьбой человека со зверем. Но Желтый Глаз был неуловим. Он был тогда молод и радостен жизнью, которая упруго и трепетно наполняла его тело, туго затянутое в шкуру, опаленную солнцем. Его мышцы расправлялись как стальные пружины и бросали его на несколько метров вперед. Когда старшие родичи на одном из отдаленных приаральских озер заметили, что он стал не по праву забегать вперед, они прогнали его от себя. После недолгих скитаний Желтый Глаз и появился в Шакал-Тугае. Он беззаботно приблизился к человеку, еще не зная того, что такая дерзость не прощается. Тут-то, завидев однажды стадо баранов, он и ворвался в середину его, распугал, перебил, разметал. В его глазах кипело солнце его страны. Здесь он впервые и увидел этих двуногих, которые с визгом трусливо убежали от него. На этот раз он только в недоумении посмотрел им вслед.

Желтый Глаз сразу понял свои выгоды. Он перестал шуметь и отпугивать баранов, потому что их мясо оказалось нежнее кабаньего. Он стал даже оберегать ближнее стадо от шакалов и других хищников. И округа подчинилась его власти. Желтый Глаз стал искусным пастухом.

Не раз ему приходилось встречаться и с человеком. И всегда этот двуногий зверь трусливо поворачивал от него и жалобно завывал. Иногда Желтый Глаз выходил из зарослей и поднимался на один из холмов. Он чутко ловил неприятные, кислые запахи, которые доносились из ближайшего логова двуногих. Отсюда он видел, как они появлялись иногда кучками по дороге. Обычно каждый из них сидел на спине другого зверя - более крупного, но такого презренного в своем бессилии. По спине Желтого Глаза волной проходила шелковистая судорога негодования. Он видел, какое там происходило смятение, когда замечали его, - слышались звуки наподобие лая, и четвероногие послушно уносили тех, которые вцеплялись им в спины.

Желтый Глаз провожал их долгим и неподвижным взглядом. Он презирал этого трусливого двуногого зверя, сидящего на чужой спине.

II

Иосиф Иванович минут пять неподвижно смотрел в привораживающее золото костра. Он заскучал о далеких песках и небе - голубом, как купола Баракалы. Спустя минуту он начал вслух вспоминать об этих далеких днях.

- Кы-то из вас видел, как пустыня угасает? Никы-то? Рассказать об этом, друзья мои, к сожалению, нельзя, надо видеть.

И он остановился перед образами воспоминаний. Два его спутника, прислонившись к темноте, молча курили. Иосиф Иванович раздумчиво продолжал.

Я помню один вечер. Вы знаете, вечером пески как будто охают, тихо так, или звенят, что ли. Со мной тогда было несколько туземцев. Мы ехали в Дурт-куль. Вдруг мои спутники страшно перепугались и - в сторону...

- Чи-то, - говорю, - такое?

А Курбан-бай машет мне и кричит:

- Джул-барс! (1)

Я взглянул налево. А там, знаете, тянулись такие небольшие холмики, и на них было много могильников. Ну, обычное кладбище, их много там, мазары, как называют их туземцы. И вот, друзья, на одной из этих могил я и увидел тигра. Да, представьте себе. Он был ясно-ясно виден. До него было всего каких-нибудь полтора шагов. Я было - за ружье. Но Курбан-бай пришел в ужас и закричал:

- Нельзя стрелять! Джул-барс молится...

Курбан-бай рассказал мне, что джул-барс раз в год приходит из пустыни к мазарам. Тогда он молится за умерших. Ты не веришь? И я не верю этой сказке, но Курбан-бай верит, и он не даст стрелять.

Зверь был великолепен. Он лежал на могильной плите во всю длину с поднятой головой. Голова была направлена в нашу сторону. И весь он, от круглых ушек до хвоста, отчетливо рисовался на вечеряющем небе. Кругом стояла тишина пустыни, и в ней - только этот неподвижный зверь на могиле.

III

Сначала Желтый Глаз не сомневался, что ему покорна вся округа, достаточно было одного его окрика, чтобы трепет охватил все живое. Но потом он убедился, что из всех зверей один ему не покорился, и это был тот - двуногий, трусливый. Этот зверь, обычно не в одиночку, а стадом, смеет врываться в его владения! Он роет землю, отчего в ней появляются трещины, он копается в этих щелях и заливает их водой (2). Треск и лающий гомон оскорбляют тишину дней.

Изучая двуногих, Желтый Глаз прокрадывался к самому становищу врага. Этот двуногий зверь, очевидно, кем-то был разъярен, а потому он и поднялся на задние лапы. Но где его враг? На кого же он идет боем? Желтый Глаз недоумевал. Он обходил становище с разных сторон, бесшумно протаскивая сквозь заросли свое гибкое могучее тело. Застывая на месте, он видел, что противник его беззаботен, не чувствует его. Но стоило только Желтому Глазу показаться, чтобы трусливый зверь бежал к стаду, а когда их было несколько, то, не подпуская к себе для честного боя, они бросали навстречу Желтому Глазу огонь и гром, который иногда царапал его до крови. Желтый Глаз фыркал от злости и скрывался в чаще. Одно он почувствовал, что этот, навсегда взбесившийся и вставший на дыбы зверь - его заклятый враг. Но прежде чем вступить с ним в борьбу, Желтый Глаз начал изучать его повадки. Он всюду, где только мог, следовал за ним по пятам. Он высматривал и испытывал его силу, его хватки. Он не раз убеждался, что наряду с дерзостью этот зверь очень труслив, - и Желтый Глаз возненавидел его всем своим звериным нутром.

IV

... По делам экспедиции мне нужно было попасть из Чимбан в Нукус, продолжал рассказчик. - Всего сто восемьдесят три километра. Ехал один. У меня тогда был чудесный конь - Дельфин. Он сверху был белый, а книзу серый. Я страшно к нему привязался. Он всегда знал, куда я еду, и мне не нужно было следить за ним. Со мной тогда было ружье, замечательная четырехстволка, - два для дробы и два для пуль. У

Мюра еще купил. Чтобы не таскать на себе тяжести, я прикреплял его в дороге к седлу. В седле же была и кобура с револьвером. А на себе я оставлял только кинжал, самый обыкновенный охотничий, вроде финского ножа. Ну, к вечеру въезжаю в Шакал-Тугай. Сплошные заросли тростника и колючего кустарника. Пробраться сквозь них без дороги совершенно невозможно. Такие дебри топором рубите - не возьмет. Ну, дорога мне известная-десятки раз ездил. Душа у меня совершенно спокойна. Я опустил вот так поводья и задремал. Еду и мечтаю... Хм-м... Вот до Нукуса остается каких-нибудь пятнадцать километров, а в Нукусе ждут меня душистый чай, вкусный виноград, встреча с милыми приятелями и наконец сладкая-сладкая подушка после долгого пути... Ведь для усталого путника это же самые прекрасные вещи! Вот еще несколько километров - и я буду их полным обладателем.

Только вдруг сквозь дремоту чувствую, что Дельфин мой что-то упирается. Мне так неприятно расстаться с моими мечтами. Но наконец я встряхнулся и стал понукать Дельфина. Не понимаю, в чем дело. Уговариваю его:

- Ну, Дельфинчик, ну, милая коняша, ступай! В Нукусе и для тебя будет отдых.

Ни в какую! Тогда я вышел из себя, нагайкой - раз, раз! Ну, Дельфин мой ломает дурака, да и все тут - пляшет, встает на дыбы. Никогда этого не было. "Что за черт?" - думаю. Место знакомое, спокойное. Слезаю. Взял его за повод, прошу, тяну:

- Ну, Дельфин, пойдем! Чи-то с тобой?

Протащил я его так несколько шагов. Дорога слегка заворачивала вправо. Вдруг мой Дельфин как рванет, повод оборвал - и был таков. В эту минуту мы выходили из-за куста. Я обернулся... и замер от страха. Впереди, в нескольких шагах от меня через арык был перекинут мостик, обыкновенный в том краю, с глиняными стенками. И на этом самом мостике, можете себе представить, лежал джул-барс. Ну, чи-то вы скажете? Вот так - голову на лапы и лежит. У него были круглые ушки и круглые глаза. Ах, какие глаза! Я запомнил их. Желтый круг, и сверху вниз черная черта. Ах, какая же это красота! Он в упор глядел на меня и чуть-чуть помахивал хвостом. Как кошка - слегка направо и слегка налево. Ну, а у меня один кинжал. Я был в ужасно глупом положении. Не правда ли?

Иосиф Иванович приподнялся, бросил на вздрагивающие угли стебелек, который вертел в руках, и с минуту вопросительно помолчал. Потом, снова укладываясь, несколько смущенно продолжал.

... Я отступил на шаг, потом на другой, на третий... А когда зашел за куст, повернулся - и пустился наутек. Прощай, Нукус, и сладкая подушка! Я бежал долго, пока не встретил туземцев. Они ведь видели, как перед вечером через их аул проехал всадник на белом коне. И вдруг этот конь прискакал один.

Я рассказал им о встрече. И вот вместо приятного отдыха и встречи с друзьями я должен был вернуться в кишлак. В Нукус я попал только на другой день. И уж в дороге я не ощущал спокойствия. Вы, конечно, понимаете, что на этот раз я уж и не дремал...

V

Желтый Глаз стал дерзок в своей ненависти к двуногому зверю. Он не мог простить ему губительных набегов на девственные заросли, его власти над стадами. Война была неизбежна. Желтый Глаз искал теперь схватки с ненавистным зверем. Он начал с того, что выследил пастушонка при стаде. Когда тот неосторожно приблизился к кустам, Желтый Глаз в два прыжка был около него и, прежде чем тот пикнул, в минуту разорвал его и в первый раз насладился кровью человека. С тех пор он стал дерзко и неустрашимо проникать и в самое гнездо противника. Обыкновенно в

полночь он приходил в один из ближайших кишлаков. Бесшумной тенью бродил по улочкам, впрыгивал на ограды и заглядывал в груды камней, теснившихся по сторонам. Бесновались в загонах овцы, храпели лошади, а собаки, поджимая хвосты, не смели даже выть - они только жалобно повизгивали. Всеми своими мускулами, каждой каплей крови Желтый Глаз чуял своего двуногого врага и в нетерпении и ожесточении по-кошачьи точил когти о столбы и деревья. Попробовал бы тот высунуться в эту минуту и встретиться с ним!

Однажды, издеваясь над своим противником, Желтый Глаз остался в кишлаке до утра и притаился на одной крайней крыше, примыкавшей к ограде. Рядом, напротив, шла другая ограда, так что между ними оставался только узкий проход.

Когда утром погнали крупное стадо, Желтый Глаз вскочил на ограду, а оттуда, в насмешку над врагом, спрыгнул на спины животных. Обезумевшее стадо в смертельной давке и с оглушительным ревом ринулось вперед, а Желтый Глаз, прыгая с одной спины на другую, скоро выбрался из кишлака и быстро скрылся за первым холмом.

Двуногие до того растерялись, что не успели даже разбежаться. Если бы Желтый Глаз мог смеяться, то он, наверное, хохотал бы до упаду на всю эту кутерьму, которую произвел во вражеском стане.

Теперь он зорко следил за двуногими и не оставлял ни одной их оплошности без того, чтобы не заставить их жестоко расплатиться за нее.

VI

Справа, сквозь высокую стену сосен уже просачивались брусничные струи зари. На костре меркло вспыхивали две головни. Лесные провалы из черных стали мутными. Иосиф Иванович, прихлебывая из кружки, продолжал слегка отсыревшим голосом.

... С нами тогда был и Колышев. Ну, кы-то не знал Василия Васильевича Колышева? Его знала вся округа. Это был отважный и заядлый охотник на тигров. Он был очень полезен нашей экспедиции. До мелочей знал нравы зверей. Мы знали каждую его черточку: и эту седенькую круглую бородку, и добрейшую улыбку, и его родные подбадрывающие слова... Я с ним крепко подружился.

Мы отъехали от Дурт-куля всего километров на тридцать и остановились в тростниках. Уставили лошадей морда к морде, раскинули палатки и стали варить кашу. Обычно из съестного возили с собой крупу, хлеб там и прочее, а мясо для еды всегда добывали охотой. Но на этот раз почему-то в нашем хозяйстве вышла проруха: не было мяса, и кашу приходилось варить пустую. Колышев лег было в шатер, но не мог успокоиться. Он был человек крепкий и любил покушать. Поэтому он встал и говорит мне:

- Ты, Юз, костер разводи, кашу вари, а я пойду фазанчика подстрелю, чтобы в кашу мясо было.

- Слушай, - говорю, - Василий Васильевич, как бы тебе не нарваться на джул-барса!

- Да полно! Я в этих местах десятки раз бывал и никогда ничего не встречал. Здесь джул-барсы не водятся, - успокоил он меня.

А сам продолжал снаряжаться. Тогда я пристал к нему, чтобы он хоть в один ствол загнал пулю или лучше взял бы мою четырехстволку. Но Колышев только рукой махнул.

- Вот еще буду носиться с твоей пушкой!

И ушел.

А я себе помешиваю кашу. Сижу и прислушиваюсь. Спустя некоторое время слышу выстрел, - значит, думаю, фазанчик есть. Потом еще выстрел-другой фазанчик. Затем

было еще несколько выстрелов. А уж смеркалось. И вдруг я и мои спутники явственно услышали грозное мяуканье:

- У-у-а-а-у-у!..

Пронеслось - и сразу воцарилась гробовая тишина. Это ревел джул-барс. Днем камыши совершенно мертвы, вы не услышите там ни одного звука. Вам даже кажется, что там совсем и нет никакой жизни. Но стоит только зайти солнцу, как камыши наполняются звуками и жизнью: тут и шакалы воют, и дун-гузы рыкают, и всякое другое зверье заливается. Кругом вой стоит. Но как только рявкнет джул-барс - мгновенно все смолкает. Наступает полная тишина.

Один раз только взревел джул-барс. Мы замерли. Подошел ко мне Шевченко и говорит:

- Дело неладно. Надо Колышева искать.

И мы пошли в тростники. Ночь была изумительная. Легкий морозец. Впереди низко-низко - не как у нас - над самым горизонтом дрожали крупные яркие звезды, и над головой целый шатер звезд. Мы ходили, кричали, но в темноте трудно было что-нибудь разобрать. И мы не нашли Колышева. Мы надеялись, что он давным-давно вернулся к кострам и преспокойно дожидается нас. И вернулись. Но его не было...

Тревога напала на всех. Большая трагедия для экспедиции - потерять человека.

Тревожная была ночь. Лошади сбились к огню - значит, поблизости был джул-барс. Мы бросали кверху зажженный тростник, чтобы дать знак Колышеву. Но он не являлся.

И наутро, знаете, наутро мы нашли его... на берегу арыка, километрах в двух от стоянки. Он лежал на другом берегу. Ноги к самой воде, чуть примерзли даже, лежит ничком - голова на правую руку, левая в сторону откинута, а поддевка на спине вся разодрана, и лохмотья смешались с кровью. На нашем берегу я нашел его кинжал и кучу срезанного тростника. Тут же валялось и ружье его, - оба патрона были выпущены. Ах, как я попенял ему, что он не взял пуль! Нас больше всего смутило то, что около его ног лед не притаял. Мы поняли так, что он был мертв и застыл. С нами был фельдшер. Мы перебросили через арык срезанный тростник и переправили фельдшера первым. А сами не спускали с него глаз и следили за каждым его движением на том берегу. Он долго щупал застывшее тело, наклонялся к нему и наконец крикнул:

- Жив! Жив!

VII

Мы перенесли Колышева и отправились в Дурт-куль - сначала на верблюде, потом на арбе. Он все время был без сознания. Так наша экспедиция и лишилась милого товарища. Я долго его потом не видел...

Рассказчик остановился со взглядом, направленным в пережитое. Спутники не мешали ему. Спустя минуту он медленно поднял голову и вдруг, спохватившись, сказал:

- Не пора ли нам?

Восток уже наливался ярким румянцем. Мохнатые лапы, тянувшиеся из темноты, снова стали ветками. От теплоты пахло отсыревшими головнями.

Охотники быстро поднялись, взяли ружья и отправились к реке, чтобы захватить зарю. По дороге спутники Иосифа Ивановича попросили его закончить рассказ. И тот продолжал.

... Я много потом охотился, много объездил мест. Когда мы возвращались в Дурткуль, мы не думали уже найти Колышева в живых после тяжелого пути в арбе.

Въехав в город, я прямо на Дельфине, никуда не заезжая, направился к больнице.

- Жив, - спрашиваю, - Колышев?

- Жив, - говорят.

Я быстро вбежал. И какая же была встреча! Я так и кинулся к нему. Мы обнялись по-братски.

- Выжил, - говорит он мне. - Только теперь, Юз, я полный инвалид. Пять ребер, брат, вырезали, и обе ноги не действуют.

И рассказал.

- Тогда, - говорит, - как вошел я в тростник, фазанов попадалось мало. Убил только пару.

Это - те два выстрела, что мы слышали первыми.

- Дошел до арыка, вижу - на том берегу тростник гуще, и оттуда стая за стаей вылетают фазаны. Низко так. Слетят к воде, напьются - и опять в ту сторону. Стрелять отсюда, думаю, нет смысла, - все равно будут падать на том берегу. Меня охота разобрала. Дай, думаю, перейду. Вынул кинжал и начал тростник резать, чтобы через арык перебросить. Только это я как-то случайно повернулся и вдруг вижу: с того берега из густого тростника высунулась громадная голова - голова и передние лапы. Джул-барс присел перед прыжком и нацеливался в меня. Я бросился к ружью, но выстрелил, когда джул-барс был уже в воздухе. Больше, брат, я ничего не помню.

Ах, как я ему предлагал свою четырехстволку с пулями! Вы поймите дробь на джул-барса! Я мерил джул-барсов - три метра почти, если вытянуть во всю длину с хвостом. И вес до шестнадцати пудов. А тут два заряда дробы... Вы понимаете - два заряда утиной дробы!

Но выстрел или огонь, очевидно, все-таки испугали джул-барса. Он на лету сделал конвульсивное движение и промахнулся: вместо того, чтобы попасть на грудь своей жертвы, как обычно делают джул-барсы, он перелетел через нее. Но задней лапой все-таки задел по спине. Задел только - и от этого косвенного удара Колышев перелетел через арык - метров за шесть - с развороченной спиной.

VIII

Желтый Глаз появлялся то тут, то там, перебегая иногда на десятки километров. Он был жесток и неуловим в борьбе. Он чуял, что его отслеживают, и всегда ловко избегал опасности. Долгие дни борьбы сделали его зрелым и хитрым. На группы врагов он не нападал, но и не упускал их из виду, и стоило одному из группы отстать, как он расплачивался за это своей жизнью. Немало уж двуногих корчилося под тяжелой лапой Желтого Глаза, не один раз перегрыз он трепетное горло своей ненавистой жертвы.

Так началось и в этот раз. Желтый Глаз выследил двуногих, которые расположились в редком тростнике. Вскоре один из них отделился и пошел вглубь. Желтый Глаз притаился по ту сторону арыка. Вот двуногий враг рядом, вот он по обыкновению начинает хозяйничать в зарослях - сбивает птиц, крушит тростники.

Гневным золотом вспыхнули желтые глаза, огненной ненавистью вскипело сердце звериное. Подполз Желтый Глаз к самому берегу, упруго сжал тугой лук тела. Бросок - и он в воздухе. Но прямо в глаза - огонь и гром. От острого укола дернулся кверху, задней лапой попал во что-то мягкое, живое и с яростью оттолкнулся. Впереди была непонятная тьма, вместо глаз торчали острые занозы - и Желтый Глаз заревел. Это был вопль отчаяния. Он слышал потом, как кричали его враги, очевидно, преследуя

его, и шел от них, натыкаясь на стволы и колючки. Он не мог понять, что сделал с ним враг. Отчего он не знает, куда и как двигаться? Желтый Глаз тер себе морду лапой, стараясь вытащить колючие занозы - ранки от дробы, и чуял кровь. Неуверенно и неловко тащился он в чащу. Хищники недоумевали, но по привычке отбегали в сторону.

Настал день. Желтый Глаз лежал, не понимая, что значит эта полная тьма, эта непрерывная ночь, потому что не знал, что он ослеп. Время от времени он махал лапой около морды, как будто стараясь что-то сдернуть. Вот он сейчас заденет, что-то там откроется, и он сразу все увидит, бодро встряхнется и снова начнет борьбу с ненавистными врагами. А голова горела и никла. Мучила жажда. Чутьем подполз к воде. Совал морду в холодную воду - голова приятно ныла.

К вечеру дун-гузы сутолочно шли на водопой. Вдруг передние отчаянно зарыкали и ринулись назад, давя встречных. В необычном месте, у кабаньего водопоя лежал сам властитель тростников. Но стадо в недоумении заметило, что властитель на этот раз не наказал, не рявкнул - словом, никак не проявил своего гнева. Остановились, повернули тупорылые морды и вернулись. В некотором отдалении от Желтого Глаза недоумело остановились и от каждого его движения бросались врассыпную.

На переполох явились шакалы, разогнали дун-гузов и заняли их место. Они приглядывались и с любопытством присматривались к необычному поведению своего властелина и с каждым часом на шаг приближались к нему.

Желтый Глаз предчувствовал неизбежное восстание своих недавних рабов.

На следующий день он почувствовал голод. Теперь он лежал в забытии и только по временам вскидывал голову, когда привычное ухо ловило недалекие звуки. Но тяжелая и горячая голова снова падала вниз.

Ночью шакалы своим полукругом прижали его к воде. Былая мощь властелина умеряла их смелость, но полукруг заметно уменьшался. Когда они слишком дерзко приближались, Желтый Глаз гневно фыркал и заносил лапу. Полукруг немного раздавался, но ненадолго.

С часами Желтый Глаз заметно слабел. Днем голова у него разрывалась в куски, он тряс ею и глухо рычал. К вечеру его снова окружили шакалы. И, собрав разбитые силы, чуя смерть, Желтый Глаз заревел, как бы давая знать тому - двуногому зверю, что он победил.

Шакалы, однако, не разбежались, поджав зады, от этого грозного окрика, а только на минуту отпрянули. Потом они стали смелее. Какой-то дерзкий подкрался было сбоку, но лег под тяжелой лапой Желтого Глаза. Дальше началась агония. Шакалы лезли, напирали, притиснули. Желтый Глаз в отчаянии ринулся в этот рычащий и лающий мрак - и вмиг десятки челюстей впились в его когда-то могучее тело.

(1) Джул-барс - тигр (тюрк)

(2) Здесь подразумевается прорытие оросительных каналов – арыков

Б. Скубенко-Яблоновский

ВЫСТРЕЛ СОСТРАДАНИЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ

- I. ОЛЕНИ-ПАНТАЧИ**
 - II. ЗВЕРОЛОВ ВЕЙ-ХА-ЛИН**
 - III. ВАСЬКА НЕ ВЫДЕРЖАЛ**
-

I. ОЛЕНИ-ПАНТАЧИ

Панты, неокрепшие молодые рога маньчжурских оленей, ценятся в Китае очень дорого — от ста до четырехсот рублей. Из их жиров приготавливаются лекарства, имеющие, как утверждают китайцы, целебную силу и излечивающие от многих тяжелых недугов.

Каждый олень ежегодно зимою сбрасывает свои рога, а весной у него вырастают новые. Месяцы апрель, май, июнь являются временем добывания пантов, когда студенистая масса рогов оленя еще обильно наполнена кровью. Снятые рога высушиваются особым способом, который держится китайцами в строжайшей тайне. Среди звероловов-китайцев есть специалисты по приготовлению пантов, и их промысел доставляет им хороший доход.

Оленей-пантачей ловят в так называемые зверовые ямы. Эти ямы роются на тропках, где ходит зверь, и бывают до трех метров глубины и до двух с половиной метров ширины. Сверху ямы искусно прикрываются толстыми ветками и корой и бывают совсем незаметны. На дне ямы вбивается длинный заостренный кол. Падая в яму, олень натывается на него и гибнет, мучаясь иногда по несколько часов.

Некоторые звероловы предпочитают добывать панты с живых животных; такие панты ценятся особенно дорого, свыше 500 рублей.

II. ЗВЕРОЛОВ ВЕЙ-ХА-ЛИН

Весенний воздух сладким ароматом разливался по тайге; густая зеленая трава была усеяна множеством душистых цветов. Всюду раздавалось неумолчное птичье пение.

Я и мой спутник по Маньчжурской тайге, Васька-Медведь, прозванный так китайцами-звероловами за огромный рост и громадную силу, сидели у фанзы старого китайца-промышленника, издавна поселившегося в этих лесах неподалеку от холмов Ялу-Цзяна.

Старый опытный китаец проживал в таежной глуши вместе со случайно встреченным в лесных дебрях молодым звероловом Хын-Туном. Этот зверолов, однажды избавивший старика от трех хунхузов меткими выстрелами из своей винтовки, решил навсегда остаться в его фанзе. Старик привязался к Хын-Туну, как к сыну.

Чего не могла сделать старость Вей-ха-Лина, то быстро и легко совершала мощная сила окрепшей молодости Хын-Туна.

Все мы четверо, заливаемые яркими солнечными лучами, расположились на круглой

поляне. Атлет Васька-Медведь лежал враспашку на земле и благодушно покуривал из коротенькой трубки, правой рукой придерживая свою неразлучную винтовку.

На ногах Васьки были надеты кожаные унты, а на голове широкополая шляпа, сплетенная из соломы.

Вей-ха-Лин расположился у гранитного камня, оттачивая напильком небольшую с длинными зубцами ручную пилку. Слышался визгливый, скрипучий звук железа.

Хын-Тун — крепкий молодой маньчжур — тут же рядом старательно чистил свою винтовку.

Я с Васькой-Медведем хотел пройти к потайным таежным приискам, где старатели занимаются добычей золота хищническим способом. Меня интересовала своеобразная таежная приисковая жизнь.

Ваську-Медведя все звероловы и приисковые артели лесных бродяг встречали с почтением. Его огромная сила сразу внушала уважение. Был Васька в общении и с некоторыми предводителями хунхузов, по временам заглядывавшими в его укромную фанзу, и не раз получал предложение вступить вожаком в шайку лесных разбойников. Но все уговоры ни к чему не вели. Васька наотрез отказывался заняться рискованным промыслом.

— Я — охотник на зверей, — заключал Васька свои доводы, — а вы там как хотите — ваше дело. Когда-то давно Васька вышел в тайгу из средней России, да так и застрял в девственной глуши, увлекшись богатым зверовым промыслом. Здесь было где развернуться силам великана.

Вей-ха-Лин продолжал оттачивать свою пилу.

— Ишь ты, азиат, — добродушно кивнул Васька в сторону старого зверолова. — Пилку оттачивает. Живого зверя будет зубьями драть. Неужели не противно тебе живого зверя пилить? Хорошо бы и с мертвого панты снять. Так нет же, вот причуды.

Васька-Медведь прекрасно говорил по-китайски, а старик Вей-ха-Лин недурно объяснялся на русском языке, научившись ему в бытность свою во Владивостоке и в Харбине.

Вей-ха-Лин повернул свое старческое, сплошь изборожденное морщинами лицо в сторону Васьки и сказал:

— Нас, китайцев, европейцы считают за диких и не признают наших лекарств. Но напрасно они так самонадеянны. Они думают, что если мы едим собак, лягушек, змей, кузнечиков, жуков, пчел, то не можем быть искусными и мудрыми в приготовлении особых целительных снадобий. Однако, если бы их лекаря имели в своем распоряжении приготовленное вещество изюбровых пантов, многие люди не умирали бы у них преждевременно.

И старик снова продолжал старательно оттачивать напильком длинные зубцы.

Дня через два после этого все мы четверо продвигались по извилистой зверовой тропе к ямам, в которые часто попадали олени и которые старик осматривал ежедневно.

Узкая тропинка прихотливо повернула влево. До ямы было недалеко.

Несколько сот шагов — и мы стояли у западни. В ней что-то было. На это ясно указывало образовавшееся среди веток и травы отверстие.

Мы с любопытством заглянули в яму...

— “Ма-лу” (изюбр), — произнес Вей-ха-Лин.

С этими словами он быстро вытянул из-за пояса веревку, привязал ее одним концом к стволу ближайшего дерева и стал спускаться в яму. За ним последовал Хын-Тун.

На дне ямы беспомощно растянулось крупное грациозное животное. Благородный олень при падении сломал себе передние ноги. Из шелковистой шерсти на сгибе колен торчали наружу остро выпершие кости; все тело изюбра тряслось от боли мелкой судорожной дрожью; обаятельно красивая голова с темными, как ночь, агатовыми глазами то поднималась от земли, то так же внезапно опадала. Задние ноги бессильно и торопко ерзали по земле. Этим движением зверь выражал свой испуг перед людьми, пришедшими покончить с ним.

Глаза животного слезились. Оно плакало — беспомощнее и немое. В больших агатовых зрачках его светился кроткий печальный упрек.

Вей-ха-Лин поспешно взял в руки прикрепленную сбоку у пояса узкую железную пилку и, нагнувшись к изюбру-пантачу, сказал Хын-Туну:

— Держи его за шею. Я буду пилить.

Стальные зубья пилы вонзились в череп изюбра и зашипели по кости... Животное мучительно рванулось в сторону. Напрасно. В его шею впились крепкие пальцы Хын-Туна.

Вей-ха-Лин невозмутимо пилил и пояснял молодому зверолову:

— Чтобы панты сохранили в себе всю чудодейственную силу образовавшегося из крови студенистого вещества, надо спилить их вместе с лобной костью у живого зверя. Если у мертвого, сын мой, — наполовину уменьшится им цена... Целебные соки отхлынут из пантов в тело животного.

Ловко и быстро проделал Вей-ха-Лин операцию с лобной костью.

Несчастное животное с открытым черепом все еще продолжало жить и мучиться. Белая студенистая масса мозга была обнажена. Изуродованный изюбр издавал странный, тихий храп и трясся мелкой дрожью.

Хын-Тун приготовился покончить с животным, вынув из ножен острый как бритва нож. Один, другой удар клинка — и мучения животного мгновенно прекратились. Только большие прекрасные глаза все еще продолжали смотреть куда-то, в пространство, поражая своей влажной ясностью. Но вот и они стали меркнуть.

Выбравшись из ямы вместе с пантами, звероловы не без труда вытащили крупную тушу изюбра, весившего до двухсот килограммов.

Задние ноги они отрезали и взяли с собой, а всю переднюю часть отволокли далеко в сторону от ямы в густую чащу, чтобы запах разлагавшегося мяса не отпугивал изюбров от тропы.

К прежним трофеям Вей-ха-Лина прибавился новый, только что снятый.

Васька сплюнул в сторону и сказал своим низким скрипучим басом:

— Не могу я так промышлять зверя, как они. Коли бью пантачей, так только пулей. А у них — живодерня.

Я не мог не согласиться с Васькой. Вся операция, совершенная на моих глазах, произвела на меня отталкивающее впечатление.

III. ВАСЬКА НЕ ВЫДЕРЖАЛ

В другой раз мы отправились с Васькой к потайным маньчжурским приискам. Только с помощью Васьки я и мог проникнуть туда.

Дорогой мы неожиданно наткнулись на одну из ям-ловушек зверолова Вей-ха-Лина. Трава и ветки, маскировавшие яму, оказались потревоженными. Мы заглянули туда и заметили там изюбра, по счастливой случайности не сломавшего ног и не попавшего на кол.

Животное заметалось в разные стороны. В яме оказался не один пантач. В углу прижался наершившийся енот, а напротив него — лисица. Оба эти зверя сидели смирно, не шевелясь, словно сознавая, что всякие попытки выбраться напрасны.

Не успел я подумать о том, что надо сделать с изюбром, как Васька-Медведь предупредил меня. На лбу сдвинулись морщины, в глазах мелькнула сосредоточенная мысль.

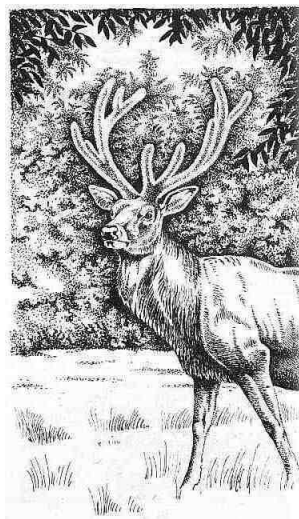
— Избавим зверя от мучений, — решительно сказал он. — А то ведь китайцы придут сюда, опять начнут пилить ему живому лобную кость.

И, вскинув винтовку, Васька пригнулся к яме, прицелился в зверя... Раздался выстрел. Словно сраженный молнией, мгновенно грохнулся на дно ямы высокий стройный пантач.

— Так-то лучше, — угрюмо кинул Васька.

Мы двинулись дальше.

Вешнее солнце радостно смеялось с ясного голубого неба; не успевшая испариться на листьях кристальная роса лучилась всеми цветами радуги, цветы и травы вливали в свежий воздух свое душистое дыхание...

А. Чеглок

МУФЛОНЫ

Своими высокими горами и причудливыми скалами Эль-Кантара справедливо приковывает к себе внимание всех проезжающих путников.

В одном месте острые зубцы скал круто спускаются и образуют узкое ущелье.

Пылкое воображение арабов не замедлило найти это ущелье похожим на рот, а остроконечные скалы — на зубы.

Нужно прибавить, что лишь через это ущелье можно проникнуть на другую сторону горы в преддверие Сахары.

Картинное название этого ущелья Фум-ес-Саара (рот Сахары) как нельзя более подходит к узкой пропасти, усаженной по обеим сторонам остроконечными зубцами.

Только под южным склоном гор мог приютиться роскошный оазис.

Каменная громада служит хорошей защитой против губительного для финиковых пальм холодного дыхания северного ветра.

Вершины гор задерживают не только ветры, но и серые тучи.

Лишь на голые скалы падает в зимнее время град или снег, лишь они омываются холодными дождями.

Но голые скалы не впитывают в себя воды. Почти вся она быстро падает серебряными кристальными раскатами и водопадами вниз в ручей и здесь из узкого ущелья Фум-ес-Саара вырывается на южную сторону и сейчас же растекается по многочисленным отводным канавкам, чтобы дать жизнь финиковым пальмам.

Более 100.000 пальм растет вдоль этого источника — и больше 3.000 жителей питается их плодами.

Здесь уже настоящий юг с его роскошными красками! Здесь даже этот голый массив ярко расцвечивается в различное время дня по-разному.

Его громадные высокие склоны обнажают самые разнообразные горные породы самых разнообразных цветов.

Все здесь радует и веселит взор. Даже голые красные и голубые осыпи глины и те не наводят на грустные мысли об их бесплодии.

Зеленый лес финиковых пальм говорит о могучей жизненной силе этих мест, орошаемых влагой.

Совсем другое впечатление получается от северной стороны горы.

Все серо, кругом камень! Каменные россыпи, скатившиеся каменные глыбы, каменные скалы, зубцы, и весь массив здесь сверху донизу окрашен в одноцветную, темную краску. Рожденные в седой древности, каменистые глыбы покрылись лишь таким же серым цветом лишаев, как и они сами.

Лишь с трудом удастся найти на этих мрачных скалах маленькие зеленоватые пятнышки какого-нибудь кустика.

Но и то эти пятна видны только вблизи — выше, с полгоры они уже сливаются с желтой окраской голого массива.

Нет здесь жизни, мертва здесь природа.

Нельзя здесь селиться человеку. Не может расти здесь кормилица его — стройная, высокая пальма.

А что могут ему дать голые камни?

Но в тех местах, где человек не может приспособиться, приспособились другие, не такие прихотливые, как он.

Даже в путеводителях указано, что в горах Эль-Кантары есть хорошая охота на горных газелей и даже на скрытных, осторожных муфлонов.

Соблазнительно, слишком соблазнительно было и для меня сделать остановку на этой станции, но голос благоразумия взял верх.

На эти горы нужно прийти тогда, когда я хоть немного познакомлюсь с животным миром Африки.

По этим скалам нужно лазить лишь тогда, когда узнаешь все особенности хождения по африканским горам.

И впоследствии я не раскаивался в своем решении.

Я не только приобрел практические сведения и навыки, но я узнал и о жизни самих муфлонов много ценного для меня.

В этом отношении большую пользу принесло мне знакомство с одним стариком французом.

Как-то на улице я увидел молоденького козлика одноцветного, рыжевато-песочного цвета.

Он бежал, как собачонка, за старичком.

— Да ведь это никак молоденький муфлон! — пронеслось у меня в голове, и я бросился догонять старичка.

— Простите меня, пожалуйста, что я обращаюсь к вам, меня очень заинтересовал ваш козлик. Скажите, что это за порода? Не муфлон ли это?

— Да, вы не ошиблись, это — африканский муфлон, или, как мы, французы, называем их, манжетный муфлон, в отличие от муфлонов Корсики, у которых нет этих украшений. У наших взрослых муфлонов вырастают длинные волосы на нижней части шеи и верхней части передних ног. Получается впечатление, точно они в манишке и в рукавчиках. У старых баранов грива спускается до самой земли, — пространно объяснил мне старичок особенности своего муфлона.

— Да, я это видел на картинке, — сказал я. — Поэтому и у нас, русских, африканские муфлоны называются гривистыми баранами.

— Коки, сюда! — закричал старичок, поворачивая за угол.

Муфлон послушно повернулся и подбежал к старичку.

— Могу ли я попросить у вас разрешения снять несколько фотографий с вашего питомца?

— Отчего же! Вот моя квартира, — указал старичок на небольшой домик.

— Я могу сделать это сейчас же? — спросил я его. Получив согласие, я пошел домой, взял фотографический аппарат и пришел к старичку.

Старичок жил с женою, такой же старушкой, как и он сам. Оба оказались словоохотливыми и радушными людьми.

Муфлона в комнатах не было, и я пошел к нему во двор, но и там я не увидел его.

Тогда жена старичка позвала его: “Коки! Коки!” Из сарайчика легкой рысцой выбежал муфлон и подбежал к старушке.

Я нашел, что на дворе не вполне удобно снимать муфлона, и попросил вывести его на улицу. Но и тут сделать хорошие снимки было довольно трудно.

Коки оказался очень подвижным и ни минуты не стоял на одном месте, а мне хотелось поймать какое-нибудь хорошее положение.

К нам подошли два араба с собакой. Маленький Коки тотчас храбро напал на собаку. Я никак не ожидал, чтобы Коки оказался таким смелым, и чувствовал, что его маленькие рожки — опасное оружие для врагов. Нападал он так же, как вообще все бараны и козлы — нагибая

голову вниз. В конце концов он отогнал собаку от дома.

Собака отошла на другую сторону, к садику, и покорно лежала, дожидаясь своих хозяев.

После этого подвига Коки немного успокоился и дал возможность мне снять его сбоку.

Много пластинок я перепортил, желая снять его в различных позах, но более удачными вышли только две: сбоку и та, на которой он изображен чешущим свою голову.

Через несколько дней я с готовыми карточками опять пошел к Рене, чтобы подарить им портреты их любимца и лишний раз поглядеть на Коки.

Как ни плохи казались мне самому карточки, но старикам они доставили огромную радость, и этими портретами я сразу расположил к себе добродушных людей.

Старичок оказался страстным охотником. Он исколесил все окрестности, проникал глубоко в пустыню и в совершенстве знал все горы вокруг Эль-Кантары.

Любимая охота его была за муфлонами, и именно потому, что она представляет невероятные трудности.

Нужно быть великолепным ходоком по горам, бесстрашно влезать на скалы, спускаться в пропасти, чтобы иметь успех на этой охоте.

И преодоление таких трудностей и представляло главную прелесть для Рене на этих охотах.

Несколько раз он чуть не пропадавал от жажды, скатывался в пропасти, срывался со скал... Один раз при этом сломал себе руку и сам же, несмотря на страшную боль, забинтовал ее своей рубашкой.

Ему пришлось после этого тащиться по горам 15 верст до шатра знакомого араба, где он взял мула и приехал домой.

Но этот случай не прекратил его дальнейших охот.

Видеть по временам муфлонов, наблюдать за ними стало для него какой-то необходимостью. Не всегда он даже стрелял в них. Сначала он перестал убивать самок, потом молодых, а потом решил, что он будет убивать только таких старых муфлонов, у которых грива волочится по земле.

При таких условиях его охоты редко оканчивались убийствами, но тем не менее доставляли ему большое удовольствие. В них оставались все те же трудности увидеть могучее красивое животное, то же удовольствие при виде его ловкости и невероятно высоких прыжков.

Старушка говорила, что ее муж не охотился, а ходил в гости к муфлонам, и, пожалуй, это было похоже на правду.

В его рассказах не чувствовалось настоящего охотничьего духа. Он не хвастался тем, сколько он убил муфлонов, он не показывал рогов и шкур их.

В его рассказах имело мало места описание гор, пропастей... Он с удивлением говорил о том, как громадное животное совершенно невозможно заметить, если оно лежит неподвижно. Их одноцветная рыжеватая окраска своими мягкими неяркими цветами очень подходит к той каменистой почве, на которой они и живут.

Он много рассказывал мне о страшных драках между самцами, которые иногда оканчивались тем, что от сильного удара один из борцов летел в пропасть.

Только в этих боях обнаруживается страшная сила громадных рогов муфлонов.

Со всего разбега они сталкиваются друг с другом, и удары рогов тогда звучат, как короткие пистолетные выстрелы.

Один раз Рене сидел не дальше тридцати шагов от борцов. Он наблюдал в течение 2 1/2 часов их схватки. Дрались два старых муфлона. Сначала схватки у них были очень редки, через десять, пятнадцать минут. После каждого удара бойцы расходились, нагибали головы и несколько минут стояли неподвижно в таком положении. Иногда мимоходом съедалась какая-нибудь трава, но это делалось как бы машинально, скорее по привычке.

Борцы ни на мгновение не спускали своих взглядов друг с друга, и каждое движение одного хорошо учитывалось другим.

Ни один, ни другой не давали захватить себя врасплох.

Но с течением битвы страсти разгорячались, расстояние уменьшалось, схватки сделались чаще... Казалось, что ни один борец не в состоянии осилить другого.

Но конец битве положила маленькая случайность. Один удар вышел немного в бок, и это

заставило одного муфлона сделать движение головой в противоположную сторону.

Ответ на это невольное движение не был рассчитан, и другой муфлон также невольно отвернул свою голову от удара.

Этого было довольно, чтобы первый воспользовался этим мгновением и ударил в плечо соперника.

Сам по себе удар был слаб, но, чтобы усилить его, муфлон навалился на своего соперника и начал давить его.

Тот, в свою очередь, чтобы не упасть, начал пятиться назад, а первый продолжал напирать.

Попытка вновь встать в боевую позу каждый раз оканчивалась неудачно. Счастливцев не давал этой возможности, бил рогами своего противника при каждом движении и после двух-трех ударов обратил в бегство неловкого борца.

За время своих многочисленных скитаний Рене пришлось видеть и другое, не менее любопытное зрелище. На молоденького, только что родившегося муфлона напали сразу два орла. Мать находилась в нескольких шагах от него и обгладывала кустик. Как ни неожиданно и быстро произошло нападение орлов, но все же мать громадными прыжками очутилась возле своего детеныша как раз в тот момент, когда один орел опускался к своей жертве с вытянутыми когтями. Орлу ничего не оставалось больше, как взмыть в высоту. Несколько раз поочередно с разных сторон орлы делали нападения, но каждый раз встречали согнутую для удара голову и торчащие рога.

Рене поспешил убить одного из этих кровожадных хищников. По его словам, орлы гораздо больше, чем люди, причиняют вред молодым муфлонам, газелям и другим зверькам голых скал Африки.

На взрослых муфлонов орлы не решаются нападать, но для молодых муфлонов орел — самый страшный хищник.

В сущности, кроме человека, у муфлона нет врагов. Львы с их грузным, тяжелым туловищем не способны лазить по скалам за муфлонами.

Более гибкая и ловкая пантера избегает голых скал и живет там, где есть леса.

Гиены тоже не в силах угнаться за муфлонами по скалам.

Их стальные, упругие ноги — главное и надежное спасение от всех врагов.

В искусстве прыгать и лазить по скалам они не имеют себе равных, разве только среди других горных баранов и козлов, которые тоже обитают на неприступных высочайших горных вершинах. У нас на Кавказе есть такой же великолепный прыгун — это тур.

Но тур очень и очень близкий родич муфлона.

Муфлоны принадлежат к семейству баранов, а туры — к семейству козлов.

Однако не нужно думать, что муфлоны так же глупы, как глупы наши домашние бараны.

Уже то, что эти крупные животные, обитающие на сравнительно невысоких открытых горах, до сих пор не истреблены человеком, показывает, что они должны иметь высокоразвитые чувства, чтобы противостоять губительной силе дальнобойных ружей.

Для сохранения своей жизни у муфлонов должны быть изоощрены все органы чувств, все мышцы.

Необыкновенная осторожность днем и ночью, умение распознавать издали опасность сделали их предусмотрительными в выборе мест для пастбищ и жилья.

Охота за ними даже с дальнобойными, меткими ружьями бывает удачна лишь у опытных охотников, которые хорошо проследят и изучат повадки муфлона.

Обыкновенно, кроме осеннего времени, муфлоны держатся поодиночке.

Увидеть муфлона днем на близком расстоянии почти невозможно.

Если же случается, что охотник наткнется на него во время полуденного отдыха, то он с невероятной быстротой скрывается за каким-нибудь поворотом скалы или громадным камнем.

Редко кто при такой неожиданности имеет возможность сделать выстрел.

Но и выстрел пуль редко когда бывает удачным. Животное стремительно прыгает с камня на камень, и нет возможности при таких прыжках сделать хороший прицел.

Кроме того, муфлон — животное необыкновенно сильное и живучее.

Даже раненный, он зачастую исчезает с глаз.

После выстрела приходится внимательно осматривать места, чтобы узнать, ранено ли животное или нет.

Все эти трудности охоты за муфлонами делают то, что среди арабов мало желающих охотиться на них.

Арабы — плохие ходоки и лазуны по горам, они привыкли больше к равнинам, к пескам, а не скалам и обрывам.

Тут они скоро “выдыхаются”. Их сердце и легкие не привыкли к такой работе, которая требуется для многочисленных подъемов и спусков при охоте за муфлонами.

Но все же и они не прочь подкараулить муфлона, когда тот приходит к какому-нибудь источнику утолить свою жажду.

Так постепенно из каждого посещения Рене я выносил ценные для меня сведения о жизни муфлонов. Кроме того, я и сам наблюдал над привычками Коки.

Его смысленность и необыкновенное послушание прямо трогали меня! Мне с трудом верилось, что я видел перед собой все-таки барана!

Я слишком хорошо знал домашних баранов и их невозможную глупость! Приходилось признать, что бараны и овцы потеряли свой ум: вместе с приручением их человеком ум стал им не нужен. Об их безопасности, об их корме, жилище заботился человек.

С них сняли все тяжести их существования, и эта легкость жизни сделала из них бессмысленные создания!

Да, тяжела, трудна жизнь, но и горе тем, кто может жить чужим трудом.

Коки при всей его живости и резвости поражал своею серьезностью.

В нем не было глупой бараньей важности, но настоящая серьезность умного животного. Его лучистые, золотистые глаза были очень выразительны и красивы.

В то время, как он беспечно резвился, вспрыгивал на земляные заборы или отгонял собак от своего дома, достаточно было одного зова — и он бросал свои шалости и чинно подходил к зовущему.

Но слушался он только стариков. Ни на мой зов, ни на зов других он никогда не подходил.

Как-то после одной экскурсии вечером я ожидал поезда на станции “Фонтан Газелей”.

Подъехал высокий экипаж, и из него выпрыгнуло что-то вроде собаки, а потом вылезли мужчина и женщина.

Когда они подошли к фонарю, то я признал в них моих знакомых стариков.

Только поздоровавшись с ними, я заметил, что за старушкой стоит Коки.

Я очень удивился, что они брали с собой Коки. Но оказалось, что он не доставлял им никаких затруднений.

И я убедился в этом сам.

Подошел поезд, старушка влезла в вагон. Тотчас вслед за ней ловко тремя прыжками по отвесным ступенькам вскочил Коки. За ним влез Рене, а потом и я. Минуты остановки оказалось даже много для всех нас.

Коки нисколько не стесняла новая обстановка, он вспрыгнул на лавку, поджал ноги и улегся возле старушки. За 1 1/2-часовую езду он только два раза переменил позу.

При остановке он без зова поднялся за своими воспитателями и прыгнул на землю. Пассажиры, которые столпились у выхода, его нисколько не стесняли. Если же кто-либо начинал его гладить, он досадливо мотал головой, желая избавиться от чужих ласк.

Я ходил очень часто к Рене и старался всякими способами расположить к себе Коки, но мои усилия не привели ни к чему.

Казалось, что вся сила его привязанности изливалась лишь на его воспитателей, а для других ее не хватало.

Мои ласки тяготили Коки, он всегда старался поскорее избавиться от них.

Прошло около двух месяцев моего пребывания на границе Сахары и горных цепей, которые ее окружают.

Я узнал многое о жизни и привычке муфлонов, об условиях охоты за ними.

Я приобрел и некоторую опытность в хождении по африканским горам и их каменистым россыпям.

Теперь я мог отважиться на розыски муфлонов по скалам Эль-Кантары. Рене указал мне на своего приятеля, еще молодого араба, с которым он часто охотился. Ибрагим был очень привязан к Рене и сильно сожалел, что Рене не мог уже лазить по скалам.

Это он поймал для Рене молоденького муфлона.

Чуткая душа дикаря поняла, что для старика тяжела утрата своих сил и отказ от охоты за муфлонами. И вот он, желая утешить старика, принес ему с гор подарок. Подарок, за которым он лазил по горам три недели. Неотступно — как только может охотник — дикарь следил за животными, следовал за самкой муфлона и в конце концов выследил, когда и где у нее родился детеныш.

Рене советовал мне не обращаться к другим проводникам, которые постоянно водят путешественников.

С ними можно ходить целое лето и не увидеть ни одного муфлона.

И я, конечно, последовал совету Рене.

Ибрагим охотно согласился вести меня по горам, когда узнал, что я явился к нему от его друга.

Решили идти сразу на два дня и ночью сторожить муфлонов у водопадов.

Подъем свой мы начали со стороны оазиса, то есть с юга.

Сначала местность от источника повышалась полого и издали казалась совершенно ровной; вблизи вся она оказалась изрезанной узкими оврагами с глинистыми обрывами.

Там, в этих оврагах, ничего не росло, но наверху довольно часто попадались какие-то древовидные растения с очень мелкими мясистыми листочками.

Постепенно, ближе к массиву, стало увеличиваться количество камней и уменьшаться растительность.

Вскоре мы ступали по одним камням!

Они становились все крупнее и крупнее и перешли, наконец, в целые обломки скал.

Я заметил, что поднятие почвы шло со стороны пустыни, то есть с юга на север, и поэтому южная сторона была всегда круче северной.

Громадные скалы иногда загораживали нам дорогу. Мы спускались в узкую щель, карабкались наверх для того, чтобы опять сползать вниз.

Часам к 10 утра мы поднялись лишь наполовину, но зато отошли очень далеко от оазиса.

Здесь был какой-то хаос. Казалось, что лишь недавно в этом месте произошел громадный обвал, который загроздил в беспорядке всю эту местность каменными глыбами.

Глаз мой привык видеть европейские горы, которые всегда украшались если не густыми лесами, то великолепной горной травой.

Там не было растительности или на отвесных скалах, или на покатых камнях, где нельзя было удержать ни семени, ни пыли. Тут же лишь с большим трудом, как какую-либо редкость, в глубокой щели откроешь маленький колючий кустарник или какую-нибудь чахлую, низкорослую травку.

Палящая жара, от которой камень и вся почва раскалялась здесь, как в печи, испаряла влагу, сушила семена, и теперь, как пять и десять тысяч лет тому назад, здесь была точно такая же убогая, несчастная растительная жизнь... Но о богатстве прошлой жизни говорили многочисленные окаменелости, торчавшие в камнях. Они указывали на те времена, когда эти каменные громады лежали на глубине морского дна, усеянные разнообразными древними видами моллюска.

Теперь же в каменных щелях ютились лишь пресмыкающиеся, настоящие сухопутные животные, и для них достаточно той влаги, которая находится в теле их добычи.

Юркие ящерицы, еще более ловкие гекконы и, наконец, неуклюжие шипохвосты попадались здесь, кажется, чаще, чем растения.

Они приспособились к этим камням, приспособили и желудки свои к продолжительным и частым голодовкам.

Я не удивлялся тому, что они живут в таких местах.

Но как могут здесь жить муфлоны? Ведь они теплокровные, жвачные животные! Для их крупного тела нужны огромные количества растительной пищи.

А как раз ближе к морю, где растительность гораздо богаче, — муфлоны не живут.

Что же удерживает их от переселения на другие горы? Чем объяснить, что они ютятся только по голым южным склонам Эль-Кантары?

И я не мог найти другого разрешения этой загадки, кроме великого закона всего животного мира — приспособления.

Муфлоны приспособились к этим горам. Их стальные, упругие ноги развились только благодаря твердой каменной почве, на которой каждый прыжок, даже самый рискованный, проходит для муфлонов благополучно.

Камень, как бы он мал ни был, не дает ошибки муфлону.

Ибрагим утверждал, что муфлон прыгает на зубцы скал, и если найдет место, чтобы поставить четыре ноги, то он уже может там отдыхать.

По восточной привычке украшать свою речь, Ибрагим клялся Аллахом, что муфлон мог бы стоять целую вечность на его ладони. Оставляя эти клятвы на его совести, я все же видел, что горные бараны и горные козлы выбирают преимущественно самые голые скалы.

Серны селятся значительно ниже: их место на границе лесов и тучных лугов. Они избегают таких скал, где живут горные бараны и козлы.

Как по своей величине, так и ловкости они значительно уступают горным баранам и козлам.

Косули и аисты селятся еще ниже, в области лесов. Они предпочитают лесистую, мягкую почву твердому камню и скалам. И эти места создали им продолжительность, быстроту бега, но в лазании по скалам и прыжкам их нельзя сравнивать даже с сернами.

Ибрагим указал мне на кустики и травки, которыми питаются муфлоны.

Это большею частью были или тонкие былинки, или же колючие кустики.

Иногда около этих кустиков виднелся крупный двукопытный отпечаток следа муфлона.

Он походил на след обыкновенного барана, но имел более длинную, суженную форму.

Приходилось верить, что этих колючих кустиков и тонких былинки оказывалось достаточно, чтобы поддерживать круглый год жизнь мощных муфлонов.

Вместе со следами муфлонов изменился и характер местности: появились желтоватые известняки. Они поднимались отвесными террасами, и мы подолгу шли возле них, выискивая место, чтобы вскарабкаться.

В некоторых местах приходилось пробираться по узкому карнизу, рискуя каждую секунду оборваться. Наконец и карнизы, и желтые осыпи остались у нас внизу. Мы выбрались на вершину хребта.

Ибрагим добросовестно карабкался на каждый выступ и смотрел вниз, в надежде отыскать муфлона, но его старания не увенчались успехом. После 10-часовой невероятно утомительной ходьбы мы спустились вниз к одной террасе. Здесь из скал просачивалась маленькая струйка воды.

— Сюда, — сказал Ибрагим, — приходят муфлоны на водопой. Сегодня жаркий день. Завтра, наверно, придут.

— А они каждый день пьют? — Нет, бывает, что по нескольким дням без воды остаются. Наши арабы внизу все источники заняли. Туда муфлоны боятся ходить, а по верху мало воды. Зимой, после дождей остается много воды в лужах. Тогда они пьют здесь. А летом дождей мало, и верхние источники пересыхают. Вот этот источник мой, он никогда не пересыхает. Я сделал лужу, чтобы воды всегда было много.

И он указал мне на небольшую впадину, в которой скапливалась вода.

— А другие охотники не ходят сюда? — спросил я.

— Наши арабы не любят ходить высоко, а проводники сюда не поведут. Они водят там, где никогда муфлонов не бывает.

Я никому об этом источнике не говорю.

Я тебя привел потому, что ты приехал от моего приятеля. Для него я все сделаю, о чем он меня ни попросит. У нас такой закон.

— Видишь, муфлоны были здесь, — разглядывая перевернутые камешки, сказал он мне.

— Значит, здесь, — сказал я, — мы будем ночевать?

— Да, — ответил Ибрагим.

— Ну, вот и отлично! Мне очень есть хочется, — и я начал снимать со спины свой мешок с провизией.

— Что ты, что ты! — чуть не с ужасом остановил меня Ибрагим. — Мы будем кушать дальше. Нужно, чтобы тут ни одной крошки не было! Муфлоны никогда сюда не придут, если услышат запах человека, — и он потащил меня от источника.

Только шагах в 300 от него он остановился и нашел, что здесь мы можем есть.

После еды и отдыха, почти в сумерки, мы отправились к источнику.

Предстоял еще один подвиг.

Ибрагим находил, что самое лучшее место для ожидания муфлонов — это один уступ посредине отвесной скалы. И вот мы начали карабкаться...

Этот подъем был не едва ли труднее всего нашего пути, хотя поднялись мы не выше 10—15 сажен.

На ровной площадке, шириной не больше сажени, мы расположились на ночлег.

— Здесь самое лучшее место! С какой стороны муфлон ни придет к воде, он не почует нас, — сказал Ибрагим.

Я согласился с ним. Место для наблюдения было выбрано действительно великолепное.

Сзади нас поднималась отвесная каменная стена, а под нами громадными уступами уходили вниз причудливые зубцы скал, освещенные последними кровавыми лучами солнца Сахары.

Мы лежали бок о бок друг подле друга. Мне как-то не хотелось говорить ни о чем.

Потухающие лучи заходящего солнца, длинные темные тени скал, удивительная тишина создали у меня какое-то благоговейное настроение.

Раньше здесь было море! Быть может, глубокая мрачная бездна!

Теперь здесь 1 1/2 версты высоты над нами, и всего лишь маленькая струйка воды, еле просачивающаяся из этих твердых каменных громад. Но эти твердые каменные громады, которые так мощно выдвинулись среди пустыни, не застыли в своей неподвижности!

Они трескаются, шатаются, рассыпаются на тысячи обломков и скатываются на самый низ, туда, в пески Сахары.

А эти тонкие нежные былинки, которые безудержно тянутся к свету, солнцу...

Коротка их жизнь...

Одно дыхание горячего сирокко [1] — и они уже желтые, блеклые.

Разве не с упорством утверждают эти колючие низкие кустики, разве не выпускают они ежегодно молодых побегов, чтобы длинная, узкая морда муфлона обрывала их постоянно?

Но ведь и муфлоны живут не вечно.

Лишь постоянными нарождениями все новых и новых поколений поддерживается их вид. Только длинными поколениями, теряющими свое начало, в седой древности, вырабатывались их тело, мощь, ловкость.

Каждый орган — рога, копыта, отдельная шерсточка — мог бы рассказать интересную историю своего происхождения, вызванного тем же вечным движением и вечною изменяемостью всей природы!

Дорогой ценой, ценой жизни всех слабых, плохо приспособленных, утверждается жизнь каждого вида на земном шаре!

И чем крупнее животное, чем больше в нем мощи и красоты всего тела, тем все труднее и труднее становится для него жизненная борьба!

Муфлон крупное животное — и муфлон редкое животное африканских гор.

Быть может, недалеко то время, когда муфлоны исчезнут совсем!

Эти прелестные горы сделаются еще пустыннее. Они лишатся своего главного украшения: мощных, красивых животных с громадными закрученными рогами и длинной шерстью спереди.

В думах и полусне быстро прошла летняя ночь, и в сумерках наступающего дня я увидел муфлона.

Медленно, степенно приближался он к лужице. Это была самка, она не имела таких больших рогов, как самцы, и волосы на ее шее и ногах не были так длинны, как у них. Сзади мелкой походкой за ней бежал детеныш.

Это был второй Коки. Такой же молоденький, с маленькими рожками и такой же игривый.

В полной уверенности в своей безопасности, покойно подошла мать к водопою и начала пить.

Она пила медленно, много, детеныш шаловливо два раза ткнул ее в бок своими коротенькими рожками, но она не обратила на это внимания.

Точно изваянная статуя резко вырисовывалось ее крепкое, короткое туловище в предрассветной мгле!

Как я жалел, что я не скульптор и не мог изваять такое же красивое, сбитое тело, в такой красивой позе, как видел тогда!

Медленно она оторвалась от воды, повела вокруг головой и медленными шагами стала удаляться.

По временам, на ходу, она нагибала голову и срывала подвернувшуюся травку.

Иногда вспрыгивала на большие камни, которые стояли на ее пути, и так же легко и красиво соскакивала с них.

Детеныш повторял за ней все ее движения и прыгал на то же самое место, на котором стояла раньше мать.

С нашего возвышения я мог долго следить за удаляющейся матерью и ее молодым детенышем.

Мои вчерашние грустные мысли рассеялись.

Резвый, игривый детеныш был для меня эмблемой утверждения и продолжения жизни муфлонов на горах Эль-Кантары.

Я понял теперь, почему такой страстный охотник, как Рене, щадил жизнь муфлонов и прекратил охоту на них.

Жалко уничтожать красоту природы, которая так долго и упорно создавалась.

Жалко уничтожать то, что мы не в силах восстановить вновь...

[1] Южный ветер в Сахаре, несущий невероятный зной, сухость и поднимающий пыль и песок. Очень опасен для людей, застигнутых в песчаных дюнах.

А. Чеглок

ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ

Это было давно. В той части света, где все наоборот.

Тогда, когда у нас в России трескучая зима, там знойное, сухое лето; а когда у нас лето, там на двух-трех самых высоких горных вершинах можно видеть снег. Там звери несут яйца, там птицы устраивают себе беседки для забавы, там утки сидят на деревьях, а гуси — с куриными клювами, там лебеди — черные.

У нас белые лебеди водятся лишь в тех местах крайнего севера, где есть много озер и болот и где еще мало живет людей, да еще немного гнездовых их в Крыму и возле Каспийского моря. В других местах СССР лебедя не найдешь.

В Австралии тоже во многих местах лебеди совершенно не водятся. Но там, где они находят для себя удобные места, их можно встретить во множестве.

Впрочем, теперь мало осталось таких мест. Болота, озера и тихие заводи рек остались, но черных красавцев уже нет там, куда проник белый человек.

До прибытия белых людей в Австралию (около 150 лет тому назад) у черных лебедей было мало врагов.

Австралийскому длиннохвостому орлу такая крупная и сильная добыча вряд ли под силу.

Летают черные лебеди очень редко. С земли они поднимаются с большим трудом, да и с воды они поднимаются не сразу.

Но когда они поднялись, то полет их становится быстрым. Бывает, что во время таких редких перелетов какой-нибудь молодой лебедь отстанет от стаи и, утомившийся, станет добычей орла.

Но все же черный лебедь — не добыча для австралийских длиннохвостых орлов, которые меньше наших беркутов.

Не страшен для них и самый ужасный четвероногий хищник Австралии — динго (одичавшая собака).

Лебеди большую часть жизни проводят на воде, а динго страшен на суше. Мало вреда доставляет он и их гнездам. Черные лебеди предпочитают гнездиться на островах или в таких топких местах, куда динго пройти трудно.

Больше вреда приносят их гнездам дикари. Во время гнездовья они появляются в тех местах, где водятся лебеди, и разыскивают их яйца.

Но и эти набегі черных не уменьшают количества лебедей. Дикари — плохие пловцы, лодок у них нет: лишь редкие из них умеют сделать из коры эвкалиптуса убогий челнок, чтобы переплыть реку. Поэтому они разоряют только те гнезда, которые находятся недалеко от берега, к которому они могут подойти.

С поселением белых в Австралии дело изменилось к худшему не только для черных лебедей, но и для всего живущего, не исключая и самих дикарей.

Белые видели в черных лебедях большой кусок мяса, который очень легко можно было добывать с помощью ружья.

Лебеди отличались доверчивостью. При приближении к ним они даже не улетали, а только отплывали подальше, чтобы бросаемые в них бумеранги [1] не достигли их.

Но белые не бросали бумеранги, они бросали в лебедей свинец. Свинец летел дальше бумеранга и гораздо чаще приносил смерть.

Белые убивали лебедей десятками, они гонялись за ними на лодках.

Редко после охоты белых в речной заводи или в озере оставался в живых лебедь-другой. Их крупная величина и черный цвет не дают им возможности прятаться в траве так хорошо, как это делают водяные курочки или утки.

И лодки белых с верхом наполнялись убитыми птицами.

Белые начали заселение Австралии с прибрежной полосы, постепенно распространялись вглубь и оттесняли черных лебедей все больше внутрь материка.

Но не одних черных лебедей вытесняли белые. Они вытесняли и дикарей с прибрежной полосы.

Дальше от моря находится меньше рек и озер. Они не так удобны для гнездовья. И гнезда с большей легкостью, чем раньше, находились дикарями.

Кроме того, с уменьшением для дикарей охотничьих участков с крупной дичью, вроде большого кенгуру, эму, казуаров, дикари стали более тщательно разыскивать лебединые яйца.

* * *

Лишь только кончился август и дыхание весны пронеслось над Австралией, от весенних дождей начала пробиваться травка; выгоняли свои длинные толстые стрелки с яркими цветами разнообразные луковичные; кора эвкалиптусов трескалась, отставала от стволов и висела на ветках как мочало.

Усерднее запели птицы, и у многих из них яркими переливами заблестели перышки.

Почувствовали весну и черные лебеди. У самцов лишь немного ярче стали их красные носы, но внутри них вселилось беспокойство и задор...

Они часто вытягивали свои длинные шеи, клали их на воду и издавали громкие трубные звуки, которые звучали торжественно.

Они меньше заботились о пище, стали больше плавать, летать, осматривать островки, узкие косы...

Потом они как будто успокоились, и каждая пара начала держаться небольшого местечка. И горе тому, кто переступал границы владения, отмеченные в голове какого-нибудь самца. Незванный пришелец подвергался яростному нападению.

Еще большее ожесточение вызывала та пара, которая хотела занять для гнезда место, облюбованное другой. Тогда шел упорный бой, бой до изнеможения, причем самки своим шипением поощряли бойцов...

В тех редких случаях, когда пришельцу удавалось отбить место, победа давалась ему нелегко.

Старые владельцы несколько раз возвращались на свое место, и самцы каждый раз вступали в упорные бои друг с другом до тех пор, пока, наконец, общипанный, избитый владелец не чувствовал, что он не в силах отстоять своего места, и не уплывал на поиски нового места для гнездовья.

Но вот у всех места выбраны, дыхание волшебной весны пробуждает новые стремления.

Черные лебеди начинают отрывать стебли и складывать их в одну кучу.

Во время этой работы, как во время крестьянской страды, кормление совершается урывками: нужно скорее, скорее закончить работу. И огромная, аршина в полтора, куча воздвигается где-нибудь в укромном месте, — среди травы на островке или даже прямо на воде. Гнездо так велико, что оно не тонет далее тогда, когда оба лебедя заберутся на него.

Когда гнездо готово, самка выщипывает у себя перья и пух и обкладывает ими внутренность гнезда.

В приготовленное таким образом гнездо она кладет 4, 5, иногда даже 7 крупных, грязно-серого, слегка зеленоватого цвета яиц и начинает высидывать их.

Коснулось дыхание весны и дикарей. Их вечно голодные желудки, подверженные всем случайностям бродячей охотничьей жизни, стали настойчивее просить более обильной пищи.

Группа дикарей, около тридцати человек, двинулась к одному озеру, соблюдая величайшие предосторожности.

Они знали по горькому опыту, что ужаснее всего для них встречи с белыми.

Впрочем, они находились далеко от белых, а озеро лежало еще дальше от их поселений.

Они благополучно достигли его. Мужчины выбрали укромное местечко для становища и отправились на охоту вдоль озера, а женщины принялись собирать кору с эвкалиптусов и строить убогие навесы, защищавшие, пожалуй, от солнца, но не от непогоды.

Предполагалось провести здесь побольше времени. Кроме черных лебедей, на озере гнездились много всякой другой водяной птицы.

Четыре дня прошло для дикарей в полном довольстве. Ели яйца, ели лебедей, уток. Птицы было вдоволь...

* * *

После полудня к ферме мистера Фирта подъехало несколько верховых, все грозно вооруженные ружьями, кинжалами и огромными пистолетами.

Свора собак бешено накинулась на них, стараясь стащить их с лошадей.

Однако такая встреча казалась очень приятной для прибывших. Послышались одобрительные отзывы и более частое, чем нужно, щелканье кнутов, чтобы вызвать у собак еще больше злобы.

На собачий лай вышел из дома мистер Фирт; он отогнал собак и позволил таким образом всадникам сойти на землю.

Гости вошли в комнату и таинственно начали шептаться с хозяином. После этого тот вышел и стал поспешно собираться.

Через несколько минут он вошел, тоже обвешанный оружием, и направился на двор. За ним вышли гости. Хозяин поймал четырех собак на смычку. Гости стали садиться на лошадей. Фирт также сел на лошадь.

— Папа, ты куда едешь? — закричала девочка, выбегая из-за сарая.

— На охоту за черными лебедями, — ответил отец.

— Зачем же ты собак берешь? Ты говорил, что они пугают дичь и всегда мешают.

— Нет, сегодня они нам будут помогать, — ответил отец.

Спутники засмеялись.

— Привези для меня черного лебеденка!

— Хорошо, — ответил отец, нахмурившись.

— Прощай же, — сказала девочка, подбегая к отцу.

Отец остановился, поднял ее и поцеловал.

— Прощай, моя крошка, будь умницей, — сказал он, нежно глядя ее по голове.

— Не забудь же привезти что-нибудь хорошее или черного лебеденка! — крикнула девочка вслед уезжавшему отцу.

— Да, да, — досадливо проговорил отец, точно ему было неприятно это поручение и он желал скорее уехать от дочери.

— Хотел бы я знать, что хорошего вы можете привезти дочке с нашей охоты. Разве голову черного? — спросил один из спутников мистера Фирта и грубо захохотал.

— О, мистер Шорт, не будем говорить об этом, — с раздражением проговорил Фирт. — Я, кажется, скоро совсем откажусь от этих охот.

— О да, когда мы очистим наши земли от черных дьяволов, тогда мы будем охотиться на черных лебедей вроде английских лордов.

— Вы лучше расскажите, где вы их видели, — перебил Шорта Фирт.

— Сегодня утром я хотел было собрать лебединых яиц и поехал к озеру. Вижу, на другом берегу его копошатся черные; пронюхали, что на озере много лебединых гнезд, вот и захотели покушать яиц. Я, конечно, был настолько великодушен, что не захотел их обижать и решил отказаться от своей охоты. Тихонько повернул лошадь и поехал звать соседей.

— Вы думаете, что мы еще застанем их там? — спросил Фирт.

— Непременно. Разве кто-нибудь из них заметил меня? Но и тогда мы догоним их. Собаки ваши укажут нам следы их.

Было пять часов; солнце находилось близко над горизонтом. Дикари окончили свою дневную охоту и разместились у огней, каждый со своей семьей.

Предстояло самое приятное занятие: съесть то, что успели добыть за целый день. Все были довольны и веселы, раздавался смех, ребяташки прыгали, вырывали друг у друга куски, швыряли их, гонялись друг за другом.

Четыре дня хорошей еды заставили забыть все невзгоды бродячей полуголодной жизни. Был забыт и страх перед белыми. Довольство и покой царили над становищем неприхотливых людей.

А с озера неслись тревожные звуки разъяренных самок, осиротевших самцов...

В мощных трубных звуках черных лебедей не слышалось уже торжества...

В хриплых звуках цапель и в тревожном, частом утином кряканье звучала тоска по потерянному...

Все птичье население было встревожено, и с каждым днем их тревога росла все сильнее и сильнее. Все больше и больше становилось обиженных, разоренных.

Если мужчины и женщины искали гнезда лебедей и уток, то детишки шарили по берегам и разыскивали яйца куликов, пугалов, водяных курочек и других мелких птиц. И эта мелюзга тоже жаловалась, тоже пищала своими тонкими голосами о своем горе, таком же великом, как и горе лебедей и других крупных птиц.

Но кто внимал их жалобам. Солнце равно светило как для обиженных, так и для обидчиков.

Только легкий вечерний ветерок далеко-далеко разносил по пустыне птичьи стоны и прятал их там в густых кустах и в листве деревьев.

Но вдруг раздались выстрелы, собачий лай.

Поднялось неопишное смятение. Несколько мужчин оказались убитыми, остальные побежали. Женщины схватили маленьких детей и тоже бросились врассыпную.

Собаки, спущенные со смычек, ворвались в становище, хватили черных за ноги и валили на землю. Выстрел из ружья или пистолета ускорял их работу, и они устремлялись за новою жертвою.

Большинство женщин кинулось к озеру, надеясь там в высокой траве скрыться от

преследователей. И как будто они не ошиблись: их не стали преследовать. Собачий лай и выстрелы начали удаляться от них.

Погоня направилась за теми мужчинами, которые надеялись скрыться в лесу.

Выстрелы стали раздаваться все реже, и собачий лай доносился все слабее и слабее.

Но это было только потому, что число дикарей все больше и больше уменьшалось.

Собаки знали хорошо свое дело и гнались по пятам за убегающими.

Всадники тоже не отставали от них, стреляли в дикарей, и дикари падали, сраженные их пулями.

Не довольствуясь тем, что они перебили всех дикарей, которых видели, белые несколько раз возвращали собак к становищу, и собаки вновь отыскивали какого-нибудь спрятавшегося мужчину или подростка. Потом собаки побежали к озеру, и тут дело дошло до женщин и маленьких детей.

Там, где собаки останавливались и прыгали, всадники въезжали в воду и находили где-либо торчащую черную голову матери или ребенка; быстрый выстрел из пистолета в мать погружал в воду и ребенка.

Лишь одной женщине удалось спастись от смерти. Она более других растерялась сначала, и в то время как некоторые женщины тут же, у становища, поскорее прятались в траву, она бежала с двухгодовалым сыном вдоль берега до тех пор, пока не добежала до узкой косы. Она побежала по ней.

Вспомнила, что на этой косе влево есть гнездо лебедя, из которого она взяла яйца. Она поспешила туда, положила в лебединое гнездо своего сына, забросала его травой, а сама вошла по горло в воду. Возле себя она увидела кучу растений. Она схватила эту кучу и положила себе на голову.

Это спасло ее от белых.

Собаки примчались по ее следам, а за ними и мистер Фирт. Сначала они добежали до воды, куда вошла дикарка, но потом вернулись к гнезду и начали разрывать его.

Вскоре из гнезда раздался детский крик, и собака вытащила мешок из меха кенгуру.

Фирт спрыгнул с лошади, взял мешок. В глубине его он увидел плачущее черное личико двухгодовалого мальчика.

— Что у вас тут? — спросили его спутники, подъезжая к нему.

— Черного лебедя нашел, — ответил тот и с этими словами вытащил ребенка из мешка.

— Ха-ха-ха! — раздался громкий смех. — Все равно как Моисей в корзинке. Ишь, хитрые какие!

— Пожалуй, теперь в каждом лебедином гнезде сидит такой лебедь.

— Размозжьте ему голову, чего он пищит! — сказал Шорт.

— Собаки, верно, тяпнули!

— Жалко, что совсем не разорвали, — меньше бы возни было. Прикончите его скорее, чего время терять... — сердито сказал Шорт.

Но Фирт медлил.

Заплаканные глаза ребенка, с дрожащими на них слезами, со страхом глядели на него, и в его сердце шевельнулась жалость к нему. Он вспомнил свою дочку.

— Едемте, едемте скорее, уже поздно. Бросайте его в воду, что ли, — торопил Шорт Фирта.

— Нет, я его возьму с собой. Пусть это будет подарок моей дочке. Скажу, что черного лебедя привез вместо куклы.

— Ха-ха-ха! — опять раздался смех.

— Вы хорошо придумали. Если бы еще найти, я тоже взял бы.

— Да, это лучше кукол. По крайней мере покупать не нужно.

— И не бьются.

— А если разобьются, то невелика потеря, — раздались голоса.

Тем временем Фирт вложил ребенка опять в мешок, привязал мешок к седлу, и колонисты отправились домой. Их охота на черных оказалась очень удачной, и они весело разговаривали друг с другом о своих метких выстрелах.

Они уехали. И после выстрелов, собачьего лая и их криков на озере наступила тишина.

Солнце погасло. На небе зажглись звездочки.

Птицы, напуганные выстрелами и криками, затаили свое горе и молчали.

Молчаливо было и становище дикарей. Тихо догорали головни костров, временами освещая распростертые трупы с лужами крови возле них.

Сиротливо стояли убогие шалаши с висевшими на них мешочками. Белые не польстились на эти мешки. Они знали, что все богатство дикарей заключалось в кореньях и желтой и белой глине, которой они разрисовывали себя во время своих праздников.

Их целью был не грабеж, а “очищение страны от черных” [2].

Но вот с озера опять понеслись птичьи звуки.

Спасенная от смерти дикарка стояла долго в воде.

Выйдя из воды, она осторожно, как зверь, стала пробираться к лебединому гнезду.

Вот она уже у него. Ее сердце замирало от ожидания.

Но увы! Она увидела пустое гнездо. Ребенка не было. Не было и мешка.

Она слышала близко около себя голоса белых; она слышала их ужасный смех.

Где ее ребенок? Где он? Если бы они убили его, то он был бы здесь.

Она побежала к становищу, но всюду, к своему ужасу, натыкалась на трупы... Ее сына между ними не было.

Она заглянула в свой шалаш, потом в другой, она металась во все стороны, но ребенка нигде не было.

Она хотела найти хотя бы труп его. Ей легче было бы перенести его смерть, чем такое непонятное для нее исчезновение, и она бегала взад и вперед по нескольку раз, заглядывая в лица убитых и каждый раз все с большим ужасом отворачиваясь от них.

А вместе с молочным туманом с озера поднимались скорбные звуки черных лебедей, и звуки эти поднимались все выше и выше к небу.

Вскоре к этим звукам присоединились новые звуки, звуки скорби, боли непереносимого страдания матери и человека перед ужасом всего происшедшего.

И эти звуки тоже расплывались в молочном тумане, поднимались вверх к небу, расходились по широкому простору пустыни...

Ветер так же заботливо прятал их вместе с лебедиными криками в чаще деревьев и кустарников, а далекие звезды бесстрастно мерцали в глубине южного неба.

Среди ночи раздались новые звуки, визгливые, крикливые звуки динго, почуявших запах крови и пришедших закончить дело белых.

И эти звуки, вместе с материнскими стонами и лебедиными криками, ветер также относил в простор пустыни и прятал в гуще листвы... чтобы поведать потомкам о делах их отцов.

Это было давно, очень давно, в той части света, где все наоборот.

Много тайн, кровавых тайн хранится там. Кровью черных людей написаны они на земле.

Но новые пришельцы закрыли свои глаза от этой крови и свой слух от скорбных песен ветра.

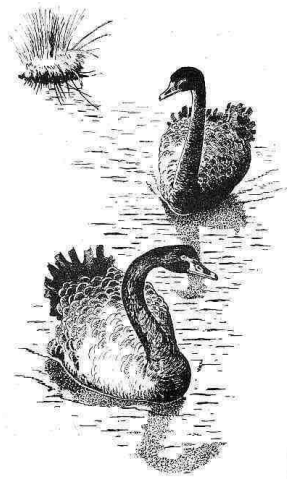
Уничтожение черных людей так же мало тревожило их, как и уничтожение черных лебедей.

Они так же черствы и так же жадны к наживе, как отцы их...

...Это в той части света, где все наоборот.

[1] Бумеранг — изогнутая узкая и заостренная дощечка, которая при бросании начинает вертеться все сильнее и сильнее, в случае промаха бумеранг описывает круг и возвращается к тому месту, откуда его бросили.

[2] Такое выражение было принято среди белых колонистов, которые уничтожение дикарей считали таким же необходимым делом, как и очистку своих земель от сорных трав и кустарников.

В. Потиевский

ИРБИС

Человека он увидел, когда уже приготовился прыгнуть на добычу. Намеченная ирбисом жертва — горный козел — тоже заметил человека. Хотя его, ирбиса, не видел. Эти крупные сибирские козероги, с длинными массивными полукруглыми рогами ловко бегают по скалам — вверх и вниз. У них зоркие глаза, быстрые ноги и острый слух. Они осторожны и стремительны. Но ирбис осторожнее и стремительнее их. Иначе бы погиб с голоду.

Он опасался людей, сторонился их следов, хотя здесь, в горах, эти следы были редки. Зверь заволновался, длинный его хвост стал нервно подергиваться. Но снежный барс был очень голоден, долго выслеживал козлов, а человек появился пока вдалеке. И ирбис только на миг задержал свой бросок.

Он кинулся на крайнего козла, взлетел в длинном прыжке, взметнув мерзлые брызги снега... Этого короткого мига задержки оказалось достаточно, чтобы зверь опоздал.

Козлы, испуганные человеком, рванулись с места, и хищник, промедливший мгновение, промахнулся. Точнее, почти промахнулся. Промахнись он совсем, ничего плохого бы не случилось. Не прошло бы и половины суток, как он настиг бы другую жертву и насытился. А этот неудачный прыжок обошелся ему дорого. Очень дорого...

Он зацепил козла только одной передней лапой за заднюю ногу, точнее — за бедро, и не удержал. Крупный сибирский козел, уже рванувшийся с места, увлек за собой хищника. И тот, выпустив добычу, заскользил по наклонному уступу, царапая когтями мерзлый снег. Неподалеку скала обрывалась, а внизу, скрытая в голубом морозном тумане, зияла пропасть.

Зрелый, хотя и нестарый самец, ирбис имел уже немалый горный и охотничий опыт. Большую часть своей жизни и охоты он проводил высоко в горах, поднимаясь к вечным снегам. Но иногда, следуя за добычей, спускался даже в предгорья.

Здесь, где он выследил козлов, высота была невелика, еще росли одиночные деревья, и это оказалось решающим в его судьбе. Пропитанные насквозь горным зимним морозом, кривые и низкорослые, они одиноко темнели среди белых и голубых снегов, вцепившись узловатыми корнями в скалы, охватывая ими расщелины, трещины, выступы.

Инерция массивного тела влекла его к обрыву. Сползая задом, чувствуя смертельную опасность, зверь отчаянно вонзал когти в плотный мерзлый снег, пластом прижимался к его поверхности. Даже подбородком он пытался задержаться, затормозить, обдираясь в кровь, оставляя клочья шерсти на снегу. Но тело неотвратно скользило к пропасти... Вот уже задние ноги повисли, ирбис отчаянно дергал ими в воздухе и через миг сорвался, но... В момент срыва почувствовал, как левым боком обо что-то задел. Молниеносным движением изогнулся, успел увидеть перед собой дерево и вцепился в него, обнял его обеими передними лапами. Это была небольшая сосна, ствол которой всего вдвое толще его лапы. Согнувшийся и прочный ствол рос чуть ниже кромки обрыва, выходя из оледенелой скальной трещины и загибаясь вверх. Как раз за этот изгиб и ухватился падающий зверь.

Он повис, раскачиваясь и дергая задними ногами, пытаясь найти для них опору. Но внизу

под ним была пустота. Он уцепился передними лапами за сосну так, как цепляются за последнюю надежду. Всю жажду жизни вложил он в эту хватку...

Человек видел все, что произошло с ирбисом. Он случайно вышел на зверя. Охота на горных козлов привела его на скалы возле знакомого ущелья. Здесь, на высоте около тысячи двухсот метров, ему и прежде случалось видеть козерогов, удавалось подстрелить.

Заметив снежного барса, охотник сразу же взял бинокль и с интересом наблюдал за ним. Он встречал в горах этого редкого зверя, но всего несколько раз, и все здесь, в районе Чуйских гор [1].

Он знал, что прыжки ирбиса огромны и точны. Увидев его промах, человек очень удивился. Однако все дальнейшее его взволновало. Охотник был сыном гор, частью природы своего родного края, и, если бы оставил зверя без помощи в таком безвыходном положении, он бы никогда себе не простил этого.

Жесткий снег звонко повизгивал под его горными ботинками. Он бежал осторожно, чтобы не поскользнуться, потому что на неровных скальных тропах и площадках, среди всюду разбросанных камней, можно сломать не только ногу, но и шею. На бегу он закинул ружье за спину. За несколько метров до обрыва скинул рюкзак и извлек бухту капроновой веревки.

Немногие охотники теперь знают это древнее искусство. Но его научил дед еще в детстве. С тех пор на охоте в горах это умение не раз выручало его. Он мог быстро и точно набросить петлю даже с тридцати метров. На выступ скалы или на шею зверя. Но здесь все было сложнее. Если ирбис повиснет в петле на шее, он будет мертв через минуту. А сколько времени потребуется, чтобы вытащить его — неизвестно. Ведь он весит немногим меньше самого охотника. Килограммов пятьдесят, пожалуй... Как же быть?..

Снежный барс покачивался, время от времени подергивая задними ногами, все еще надеясь найти для них опору. Он пытался подтянуть задние ноги к передним, к изгибу сосны, за который держался. Его зеленые глаза были полны ужаса. Увидев человека, он вдруг закричал. Дико, жалобно, по-кошачьи пронзительно и тонко.

Охотник обвязал конец капронового троса вокруг большого валуна, отмотал и отделил узлом лишнее. Завязал конец на камне намертво. Напрягаясь, потянул — проверил. Узел надежно затягивался. На свободном конце сделал петлю и приготовился.

Ирбис снова закричал, и человек понял, что зверь не боится его, а просит помощи. Куда же бросать петлю? После недолгих колебаний решился.

Осторожно подошел к самому краю обрыва, слегка размахнулся и, чуть отпрянув назад, бросил шнур. Годами отработанный навык не подвел — кольцо веревки точно легло на оттопыренную вперед заднюю ногу огромной кошки. Надо было, осторожно отходя назад, затянуть петлю и поднимать барса. Но он, ощутив трос, снова стал усиленно дергать ногами, стараясь найти какую-то опору, и охотник испугался, что зверь петлю сбросит. Ведь он мог сорваться с дерева каждый миг. Около десяти минут уже висел он. Сколько еще могут выдержать его лапы? Десять, двадцать минут? А может, две секунды? Только наброшенная петля была гарантией. Трос прочно закреплен на валуне, и, сорвавшись, зверь повиснет в трех-четыре метрах от уступа. Все-таки капрон есть капрон. Он выдержит и тонну.

Не дожидаясь, пока шнур слетит с ноги ирбиса, человек резко рванулся назад, но поскользнулся... И там же, на наклонном уступе, где с края обрыва сполз снежный барс, неумолимая инерция поволокла человека.

Сначала он растерялся, видя, что медленно и неотвратно скользит к пропасти, но сразу же успокоился. Ведь у него был капроновый трос, обернутый вокруг руки у локтя и надежно закрепленный на валуне.

Охотник перехватил шнур повыше, натянул и остановил скольжение. Подтягиваясь на веревке, встал, посмотрел за обрыв, который был рядом. Задние ноги ирбиса дергались, но петля плотно лежала на втором суставе лапы. А там, за зверем, метрах в трехстах внизу, сквозь редкий голубоватый морозный туман проглядывало черное дно ущелья.

Теперь, уже не спеша, человек затянул петлю и стал отходить к валуну. На скользком и наклонном уступе нельзя было торопиться. События только что напомнили ему об этом. Зайдя за валун, опираясь на него, охотник стал тянуть трос, который подавался с большим трудом.

Едва ирбис ощутил натяжение веревки на ноге, он почувствовал, что его спасают. Звери

чувствуют страх смерти даже лучше людей. Когда заднюю ногу потянули вверх, ирбис снова закричал. Протяжно, пронзительно, тревожно. Человек ясно слышал в этом крике зов о помощи. Крик был таким надрывным, что кровь стыла в жилах человека.

Барс не боялся петли, не страшился веревки, наоборот, он улавливал чутьем своей звериной души, что этот шнур соединяет его со скалой, со спасением, с жизнью. Но кричал он от страха. От ужаса перед этой бездонной и туманной пропастью...

Охотник видел, как на уступ поднялась сначала одна, потом зверь забросил и вторую лапу. Человек был в рукавицах, но капроновый трос под большой нагрузкой все равно резал руки, пот заливал глаза охотника. Но вдруг движение застопорилось. Сначала человек не мог понять, в чем дело. Потом понял: ирбис не отпускал ствол дерева. Он еще боялся пропасти и не мог отпустить спасительную сосну.

Охотник ослабил веревку и некоторое время отдыхал, сидя на корточках. Барс лежал неподвижно с минуту, потом вдруг встрепенулся, поняв, что уже спасен, что он на уступе, и сам попятился прочь от обрыва. Шнур уже надо было не тянуть, а только выбирать.

Возле валуна ирбис развернулся мордой к человеку и внезапно замер, словно осмысливая все, что произошло. Он долго смотрел в глаза охотнику, молча лежал на животе и подтянутых под себя лапах, тяжело, измученно дыша. И человеку вдруг показалось, что в зеленых глазах хищника светится недоумение. Может быть, это только показалось...

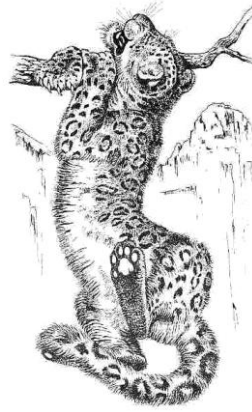
Охотник извлек острый нож. И в тот же миг зверь глухо зарычал и хрипло кашлянул. Человек знал, что это грозное предупреждение: слишком близко они были друг от друга. Легким движением он перерезал капроновый шнур и стал потихоньку отодвигаться от зверя, все время глядя ему в глаза. Метрах в пяти встал в полный рост, продолжая пятиться от ирбиса, от валуна, от пропасти. Отходил осторожно, чтобы не оступиться, и едва завернул за скалу, остановился. Минуты три переждал. Когда снова выглянул из-за поворота скальной стены, снежного барса уже не было видно.

Человек вернулся за рюкзаком и веревкой, осмотрел следы, зверь ушел шагом по скальной тропе вверх, дальше в горы. Он взгляделся в круглый след высокогорной кошки и, хотя видел и знал подобные следы, все равно удивился: след был не меньше чайного блюдца. Долго рассматривал отпечаток — круглая мохнатая ступня плотно ложилась в снег, цепляясь за него мехом, шерстинками, врезаясь крупными когтями. “Получше любых горных ботинок, — подумал охотник, — и как же он умудрился сорваться? Теперь погуляет с веревочкой. Да нет... Перегрызет, пожалуй, сегодня же”.

Он встал, подошел к месту, где зверь прыгнул, охотясь на козла. Достал рулетку, измерил длину прыжка ирбиса. “Ого! Почти одиннадцать метров! Ирбис — известный прыгун”.

А снежный барс в это время шел по узкой козьей тропе, не замедляя шага, не останавливаясь. Солнце уже поднялось над вершинами, яркий горный день начался и, отражаясь в снегах, сделал их из синих желтыми. Ирбис шел. Ему уже не хотелось охотиться, он не чувствовал голода, хотя давно ничего не ел. Только усталость, непривычная для сильного тела, отягощала его лапы, спину, хвост... Он хотел уйти подальше от того страшного места, от той туманной бездонной пропасти. Как будто не было перед ним сейчас такого же самого обрыва. Как будто вся его жизнь не состояла из бесконечной тропы над пропастью, бездонной и туманной.

[1] Центральный Алтай.

В. Потиевский

ЗАПАДНЯ

Савва браконьером не был. Только один раз приятель соблазнил его на лосиную охоту без лицензии. Он согласился, но страх все время тревожил его. Даже когда уже привез домой огромную лосиную ляжку, все равно не успокоился. И тем не менее что-то в этой охоте показалось ему привлекательным.

Прошло время, лосятина уж давно была съедена, а он все еще вспоминал тот лесной поход. И воспоминания то неприятно тревожили, то приятно волновали его. А когда тот же человек пригласил его снова в лес, Савва не нашел в себе сил отказаться.

Осень уже окрасила рощи в яркие цвета, продувные ветры пришли на поляны и опушки, но листва еще держалась на ветвях и снег не выпадал. Время охоты не наступило, но это, конечно, не было препятствием.

На этот раз они промышляли вдвоем. Саввин приятель сидел за рулем легкового “газика” и напряженно молчал. Три дня они мотались по лесным дорогам, по знакомым местам, но так лося и не встретили. Как сквозь землю провалились эти лесные великаны. Всегда их столько здесь было, а тут ни одного! Пару раз видели следы на дороге, глубоко вдавившиеся в мокрый грунт. Но след сразу же уходил в лес и терялся на пожухлой траве и палых листьях. В общем, выстрел из машины так и не состоялся.

И сейчас, переплывая озеро на лодке, Савва с досадой вспоминал те невезучие дни, раздражение, владевшее ими обоими, и думал о неудачах, которые зачастили к нему в этом году.

Лодка уже приближалась к камышам, осталось грести каких-нибудь пять минут, потом совсем немного пройти до знакомого клюквенного болота. Савва опустил весла, взял свою большую плетеную корзину, постелил на ее дно полиэтиленовую пленку и, когда снова хотел взяться за весла, удивился: у самой лодки плыла какая-то коряга... В следующую секунду он просто обомлел: в двух метрах от лодки, рассекая шеей и грудью воду, плыл лось. Большие ветвистые рога старого быка, которые Савва чуть не принял за корягу, отражались в гладкой воде и казались от этого двойными.

Никаких мыслей не было. Только неудержимый азарт, кипучая страсть охотника, добытчика, овладела Саввой. Ружья у него не было, не было даже топора. Но он просто не мог упустить долгожданную добычу, ускользнувшую еще позавчера, на той безрезультатной охоте с “газиком”.

Лихорадочно оглядев лодку, Савва увидел длинный плоский шнур, вроде вожжей, которым он швартовался; не раздумывая, схватил его и быстро и ловко набросил петлей на рога плывущего зверя.

Сохатый помотал головой, насколько это было можно на плаву, и только ускорил свое движение по воде.

Лодка тянулась за ним, как на моторе. Савва привязал веревку к носу лодки, где уже был закреплен второй конец, затем убрал весла в лодку. Он хотел подумать, что дальше делать, как справиться со зверем. Но думать надо было раньше. Теперь на это не оставалось времени — лось уже выходил на отмель.

Берег был отлогий, песчаный, сплошь усеянный камнями — большими и малыми. Бык

быстро выбрался на песок и побежал. Савва видел, как могучий зверь проскочил между двумя большими валунами... Что произошло в следующую секунду, Савва не понял. Резкий удар бросил его на дно лодки, одновременно раздался короткий и громкий треск, и наступила темнота.

Через несколько минут оправившийся от страха Савва разглядел, что темнота неполная. Он лежал на спине лицом вверх и вдруг осознал, что смотрит в небо через узкую, не более пяти сантиметров, щель над головой. Попытался подняться, это ему удалось, но встал только на корточки и то сильно сгорбившись. Больше свободного пространства не было. Он ощупал над головой и с боков — борта, шитые доской внахлест. Днища у лодки теперь не было — борта сходились книзу узким острым клином. Савва не мог понять, как получилось такое.

Дело в том, что, когда зверь пронесся промене валунов, лодка, которую он волочил, оказалась много шире просвета между каменными глыбами. Она вошла туда носом, упираясь в валуны бортами, и, увлекаемая могучим быком, стремительно двигалась дальше. Ее борта, сдавленные каменными глыбами, с треском сложились, соединившись вверху. Борта захлопнулись, как створки капкана, над головой Саввы. Он оказался в плотной деревянной западне. А лось, оборвав веревку, удалился, вовсе не озабоченный судьбой браконьера-неудачника.

Прошло не меньше часа, прежде чем Савва полностью очухался, осознал все, что произошло, оценил свое положение, взвесил все имеющиеся шансы. Шансы эти были мизерными: перочинный нож в кармане. Им, пожалуй, можно прорезать борт, но на это уйдет не один день, потому что нож тупой и маленький, а доски толстые, старые, крепкие, смоленые... И еще: маленькая надежда на случайных прохожих. Даже очень маленькая, потому что здесь не улица города, а лес за озером, которое Савва переплыл. Правда, на том берегу есть деревушка, но там всего два жилых дома, и это ведь за озером, не меньше двух километров по воде, а по берегу и того дальше...

Сначала Савва сидел скорчившись и плакал. Потом стучал ногой в борт лодки и кричал, чтобы его слышали. После этого долго прислушивался. Ветер посвистывал и завывал в бортах, шелест близких волн звучал в ушах Саввы гулко и угрожающе, усиленный закрытой лодкой, как корпусом гитары.

К счастью, на руке были часы, и он не потерял счет времени. Резать, точнее, ковырять борт ножом было очень неудобно. Маленькая ребристая рукоятка врезалась в руку больше, чем лезвие в доску, которое оставляло в дереве лишь не очень глубокие царапины. Савва работал отчаянно, но результатом были только кровавые мозоли на руке, а потом и на другой, когда он сменил руку.

К вечеру он почувствовал голод, очень хотелось пить и еще кое-что хотелось. Но Савва вынужден был терпеть. Ладони горели, а в борту лодки появилась только узкая впадина шириной в сантиметр и длиной не больше ладони, — прорезать доску насквозь пока не удавалось. Савва был в отчаянии. Он подолгу отдыхал, лежа на спине, поджав ноги, потому что их некуда было вытянуть. Лежал и думал. О жизни и смерти. О силе и мудрости природы. О том, что могучий лось сейчас разгуливает по лесу, а он, Савва, сидит в деревянной западне, в которую его посадил именно тот самый лось. Думал о том, что это, пожалуй, и справедливо. Он знал, что рано или поздно выберется из плена, обойдет озеро и доберется до деревни. Но все это будет не скоро и не легко. И снова хватал ножичек, втыкал его в плотную, прочную, закорстевшую доску и ковырял, ковырял, ковырял...

Как-то быстро стемнело, и через щель вверху стали видны звезды. В эту пору вместе с ночью в лес уже приходил холод, но внутри своей тюрьмы Савва не мерз. Видимо, надышал, да и почти все время работал. Хорошо еще, что не было дождя.

И вдруг случилось несчастье. Сломался нож...

Савва осмотрел, точнее, ощупал в темноте обломок, торчащий из доски, и понял, что теперь ковырять нечем. В бессильном отчаянии несколько раз ударил ногой по борту. Доски загудели, гул подхватил ветер и, подвывая, долго всхлипывал. Савве показалось, что даже природа смеется над ним. Было странное ощущение: свобода, жизнь совсем рядом, всего чуть больше двух сантиметров — толщина доски — отделяет Савву от мира. Но тем не менее он в прочной ловушке, из которой освободиться должен сам. Он вытер невольно выступившие

слезы, устроился поудобнее, если это понятие вообще подходило к его положению, и решил спать.

Спас его знакомый мужик из этой самой деревушки, где было два жилых дома. Утром он собирался на рыбалку, вышел осмотреть озеро: откуда ветер, сильная ли волна? И заметил на другом берегу странный серый предмет между камнями, которые утром выглядят совсем белыми. Это была как будто бы лодка... Откуда там быть лодке на рассвете? Да вроде и Савва, который приезжает сюда из города, вчера еще утром ходил возле соседней пустующей избы. Уж не случилось ли чего?

Он прыгнул в лодку, переплыл озеро и, разрубив топором доски, освободил пленника...

Когда они уже отгребали от берега, вдруг послышался треск ломающихся сучьев. Оба обернулись: вдоль отмели, по лесной опушке, проходил крупный лось. Савва тотчас узнал “своего” быка.

— Жаль, ружья не прихватил, — проворчал Саввин спаситель.

— Да иди ты со своим ружьем! — так цыкнул на него Савва, что тот опустил весла.

Савва стоял в лодке, замороженно глядя на огромного рогатого зверя, и вдруг непроизвольно стянул с головы кепку... Стояла нетронутая тишина. Только дважды невдалеке фыркнул уходящий лось.

В. Потиевский

ВОР

Звали его Вор. И надо сказать, что не без оснований. Деревня, в которой он поселился, была небольшой — дворов тридцать. И все здесь — от мала и до велика — знали, что он обитает в деревне, называли его не иначе как только Вором и очень желали с ним расправиться. Но не тут-то было. Где он живет, не знал никто.

А он устроился на деревенской окраине под избой, точнее, под сараем, пристроенным к избе. Под тем же домом, с той стороны, где был курятник, поселилась его подруга — самка с четырьмя щенками. Нижний венец избы подгнил, и новые непрошеные жильцы разместились внутри бревна, в дупле, предварительно расчистив его от трухи.

Крупный — с большую кошку, — сильный, ловкий и хитрый, Вор умел мгновенно исчезать, затаиваться, быстро и неслышно пробегать по открытому двору и скрываться неизвестно где. Но все это были чужие дворы. В своем, где жил, он кур не трогал, и никто не подозревал, что его гнездо находится именно там. Этот небольшой зверь — лесной хорек — нарушил спокойствие целой деревни.

Он не участвовал в кормлении своих детенышей — это делала мать, — но весьма оберегал выводок. Черный хозяйский кот, пытавшийся как-то ночью сунуться в гнездо с хорятами, едва унес ноги. С тех пор он сторонился этого края избы и к курятнику даже близко не подходил. Иметь дело с Вором, ловким и злым, было опасно.

Вор и самка теперь охотились в поле на полевков и других грызунов. Всех домашних мышей и крыс в “своей” и соседних избах они переловили за несколько ночей, и теперь

домашние грызуны попадались только случайно. Те, что как-то ускользнули от облавы первых ночей.

Наступил август. Дни стояли солнечные, ночью земля обильно отдавала тепло, и на уже скошенных полях в такие ночи охоты проходили удачно. Отец и мать сытно кормили хорят. Однако щенки, прозревшие только месяц назад, сами ходили на охоту с родителями и нет-нет да и ловили полевок. Еще небольшие — примерно вполовину роста хорька, — они стали уже ловкими, быстрыми, обросли красивым пушистым светлым мехом.

Так продолжалось бы и дальше. Хори охотились, детеныши их росли, а люди в деревне уже смирились с существованием Вора, и их ненависть к нему стала уже чем-то обыденным, не требующим необходимых срочных действий. Но возникли обстоятельства, Вор ими воспользовался и совершил дерзкое нападение, еще раз уверенно утверждая продолжение разбойничьих традиций старинного хорькового племени.

Дело в том, что до этого случая Вор и самка охотились в основном на грызунов, а из домашних животных — только на кур. В деревне разводили немало кроликов, но пока хорьки их не трогали. Одно дело — проникнуть в курятник, где и щель удастся отыскать, и подгрызть доску вполне можно, да и пол земляной, значит, подкоп тоже годится. Совсем другое — кролики. Чтобы до них добраться, надо влезть в клетку, обтянутую металлической сеткой.

Вор уже не раз примерялся к этим клеткам, однако они всегда были плотно закрыты, и, хотя кролики испуганно метались, учуяв хищника, он был безопасен для них, потому что проникнуть в клетку не мог. Пробовал сетку зубами, пытался под дверцу просунуть лапу — все было бесполезно. Клетка казалась неприступной.

И вот однажды ночью, возвращаясь после охоты с поля, Вор, недостаточно сытый, заглянул в сарай к кроликам. Лаз ему был известен, еще прежде он сделал проход, расширив щель под стеной, чуть подрыв землю. Когда подошел к клетке, сразу заметил изменения: дверца была чуть приоткрыта...

Спавшие кролики вмиг проснулись, заматались по клетке, но было поздно. Стремительный и бесшумный хорь мгновенно задушил самого крупного и, схватив добычу, выскользнул из клетки. Пришлось, однако, повозиться, прежде чем удалось протащить кролика через лаз.

Это происшествие взбудоражило маленькую деревню. Никто не подумал о том, что причина всему — незапертая дверца клетки. Людям вдруг показалось, что этот ненавистный Вор взялся теперь за кроликов. Он передушит их, как передушил в деревне множество кур. И все с особым рвением стали искать его, выслеживать. Каждому казалось, что сегодня ночью хорь побывает именно у него в крольчатнике. Возникло острое общее желание — во что бы то ни стало выследить разбойника, отыскать его убежище. Это стало как бы первостепенной необходимостью.

Люди, даже женщины и дети, стали внимательно разглядывать каждый след: действительно ли кошка здесь прошла? Или это хорек свои следы под кошачьи маскирует? Такая бдительность неожиданно дала результаты.

Хозяин той самой избы, под которой обитало семейство хорей, вдруг вспомнил, что однажды его кот пришел до смерти перепуганный, с окровавленной мордой и потом долго не выходил из избы, словно опасался чего-то. Хозяин вышел во двор и решил внимательно обследовать землю, забор, курятник — в общем, все на своем дворе. И он обнаружил следы, похожие на кошачьи. Отпечатков нашел всего три-четыре, там, где лежал влажный песок. Потом на траве след терялся, направляясь именно к избе.

Все это весьма озадачивало. Хозяин не был охотником, но ему показалось, что здесь прошел не кот. Он внимательно осмотрел нижние венцы избы, не заметил ничего подозрительного. Постоял, подумал. И все-таки решил проверить все до конца.

Он вернулся через несколько минут, ведя за ошейник соседского пса. Некрупный, но злой цепной кобель тоже не был охотником. Но и его заинтересовали следы, ведущие к избе. Чуть ли не бороздя носом землю, он бросился к дому со стороны курятника, сразу нашел лаз, который вел в гнездо самки, несколько раз ткнулся туда мордой и злобно, заливисто залаял.

Хозяин понял все. Надо было рубить бревно, чтобы добраться до злодея, который, без сомнения, затаился здесь. Видя, что собака с азартом облаивает лаз под избу, он побежал за

топором.

День уже клонился к закату, а топор куда-то запропастился. Надо было торопиться, потому что, пожалуй, через полчаса уже начнет смеркаться. Хозяин искал не любой, а свой плотницкий топор, острый как бритва. Только им можно было вырубить бревно и быстро добраться до цели.

Оставшись один, цепной пес лаял еще более злобно, и вдруг произошло нечто совсем неожиданное. Он услышал за своей спиной странное шипение. Обернулся и удивился.

Небольшой зверь, злобно шипя и рыча, стоял против него. Бесшабашный и самоуверенный пес тотчас кинулся на зверька. Черной молнией мелькнула спина Вора — он увернулся от собачьей пасти, успев основательно хватануть пса за нос. Кобель взвизгнул от неожиданности и боли. В это время появился хозяин с топором, но хоря уже не было, он скрылся под домом, едва слышались шаги человека.

Звонко и зло лаяла собака, звонко и зло рывкал топор, врезаясь в сухое старое дерево. Рядом, у стены, теперь стояло ружье — на случай, если хорек выскочит во двор. Куры сустились и кудахтали. Самка, хорята и хорь вздрагивали от каждого удара топора.

Но хозяин не успел. Спасительные сумерки уже напоздали на деревню, погружая в полумрак дома, дворы, заборы, землю и траву.

Выход оставался один — отложить дело до утра. Конечно, хорь может сбежать, но выбирать не приходилось. О том, чтобы ловить его, быстрого и юркого, в темноте, не могло быть и речи. Подобрал большую тряпку, человек плотно и тщательно заткнул лаз, чтобы хищник не мог выбраться, и ушел. Пес, взлаивая, тоже удалился.

У хорей было несколько лазов, и с наступлением полной темноты и тишины в деревне они покинули гнездо. Но ушли не сразу.

С рассветом хозяин вышел из избы с топором и ружьем в руках и убедился, что тряпка на месте. Это его успокоило. Он снова начал рубить бревно и вдруг почувствовал какую-то тревогу. Он сперва не мог понять: что же беспокоит его? Что? Потом сообразил — тишина в курятнике.

Он бросился туда... То, что он увидел, поразило его. Все его куры — их было более тридцати — вместе с петухом лежали вповалку на полу курятника. Они были задушены.

Как говорят люди, Вор ушел, громко хлопнув дверью...

В. Потиевский

МСТИТЕЛЬ

Бурый сидел у муравейника. Потом встал, зашел с другой стороны, снова сел. Аккуратно и тщательно он выбирал муравьиные яйца. Было тихо в лесу. Начинался восход, и яркий край сентябрьского солнца лениво выползал из-за дальней тайги, озаряя желтыми лучами стволы сосен и елей, белый ягельник на валунах, зеленые пушистые мхи возле корней дерева и стоящий рядом с елкой серый холмик муравьиного жилища.

Разворошив лапами муравейник, медведь совал туда морду и быстро извлекал языком личинки. Потом морду отдергивал, фыркал, сдувая с носа муравьев, которые так и норовили

укусить его в мочку. Облизнувшись, он снова вторгался — теперь уже лапой — в слой личинок и тотчас отправлял их в пасть.

Время от времени Бурый встряхивал лапами, всеми четырьмя поочередно. Иногда слизывал муравьев с лапы своим темно-серым языком. Они не могли прокусить толстую кожу, но неприятно бегали по голым подушечкам пальцев и особенно между пальцами, раздражая этим медведя.

Бурый очень любил муравьиные яйца. Он выбирал их быстро, ловко, аккуратно, хотя и ел вместе с попадавшимися на язык муравьями. После этого лакомства во рту приятно холодило, и сам он испытывал состояние веселости и игривости, — оно наступало от муравьиной кислоты.

За этим приятным занятием Бурый забылся и, увлеченный муравейником, вовремя не заметил опасности...

Острая, жгучая боль внезапно стегнула его по правому боку. Было ощущение, будто множество мелких и острых колючек в один миг впилось в его бок... Бурый взревел, вскочил, мгновенно обернувшись в сторону опасности, и увидел обидчика. Это был человек, и в руках у него ружье еще дымилось от выстрела.

Охотник уже не первый год весной и осенью стрелял птицу, на зверя ему ходить не случалось. Тем более на медведя. Но уж очень соблазнительной показалась ему эта добыча. Зверь его не видел и не слышал, занятый своим муравьиным лакомством. И охотник решил, что легко застрелит его с такого близкого расстояния. Правда, в ружье были патроны на утку — с мелкой дробью. Однако охотник знал, что сначала дробь летит “пулей”, не рассеиваясь, и с близкого расстояния как пуля и поражает. До медведя было метров двенадцать. Перезарядить, конечно, нельзя. Зверь услышит щелчок и наверняка убежит. Охотник на мгновение задумался, но колебался недолго. Азарт и жадность заслонили все...

Он поднял ружье, тщательно, не спеша, прицелился и дуплетом выстрелил. Дробь жгучей, болезненной волной хлестнула медведя, пробив шкуру и застряв в жире и в мышцах, чем привела миролюбивого зверя в злобное неистовство.

Рев Бурого был таким грозным и громким, что затрепетали ветви берез и осин, и даже иголки посыпались с ближней елки. Вопреки ожиданию охотника медведь не упал замертво после выстрела, а с громоподобным ревом кинулся на человека. Но только долю секунды тот оставался в замешательстве. И хотя зверь был стремителен, охотник оказался проворнее — он спасал свою жизнь.

Когда Бурый преодолел разделявшее их расстояние, — а сделал он это молниеносно, — человек уже влез, точнее, почти взлетел на толстую высокую елку. Он ободрал себе ладони рук, колени, даже лицо, но успел. Потом вдруг с ужасом подумал, что медведь тоже ведь может влезть, он прекрасно лазает по деревьям. Но зверь остался внизу.

Сначала он нашел брошенное человеком ружье и остервенело разгрыз приклад. Потом стал ходить вокруг дерева, мягко ступая широкими когтистыми лапами, и человек видел, как перекачивалась по могучим мускулам спины его темно-бурая шкура. Зверь ходил, потом садился, задира голову вверх, угрожающе размахивал передними лапами, качал головой — то в стороны, то — вверх и вниз и ревел. Человек слышал в его реве и боль, и обиду, и ненависть, и угрозу. Мрачно и непримиримо звучал голос зверя. Когда он время от времени задира голову, охотник хорошо видел его налитые кровью и злобой глаза, и ему было страшно. А если вдруг и вправду полезет?

Уже высоко вошло солнце, полдень наступал теплый и почти безветренный. Охотник сидел на толстом суку, обхватив руками ствол и глядя на медведя, который расположился внизу, у самых корней сосны. Зверь был очень крупным, пожалуй, килограммов на четыреста... Он то сидел, то ложился, не оставаясь долго в одной позе, и все время стонал. Иногда его стон переходил в тяжелый вздох, и зверь после этого на некоторое время затихал. В такие минуты человеку казалось, что медведь дремлет. Потом вдруг Бурый поднимался, начинал снова ходить вокруг дерева и реветь. И опять садился, продолжая извергать рев, и, как прежде, раскачивал головой и размахивал передними лапами. Ему было больно, раненый бок жгло, хотя и не так сильно, как это было сначала. Зверь уже немного привык к этой боли, она его не пугала, но и не стихала ни на миг, что еще больше злобило медведя, снова и снова вызывая в нем жгучее, нестерпимое желание мести.

Человеку повезло. Небольшой рюкзачок, который он всегда брал на охоту, так и висел у него за плечами и теперь оказался весьма кстати, ведь там была еда. Хотя всего-то четыре бутерброда и термос с чаем. Но в таком положении это было богатством. Охотник съел один бутерброд и выпил полчашки чая. Остальное снова уложил в рюкзак и привязал его к суку. Было ясно, что медведь отсюда скоро не уйдет.

Конечно, охотник понимал, что долго он не усидит на дереве, если не привяжет себя к нему, но это было не так просто. Толстый ствол дерева невозможно было охватить брючным ремнем. И тогда охотник ножом, что был у него на поясе, отрезал нижнюю часть штормовки, расплосовал ее на ленты, скрутил их жгутами и связал. В итоге у него получилась длинная веревка, и он смог надежно привязать себя к стволу, опоясав шнуром. И еще привязался за верхний сук, пропустив веревку под мышками. Теперь можно было расслабиться и подремать, тем более что сидеть на суку было и неудобно, и тревожно.

Через несколько десятков метров отсюда, за оврагом, пролегала широкая утоптанная тропа, по которой обычно ходили люди. Но сегодня с самого утра ни одной живой души на тропе не было видно. Охотник расположился высоко и хорошо обозревал и овраг, и тропу и теперь полагался только на нее, на охотников с ружьями. Он уже не рассчитывал, что этот упорный медведь покинет его. Судя по всему, надеяться на это не приходилось.

Бурый сидел, опираясь о землю передними лапами, и негромко, глухо урчал. Могло показаться, что зверь иногда забывал о своем пленнике, погружаясь в дремоту. Но это было не так. Бурый каждый миг помнил о своей мести. Внезапно он встал, подошел к дереву, поднялся на дыбы, оперся передними лапами о ствол и, вскинув морду вверх, снова заревел.

Человек, судорожно сжимая в руке охотничий нож, с ужасом смотрел на эту ненавистную ему темно-бурую морду. Хотя, говоря откровенно, у Бурого было не меньше причин для ненависти...

К вечеру пошел дождь. Охотник пытался подвинуться под лапу ели, но это ему не удалось — он был привязан. Пробовал на время отвязаться, однако узлы намокли и не поддавались. Через полчаса дождь прекратился, но он уже вымок до нитки.

Зверь, как прежде, был внизу. Во время дождя он почти не намок — выбрал наиболее укрытое место под елкой. Да еще и шумно отряхнулся, и, глядя на это, охотник, оставшийся в мокрой одежде, позавидовал ему.

Бурый иногда смотрел вверх, надеясь дожидаться расплаты. С наступлением сумерек раненый бок стал болеть сильнее, и зверь временами стонал. Ему тоже хотелось есть и особенно пить, но жажда мести была сильнее. Пока шел дождь, Бурый ловил губами струйки, стекающие с дерева, потом лизал влажный мох и хотя жажду не утолил, но стало немного легче. Он поглядывал на своего врага, сидящего на елке над ним. Бурый, конечно, мог залезть на дерево, но опасался. Все-таки человек был сверху, и это создавало какую-то опасность, если лезть к нему. Привычней и проще расправиться с ним на земле. И Бурый ждал.

Ночью заметно похолодало, и охотник согревался движением. Он беспрестанно сгибал и разгибал руки и ноги, двигал ими до изнеможения, и только благодаря этому ему удалось не окоченеть. Когда поднялось солнце и неожиданным теплом обласкало его, он сразу же заснул сладким сном вконец измученного человека.

Последний бутерброд он доел под вечер, допив одновременно и последний глоток чая.

Почти непрестанно охотник наблюдал за тропой, но людей все не было. Еще в конце первого дня он пытался звать на помощь, кричал: “Спасите”, “Помогите” и просто “А-а-а”, но только раскатистое эхо было ему ответом. Он смолк уже в полной темноте, прокричав более часа и почти сорвав голос. Понял, что кричать бесполезно, и с тех пор молча следил за тропой и зверем, пытаясь сберечь последние силы.

Снова наступила ночь. Он смотрел на яркие звезды, висящие над горизонтом, и сквозь озноб и стук зубов улавливал в своем мозгу какие-то путанные, неясные мысли, среди которых четко отпечатались одна: лес, сама тайга защищается от него, от охотника, зубами и когтями, всей мощью этого медведя. Словно в полусне била в мозг навязчивая мысль, и его, уже обессиленного, снова охватывал ужас.

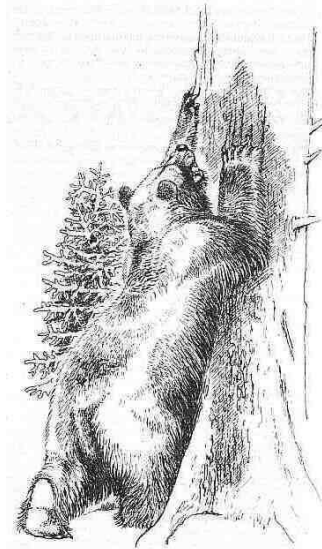
К полудню следующего, третьего, дня охотник увидел людей, их было трое, с ружьями и рюкзаками. Они не спеша шли по тропе. Он их видел, хотя их силуэты расплывались в его

глазах и временами розовый болезненный туман совсем застилал его зрение.

Он напрягся изо всех сил, чтобы позвать их, но только едва слышный хрип вырвался из его горла. А люди, всего в каких-нибудь сорока метрах от него, уже проходили мимо. Как ни странно, спас его Бурый, спас от самого себя. До сих пор давно уже молчавший медведь вдруг снова заревел. То ли вспомнил про выстрел, то ли неудачно облокотился на раненый бок. Люди услышали медвежий рев, обернулись в эту сторону и сразу увидели, что на дереве кто-то есть...

Заметив подходивших людей с ружьями, Бурый удалился. Уходил неохотно, сердито ворча и все время оглядываясь на сидящего на дереве обидчика. Но — месть местью, а свою шкуру тоже поберечь надо. И мститель убрался в чащу.

Когда охотника сняли с дерева, он был без сознания. Две недели пролежал в больнице, а еще через два месяца к нему возвратился дар речи. Но и потом, уже спустя годы, к нему еще являлась во сне огромная темно-бурая морда и блестящие, налитые кровью глаза зверя, горящие ненавистью.

В. Потиевский

ВЕПРЬ И БОЯРЫШНИК

Он знал здесь каждую тропу, лощину, речку, рошу, бродил по падам и урочищам, рылся в земле, вслушивался и внюхивался в тайгу.

Летом было хорошо, сытно, тепло. Зимы он переживал с трудом, но все-таки переживал. Особенно трудной оказалась последняя зима. Она была седьмой в его жизни.

От бескормицы он заметно отощал и ослаб, но едва сошел снег, как открылись прошлогодние желуди, земля прогрелась, и стало легко и удобно раскапывать корни, да и трава, молодая, ярко-зеленая, сразу проклюнулась. Клыкастый целыми днями рылся в почве, и силы быстро возвращались к нему.

С самого раннего возраста он жил один. Иногда — бывало это в разное время года — примыкал к табуну соплеменников, кормился вместе с ними, порой даже развлекался, толкаясь и бегая, но привычка снова возвращала его к одиночеству. И хотя дикие кабаны, все, которых он знал в округе, жили группами, объединившись в табуны — по пять, восемь, пятнадцать и даже более особей, Клыкастый жил один.

В те короткие периоды — неделю или две, — когда Клыкастый подсоединялся к сородичам, они с заметным почтением относились к нему. Даже секачи, что были постарше, уступали ему дорогу, — и самки, и самцы признавали его своим властелином. Да и он, будучи с ними, всегда оказывал покровительство и защищал табун. Потому что был очень крупным и сильным. И это видели и понимали все. Даже враги. Не раз Клыкастый отгонял волков от табуна, а самого его, когда он бродяжничал, серые вообще сторонились.

Однажды нос к носу встретился он с медведем. Но и этот могучий хозяин сибирской тайги не решился напасть на Клыкастого, понимая, что схватка с таким огромным секачом опасна даже ему.

Но был у Клыкастого серьезный враг, о котором кабан не забывал никогда, — охотник,

все лето проводивший в лесной избушке вместе со своим злым и крикливым псом.

На зиму человек покидал таежное жилье, и Клыкастый оставался один на один со стужей и голодом. Но ему и этих двух противников хватало с лихвой, чтобы измотать до предела. Весенние дни для него были избавлением и благодатью.

В тайгу пришел август, теплый, богатый созревающими ягодами и лесными плодами. Дикie яблоки, желуди, орехи, всевозможные травяные корни — в лесу было много пищи.

В жаркие дни Клыкастый отлеживался возле мокрых болот на мягких, пушистых и сырых мхах. Иногда купался в болотных лужах, — он умел находить такие скопления воды с твердым грунтом и безошибочно определял и обходил опасную трясину.

Этот памятный день начался не очень жарко, с утра заморосил дождь, тучи затянули все небо, и легкий ветер принес в тайгу прохладу и избавление от назойливого гнуса, злых кровососущих мух и комаров.

Клыкастый неторопливо двигался по узкой звериной тропе, обходя широкую топь. Влажный грунт, истоптанный кабаном и оленями, там, где тропа опускалась в низины, превратился в коричневую кашу, и копыта секача звучно чавкали. Когда же тропа взбегала на бугорок, где земля, усыпанная хвоей, была сухой, ноги Клыкастого ступали мягко, и тогда он шел совершенно беззвучно.

Но вот он остановился, настороженно приподняв и повернув крупную голову. Его чувствительный пяточек чуть подрагивал, обросшие густой шерстью уши замерли, и короткий хвост, вытянувшись назад и немного вверх, застыл неподвижно.

Недалеке лаяла собака. Клыкастый сразу узнал голос пса. Уже не раз ему приходилось удирать от этой привязчивой лайки, которая вела за собой по следу Клыкастого его давнего врага — охотника.

Клыкастый бежал, ломая кусты, торопливо ударяя копытами в землю. Она то гудела от этих ударов, то, шурша, выбрасывалась из-под ног кабана серыми или черными комьями или обрывками зеленого мха.

Он не просто убежал куда глаза глядят. Нет. У него было свое достаточно надежное убежище, пожалуй, недоступное его преследователю — человеку.

Кабан чувствовал, что собака и охотник ищут его, и он спешил, торопился туда, в густые, непроходимые заросли дикого боярышника.

Увлеченное повизгивание пса, идущего по горячему следу зверя, звучало уже почти рядом, когда Клыкастый достиг своего убежища. Он все-таки успел.

Ползком пролез под широко разросшимися, густо переплетенными колючими ветвями и, пробравшись через широкую полосу жесткой, ошестинившейся длинными шипами преграды, оказался на открытой поляне, плотно окруженной зарослями боярышника. Уже не первый раз Клыкастый скрывался здесь, и всегда охотник посылал к нему только собаку, пытаясь и надеясь выгнать зверя из-под защиты колючек на открытое, доступное охотнику место, на выстрел.

Человек тоже помнил этого кабана. Его раздражало, что зверь уже трижды еще в прошлом году уходил от него, прячась в колючих зарослях. Пролезть туда самому было нельзя. То есть продрасться ползком вообще-то можно было, но секач вполне мог встретить его своими страшными клыками при выходе из-под зарослей и, пожалуй, не дал бы и выстрелить. А рисковать собственной жизнью, пусть даже из-за самой желанной добычи, охотнику не хотелось. И он снова послал собаку. Его опытный и смелый охотничий пес, как ни странно, боялся кабана. И дело было вовсе не в размерах зверя, хотя, конечно, кабан был огромен — не менее трех центнеров весом... Обычно упорный, вязкий, отчаянный кобель, он умел остановить лося, даже медведя не боялся и хватал зубами за зад, успевая вовремя отскочить. Охотник слышал, как в прошлый раз в его злобном лае отчетливо звучали нотки страха. Человек не мог видеть того, что происходило за стеной зарослей, но по звуку и интонациям лая догадывался, что секач не стоит на месте и тем более не пятится от собаки. Судя по всему, он все время нападал, нещадно гоня пса, угрожая ему своими острыми и кривыми клыками.

Вот и сейчас снова был слышен злой лай с четким оттенком визгливости. Да и шел пес на этого секача неохотно, без обычного неудержимого злобного азарта, человек еще прежде заметил это.

Он окликнул собаку, и через минуту пес уже явился к нему, тяжело дыша, разбрызгивая

изо рта тягучую пенистую слюну усталости. Кобель не рвался обратно к зверю, как это всегда бывало на охоте, казалось, что он втайне даже рад был прервать эту охоту и явиться по вызову хозяина. Кабана слышно не было, но он, конечно, оставался там.

Человек ласково потрепал собаку по голове, чтобы успокоить ее. “Да хрен с ним, с этим секачом! Не первый он у меня и не последний. Пусть живет, раз уж такой умник, черт бы его побрал... А то еще пса моего задерет...” — подумал охотник и пошел в сторону своей лесной избушки, решив больше вообще не трогать этого одинокого самца.

После ухода охотника Клыкастый почти полдня отдыхал. Забрался на мшистую мягкую кочку на краю болота и спал на ней, удобно улегшись на животе. Усталость сморила его. И не физическая, нет. Он был готов бегать целый день. Просто сегодня сильно перенервничал. Остервенело гоняясь за собакой, он все время помнил, что за колючей стеной боярышника его ждет смерть — охотник с оружием.

Кабан встал с лежки под вечер, побродил немного, разминая мышцы и конечности. Потом долго собирал желуди в дубняке, рылся в почве, извлекая травяные корни, — так и прошел весь день. В сумерках опять забрался в свой любимый и надежный боярышник и завалился спать — теперь уже до утра...

Прошел почти месяц. Охотник за делами и не вспоминал об этом кабане, но обстоятельства сложились так, что человек снова встретился с ним, только на этот раз вовсе не в боярышнике.

Тихий и ясный осенний день подходил к концу. Охотник сидел в домике, топил печь и готовил ужин после долгого дня ходьбы по тайге. Он не столько охотился в лесу, сколько собирал, заготавливал целебные травы. Только вот кабанов стрелял на мясо, да и — уже осенью — птицу.

Внезапно у крыльца заливисто и злобно залаял пес. Лай был громким, остервенелым, будто кто-то страшный пришел сюда по его собачью душу...

Человек вмиг схватил ружье и выскочил за дверь. То, что он увидел, было сверх всяких ожиданий. У самого крыльца, метрах в трех от ступенек, стоял старый его знакомый секач. Он был действительно огромен. Прежде охотник видел его издалека, а теперь он стоял рядом, и его вид производил внушительное впечатление. Густой и длинный волос на холке был очень темным, хотя уже светлые пятна седины тронули щетину. Белые длинные клыки угрожающе торчали вверх-вперед. Зверь молча стоял и смотрел на человека, никакого внимания не обращая на собаку, которая буквально бесновалась, захлебываясь от лая, но соблюдая безопасную для себя дистанцию.

Охотник очень удивился и озадачился. В любом другом случае он бы, не раздумывая, застрелил зверя. Но кабан пришел сюда сам. Зачем?.. Для чего пришел? Непонятно. А убить зверя, который сам пришел к человеку, это уже не охота. Это злодейство!.. Зачем же он пришел?..

Охотник резко прикрикнул на пса и загнал его в дом. И в этот момент вепрь, молчаливо и неподвижно стоявший, вдруг так же молча повалился на левый бок... Человек быстро, однако осторожно подошел к нему.

Кабан был жив, но дышал тяжело, часто, болезненно. Едва взглянув на него, охотник заметил неестественное вздутие, похожее на нарыв, на боку, чуть сзади правой передней ноги, почти под мышкой. Он осмотрел и ощупал больное место. Глубоко в тело зверя вошла длинная — не меньше трех сантиметров — колючка от его любимого боярышника. Видимо, когда он пытался ее вытащить и терся о стволы деревьев боком, то загнал этот шип так глубоко, что и теперь его сразу не выдернешь...

Человек взрезал гнойник, извлек колючку, вычистил рану, промыл раствором марганцовки. Все это время кабан глухо стонал, тяжело дыша раскрытым ртом. Охотник кинул зверю под бок охапку сена, и тот здесь же и пролежал два дня и две ночи и только пил воду, которую ему подавали в миске. Сначала пил, приподнимая голову, потом, на вторые сутки, уже вставал и, выпив воду, снова здесь же ложился.

На третий день утром Клыкастый уже лежал на животе, а не на боку и дышал ровно, без натуги. Ему стало легче. Он внимательно наблюдал за человеком, но спокойно позволил ему снова осмотреть и промыть рану. Видимо, на роду у него было написано, чтобы его спас

человек, который хотел убить его, а надежный спаситель и защитник кабана — боярышник — чуть его не погубил.

Охотник положил на землю возле зверя несколько картошин и кусок хлеба, и секач почти сразу же все съел. Ушел он в тот же день к вечеру. Рана уже затягивалась и подсыхала.

Человек долго смотрел вслед кабану, и даже пес, уже не гавкая, провожал Клыкастого взглядом...

Спустя неделю, как-то вечером возвратившись из тайги, охотник был снова удивлен. Его знакомый, клыкастый и гривастый огромный вепрь, снова стоял у крыльца. Он с приветливым любопытством смотрел на своего исцелителя, дружелюбно переступал ногами и, видимо, ожидал гостинца — что-нибудь вроде картошки или хлеба. Он уже считал человека своим другом.

В. Потиевский

СТРАНСТВИЯ И СУДЬБА ЧАНГА

Зверь шел по распадку. На мгновение остановился, прислушался, едва подергивая кончиком длинного, нервного, подвижного хвоста. Бесшумно ступая мягкими лапами по опавшей желтой листве, по зеленому хвощу и пожухлым осенним травам, он спустился к ручью. Приник грудью к земле, и, едва касаясь воды пушистым белым подбородком, долго и с удовольствием пил чистую прохладную горную воду, осторожно, по-кошачьи, лакая ее широким розовым языком. Огромная светло-коричневая мочка носа мокро поблескивала на утреннем солнце, длинные усы шевелились, потому что Чанг во время питья всегда морщил щеки.

Он жил здесь уже одиннадцать лет. Бродил по долинам, склонам и распадкам родных своих отрогов Сихотэ-Алиня, охотился, отдыхал, играл, чаще всего один, резвясь, бегая и прыгая, особенно по первому снегу. Правда, с годами он стал сдержаннее — и резвился теперь реже, чем в ранней молодости, и волновался меньше в ожидании добычи.

Встреч с людьми он избегал всегда. Хотя и влекло его к человеку сильное, подчас почти неодолимое любопытство, но он всегда помнил ту верную науку, которая вошла в его мозг вместе с материнским молоком, — сторониться людей, обходить их жилища. Он уже давно ушел от матери, ушел, когда ему было три года, но строго соблюдал все, к чему она приучила его. Опытная старая тигрица, она передала своему питомцу не только навыки и приемы охоты на изюбра или на кабана, она научила его внимательности и осторожности, без чего не прожить в тайге даже тигру. И главное, научила относиться уважительно к грозному соседу, уже давно пришедшему в тайгу, к человеку Чанг помнил свою мать. После ухода от нее он встречался с ней в тайге всего только два раза, они весело играли, катаясь по январскому снегу... Но это было давно, ему тогда еще не исполнилось и пяти лет. Потом больше никогда он не видел ни матери, ни ее следов. Он не знал, что той же зимой ее убили браконьеры. Убили, чтобы она не охотилась и не ходила там, где они стреляют изюбров.

Низиной он обошел склон сопки. Его длинное крупное тело беззвучно скользило между стволами дуба, ольхи и осины, корейского кедра и амурского бархата [1]. Яркие, желтые спина и бока, покрытые черными поперечными полосами, словно сливались с пестротой осенних лесных красок, и тигр был почти невидим. Шкура плавно и быстро перекачивалась на лопатках и

бедрах, подчеркивая выпуклость и совершенство могучей мускулатуры зверя. Было по-прежнему тихо, только щебетали и пели ранние птицы, радуясь солнцу.

Но вот Чанг замер, вытянув стрелой хвост, поднял голову, чуть приподняв верхнюю губу, и пошевелил усами, тщательно внюхиваясь в тишину леса. Потянуло знакомым и влекущим духом. Пригибаясь к земле, длинной тенью тигр проскользнул вперед и снова замер. Теперь он ясно различил запах кабана, но этот запах обеспокоил его. Кабаном пахло и у самой почвы, и повыше, запах добычи висел в воздухе, щекоча ноздри, раздражая и волнуя хищника. Но было в этом духе и что-то неприятное, беспокоящее, отпугивающее тигра... Он сделал еще несколько шагов и принялся к свежему следу. Глубоко вдавившиеся во влажный грунт широкие парные копыта вепря оставили густой и едкий дух старого секача. Тигр хорошо знал этого зверя, который обитал поблизости и по тяжести и силе своей наверняка не уступал самому Чангу. И он, и молодая тигрица, что охотилась на этих же угодьях, обходили одинокого старого и сильного кабана. Нападать на него было опасно. Конечно, в самое голодное время, суровой и жестокой зимой, Чанг, пожалуй, и решился бы на эту охоту, но сейчас, когда в тайге и так хватает добычи, нападать на огромного клыкастого противника не было надобности.

Тигр свернул и стороной обошел лежку вепря, которая была где-то впереди, неподалеку. Затем поднялся на склон сопки и двинулся вдоль широкого таежного распадка по склону, шагов на тридцать выше низины. Сверху удобней было обозревать негустую в этом месте тайгу, в надежде увидеть среди стволов березок, кедров и кленов, обвитых лианами китайского лимонника, силуэт или тень добычи.

Обошел один распадок, второй, пересек низину, прошел на склон другой сопки. Кругом царил покой и стояла прохладная утренняя тишина... Так он бродил почти до полудня. Солнце уже поднялось высоко, жара пришла в тайгу, несмотря на пору поздней осени. Он спустился к ручью и снова попил, затем забрался в тень, устроился между двумя большими кедрами, улегся на мягкую почву, устланную уже пожелтевшим разнотравьем и опавшими листьями. Потянулся, расправляя могучее полосатое тело, перевалился на бок, закинул одну лапу за ухо — на голову и вскоре задремал...

Голод разбудил его, когда день уже клонился к закату. Он встал, не спеша подошел к толстой осине, поднялся на задние ноги, вытянувшись во всю свою длину вдоль ствола дерева, уперся передними лапами в ствол, вонзил в него когти и, до хруста в суставах, потянулся, то и дело выдергивая и снова погружая в древесину четырехсантиметровые острые когти, отливающие с внешней стороны матовым перламутром.

Стряхнув остатки сна, тигр вышел на поиски добычи. За третьей сопкой, еще со склона, он заметил трех изюбров. Они стояли вблизи ручья, возле молодых кустов ивняка, то ли после кормежки, то ли только собираясь кормиться. Чанг замер, кончик его вытянутого хвоста затрепетал. Неслышной желтой тенью тигр двигался по тайге, обходя добычу полукругом, чтобы зайти с подветренной стороны. Еще задолго до цели он уже не шел, а крался на согнутых ногах у самой земли, но не касаясь животом почвы, чтобы не издать ни малейшего шороха, который наверняка спугнул бы чутких изюбров. Хвост был вытянут стрелой, лопатки выпирали вверх, поднимаясь в движении над провисающим туловищем тигра, которое плавно, ровно и бесшумно скользило к цели.

Чанг напал двумя прыжками из-за небольшого бугорка, за которым на миг затаился перед нападением. Броски были молниеносными, но изюбры все-таки в последний момент учуяли тигра. Две самки, закинув вверх головы, стремительно метнулись прочь, а третий изюбр — крупный бык с высокими ветвистыми рогами — быстро повернулся мордой к хищнику, готовый к смертельному бою. Он привстал на дыбы, пытаясь защититься передними копытами, целясь ими в голову врага. Выброс передних ног был стремительным, но тигр, ловко изогнув гибкое тело, уклонился от удара и через миг уже хотел вспрыгнуть на спину жертве. Однако бык резко рванулся в сторону, и Чанг, уже вцепившийся когтями в бок его, не удержался и выпустил добычу. Изюбр не убегал, он чувствовал, что единственная малая надежда на спасение — отбиваться от могучего врага. Он пытался отразить нападение, пуская в ход и рога, и снова передние копыта. Но тигру все-таки удалось взметнуться на спину изюбру. Вцепившись когтями в его бок, хищник вонзил клыки в шейные позвонки быка, и тот, хрипло крикнув, рухнул наземь...

Чанг оттащил добычу подальше от ручья, втянул на невысокий бугор. Большого и тяжелого изюбра тащить было нелегко. Ухватив его зубами за спину возле холки, хищник волочил тушу, пятась назад. Удобно устроившись в небольшом углублении на вершине бугра, принялся за еду. Но едва проглотил два-три куса мяса, как волна острой тревоги хлынула в ноздри, проникла в слух. В тот лее миг коротко и гортанно дважды крикнула кедровка. Тигр поднял голову. К нему приближался человек...

Он вышел из зарослей и остановился в пяти-шести прыжках от Чанга. Хотя человек не ожидал встречи с тигром, испуга на его лице не было видно. Быстро сняв с плеча карабин, он навел его на зверя. Тот остро почувствовал угрозу и зарычал. Глухо, утробно, грозно. Человек стоял на месте, видимо, ожидая, что тигр уйдет, оставив ему добычу. Зверь именно так понял это ожидание, ему не хотелось оставлять тушу, но и ссориться с человеком тоже желанья не было. Однако он не мог, никак не мог вот так, открыто и позорно, покинуть место и добычу... Он продолжал рычать, громоподобный раскат его рыка заставлял трепетать последние, еще не облетевшие листья дубов, осин, берез. Хвост тигра зло хлестал по земле, взбивая палую листву, извиваясь и вскидываясь упругим желтым бичом.

Но вот человек стал пятиться задом, отдаляясь от зверя, и вскоре скрылся за густой стеной зарослей. Тигр перестал рычать, но никак не мог успокоиться. Он понимал, что человек угрожал ему, что он сейчас же вернется сюда...

Охотник жил здесь давно и тоже знал этого зверя. Много лет назад старик удэгеец, трижды в течение одного дня повстречав в тайге молодого тигра, нарек его Чангом. На удэгейском это слово ничего не означало, но старому охотнику оно казалось звучным и внушительным. Давно уже ушел из жизни тот удэгеец, а Чанг твердо ходил по уссурийской земле и терпимо относился к своему соседу-человеку, заменившему на этих угодьях того старика.

Встреча с Чангом озадачила охотника и заинтересовала. Прежде всегда зверь уходил, едва завидев его. Что же произошло теперь?

Когда он, движимый любопытством, снова подошел с карабином наготове, то хищника нигде не было видно и на месте его лежки оставалась почти нетронутая туша крупного изюбра. Так вот оно что! Он кормился и не хотел отдавать добычу! Но все-таки решил поделиться. Что ж?... Спасибо, раз уж такое дело...

Охотник отрезал две ляжки, уложил в рюкзак и ушел.

Со склона, не дальше чем за двести шагов, Чанг наблюдал за ним. Спокойно, без волнения и злости. И когда человек ушел, тигр возвратился и продолжил кормежку.

Этим летом и осенью ему жилось вполне терпимо. Правда, очень трудно стало находить такие уголки тайги, где люди бывали редко и случайно. Повсюду в тайге стало тревожно. Только в нескольких урочищах, зажатых склонами гор, не звучали выстрелы. Здесь и проводил он свои трудные голодные зимы и теплые сытные летние месяцы. Это была территория заповедника. Но иногда он вынужден был уходить далеко отсюда, дважды переходя перевалы, потому что голод становился свирепым и гнал его в дальнюю тайгу. А прошедшая зима вообще была на редкость жестокой и голодной. Сильные морозы и глубокие снега Чанг переносил спокойно. К зиме шерсть его становилась длиннее и плотнее, и он вполне справлялся с холодами. Но голод был страшнее. Непонятно куда исчезли олени, изюбры, кабаны. Тигр неделями голодал, совершая тяжелые и долгие переходы, прежде чем ему удавалось выследить и настигнуть добычу.

...Перед самым рассветом он уже почувствовал себя выспавшимся и отдохнувшим. Сонно зевая, потянулся, издав протяжный и мощный звук зевка. Поточил когти о ближнюю толстую ольху, затем отошел на несколько шагов и сел умываться. Среди тигров, как и среди людей, иногда встречается левша, но это бывает редко. А большинство и умывается правой передней лапой, и бросается со спины на жертву с левого бока, потому что наиболее сильный, точный, уверенный удар наносит правой лапой. Чанг был левшой.

Тщательно, наклоня голову, вылизывал он пятку и подушечки пальцев своей левой передней лапы и точно так же, как домашняя кошка, умывался, потирая лапой морду, задевая ухо сверху, потирал щеку, нос, старательно зажмуривая при этом глаз. Повторил процедуру правой лапой, но всего два или три раза, хотя левой, своей излюбленной, проделывал все это

довольно долго.

Утро вставало пасмурным и унылым. Протяжно, тонко и тоскливо прозвучал крик желны — большого черного дятла. Тигр и ухом не повел на этот звук, но как-то незаметно пасмурная унылость тайги передавалась и ему. Шел он спокойно, но кончик его хвоста нервно подергивался. Раздражение скапливалось в душе зверя.

Он двигался к месту вчерашней кормежки, где оставалась почти половина туши изюбра. Надо было пройти еще немного, спуститься по склону, и стал бы виден бугор, где лежала добыча, но вдруг тигр замер. Ноздри его отчетливо улавливали дух медведя — сильный, вызывающий, вонючий. А вот показалось за деревьями его крупное, почти черное тело.

Однажды в голодную зиму Чанг уже охотился на медведя и после не очень долгой борьбы убил его. Но то был не бурый, а гималайский медведь, с белым фартуком на груди. Гималайский вообще намного меньше бурого, а этот, который шел навстречу, размерами не только не уступал тигру, но был даже крупнее его.

Увидев тигра, медведь заревел и стал медленно приближаться. Он боялся тигра, встретил его неожиданно, не знал, чего хочет могучий полосатый зверь, готовился к обороне и для устрашения врага ревел и медленно двигался вперед...

Чанг медведя не боялся. И когда тот заревел и пошел навстречу, тигр приготовился было к нападению и тоже пошел на противника, мягко пригибаясь к земле и грозно рыча. Но, увидев его поближе и оценив силы медведя, помедлил с прыжком. Звери остановились друг против друга, передвигаясь вправо и влево. Они как бы двигались по кругу, взрывал когтями землю, озлобленным грозным ревом сотрясая окрестность. Это происходило довольно долго, потом медведь, продолжая свирепо швырять под себя когтистыми лапами землю, начал медленно пятиться.

Тигр дал ему уйти и двинулся дальше к своим запасам, к туше изюбра, на кормежку. Он шел спокойно, только хвост еще вздрагивал, как бы выпуская из мощного тела последние нервные вспышки.

Прошло несколько дней. Перед самым рассветом Чанг задавил зазевавшегося барсука, насытился и бродил по тайге как бы в поисках приключений. И вот он вдруг почувствовал, не учуял и не услышал, а именно почувствовал, ощутил своим звериным предчувствием какую-то опасность позади себя. Тигр всегда особенно остро чувствует и распознает опасность, которая грозит ему с тыла, сзади. Он шагал по широкой, натопанной тропе. Он всегда ходил по дорогам и тропам, там, где легче, а не по целине. Быстро свернув с тропы, своей скользящей бесшумной походкой он двинулся обратно вдоль своего следа, в двадцати шагах от него, с подветренной стороны.

Чанг прошел довольно долго, прежде чем обнаружил ту опасность, которая встревожила его. По его следу шли люди. Они останавливались, находили влажные места на тропе, где оставался отпечаток лапы тигра, и двигались дальше, негромко переговариваясь между собой.

Чанг пошел рядом, также в двадцати шагах, в стороне, не обгоняя и не отставая от них. Теперь он видел их, чувствовал, они были не за спиной у него, и он уже не тревожился. Он шел, тщательно нюхая воздух, который приносил людские запахи. Он не знал этих двоих, запахи их были незнакомы ему, эти двое не жили и не охотились до сих пор в его угодьях. Но у обоих было грозное грохочущее оружие, он сразу же уловил сильный дух горелого пороха. Когда орешники и мелкий молодой кедровник стали сгущаться вокруг самой тропы, да и тропа изгибалась так, что вперед и назад было видно всего на несколько шагов, тигр приотстал, перешел на тропу и двинулся позади людей по их следу...

Теперь он хотя и не видел их, но все время слышал и чувствовал. Они шли шагах в пятнадцати от него, не дальше. Густые ветви кедров затрудняли видимость, и Чанг знал, что люди не замечают его. Но вот они дошли до того места, где след зверя свернул в сторону, остановились, забеспокоились. Поняли, что он мог зайти сзади, сняли с плеча карабины и двинулись обратно.

Тигр стоял на тропе и принюхивался к человеческому запаху. Он не ожидал, что люди сразу пойдут обратно, а может, просто решил посмотреть на них вблизи. Так или иначе, когда оба человека вышли на поворот тропы, они почти вплотную столкнулись со зверем. До него было каких-нибудь пять или шесть метров. Всего один прыжок тигра. Он молча и спокойно

смотрел на этих двуногих и только нервно бил хвостом по земле.

Люди стояли, вскинув карабины, почти бесполезные на таком расстоянии, где в одно мгновение можно потерять жизнь. Этот хищник стремителен, его скорость в броске — десять, а то и пятнадцать метров в секунду... Оба они отчетливо видели длинные метелочки его усов, крупные желтые глаза, полосатый лоб. Зверь был огромен. Но это они знали еще раньше, по его следу...

Чанг с интересом рассматривал этих двоих. Он еще никогда так близко не видел людей. Однако их близость беспокоила его, волновала, вызывала тревогу. Потому он и бил хвостом время от времени: хлестнет и снова вытянет стрелой, только кончик подрагивает...

Наконец тяжкое оцепенение, владевшее людьми, отпустило их, они начали соображать и, сначала один, а потом почти сразу же и второй, медленно стали пятиться, продолжая держать голову зверя на прицеле. Люди отодвигались, а тигр стоял, смотрел на них и только время от времени бил хвостом. Как только люди скрылись за ветвями кедров, тигр длинным прыжком кинулся в сторону, и только яркий полосатый хвост метнулся за ним. И в тот же миг вслед ему полыхнули два выстрела. Он слышал, как над его головой просвистели пули, но не понял, что именно они несли ему смерть. Он опасался только грохота...

Прошла неделя, другая, и выпал первый снег. Пушистый, чистый, холодный и хрустящий, он радовал Чанга, вызывая у него восторг, желание резвиться, прыгать и играть, как маленький тигренок. Он валялся на спине, катаясь по снегу, прыгал, носился из стороны в сторону, взбивая хвостом облака и вихри снежной пыли. Потом снег внезапно стаял, и все тропы и дороги стали мокрыми и противными, и он почти все время ходил, то и дело брезгливо встряхивая лапами, чтобы сбросить с них налипшую мокрую грязь или стряхнуть воду.

Прошла еще неделя, и снег выпал уже по-серьезному, покрыл все: и почву, и скальные склоны сопок, даже лапы елей и пихт. Начиналась зима.

Уже четыре дня охота никак не получалась. Только дважды встретился ему след кабана, но настигнуть добычу не удалось. В обоих случаях кабаны уходили долго и быстро, и следы их потерялись на ключах [2]. Тигр ходил по склонам и распадкам голодный и неприкаянный. И его вдруг потянуло в глубь тайги, в самую ее глухую часть, в горы. Несколько дней он уходил через перевалы и распадки, пересекая урочища и ключи, обходя сопки и увалы.

...Хорошо выспавшись в снегу, он поднялся перед самым рассветом и сразу же услышал далекое похрустывание снега. Быстро пошел на звук и внизу распадка обнаружил небольшую группу оленей. Несмотря на летучий голод, долго и осторожно скрадывал чутких животных. Именно голод всегда заставлял Чанга быть более осторожным, упорным, внимательным. Терпеливым в скрадывании добычи. Подобравшись почти вплотную, он в два прыжка настиг ближайшего самца и легко завалил его.

Насытившись, отъев внутренности и немного от задних ляжек, он недолго побродил по окрестностям, и хотя выспался, но все равно после сытной трапезы его опять потянуло в сон. Улегся в трехстах шагах от места кормежки и спал почти весь день. Разбудил его тревожный шум, который доносился от оставленной им туши. Он быстро обошел распадок и с подветренной стороны приблизился к беспокойному месту. Возле недоеденного оленя он увидел людей. Их было трое. Он подобрался ближе, продвигаясь почти ползком. Теперь до них оставалось не более двадцати шагов, и он ясно различал запахи людей, дух горелого пороха, который всегда исходит от оружия. Этих людей он не видел, не встречал их запаха. И вдруг свирепость, дикая, неудержимая, забурлила в крови, в зверином, могучем сердце тигра. Люди разделяли его добычу. Другое дело там, на его прежнем охотничьем участке, где жил и охотился человек, которого он знал, который имел право на добычу вместе с ним, с Чангом. И он сам позволял человеку взять часть от изюбра или кабана. А эти чужие ему похитители добычи пробудили в нем злобу, которая никогда прежде не возникала в его душе по отношению к человеку, против человека.

Чанг понимал, что люди опасны, и был осторожен. Он подполз еще на три-четыре шага, тщательно скрываясь за снежными наносами. Несколько мгновений наблюдал, выбирая момент, когда никто из троих не смотрит в его сторону. Ближе подтянул под себя лапы, подобрался, готовясь к нападению...

Напал стремительно. Желтой длинной молнией метнулось его тело. Мощным ударом

левой передней лапы по голове он сбил с ног человека, и тот рухнул на месте. Дважды тигр рванул когтями его бока и тотчас огромным прыжком бросился в сторону и исчез в кедровнике. Длинный хвост взметнулся следом за зверем, и эхо его грозного рыка покатилося и заглохло за дальними пихтами и кедрами.

Все произошло так быстро, что двое других даже не сняли с плеча карабины. Тот, на кого напал грозный хищник, лежал и стонал. Он легко отделался. Две рваные раны на боках да содранная кожа головы в нескольких местах, где сквозь шапку прошли когти зверя. За кражу чужой добычи тигр наказал одного из троих. Наказал, но не убил, хотя легко мог это сделать...

На рассвете Чанг повстречал тигрицу. Она была меньше ростом и, казалось, ступала мягче и изящнее. Они долго и радостно играли, догоняя друг друга, прыгали, скользили, резко останавливаясь, перекатывались по снегу, переворачивались через голову, боролись ласково и весело. Только слышалось вокруг их фыркание... Потом они пошли на кормежку, к остаткам оленьей туши. Мясо еще оставалось. После нападения тигра людям было уже не до оленины, и они унесли только то, что уже было уложено в рюкзаки.

Не спеша, со вкусом и урчанием, звери поели, оставив от оленя только ноги да голову. Оба были голодны. Потом, немного побродив, улеглись в сугроб, неподалеку друг от друга, и проспали больше чем до полудня. После сна опять долго играли, резвились, фыркали. Затем тигрица снова улеглась, а вольный Чанг пошел бродить по тайге. Он собирался возвратиться к спящей подруге, но судьба распорядилась совсем по-иному.

Обойдя сопку, он увидел лесную избушку, зимовье. Не спеша, присматриваясь и принюхиваясь, прошел через распадок, затем обогнул зимовье шагов за двести. Потом сузил круг и обошел шагов за двадцать. Остановился, прислушиваясь. Подошел к двери зимовья и тщательно обнюхал подходы, саму дверь, стены. Сел по-кошачьи, обернув хвост вокруг лап.

Внезапно заскрипела дверь, вышел человек и направился к поленнице, что была рядом. Чанг продолжал невозмутимо сидеть, с интересом разглядывая человека. На обратном пути с охапкой дров в руках, не дойдя до двери десятков метров, человек увидел тигра. Он смертельно побледнел, но продолжал идти к дому.

Зверь заметил испуг в глазах двуногого, но это его не удивило. Он уже видел страх на лицах людей, которых встречал в лесу. Он продолжал наблюдать, ему было интересно, он не питал ни малейшего недоброжелательства к этому человеку. А тот, едва скрывшись в избе, сильно и плотно захлопнул дверь. И этот хлопок двери вдруг встревожил тигра. Внезапно он вспомнил, что люди, после того как исчезнут с его глаз, громяхают в него своими ружьями. И тотчас стремительными длинными прыжками бросился в глубь тайги. Всего две секунды потребовалось ему, чтобы исчезнуть, раствориться в глубокой спасительной таежной густоте. И, подтверждая его догадку, его звериную памятьливость, вслед ему загрохотали запоздалые выстрелы.

Чанг легко и даже игриво бежал среди деревьев. Он опасался этого грохота, но как-то не очень верил в угрозу, исходящую от него, и совсем не страшился. Да и как было поверить, испугаться ему, сильному, большому, и за что человек будет нападать на него, ведь он сам не нападает на человека! Он не знал, что его собратьев убивают в тайге только за то, что они такие большие и могучие. Не из-за шкуры, которую нельзя принести в дом, потому что справедливый закон запрещает убивать тигра. Но тайга велика, и в ее глубине даже закон становится бессилён. Тигра убивают. Из страха. Из подлого, мелкого, липкого, жалкого человеческого страха.

На прежнем месте тигрицу он не нашел. Двинулся по ее следам, поднялся немного по склону сопки и вдруг увидел внизу, в распадке, небольшой табун кабанов. Среди редколесья низины их черные тела отчетливо были видны на белом снегу. Их было пять, и они уходили за сопку.

Чанг оставил след подруги и бросился наперерез табуну. Он настиг кабанов в густом малоснежном кедровнике. Но и здесь судьба приготовила ему сюрприз. То ли еще издали, на сопке, кабаны увидели его огромное ярко-желтое тело, то ли волна ветра донесла до них его грозный запах, так или иначе — его ждали. На кабаньей тропе, воинственно пригнув клыкастую голову, стоял старый матерый секач и встречал тигра. Маленькие глазки его, налитые кровью свирепости, сверлили врага, седая длинная щетина на холке стояла дыбом.

Дважды хрипло кашлянув, раскатисто и утробно рыча, взбивая хвостом снежную пыль,

тигр обходил кабана по кругу, а тот поворачивался, держась мордой к Чангу. Остальные кабаны либо попрятались куда-то, либо бежали теперь во всю прыть, спасаясь от гибели. Только этот могучий вепрь остался. Тигр понимал, что огромный секач — добыча нелегкая и опасная. Его длинные желтые клыки — оружие смертоносное. И на этот раз Чанг снова не решился на схватку с секачом, потому что не был озлоблен голодом. Он в последний раз ударил хвостом и длинным прыжком ушел в сторону. А кабан еще долго стоял, пока хищник не исчез совсем и запах его не растаял в чистом морозном воздухе. Чанг снова двинулся по следу тигрицы, пересек увал, поднялся на сопку, сошел в распадок. И вдруг насторожился: след подруги сошелся со следами двух людей. Следы вели через негустой ельник, прошли кедровник, затем повернули в низину и разделились. Тигрица возвратилась назад и пошла в стороне вдоль человеческих следов. Люди шли за ней, и она это учуяла. Потом вдруг стала отдаляться от них, значит, они ее увидели.

Он продвигался, припохиваясь к отпечаткам ее лап. И когда уже немало удалился от людского следа, вдруг увидел свою подругу. Она лежала на боку, раскинув лапы, словно хотела в последний раз прыгнуть. Пасть тигрицы была разинута и полна крови. И весь снег вокруг был в крови... Следов человека рядом не было, двуногие не подходили к труп, но Чанг знал, что это именно они убили ее. От нее пахло горелым порохом.

Он наклонился, понюхал ее морду, лизнул в нос... Мочка была холодной, как снег.

Он немного постоял, потом двинулся в сторону следа людей, негромко, утробно, зло рыча. След вывел его к тому самому зимовью, где он уже побывал и где мирно разглядывал человека, как бы для первого знакомства.

На лес уже опустились сумерки. Большие яркие и холодные звезды висели над кедром, пихтами, елями. Тигр подошел к избушке, понюхал дверь, отступил на два шага и громкоподобно, вызывающе и угрожающе зарычал. Он грозил людям, напоминал им, что он здесь хозяин, что он не позволит им бесчинствовать в тайге, убивать тигров... От его рыка в маленьких окнах зимовья дрожали стекла, и люди с содроганием слушали его грозный голос, который катился по ночной тайге далеко-далеко...

Несколько дней Чанг слонялся по распадкам и урочищам, нигде подолгу не задерживаясь. Первые три дня и ночи вообще ничего не ел, не охотился — не хотелось. Только пил из ключей, которые переходил в своем таежном странствии. На четвертый день в рассветных сумерках он заметил на склоне увала группу оленей и стал их скрадывать. Однако голое место, залысина, где на каменистом грунте не росли деревья, не позволило ему подобраться на два-три прыжка, чтобы нападение было надежным.

Он затаился, как бы в раздумье, и вдруг использовал прием, который уже применял прежде в подобных случаях. Резко рыкнул и тут же кинулся к табу. Рык тигра, неожиданный и мощный, всегда в первое мгновение ошеломляет и зверя, и человека. Так и олени, услышав этот грозный звук, вздрогнули и на миг замерли, вскинув головы. Но за этот миг тигр сумел сделать еще два недостающих прыжка.

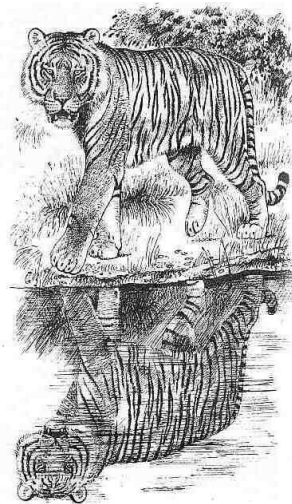
Насытившись, не стал укладываться на отдых, как это часто делал после еды, а двинулся дальше, стараясь идти по малоснежным склонам, по звериным и человеческим тропам, потому что, идя по целине, он увязал в снегу, а это раздражало и утомляло. В одинокой его звериной душе поселилось беспокойство, тревожная неприкаянность.

Он вдруг вспомнил о своем прежнем охотничьем участке, где все было ему привычно, где не встречались на пути незнакомые зимовья с людьми, громыхающими ему вслед. Где он жил много зим и не видел, чтобы убивали тигров... Он помнил того охотника, с которым тогда поделился добычей. Тот человек не стрелял в него никогда. И Чанг решил возвращаться. Он шел, пересекая широкие таежные урочища, переходя вброд бурные ледяные ключи и горные обветренные перевалы...

Однако его сосед-охотник так и не встречал с тех пор этого тигра, не видел его следов. И никому не известно, дошел ли он, полосатый и длиннохвостый, до своих прежних угодий, дожил ли наш Чанг до этой весны...

[1] Пробковое дерево Приморья (Примеч. автора)

[2] Так на Дальнем Востоке называют ручьи горного происхождения. (Примеч. автора)

В. Потиевский

ВОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ АКИ

Была она крупной, упитанной и довольно злой. Норки вообще всегда агрессивны, но Ака более других чувствовала свою силу и всегда готова была к бою. Она принадлежала к уникальной разновидности норки, выведенной не так давно и выращиваемой только в одном или двух звероводческих хозяйствах. И дело было вовсе не в качестве и цвете меха. Точнее, не только в этом. Мех, конечно, был красивым, блестящим, пушистым, густым, редкой расцветки — крестовая. Брюшко и бока были белыми, спинка темная, а по хребту, от головы и до кончика хвоста, проходила черная полоса. Поперечная черная полоса, пересекая спину, проходила через передние лапы и завершала крест.

Но главная особенность разновидности заключалась в больших размерах животного. Ака весила три с половиной килограмма. Примерно столько же или чуть меньше весили остальные обитательницы шеда (так называется обиталище зверьков целиком), живущие в клетках по соседству. В то время как обычная американская норка, разводимая до сих пор, не превышала полутора килограммов, да и то таких размеров достигали только самцы.

Зверовод — девушка, которая обслуживала Аку, привязалась к ней за сезон. Когда кормила, говорила ей ласковые слова. Иногда, проходя мимо клетки, останавливалась и называла ее имя: “Ака” (которое сама ей и дала) — ласковым, добрым голосом. И норке это нравилось.

Она тоже привязалась к своей воспитательнице, ждала ее и, когда та появлялась, начинала радостно метаться по клетке. Однако свой злой нрав сохраняла постоянно. И когда однажды ее кормилица чуть зазевалась, вычищая клетку, Ака хватанула ее за палец так, что зубы зверя уперлись в кость. Девушка вскрикнула и отдернула руку, но не затаила долгой обиды на Аку. Палец еще был под пластырем, а она уже ласково разговаривала с Акой, и та весело прыгала, понимая расположение к себе со стороны человека, хотя снова была готова проявить дурной нрав хищника.

Родилась она в апреле совсем маленьким щенком. У матери было их восемь, но даже в условиях постоянного ветеринарного надзора выжили только семь.

Ака прошла первую линьку, и к ноябрю ее меховая шуба окрепла, ярко поблескивала и серебрилась на солнце. Густой подшерсток делал мех плотным и очень теплым, что сохраняло тепло даже в воде, которой, кстати, Ака пока еще не видела, кроме, конечно, воды для питья. Она так и выросла в клетке. Здесь ее кормили и поили, делали прививки и убирали за ней. За один сезон, с апреля по ноябрь, она выросла до взрослого зверя, окрепла, обрела силу.

Стремление выйти на волю жило в ней с того самого дня, когда она впервые стала самостоятельно ходить по клетке. Оно усиливалось еще и тем, что норка по своей природе зверь полуводный, живущий всегда у воды, рядом с ручьем или озером. Ее особенно сильно влекло к воде — это было неосознанное, но сильное чувство.

Так иногда и человека неудержимо влечет дорога, которой он еще не видел, но без которой ему плохо, уныло и тревожно.

Норке уйти было нельзя, но зов свободы, желание вырваться из клетки не покидали ее.

Ее хозяйка была с Акой особенно ласкова, и та чувствовала, что что-то изменилось, и стала еще более возбужденной и встревоженной.

Девушка понимала, что все, что будет, необходимо. Для этого и выращивали зверей. Но все равно, когда наступал этот роковой период, она ходила зареванной, с красными глазами и опухшим носиком. Но время неумолимо шло — приближались эти самые дни — дни забоя...

Забивали норок большими партиями, снимали шкуры и, сделав первичную их обработку, отправляли на пушно-меховую базу в Ленинград.

Всего у Акиной хозяйки было сто клеток — сто зверьков. Почти всех их забивали в ноябре, только немногих оставляли на маточное стадо. Были у нее и любимицы, ласковые и послушные, которых она брала на руки, могла посадить на плечо и иногда запускала в карман во время обхода всех клеток и раздачи пищи. Таких ручных было две. Они всегда оставались ласковыми со своей хозяйкой и никогда ее не кусали. И хотя Ака была непослушна и зла, девушка привязалась к ней не меньше, чем к своим любимицам, а может, и больше. Нередко случается, что непослушное дитя и у людей бывает самым любимым.

Клетки с норками располагались рядом, одна возле другой, были прямоугольными и вытянутыми, устроенными из проволочной сетки. К клеткам примыкали деревянные домики, в которых зверьки ночевали.

Расположившиеся в два ряда клетки были закрыты от непогоды единой длинной крышей. Между двумя их рядами был узкий проход, по которому и ходила зверовод, раздавая норкам пищу. Дверцы клеток были обращены к проходу — внутрь шеда.

Зоотехник в присутствии девушки отобрал из ее шеда на этот раз всего пять зверьков на маточное стадо, и Аку сохранить никак не удалось. Оставались считанные дни до забоя, девушка уже смирилась с этой потерей и только очень жалела свою Аку, да и всех норок.

Возле фермы обитали серые вороны. Их здесь было более двух десятков. Они не только охотились за отходами, но и старались украсть все, что удавалось. Птицы внимательно следили за кормлением зверей, подбирались к клеткам, когда рядом не было зверовода, и иногда той или иной вороне удавалось сдернуть с дощечки для кормления норок комочек фарша. Если сама норка, конечно, зазевалась. Потому что при неосторожности вороне это могло дорого обойтись, так как дощечка с кормом находилась внутри, хотя и у самой сетки.

Не раз приглашали охотника, чтобы отстрелять ворон. Нельзя сказать, чтобы от них было уж очень много вреда, однако они раздражали и отвлекали звероводов, мешали работать, да и у зверей вызывали возбуждение. Не говоря уже о том, что и инфекцию могли к зверькам занести.

Но застрелить никак не удавалось ни одной. Как только приезжал охотник, птицы исчезали. Будто кто-то предупреждал их об опасности. Так они и околачивались возле норковой фермы и зимой, и летом.

Сегодня день выдался пасмурный, небольшой ветерок посвистывал в крыше шеда. Ака скучала, ждала кормления и хозяйку. И едва та появилась, как Ака заметалась по клетке от радости и возбуждения.

Девушка, приоткрыв дверцу, ловко бросила черпак густого фарша на деревянную дощечку и быстро захлопнула дверцу вместе с прикрепленной к ней дощечкой. Прошла дальше, раскладывая корм по клеткам.

И тут появилась еще одна нахлебница — ворона. Большая и хитрая, она уже не раз воровала корм, умело и проворно подцепляя его клювом через ячейку клетки.

Ака, схватив большой кусок густой и вязкой мясной массы, поела ее в дальнем углу, спиной к дверце. Птицу она не видела. Ворона быстро сунула голову в клетку, подцепила мясо, и в этот миг норка обернулась.

Птица мгновенно вынула голову из ячеек сетки, держа в клюве добычу, но от испуга неловко дернулась и задела ногой защелку замка, которую достаточно было слегка нажать снаружи, чтобы замок отпереть... Дверца сразу чуть приоткрылась.

Заметив это, норка перестала есть. Ака волновалась. Кончик ее хвоста стал нервно дрожать. Через мгновение она уже рванулась из клетки.

Девушка, словно почувствовав, обернулась и с криком кинулась ловить Аку. На помощь бросились еще две женщины, но норка была уже у забора. Бывали случаи, когда зверька,

выскочившего из клетки, ловили здесь же, у забора фермы. Он был плотно сколочен из досок. Но на этот раз беглянка оказалась быстрее и находчивей, чем ее преследователи.

Промчавшись метров десять вдоль изгороди, Ака вдруг обнаружила небольшую ямку под досками забора, заросшую травой. Ей удалось протиснуть туда голову, и этого было достаточно. Через миг, стремительными прыжками, смешно и неуклюже изгибаясь дугой и подкидывая заднюю часть тела, норка неслась к лесу, до которого было каких-нибудь триста метров. Но даже если бы лес располагался и дальше, в поле ее уже нельзя было поймать.

Целый день она осторожно, крадучись, перебежками передвигалась по лесу, присматриваясь к новой, незнакомой обстановке. Она переночевала в небольшой норе возле ручья, который нашла своим, особым чутьем — стремлением к воде. Углубила небольшую ямку неподалеку от воды, разрыв землю передними лапами, улеглась и проспала до самого рассвета.

Осторожно вышла на берег и долго осматривалась, пробежала по пятнадцать — двадцать шагов, вставляла на задние лапы, вытягивалась столбиком совершенно вертикально и стояла, чуть покачиваясь, оглядывая окрестность. Ничего опасного не обнаружила. Добычи не заметила тоже.

Попробовала войти в воду — это было приятно. Тогда она прыгнула в ручей и неожиданно для самой себя поплыла быстро, рассекая воду грудью и направляя движение хвостом.

Взошло солнце, и вода стала яркой, светящейся. Ака все ныряла, осматривала дно. Несколько раз метнулась за стайкой мелких рыбешек, но они улизнули от нее, — у нее не было опыта в такой охоте.

Чуть ниже, где русло ручья делало изгиб, течение замедлялось, и у берега стояли заросли травы. И здесь она обнаружила незнакомого зверька, который не видел ее. Зверек что-то раскапывал на берегу у самой воды. На миг замерев, Ака бесшумно нырнула и быстро поплыла к берегу.

Она схватила ондатру, стремительно кинувшись на нее прямо из воды. И едва та успела сделать два-три шага, как попала в зубы быстрой и сильной хищницы.

Насытившись, Ака еще некоторое время плавала, затем вернулась к своей норе и стала рыть ее вглубь. Влажный песок выгребала наружу. Рыла сначала с наклоном вниз, потом повернула туннель вверх — наклонно, — там песок оказался совсем сухим. Углубившись на расстояние в четыре длины своего тела, когда оно вытянуто, стала рыть немного в сторону и вскоре выбралась наружу через второй ход. Теперь у норы было два выхода. Ака оба выхода расчистила, затем снова углубила нору и легла на отдых. У нее уже был свой, новый дом в ее новой, вольной жизни.

Ручей, где она поселилась, протекал среди густого смешанного леса. Вокруг росли в основном сосны, но встречались березы, осины, ольха, рябина, много кустарников. До фермы, откуда ей удалось убежать, было около двух километров.

Через несколько дней Ака обнаружила, что выше по ручью стоит большое деревянное строение. Это был дом лесника. Несколько раз она наблюдала за этим домом, прячась в кустах неподалеку, но ничего интересного для себя не заметила.

На ручье ей хорошо жилось. Пищи вокруг было много: ондатры и водяные крысы, жившие в озерке неподалеку и в приручейных заводях, полевки. Правда, добывала она пищу эту пока с трудом. Рыбу ловить она так пока и не научилась. За несколько дней своей вольной жизни она поймала только одну небольшую рыбешку, остальные от нее легко ускользали. Но плавала она и купалась целыми днями, несмотря на холодную ноябрьскую погоду. Теплая шуба надежно защищала ее.

Вскоре выпал снег. Он и раньше выпадал, но сразу же таял, а теперь уже остался до весны. Берега стали белыми, след на них стал хорошо заметен, и Ака больше времени проводила в норе.

Тонкая корка наледи наступала на ручей с берегов. Лед у берега нарастал и покрылся толстым слоем снега. Довольно широкий ручей замерз у берегов и стал совсем узким сверху, но подо льдом оставался глубоким и широким, и Аке в нем было просторно.

Норка своим природным чутьем понимала, что этот ручей не замерзнет до весны, и не тревожилась.

Однажды на рассвете, когда она, осторожно высунув морду, оглядевшись, выскочила на снег и длинными прыжками побежала к воде, ей наперерез кинулся незнакомый зверь. И не успела она прыгнуть в воду, как зверь оказался рядом.

Рыжая лисица, видимо, караулила, когда норка пойдет на кормежку, и едва та вышла из норы — лисица бросилась на добычу.

Ака была уже готова скользнуть под лед, но незнакомый зверь не показался ей страшным, и она, вместо того чтобы улизнуть, внезапно сама напала на него...

Рыжая этого не ожидала. Да и норка была огромной, лишь чуть меньше самой лисицы. Она рванула рыжую за горло, и только густой и длинный мех спас незадачливую охотницу. После короткой, но жестокой схватки рыжая метнулась в чащу. Белый кончик пушистого рыжего хвоста мелькнул меж кустов, и лисица скрылась за деревьями. Только две-три ссадины и царапины остались на теле юркой и быстрой Аки, и она бросилась в воду в поисках добычи. Ручей был длинным, и норка сновала вверх и вниз по нему. Как-то она заметила охотящихся в ручье двух норок. Они были обычного размера американской норки — каждая в два, а то и в три раза меньше Аки. Она сразу же бросилась на них, обозленная за свою территорию да и голодом. И только быстрота, с которой они исчезли, спасла их.

Пришлось Аке пережить и тяжелые, страшные мгновения.

Это было, когда одинокий волк пришел к ручью. Уже приближалась ночь, сумерки напоздали на лес, но Ака задержалась в ручье, на охоте. Только что выбравшись на лед, она отряхнулась, рассыпав по снегу многочисленные брызги, и тут увидела зверя. Весь его вид, спокойный, уверенный, сразу же испугал ее.

Крупный зверь с густой и высокой шерстью пил из ручья и не видел норку, выбравшуюся из воды на снег в тридцати шагах ниже по ручью. Едва заметив волка, Ака бросилась к спасительной норе.

Зверь перестал пить, поднял голову и тут же рванулся за ней. Его прыжки были огромны и стремительны, и, если бы нора не была поблизости, он наверняка бы настиг Аку.

Она забилась в свое подземное убежище, в самую глубину, и хорошо слышала, как зверь совал морду во входное отверстие, шумно нюхал воздух, несколько раз копнул лапами землю. Копнул раз, другой, третий... И пошел дальше в свой долгий зимний путь, в странствие — на поиски добычи и приключений.

Очень долго Ака не могла успокоиться и только к полуночи уснула. Утром она очень осторожно выбиралась из норы, тщательно осматривая окрестность. Встреча с волком напугала ее и многому научила. Она поняла, что, кроме человека, от которого надо убегать, есть еще более страшные существа, которые могут растерзать ее.

В один из дней в большом деревянном доме, что стоял выше по ручью за поворотом, Ака заметила движение. Она наблюдала за человеком, который там появился. Он ходил возле дома, спускался к ручью, снова возвращался в дом. Ака долго смотрела на него. Она не тосковала по своей былой неволе, но ее влекло к человеку. Ведь первый, кто кормил ее в недолгой жизни, был человек. Кормил, поил, говорил ласковые слова...

На следующее утро, едва покормившись, она уже стояла за кустами возле дома и наблюдала. Долго, почти весь день провела она около жилья. Уходила, потом приходила снова...

На третий день лесник ее заметил и тоже стал украдкой наблюдать. Его заинтересовало, что делает здесь эта огромная норка? Было бы понятно, что ей надо, если бы он имел кур, гусей или другую мелкую домашнюю живность. Но он не держал, не разводил их. Собака и та на сей раз в городе осталась.

Прошло еще два дня, и крайнее удивление овладело им: норка просто-напросто за ним наблюдала. Это показалось ему странным. Все звери, конечно, любопытны. Им всегда интересно что-то новое увидеть, подсмотреть. Иногда из-за этого они рискуют собственной жизнью. Но чтобы любопытство совмещалось с таким терпением, даже, можно сказать, упорством — такое было впервые.

Однажды он бросил ей кусочек мяса. Небольшой кусочек, граммов пятьдесят, кинул метров с десяти. Сначала она шарахнулась в кусты, потом через несколько минут вернулась и съела мясо.

Так состоялось их знакомство.

Прошла неделя, другая. Лесник уходил по утрам с ружьем. Собирал шишки, делал обходы, другие дела. Каждый раз, возвращаясь, затапливал печь. И когда через десять минут выходил снова на крыльцо, норка уже ждала его. Она стояла на задних лапах, поджав передние так, что издалека ее можно было принять за длинный пенек.

Он бросал ей мясо, она прыгала и хватала его и весело крутилась и подскакивала на снегу, словно танцевала перед человеком, устраивая ему веселое зрелище в благодарность за угощение. Потом снова вставала столбиком, и он снова кидал ей мясо, она хватала угощение и опять устраивала перед ним пляску.

Это повторялось каждый день. Прошла еще неделя, и они уже оба стали привыкать друг к другу. Человек, возвращаясь после своих дел в дом, уже ожидал прихода норки, а она, каким-то удивительным образом узнавая о его приходе, примерно через десять минут являлась к крыльцу. Несмотря на то, что он возвращался всегда в разное время.

Зима набирала силу. Декабрь стоял снежный и вместе с тем морозный. На опушках намело высокие и крутые сугробы, в лесу снега лежало меньше, но и там он был достаточно глубок. Все время, по крайней мере последнюю неделю, дул ледяной продувной ветер. Он свистел и выл в трубе, лесник слушал его завывания и думал, что зима в этом году идет суровая. И с улыбкой вспоминал о “своей” норке, которая являлась к нему в гости каждый день, в конце дня, после его работы. Ей-то, в ее шубе, морозы не страшны... И капканы свои он теперь ставил подальше от дома, чтобы не попалась она, “его” норка.

Ветер стих внезапно ночью, и наутро солнечная, яркая и тихая погода пришла в лес.

Поскольку Ака не встречала равных себе сородичей, то играла одна, сама с собой. Особенно в такую ясную солнечную погоду любила кататься и кувыркаться по свежему снегу, взбивая пушистые сугробы, поднимая легкую белую снежную пыль...

Она с утра удачно поохотилась, поплавала в ручье и стала наблюдать за птичкой. Сперва, конечно, пыталась поймать, потом бросила эту затею, видя ее бесполезность, — птичка была осторожной и очень ловкой. И Ака теперь только наблюдала. Это была оляпка. Она пробегала несколько шагов по льду, затем мгновенно исчезала под водой и, промчавшись по дну ручья довольно значительное расстояние, снова выныривала на поверхность и опять бежала по льду, будто и не ныряла — сухая и легкая.

Последив некоторое время за птичкой, Ака побежала к лесу по заснеженному льду ручья. Ей хотелось в кустарнике подкараулить снегирей и ворон. Вокруг нее было сейчас широкое открытое заснеженное пространство ручья и его берегов. И в этот момент она увидела тень. Скорее почувствовала эту тень, огромную, черную, стремительно скользящую над белым простором ручья и поляны... А ее знакомый лесник как раз шел вдоль ручья. Его глазам открылось удивительное и редкое зрелище: распластав широкие крылья, над ручьем скользил беркут. Громадная птица круто спускалась к поляне, а там на снегу, на открытом месте, оказалась норка, застигнутая врасплох пернатым хищником. Зверек сжался и оскалился, готовясь к защите...

Всего какой-нибудь десяток метров оставалось пролететь орлу, чтобы схватить зверька. Лесник мгновенно сдернул ружье с плеча и навскидку выстрелил. Стрелял, конечно, не в орла, а немного в сторону.

Слегка покачнувшись, орел чуть изменил направление полета, сделал мощный взмах крыльями и поднялся над деревьями. Выстрел испугал его, и он улетел.

Ака, пожалуй, не поняла, что произошло. Единственное, что она ощутила совершенно отчетливо, — это бесконечный ужас от огромной черной тени, беззвучно надвигающейся на нее. Она даже не успела сообразить, что это птица, по виду своему похожая на тех трусливых ворон, которых она уже знала, но только во много раз больше их. Ей казалось, что над ней пролетел какой-то огромный зверь, вроде того волка, что пробивался к ней в нору, только еще больше и страшней.

Она уже не побежала в лес, а стремительными прыжками понеслась к норе, чтобы спрятаться от этого ужаса, затаиться, переждать.

Человек смотрел, как смешно и в то же время красиво скачет его знакомая, спасенная им от когтей орла. Плотный, сверху почти черный, а с боков и снизу белый мех ее ярко переливался на солнце, серебрясь и мерцая в желтых его лучах в этот чистый и светлый зимний день.

Через два дня Ака встретила с самым крупным и сильным зверем, жившим в этом ручье. Они не встречались раньше потому, что выдра обитала в самом устье, а это было довольно далеко. Выдра жила уже здесь не первый год. Охотилась на всякое мелкое зверье, ловила рыбу. Прогнала когда-то живших на ручье нескольких норок и вдруг снова увидела здесь норку. Издалека, острым глазом, приспособленным к подводному наблюдению, заметила зверька, поняла, что это норка, и стремительно кинулась к ней, не выныривая на поверхность.

Уже вблизи удивилась, что норка эта так велика, но все равно напала. Ака почувствовала опасность по движению воды, резко изогнулась и схватилась с выдрой. Обе они закрутились под водой, нападая и отскакивая. Ака была по размерам совсем не намного меньше выдры, но ничуть не слабей. Выдра отступила, но Ака скользнула вверх и, глотнув воздуха, снова ринулась под воду, но выдры уже и след простыл.

У Аки оказалось немало ран, одна глубокая — возле правой передней лапы, на боку, и несколько дней она отлеживалась в норе. Да и потом еще два-три дня чувствовала некоторую слабость, но уже охотилась и каждый день приходила к дому человека.

А он всегда угощал ее свежим мясом. И, несмотря на свою болезнь, которая была заметна даже человеку, Ака исполняла танец благодарности, хотя и не так долго, как обычно.

Лесник наблюдал за ней, и его еще молодое, поросшее густой и светлой бородой лицо светилось улыбкой — зверек приносил ему радость своей доверчивостью, веселостью, красотой. Человек, конечно, понимал, что норка убежала с фермы, что поблизости, там как раз таких крупных сейчас выращивают. Но раз уж сумела, то пусть и живет на воле, лес от этого хуже не станет, в природе всем хватит места. Он даже подумал, что неплохо бы под крыльцом сделать ей укрытие с сеном, может, придет в сильные морозы... Но потом решил, что не придет, потому что нора для нее теплее любой будки. А подкармливать ее — тоже помощь в зимнее холодное время.

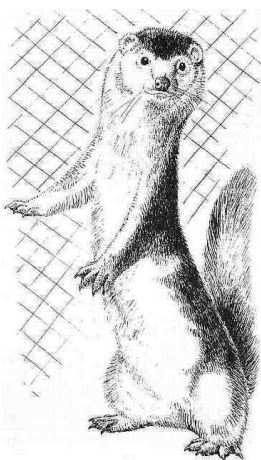
Ака уже приходила к его дому смело, ничего не опасаясь, как будто это был и ее дом. Так бы продолжалась и дальше их дружба, но однажды к нему приехал гость из города. Знакомый, который иногда появлялся здесь зимой или осенью.

Он убил Аку выстрелом почти в упор, метров с восьми, когда она встала столбиком на задние лапы в ожидании угощения.

Услышав выстрел и почуяв недоброе, лесник мгновенно выскочил на крыльцо, но было поздно. Ака лежала, мертво вытянувшись, на снегу.

Ни слова не говоря, он рванул ружье из рук приезжего так, что тот не удержался на ногах и сел в снег. Лесник шарахнул ружьем о ствол толстой сосны, и от приклада полетели щепки. Далеко в сугробы зашвырнул он это ружье.

Гость вскоре ушел, наскоро собрав свой рюкзак, так и не найдя второпях ружья, а лесник еще долго сидел на крыльце, не замечая ни холода, ни инея, который покрыл его усы и будто сединой выбелил возле губ бороду...

СОДЕРЖАНИЕ:

Виктор Потиевский. Одно дыхание у всех. Вступительная статья
Алексей Толстой. Волчий приемш

Всеволод Гаршин. Медведи
Николай Лесков. Зверь
Немирович-Данченко. Господин пустыни
Сергей Покровский. Охотники на мамонтов
Сергей Покровский. Длиннобородый и ширококоргий
Сергей Покровский. Улунь
Николай Ловцов. Полосатый Эргени. Повесть об уссурийском тигре
В.Алешин. Слон Юмбо
М.Алазанцев. Грозный отшельник
А.Даурский. Вихрь степей
Ф.Марз. Одинокий разведчик
Ф.Марз. Дикая кошка
Ф.Марз. Кот Фараон
Ф.Марз. Конец секача
Ф.Марз. Крыса и неизвестный
Ф.Марз. Кот Робинзон
Александр Романовский. Желтый глаз
Б.Скубенко-Яблоновский. Выстрел сострадания
А.Чеглок. Муфлоны
А.Чеглок. Черный лебедь
Виктор Потиевский. Ирбис
Виктор Потиевский. Западня
Виктор Потиевский. Вор
Виктор Потиевский. Мститель
Виктор Потиевский. Вепрь и боярышник
Виктор Потиевский. Странствия и судьба Чанга
Виктор Потиевский. Вольная жизнь Аки